

Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Кроноцкий государственный природный биосферный заповедник»

Заповедная Камчатка в газетной строке

Книга вторая
1968—1977

Петропавловск-Камчатский
2023

УДК 502.4
ББК 28.088л6
3-33

Заповедная Камчатка в газетной строке. Книга вторая.
3-33 **1968—1977** / ред.-сост.: Т. Зайковская, А. Петров. — Воронеж :
типография «АЛЕКС ПРИНТ», 2023. — 416 с.

ISBN 9785604969656

В книге представлены публикации о заповедных территориях полуострова со страниц камчатских газет.

Тексты публикаций воспроизводятся по современным правилам правописания, но преимущественно с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинников. Устранены орфографические ошибки, явные описки.

Адресована широкому кругу читателей.

УДК 502.4
ББК 28.088л6

Утверждено к печати научно-техническим советом
ФГБУ «Кроноцкий государственный заповедник»

Кроноцкий заповедник и составитель благодарят:

писателя Михаила Жилина; агентство записи актов гражданского состояния и архивного дела Камчатского края и лично руководителя Наталью Польшину; государственный архив Камчатского края и лично директора Татьяну Замотайкину, начальника отдела публикации и использования Анастасию Сесицкую; Камчатскую краевую научную библиотеку имени Степана Крашенинникова и лично директора Татьяну Дикову, заведующую отделом краеведения Ирину Немцову, заведующую сектором отдела краеведения Татьяну Беляеву, заведующую отделом по связям с общественностью и проектной деятельности Наталью Побережную; Елизовскую районную библиотеку и лично главного библиотекаря Владимира Зыкова; Камчатский краевой объединённый музей и лично директора Дениса Лабынько, главного хранителя Светлану Графскую, старшего научного сотрудника отдела научно-фондовой работы Сергея Гаврилова.

ISBN 9785604969656

© ФГБУ «Кроноцкий государственный заповедник», 2023
© Т. С. Зайковская, А. В. Петров (составление), 2023

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами новый сборник «Заповедная Камчатка в газетной строке». Он стал продолжением первой книги, которая была посвящена событиям, происходившим с 1917-го по 1967-й годы. В том пилотном издании описан период первых исследований, упразднений и окончательного восстановления Кроноцкого заповедника.

Во втором выпуске, благодаря старательной и скрупулёзной работе камчатских краеведов Татьяны Зайковской и Александра Петрова по сбору и обработке архивных материалов, вы познакомитесь с непростым периодом заповедной истории, отражённом в газетах и журналах с 1968-го по 1977-й годы. Многие статьи и очерки повествуют о неконтролируемом «традиционном» туризме, который привёл к плачевным последствиям для уникальной природы Кроноцкого заповедника. Выход в свет данной серии книг очень важен для нас, это наша история, о которой мы должны помнить, чтобы не допустить ошибок прошлого.

Времена массового пешего туризма, нанёсшего серьёзный ущерб природе, ушли в прошлое. Заповедник стремится превратить природный туризм в истинно экологический туризм, ответственный и регулируемый, основанный на бережном отношении к природе. Необходимо избегать или уменьшать негативные последствия и максимально увеличивать положительные.

Коллектив заповедника будет стремиться к мировому эталону баланса дикой природы, местных сообществ и устойчивого развития туризма в регионе.

Приглашаем вас познакомиться со страницами истории Кроноцкого заповедника.

*Всеволод Яковлев,
И. о. директора ФГБУ «Кроноцкий государственный заповедник»*

1968

ЖУПАНОВСКИЙ УМЕЛЕЦ

ОРИГИНАЛЬНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ КАМЧАТСКОГО ОХОТНИКА В. АСАУЛЯКА

Молодой охотник Леонид Голота, вернувшись из города в Жупаново, рассказывал:

— Летели из города, в районе реки Берёзовой ясно увидели след, словно одна гусеница прошла.

Пассажирам я ответил, что это Юдины поехали на своём вездеходе на охоту. Такой след ни с чем не спутаешь. Километров за сто выехали.

Так впервые я услышал о вездеходах, сконструированных здесь, в Жупанове, услышал имя Владимира Асауляка, имя человека, который имеет самое непосредственное отношение к этим вездеходам.

Через несколько дней мне посчастливилось совершить восхитительную поездку в рощу пихты грациозной. Об этой пихте известный наш ботаник академик В. Л. Комаров сказал: «Реликт и эндемик». Эта пихта когда-то, много-много миллионов лет назад, была обычным деревом. Но с изменением климата пихта исчезла. Сохранилась какими-то неведомыми путями вот эта одна-единственная роща. Больше нигде нет, растёт она только здесь, километрах в семи от Жупанова.

Жители посёлка пытались посадить маленькие пихточки у своих домов. Ничего не получалось. Пихта живёт только в том маленьком месте, где она родилась.

...Наконец после многодневных ветров наступил спокойный солнечный день. Легкий морозец, большой накат волн — вот этот день. Мы едем сквозь лес, пробираемся по лиману, по льду речек.

— Вон роща, — показывает мне Асауляк.

Среди зимнего голого березняка вдруг возник тёмный массив. Мы подъехали к самой роще, остановились на речном льду.

После сиротливого березняка пихта торжественна, красива. Рядом с ней берёза кажется какой-то серенькой Золушкой, озябшей на морозе. Пушистые ветви с сине-зелёным отливом настолько хороши, что их хочется погладить. Эта роща стоит среди голого бесприютного леса, как оазис, как воспоминание о лете.

Я прошёлся по роще, посидел в беседке, построенной для туристов, которые летом ходят в Долину гейзеров. А затем вернулся к вездеходу, на котором мы приехали вместе с В. Асауляком. Сам он пошёл в лес посмотреть зайчишек.

На льду стоял вездеход. Что он из себя представляет? Руль, мотор, бачок, сиденье — всё это от мотоцикла. Дальше сходства с мотоциклом никакого нет. Вместо переднего колеса стоят две широкие разлапистые лыжины. Вместо заднего — гусеница. Вот и всё. Я не буду описывать всё остальное, например, как осуществлён привод на гусеницу. Просто расскажу о том, как мы ехали.

Мне приходилось преодолевать снежные камчатские дороги на собачьих и оленьих нартах, на тракторе. Но лучше вездехода Асауляка нет ничего. На нём ехать приятно и быстро. Пока мы добрались из Жупанова до рощи, пришлось преодолеть глубокий снег, тундру, с которой был совершенно сдут снег, лиман, на котором кое-где выступали маленькие озёрца воды, зеркальную гладь речек. Словом, рельеф был самый разнообразный. И всюду вездеход шёл ровно и спокойно. Этот путь на нартах занял бы значительно больше времени, а в убродном снеге пришлось бы помогать собачкам.

В 1908–1911 году Камчатку посетил академик В. Л. Комаров. Он писал в своём отчёте об экспедиции:

«Заменить езду на собаках другими способами передвижения вряд ли можно. При глубоких снегах и малолюдности края лошади здесь никогда не будут в состоянии протоптать в снегу достаточно плотную дорогу даже между главными селениями. Собаки же благодаря своему малому весу не нуждаются в этом».

Действительно, долгое время собаки были единственным средством транспорта. Да и сейчас есть места, куда можно попасть только на вертолёт или на собаках. Но вертолёт дорог. Ездовых же собак на Камчатке становится всё меньше и меньше. Нартовый способ передвижения экономически невыгоден. Собаки летом сидят на привязи. Зимой в дорогу

надо брать немалый запас корма. В последние годы дефицитом стал самый транспортабельный вид корма — юкола.

Хорошего транспорта для охотников, связистов-линейщиков, лесников, оленеводов нет. А ведь им приходится немало шагать по тундре, тайге, сопкам.

Было немало попыток как-то решить эту проблему. Любители создавали различные конструкции, способные преодолеть снег и лёд. Но они почти всегда заканчивались неудачей. В кинофильме «Семеро смелых» показаны аэросани. Они красиво ездили по тундре. Но и романтические аэросани не прижились. Они оказались весьма непрактичными несмотря на более чем тридцатилетний опыт эксплуатации.

Недавно в Магадане состоялось Всероссийское совещание оленеводов. Там также был поставлен вопрос о северном транспорте. Вот что писал «Магаданский оленевод»:

«Любая транспортная машина, предназначенная для работы в условиях Крайнего Севера, должна иметь высокую проходимость и быть пригодной для эксплуатации в любую погоду, в условиях бездорожья и при безгаражном хранении».

В Магаданской области хорошо знают все виды зимнего транспорта. Уверен, что механик В. Асауляк создал такой вездеход. В декабре он выезжал на охоту за семьдесят километров от села. С собой он брал 250 килограммов груза плюс 60 килограммов бензина. Он остановился в охотничьей землянке и несколько раз выезжал дальше своего района, чтобы посмотреть, где же больше зверья. Не правда ли, заманчиво — проверять капканы на вездеходе. За неполный месяц добыто 9 соболей и две выдры, не считая зайцев.

В 1961 году он сделал первую конструкцию своего вездехода. Она была явно несовершенной. Затем ещё один вездеход. Нынешний — самый совершенный. Скорость до 18–20 километров в час.

Раньше в Жупанове посмеивались над Асауляком — где это видано, чтобы на охоту ехать на мотоцикле. А сейчас в посёлке есть ещё два вездехода, сделанных по тому же образцу. Ф. Пащенко и А. Юдин также уходят охотиться на вездеходе. Все поверили, что лучше вездехода нет. Не надо корма, а на охоте не надо беспокоиться о нарте. Да и скорость к тому же выше.

Весть о добром деле разносится быстро. Идут письма из районов Камчатки, с Сахалина и Магадана.

Вот что пишет сахалинец А. Касаткин:

«Живу от города за 60 километров. Снега так наметёт, что весь посёлок становится отрезанным от всего мира. На вашей конструкции в самый раз ходить. Очень бы хотнлось получить копию вашего чертежа».

В. Киршин из Коврана рассказывает о своём опыте переоборудования мотоцикла.

А. Выговский из Магадана сообщает:

«Оригинальная конструкция ваших саней меня очень заинтересовала, я тоже болею этой болезнью. Строю аэросани, но по нашим снегам нужны только мотосани».

Горожанин Р. Кондратьев делится:

«Я тоже охотник и тоже думаю о снегоходе с гусеницей, ибо аэросани с воздушным винтом для охотника не совсем годны, да и КПД винта низкий.

В этом году я решил закончить постройку своего снегохода с гусеницей, с мотором М-72. Думаю, что схема-чертёж вашей конструкции и ваш опыт облегчат мою задачу».

Народные умельцы решают задачу, с которой пока не может справиться промышленность. Но вся беда в том, что их опыт, их поиски и находки остаются втуне, не собираются, не систематизируются, не используются. Вот и получается — люди делают одно и то же и зачем-то изобретают велосипед. В. Асауляк обращался в Камчатское отделение ВОИР. Пообещали, но ничем не помогли. В самом деле, почему бы ВОИРу не заняться этим вездеходом: снять чертежи и разослать их в районы области. На Камчатке много владельцев мотоциклов, много людей, которые бы занялись конструированием вездеходов и снегоходов. Необходимо помочь Асауляку и в ряде других вещей. Ему крайне необходим более мощный мотор и моторная цепь от двигателя ИЖ-49.

Собачьи нарты как транспорт изживают себя. Поэтому крайне важно поддерживать любой труд, связанный с решением этой проблемы.

...Из пихтовой рощи мы возвращались другой дорогой — белой целиной. Машина легко, быстро преодолевала глубокий рыхлый снег, и сияющий Асауляк с гордостью спрашивал меня:

— Как идёт-то, а?

Л. Левин.

Камчатская правда. — 1968. — № 11. — 13 января.

ПУТЬ К ВЕРШИНАМ

Они шли к вершине Ключевского вулкана. Мужчин было несколько, а женщина одна. Она была светловолосая, невысокая, хрупкая.

Все несли большие рюкзаки и ледорубы. Где-то наверху срывались камни и, как пушечные ядра, проносились мимо. Большим препятствием были ледники. Скользкие, с вырывающимися из-под ног камнями и глубокими трещинами. Но впереди была цель — кратер великого вулкана, и они пренебрегали трудностями и опасностями. Это было седьмое восхождение на Ключевскую сопку и первое, в котором участвовала женщина. Шёл 1936 год...

По северо-восточному склону Ключевского вулкана медленно текла река огненной лавы. Её длина достигла 16 километров. Взрывы с грохотом выбрасывали раскалённые бомбы на высоту нескольких сотен метров. Молодой вулканолог Софья Набоко вела наблюдения за извержением. Она определяла объёмы извергаемых вулканом лавы и газов, их составы, исследовала выделяющиеся из горячих газовых струй минеральные отложения — возгоны. Результаты этих исследований были опубликованы в монографии «Извержение Билюкая — побочного кратера Ключевского вулкана в 1938 г.»...

Столб кипятка поднимается на несколько десятков метров, и все вокруг на некоторое время окутывается густым паром... Гейзеры Камчатки. Они были открыты и изучены Т. И. Устиновой, а Софья Ивановна Набоко провела их дальнейшее глубокое исследование.

Тот, кто был в Долине гейзеров, знает, насколько гейзеры разные. Они извергаются через разные промежутки времени, длительность их извержений тоже неодинакова. Одни выбрасывают много воды и пара, другие мало. Софья Ивановна определила ритмы деятельности гейзеров, механизм их извержений, условия их образования.

Великолепны похожие на кораллы гейзериты. Но каков их состав и где источник слагающего их минерального вещества? Софья Ивановна ответила на эти вопросы.

Шипят фумаролы — струи горячих газов, бурлят горячие источники, в которых вода кислее лимона, клокочут и пыхтят грязевые вулканчики. А между ними ходит Софья Ивановна с помощниками и помощницами. Они отбирают конденсаты вулканических паров, берут пробы

газов и горячей воды. Глаза у них воспалены, одежда разъедена кислотами...

Много экспедиций, много вулканов. Научные интересы Софьи Ивановны сосредоточиваются на изучении вулканических газов, продуктов их реакций, взаимодействии вулканических газов и горных пород. Вулканические газы приводят к возникновению месторождений серы и полей изменённых пород, с которыми бывают связаны руды. Как образуются сами руды, можно понять, только изучив вулканические газы и вулканические горячие источники.

Результаты научных исследований С. И. Набоко находят отражение в десятках научных статей и нескольких крупных монографиях. Она выступает с докладами на международных конгрессах, ассамблеях и симпозиумах в Канаде, Франции, Японии, Индии, Чехословакии.

Её работы получают большое признание как в нашей стране, так и за рубежом. Доктор Дональд Уайт, геохимик геологической службы США в Калифорнии, по поводу предложенной С. И. Набоко системы представления анализов вулканических газов пишет: «Выражаю мою благодарность проф. Набоко за её ясное и наилучшее решение этой трудной проблемы».

Плодотворно работая сама, С. И. Набоко воспитывает целую школу молодых учёных — своих учеников.

Советское правительство высоко оценивает заслуги С. И. Набоко и награждает её орденами Красной Звезды, «Знак Почёта» и медалями.

В этом году в Международный женский день был опубликован Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о присвоении звания заслуженного деятеля науки и техники доктору геолого-минералогических наук, заведующей лабораторией Института вулканологии Софье Ивановне Набоко.

*Е. Мархинин, доктор геолого-минералогических наук.
Камчатская правда. — 1968. — № 63. — 15 марта.*

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ЧАЖМЕ

В 272-м номере «Камчатской правды» за прошлый год была помещена статья о Чажме, её горячих источниках и доме отдыха, построенном здесь колхозом «Путь Ленина»^{*}. Описывая свои впечатления о

^{*} С. Парфёнов. Чажма: знаете такую? — Заповедная Камчатка в газетной строке. — Кн. I. — С. 326–328.

посещении этого дикого и красивого уголка Камчатки, интересного для всех любителей природы, автор указывал, что Чажминские гидротермы совершенно незаслуженно остаются до сих пор никому не известными и неизученными. Статью дополняет и комментирует гидрогеолог.

В бассейне реки Чажмы, на восточном побережье Камчатки — ряд горячих источников. Наиболее крупные из них известны в литературе под названием «Нижне-Чажминских». Около 140 километров (по прямой) отделяют их от Усть-Камчатска. Источники впервые упоминаются в литературе камчатским краеведом П. Т. Новограбленовым (1931 г.), а краткое их описание приводится Б.И. Пийпом в его известной работе «Термальные ключи Камчатки» (1937 г.). Однако наиболее подробные сведения по Чажминским источникам были получены геологами Л. К. Григорьевой, обследовавшей их в 1953 году, и А. К. Емелиным, повторно и более детально изучившим их восемь лет спустя.

Нижне-Чажминские горячие источники состоят из трёх групп: центральной, северо-восточной и юго-западной. Наиболее крупная центральная группа, что в 300 метрах юго-западнее устья Большой Чажмы, на южном берегу небольшого озера. На протяжении 50–60 метров здесь отмечено 17 грифонов. Вода из них просачивается или выбивается из песка в виде восходящих родников и стекает горячими ручейками в озеро. Во всех выходах наблюдается выделение пузырьков газа со слабым запахом сероводорода и неприятным привкусом. Температура воды в разных грифонах от 32 до 55–56 градусов, а суммарный дебит всех — до 10–11,5 тысячи кубометров в сутки. Две остальные группы терм характеризуются небольшими дебитами и более низкой температурой воды.

Северо-восточная группа — в 400 метрах к северо-востоку от первой, на правом берегу реки Большая Чажма. Выходы источников можно наблюдать только в отлив, на полосе протяжённостью около 150 метров. Вода просачивается из песка незначительными струйками. Температура песка в местах выходов воды, по данным А. К. Емелина, достигает 42 градусов.

Юго-западная группа — в 500 метрах к юго-западу от «Центральной», в приустьевой части реки Валентины, на правом её берегу, где отмечено три небольших выхода. Источники не горячи — 30–35 градусов. Вода прозрачная, без цвета и без запаха.

По данным гидрохимического опробования центральной группы Нижне-Чажминских термальных источников, выполненного в 1953 и

1961 г., вода их содержит в различных пропорциях сульфаты, хлор, натрий и калий, кальций, гидрокарбонаты и кремнекислоту. Кроме того, в ней отмечено присутствие йода, брома и фтора. Общая минерализация составляет 0,6–0,7 г/литр, концентрация водородных ионов 9,1–9,2 г/литр.

По существующей в СССР классификации вода Нижне-Чажминских термальных источников относится к слабоминерализованным, кремнистым, сильно щелочным, хлоридно-сульфатно-натриево-кальциевым водам. Благодаря высокой температуре (до 56°) и значительному содержанию такого биологически активного компонента, как кремнекислота (72 мг/л), вода источников вполне может быть отнесена к терапевтическим активным лечебным минеральным водам — замечательным богатствам Камчатки.

Известно, например, что из 125 выявленных в настоящее время термоминеральных источников свыше 30 с давних пор используются местным населением для лечебных целей, однако почти исключительно «диким» способом, что нередко приносит не пользу, а вред. Поэтому наряду с изучением тепловой мощности и энергетических возможностей термальных вод Камчатки, которое ведёт Камчатское геологическое управление, органам здравоохранения давно следовало бы приступить к систематическому изучению уникальных бальнеологических ресурсов области. Такого изучения, безусловно, заслуживают и Нижне-Чажминские термоминеральные источники.

В. Николаев, гидрогеолог.

Камчатская правда. — 1968. — № 80. — 4 апреля.

ЗАПОВЕДНИК ЧУДЕС

Восстановлен Кроноцкий государственный заповедник. Его управление находится сейчас в Жупаново. Создаётся молодой коллектив, делаются первые шаги по охране и изучению всех богатств Кроноцкого полуострова. Возглавляет коллектив директор Николай Борисович Зорин, человек, посвятивший свою жизнь изучению и помощи реликтам фауны и флоры.

В Кроноцком заповеднике — территория 900 тысяч гектаров — много работы учёным, здесь есть что изучать и охранять. Здесь природные горнолесные и тундровые комплексы, реликтовая роща пихты грациозной. Уникальны гейзеры, горячие ключи, другие проявления

вулканизма. Надо восстанавливать запасы ценных редких животных — соболя, снежного барана, дикого оленя, выдры и других видов.

Охране подлежат лежбища морских млекопитающих, зимовки водоплавающих и гнездовья редких птиц, например, белых лебедей.

Интересна история организации Кроноцкого заповедника. В первой половине прошлого века местное промысловое население Камчатки объявило по собственной инициативе кроноцкую землю своеобразным заповедником.

В 1879 [1882. — сост.] году по инициативе зоолога Дыбовского, много сделавшего для изучения животного мира Сибири и Камчатки, Кроноцкий полуостров был объявлен заповедником для восстановления оскудевших запасов соболя.

В 1912 году царское правительство заселило этот край переселенцами, среди которых было немало искателей наживы. В результате численность соболя резко упала.

И вот снова — Кроноцкий заповедник, но задачи, стоящие перед ним, более широкие.

Конечно, нужно время, чтобы коллектив заповедника начал по-настоящему изучать и охранять уникальные шедевры природы.

Но уже сейчас кое-что сделано. Расскажем о роще пихты грациозной. Через эту единственную в стране рощу хотели... пробить просеку. Когда Н. Б. Зорин начал увещевать топографов, ему ответили, мол, у нас генеральный план и мы не имеем права отступать от него. Пришлось Зорину лететь в Петропавловск, чтобы остановить ретивых топографов, сохранить рощу. Просеку отменили.

К сожалению, много забот доставляют туристы. В Семлячикских ключах много пустых бутылок, консервных банок. Кое-кто бросает камни в чаши гейзеров, обламывает гейзерит. Надо сохранять природу в её первозданной красоте, ибо восстановить её трудно, а иногда невозможно.

Некоторые геологи, вулканологи занимаются недозволенной охотой. У многих из них есть нарезное оружие. Вот они и бьют баранов, оленей, медведей. На территории заповедника запрещён любой вид охоты. Нельзя на территории заповедника носить огнестрельное оружие.

Каждый советский человек должен охранять природу, беречь её непреходящие ценности. Каждый должен помогать заповеднику в его работе, чтобы будущие поколения могли наслаждаться неповторимым Кроноцким полуостровом.

В начале нынешнего века академик В. Л. Комаров, посетивший этот район, писал, что со временем на Камчатке будет своего рода Йеллоустонский парк, что Камчатка будет деятельно посещаться туристами. Такое время наступает.

*Леонид Левин, пос. Жупаново.
Камчатский комсомолец. — 1968. — № 48. — 20 апреля.*

ЛЮДИ ПЕРВОЙ ТРОПЫ

Любая стройка начинается с первой тропы. Огонь костра. Палатка. Кружка крепкого чая.

Людей я встретил вечером. Человек грелся у костра, другой, споря с рекой, плыл к берегу на лодке. Он вылез на берег мокрый. Горячий чай оказался как раз кстати. Взрывник-проходчик Клим Васильевич Леонтьев и проходчик Виктор Вяткин вели работы по строительству подвесного моста. К костру подошли ещё несколько человек. В километре отсюда изыскатели будут вести разведку створа реки.

Начальник экспедиции Михаил Михайлович Монасевич. Этот человек, кажется, не знает усталости. Прилетел самолёт — он встречает его. Нет материалов, кончаются продукты — шлёт радиogramмы, добывается. Строгость и доброта уживаются в этом человеке. Видимо, поэтому его любят и уважают в экспедиции. За плечами Михаила Михайловича — годы работы в Карелии и Саянах, в Якутии и на Зее. Теперь он «камчадал».

Люди, о которых рассказывает этот очерк, живут и работают на реке Кронуцкой. До недавнего времени здесь редко ступала нога человека, а единственными тропами были медвежьи. Теперь здесь работает комплексная экспедиция Ленинградского института «Гидропроект». Она ведёт изыскательские работы для строительства первой на нашем полуострове гидроэлектростанции.

Лес, вулканы, небольшой посёлок на берегу шумной порожистой реки. Рядом с балками свежесрубленные дома с запахом смолы. Зимой здесь не увидишь палаток. Но летом рядом с посёлком вырастет и палаточный городок — около двухсот человек прибудет работать в экспедицию с наступлением летних дней.

Многие из участников экспедиции вели изыскательские работы для строительства широко известных гидроэлектростанций на Дальнем Востоке и Севере — Вилуйской, Саянской, Зейской. Закончены работы, и снова в путь. Такова судьба людей первой тропы.

Всех тех, кто идёт первой тропой в жизни — геологов и буровиков, проходчиков и топографов, геодезистов и дорожников, мы называем первопроходцами. Сами люди называют себя проще — изыскатели. Но от этого не уменьшаются ни трудности их походной жизни, ни величие их дел.

М. Жилин.

Камчатская правда. — 1968. — № 107. — 8 мая.

ВЕСНА В ЛЕСУ

Весна на Камчатке приходит не везде одновременно. В городе уже нет снега, лишь сопки стоят с белыми макушками. На юге полуострова талая вода залила распадки. А в лесах Кроноцкого заповедника ещё полно снегу. Без лыж не пройдёшь — проваливаешься по пояс.

Утром с лесничим Женей Раевским мы пошли на лыжах в лес. Интересно посмотреть, как живёт лес в эти весенние дни.

Ярким светом заливают солнце землю. Снег плавится, липнет к лыжам, с шорохом оседает в распадках, долинах речек. Кое-где уже выглянули из-под снега зелёные ветки кедрового стланика. У реки спугнули стаю маленьких птичек. Пуночки! Они первыми возвещают о наступлении весны на севере. Женя рассказывает: «Видел недавно, как пуночки на льду Кроноцкого озера гонялись за маленькими мошками, которые ожили с наступлением тёплых дней».

За зиму истощились запасы кормов в лесу. В последние дни зимы вороны, кедровки прилетали подкормиться в посёлок изыскателей. Голод заставил зайца дочиста обглодать берёзки возле увала Кривых деревьев. Рядом со старым сломанным деревом следы трагедии — кровавый соболь перехитрил осторожную кедровку.

Из кустов выпорхнула стая белых куропаток. Всё чаще их можно увидеть возле островов освободившейся от снега тундры. Немного пройдет времени, и они заменят свою белую «кухлянку» на серую.

В эти дни на рыжих «пяточках» тундры можно встретить северных оленей — самок с телятами и круторогих самцов. Отдельные медведи уже вышли из берлог после зимнего сна. Лебеди, зимовавшие на незамерзающих реках и озёрах, переместились ближе к местам гнездовья. Прилетают в разведку на маленькие островки Кроноцкого озера чайки, выводящие здесь потомство.

Весна несёт много радостей и зверям, и птицам.

Над долиной, поросшей старыми деревьями каменной берёзы, нас останавливают странные звуки.

Бу-бу-бу! Словно кто бьёт в бубен молотком. Это работа дятла! Эхо далеко по лесу разносит его звуки. Несколько шагов в сторону — и прямо из-под ног вылетает большущий каменный глухарь. На рассвете в глухих чащобах можно услышать его песню. Май — самое время для токования.

Последние дни снега. Возвращаясь домой, с хребта увала видим выдру, которая бежит к лунке, образовавшейся во льду озера.

Михаил Жилин.

Камчатская правда. — 1968. — № 110. — 12 мая.

ЭНЕРГЕТИКА — ОСНОВА ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Если мысленно сделать разрез нашего полуострова, то получим такой «слоёный энергетический пирог», равного которому не найдёшь во всём Союзе. Это так же верно, как и то, что нигде в стране, как сказал главный инженер Главсеверовостокэнерго М. А. Шувалов, местные ресурсы не лежат таким мёртвым капиталом.

Каковы же компоненты нашего «энергетического пирога»? На самом верху, так сказать, на поверхности — гидроресурсы, энергия рек и приливо-отливных течений.

Следующий энергетический слой — запасы торфа. Альбом, показанный на секции руководителем лаборатории сушки торфа ВНИИТП Е. Е. Петровским, ясно показал, что таких запасов торфа, какими обладает Камчатка, нет не только на Дальнем Востоке, но и в восточной и северо-западной частях Сибири. 3.000.000.000 тонн!

Не менее богата Камчатка углём. Он залегает на севере, на западе и на востоке полуострова. Мощность пластов самая разная: от 0,5 до 16 метров. Наиболее перспективным месторождением угля, как сказал старший геолог Камчатского геологоуправления Б. В. Лопатин, является Крутогорское. Разведанные запасы там составляют около 19 миллионов тонн. Причём добычу можно производить открытым способом.

Следующий слой нашего «энергетического пирога» — геотермальный. Мы уже «отщипнули» от него «кусочек» — Паужетская геотермальная опытная станция.

Своё название опытная станция вполне оправдывает: при строительстве и эксплуатации следующих геотермальных станций

удастся избежать многих ошибок. Но вот как промышленная Паужетка ещё оставляет желать много лучшего. Её мощность используется меньше чем наполовину. Отсюда большая себестоимость одного киловатт-часа — 6 копеек.

Самое первое и необходимейшее условие снижения себестоимости киловатт-часа до 0,3 копейки — увеличение мощности станции до 20–25 тысяч киловатт. Этой мощности можно достигнуть, пробуриив дополнительно скважины на уже разведанной и освоенной Паужетской термальной площадке и непременно решить проблему сбыта электроэнергии.

Есть и ещё один энергетический слой земли Камчатской — нефть и газ. Но он пока не открыт, и на секции энергетики регионального совещания, которая должна принять вполне конкретные рекомендации по использованию энергоресурсов полуострова, о нём речь не шла.

Таково в общих чертах энергетическое положение, вернее, энергетические возможности нашей области, служившие темой двухдневного заседания секции энергетической и топливной промышленности.

Возможности огромные. Но секция при даче рекомендаций, каким путём идти при решении вопроса энергоснабжения промышленности Камчатки, не могла не учесть и второй посылки этой задачи — срочности разрешения проблемы. Если сейчас мы не испытываем недостатка в электроэнергии, то через шесть-семь лет встанем перед её дефицитом, способным замедлить развитие экономики области. Поэтому секция должна была рекомендовать на ближайшее время такой крупный источник энергии, который можно было бы начать строить уже сейчас. Парадоксально, но ни один из местных видов энергетических ресурсов при всей их мощности этому требованию не отвечает. Либо по причине малодоступности, либо из-за трудоёмкости и дороговизны строительства, либо из-за малой изученности, неразведанности запасов. И как ни горько это будет услышать патриотически настроенным камчадалам, но первоочередным решением энергетической проблемы секция посчитала рекомендацию строительства энергоисточника на привозном топливе.

В чём же причина такой несостоятельности, неконкурентоспособности хотя бы такого вида энергии, как геотермальная? Ведь уже более 10 лет мы рассуждаем, пишем, говорим по радио о её перспективности, о её дешевизне. Геологи на все лады расхваливают мутновские, узонские и семлячикские источники, уверяют, что там можно строить электростанции мощностью в 200, а то и 300 мегаватт. Но прежде, чем

проектировать станцию, нужны данные детальной разведки источников. А такой разведки не было.

Строительство же вслепую ни к чему хорошему не приведёт. Пример тому — Больше-Баннные источники. Надежды на них были огромные, а на поверку оказалось, что они смогут «потянуть» станцию мощностью не более 25–30 мегаватт. Да и состав воды там оказался таким, что через месяц работы скважины зарастают и требуют очистки.

Большой разговор шёл на секции о теплофикации города за счёт паратунских источников. Была поставлена под сомнение сама целесообразность этого проекта. Его противники с цифрами в руках доказывали, что теплофикация северной части города за счёт строительства новой ТЭЦ экономичней и выгодней.

Защитники же проекта, тоже оперируя цифрами, доказывали его жизнённость.

Чи цифры более верны, должны, видимо, уточнить, собравшись, и те и другие. На секции же была принята осторожная формулировка, смысл которой сводится к тому, что в первую очередь теплофикация паратунской водой будет осуществляться в посёлках Елизовского района.

На секции была принята очень важная для развития геотермики рекомендация: с будущего года начать детальную разведку запасов узонно-семлячичских источников для проектирования на их базе мощной электростанции.

Геотермике на Камчатке предстоит большое будущее, сказал главный специалист геотермики «Теплоэлектропроекта» В. С. Лобачёв. Её бурное развитие сдерживается по трём причинам. Во-первых, и это самое главное, необходима разведка. Перспективная и детальная. Мы должны знать, что может дать то или иное месторождение. Во-вторых — отсутствие специального оборудования для геотермальных станций. Его нужно проектировать. И третье — не делается своевременно химический анализ термальных вод.

Подводя итоги, можно сказать, что основным направлением в перспективном развитии энергетики области на секции избрана геотермия. Не сбрасываются со счётов и гидроресурсы, хотя строить гидростанции на большинстве камчатских рек нельзя — будут подорваны рыбные запасы. Исключение составляют реки типа Кроноцкой, куда лосось не заходит. Рекомендовано к будущему году закончить проектирование Кроноцкой ГЭС и с 1970 года начать её строительство.

Уголь и торф в ближайшие годы в большой энергетике использоваться

не будут. Их разработкой займётся местная топливная промышленность.

Рекомендовано также заказать проекты лёгких передвижных автоматизированных электростанций для небольших сёл и посёлков области.

И ещё одна, небезынтересная для наших читателей рекомендация жилищному строительству. Во всех вновь строящихся домах с центральным отоплением на кухнях будут устанавливаться электрические плиты.

Камчатская правда. — 1968. — № 141. — 18 июня.

ПО МАШИНАМ

На президиуме областного Совета по туризму решён вопрос о создании на Камчатке новой автмототуристической секции. Предполагается организовать три экспедиции, чтобы разработать автомаршруты: на Налычевские горячие источники, в Долину гейзеров, в район Ключевской группы вулканов.

Не забыты маршруты выходного дня. Первый состоится 28–30 июня. Путь из Петропавловска в Мильково. В нём могут принять участие все, у кого есть мотоцикл или машина.

Камчатская правда. — 1968. — № 144. — 21 июня.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Из геологоразведочной партии, заброшенной в глухие хребты, вывезли тяжело больную женщину. Едва вездеход подошёл к перевалке, из балка вышел человек среднего роста в лёгком белом халате. Ещё издали я узнал его — Борис Харченко. Мы не виделись несколько лет, и я с радостью заторопился ему навстречу. Сейчас начнутся весёлые рассказы, на которые Борис обычно не скупится, приятные воспоминания, но он, коротким и резким тычком сунув мне твёрдую и крепкую ладонь, бросил на ходу:

— Извини, мне некогда... — и стремительно пошёл к вездеходу, склонился над больной женщиной. Я не обиделся на Бориса, так как знал: если речь идёт о здоровье человека, всё остальное для него просто не существует.

Борис Григорьевич Харченко появился в Богачёвке незаметно — как-то мельком прошёл по посёлку слух, что вместо старого покладистого,

но по сути бездействующего фельдшера приезжает новый. И слух подтвердился. Новый, действительно, приехал — строгий, подтянутый, вежливый и слишком уж молодой для врача. Один из геологов, имевший какие-то старые счёты с медициной, увидев приезжего, проворчал:

— Этот-то уж дорезет...

Новый врач, хоть и не думал кого-то «дорезать», но борьбу за здоровье геологов начал, как нам показалось, совсем не с той стороны — с внешнего вида посёлка.

Затерянный в тайге посёлок по весне выглядел слишком непривлекательно — грязь на улицах, кучи мусора у домов, тёмные пятна дизельного масла на ремонтной площадке. Здесь же работали люди, играли ребятишки. В тяжёлых повседневных заботах, когда зачастую не хватало рабочих рук, материалов, люди как-то забыли про чистоту посёлка, рабочего места.

Борис Григорьевич пошёл по квартирам, побывал в конторе. Он не кричал на людей, не указывал на промахи, требуя выполнения санитарных правил. Он убеждал и организовывал.

Предшественник Бориса Григорьевича в Богачёвке, отбывавший в тяжёлом посёлке очередной срок договора, нехитро лечил людей — ставил градусники, давал порошки и таблетки. Он был неплохим человеком, но плохим медицинским работником — жил одним днём. Постарев, он махнул рукой на священное правило медицины — предупреждать болезни. А Борис Григорьевич начинал именно с этого. Он настойчиво разъяснял людям первые признаки заболеваний, последствия, которые возможны при несвоевременном обращении за помощью, регулярно вёл в клубе санбюллетень, особенно много внимания уделял детям.

В Богачёвке Борису Григорьевичу не приходилось идти за несколько километров к больному в пургу или бурное весеннее половодье — крохотный посёлок разместился вдоль речушки на небольшом пятачке. Но очень часто он выезжал на тракторе на буровые за сорок-пятьдесят, а то и сто километров. Выезжал не по срочному вызову к больному, а чтобы ознакомиться с бытом буровиков, провести профилактические мероприятия.

Кропотливая, незаметная и не всегда приятная работа. Иногда приходилось, как детям, разъяснять буровикам прописные медицинские истины. А для тех, кто не понимал, методы были другие. Не раз помогала врачу экстренно выпущенная стенгазета с весёлыми и хлёсткими рисунками, короткими и острыми подписями в стихах.

...По образованию Борис Григорьевич Харченко — даже не врач.

В 1951 году он окончил Петропавловскую фельдшерскую школу. Но в Богачёвке, далёком таёжном посёлке, его заслуженно звали врачом. Да и как можно назвать человека, который всерьёз занимается хирургией, терапией, гинекологией, педиатрией! Женщины вежливо называют Харченко — Борисом Григорьевичем, мужчины, как близкого друга, попросту Борисом.

— Сходи к Борису, он поможет... — можно было часто услышать. Люди шли к нему. Он помогал. Они скупно благодарили его за помощь, и никто из них даже не догадывался, как тяжело работать медику в таёжном посёлке. Геологам, буровикам, трактористам было значительно проще. Если у одного что-то не ладилось, он шёл к товарищу по профессии, к начальнику, наконец. Они вместе добивались, искали. А он, медик, был в посёлке один. Ему совершенно не с кем посоветоваться, рассказать о своих профессиональных сомнениях. Разве что только с книгами. И Борис Григорьевич постоянно обращался к ним. Они были и его наставниками, и его судьями.

...Мы не виделись несколько лет. И вот случайная встреча на перевалке. Женщину положили в «скорую помощь», Борис Григорьевич о чём-то поговорил с шофёром, поднявшим капот машины, и направился ко мне. Он заметно постарел, виски покрыла морось седины, тонкие ветвистые морщинки легли у глаз. Только взгляд остался тот же — пристальный и внимательный. Я засыпал его вопросами:

— Как живёшь, работаешь?

Только и успел сообщить Борис Григорьевич: работает в Елизовской районной. Дежурит на «скорой», скучает по Богачёвке. Требовательный сигнал позвал его к машине, Борис Григорьевич крепко сжал мою руку и как бы в оправдание произнёс:

— Извини, работа...

А. Гранин, буровик.

Камчатская правда. — 1968. — № 145. — 22 июня.

ВУЛКАНОЛОГИ — ГИДРОСТРОИТЕЛЯМ

Группа научных сотрудников Института вулканологии Сибирского отделения Академии наук СССР закончила работу по районированию вулканов в среднем течении реки Кроноцкой. Это первый опыт вулканического районирования для производственных целей. Данные, полученные в результате исследования геологически

малоизученной местности, будут иметь важное значение для проектирования и строительства Кроноцкой гидроэлектростанции в условиях современного вулканизма в сейсмически активном районе Камчатского полуострова.

Сейчас на реке Кроноцкой комплексная экспедиция Ленинградского отделения Всесоюзного института «Гидропроект» ведёт изыскательские работы. В них принимают участие свыше трёхсот человек — геологи, геофизики, гидрологи, сейсмологи, топографы. Изыскатели в практике работы столкнулись на Камчатке с геологическими разрезами, напоминающими «слоёный пирог». Рыхлые породы различного происхождения и характера чередуются со скальными. Это создаёт трудности при бурении. Буровики, у которых большой опыт работы в различных условиях Сибири и Крайнего Севера, успешно освоили проходку скважин и в районе современного вулканизма.

В нынешнем году будут завершены основные изыскания для проекта гидроэлектростанции.

М. Журов.

Камчатская правда. — 1968. — № 163. — 13 июля.

В ТАИНСТВЕННОЙ РОЩЕ

Солнце только что выплеснулось из океана. Его лучи приласкали вершины сопок, и кроны деревьев тотчас радостно зашевелились под лёгким ветром.

Наш небольшой отряд расположился вчера на ночь у Жупановского лимана. Всю ночь свет костра выхватывал из темноты причудливой формы стволы каменных берёз и полукружье кустов жимолости. Удивительно тёплый воздух, шорох жучков, вылетающих из травы, волшебные пируэты летучих мышей — всё это создавало уют, от которого трудно было уйти в палатку и зашнуроваться в спальном мешке.

Вот и сегодня утром вместо активной разминки и водной процедуры мы, зачарованные, наблюдали пробуждение природы. Неутомимый Тихий океан с грохотом разбивал о прибрежные скалы громады волн. Он был подобен изощрённому в своём искусстве хамелеону. С трудом верилось в реальность мелькающих перед глазами красок: синие, зелёные, фиолетовые... Еле уловимо благоухали цветы. Рябина казалась женщиной, надменно и восторженно поднявшей руки-ветви с белыми цветами. Хотелось обнять, нежно приласкать эту зелень.

Я очнулся, когда липкий пот стал помогать рюкзаку растирать лямками плечи. Океан остался позади. Несколько километров отделяло нас от места ночлега. Впереди по маршруту движения возвышалась группа невысоких холмов, из-за которых доносился крик потревоженных гагар. Зыбкое хлюпанье воды под ногами, всё более ощутимая тяжесть рюкзака и настойчивое комариное преследование настойчиво напоминали: нужен отдых.

Однако когда мы наконец достигли вершины первого холмика и глянули вниз, то застыли от неожиданности, восторга и удивления. Вместо привычных для взгляда искривлённых берёзок перед нами открылись тёмно-зелёные контуры пихт. Через несколько минут озеро освежило наши разгорячённые лица чистой родниковой водой, а пихтовые ветви мягко зашелестели по одежде и рюкзакам, ставшими вдруг лёгкими. Случайное отклонение от маршрута на сутки ускорило нашу встречу со знаменитой рощей пихты грациозной.

Древняя легенда рассказывает о гибели кочевавшего в этих краях племени аборигенов, на останках которых выросла темнохвойная роща. Но имеется несколько научных гипотез о происхождении пихтовой рощи.

Получив в XX веке всемирную известность, уникальная роща стала объектом изучения. Большинство исследователей склонялось к тому, что произрастающая на восточном побережье Камчатки пихта — сохранившийся с доледниковых времён островок темнохвойной тайги. Но почему же пыльца пихты не найдена в слоях почвы, относящихся к тому далёкому времени? Почему она сохранилась только здесь? Как объяснить невысокий средний возраст её древостоя? Возможно, что ответы на эти вопросы прольют свет на тайну происхождения заповедной рощи...

Низко растущие ветви ограничивают видимость, и от этого взгляд более чётко воспринимает пепельного цвета стволы и обильный пихтовый самосев на замшелых валежинах. Изящные пушистые деревья пихты приковывают к себе внимание даже избалованного южными пейзажами туриста. Она подобна темнохвойной жемчужине среди океана лиственных лесов, покрывающих восточное побережье Камчатки. Она произрастает на территории Кроноцкого государственного заповедника и охраняется советским законом как уникальное творение природы.

Трудно поверить в то, что этой жемчужины может глубоко коснуться рука человека. Однако мы видели следы отломленных «на память»

веточек у туристской тропы и загубленные неосторожной ногой пихтовые всходы на опушке. Видеть это было очень больно.

Мы покинули заповедную рощу утром следующего дня, переночевав вблизи её на подготовленной лесниками площадке. Окидывая прощальным взглядом строгие контуры деревьев и летний влажный туман над Пихтовым озером, каждый из нас мысленно поклялся вернуться сюда. Быть может, не всем улыбнётся счастливый случай, но вспоминать эти день и ночь, проведённые в таинственной роще, будет каждый из нас.

А. Ибряев, инженер.

Камчатская правда. — 1968. — № 167. — 18 июля.

СЧАСТЛИВОЕ ЧУВСТВО ДОРОГИ

Камчатка становится Меккой туристов. Это отрадно. Но что ещё мешает туристу?.. Об этом речь.

Мы уже не первый год путешествуем по туристским маршрутам. Были на Урале, в Крыму, в Прибалтике и на Кавказе, плавали по Волге и Енисею. Незабываемые впечатления получили в прошлом году на озере Байкал. И всё же этого лета мы ожидали с особым волнением. Ещё бы: ведь впереди — тот самый «край земли»...

На Камчатку нас привело горячее желание побывать на океане, своими глазами увидеть уникальное, неповторимое явление природы — гейзеры. И мы не обманулись. Больше того — действительность оказалась выше и увлекательнее самых смелых надежд и фантазий.

Надо сказать, нам необычайно повезло. До самой Долины гейзеров нам сопутствовала тёплая солнечная погода, абсолютно безоблачное небо. Загорели, как на юге.

А купанье в ключах, в горячих источниках... Оно как рукой снимало усталость и давало силу, нужную, чтобы на следующий день пройти 32 километра через 8 речек. Изнурительный подъём на Горное плато и увлекательнейший спуск по снежнику в долину. А сама долина? Сказочные ущелья, бурные водопады и, наконец, гейзеры...

Как передать на словах красоту и своеобразие Первенца, Сахарного, Тройного, живую жизнь и свой особый «характер» Фонтана и Жемчужного?

Человека, впервые посетившего долину, захватывает грозное

дыхание неизведанных подземных сил, величественная красота окружающего. Вокруг причудливые узоры гейзеров и цветные глины всех оттенков спектра. Огромная палитра вдохновенного художника, имя которому — Природа.

Возникает какое-то особое ощущение, как будто присутствуешь при сотворении мира... И потому вдвойне досадно за красоту погубленную, зло берёт на тех, кто норовит отбить кусок гейзерита или поковыряться палкой в жерле «котла», откуда вырывается свистящий пар. Природа, конечно, залечит свои раны, но сколько времени понадобится ей на это?..

А путешествие в кальдери вулкана Узон! Тёплые разноцветные озера, на берегах которых повсюду следы медведей, приходящих сюда погреться, безчисленные фумаролы, «печки», «котлы» всех оттенков — палевого, пепельного, оранжевого, голубого, чёрного... Сможет ли передать всё это цветная плёнка?..

Встреча чуть ли не нос к носу с медведем, который потом издали долго и мирно разглядывал туристов, прежде чем неторопливо уйти в гору. Олени, зайцы, куропатки — почти не боящиеся человека. Сказочное богатство и красоту этих заповедных мест нужно всеми силами хранить.

Конечно, в организации 264-го маршрута много ещё неустроенного, хотя настоящего туриста это мало пугает. Но вот что было нашим общим желанием: путь надо начинать в Петропавловске, чтобы 1–2 дня были посвящены знакомству с городом, его историей, окрестностями. А если это пока трудно, то совету по туризму следует хотя бы взять на себя организацию отправки туристов до турбазы и обратно.

В пути и в самой долине слишком мало было бесед, из которых мы могли бы почерпнуть полезные сведения о Камчатке и т.д. Наконец ещё один, казалось бы, «мелкий» вопрос. В Петропавловске, кроме пары брошюр и набора открыток, невозможно достать никаких сувениров и значков. Людям, хоть раз побывавшим здесь, хочется увезти с собой память на всю жизнь. Право же, совсем не трудно помочь им в этом. Ведь с каждым годом всё больше туристов и экскурсантов устремляется сюда.

Даже в нашей сравнительно небольшой группе (29 человек) были люди со всех концов Союза: из Архангельска и Ташкента, Литвы и Украины, из Москвы, Иркутска, Хабаровска, из самого Петропавловска и камчатских посёлков Тигиль и Тилички.

С первых дней похода неизменным нашим спутником стала песня. Она помогала раскрыться лучшему в каждом. С ней было легче идти по

горным тропам И коротать вечера у костра, потому что, как поётся в одной из песен:

*Счастлив, кому знакомо
Щемящее чувство дороги...*

Вот и окончен наш поход. Увозим с собой огромный заряд бодрости и необыкновенное богатство впечатлений. И уезжаем с большой надеждой на новые встречи с нашими друзьями на туристских тропках.

*Владислав Зайцев, преподаватель МГУ,
Лидия Зайцева, старший преподаватель ВГИК.
Камчатский комсомолец. — 1968. — № 86. — 20 июля.*

НА ЗАПОВЕДНОЙ КРОНОЦКОЙ ЗЕМЛЕ

Район суши, примыкающий к Кроноцкому заливу, выбран для организации заповедника не случайно. Идея охраны природы возникла на Камчатке ещё в 18 столетии среди охотничье-промыслового населения. Эта идея имела главным образом экономическое обоснование.

Существование местного населения находилось в зависимости от промысловых животных — зверей, птиц, рыб. Развитие товарных отношений требовало добычи пушнины и прежде всего шкурок драгоценного камчатского соболя. К началу 18-го века запасы его значительно сократились. Царская администрация устанавливала непомерные сборы ясака с местного населения. Приказчики и другие представители власти грабительскими поборами пушнины доводили охотников до нищеты.

Камчадалы под предводительством ительмена Фёдора Харчина в 1731 году подняли восстание. Восстание было жестоко подавлено, а Фёдор Харчин, схваченный казаками, на допросе заявил: «Брали с нас по три ясака в год да по пяти мест с человека... соболями и лисицами».

В результате таких действий со стороны представителей царского правительства интенсивность пушного промысла достигла наивысшего предела. Запасы зверей были подорваны. В конце 18-го столетия местное промысловое население Камчатки пришло к выводу о необходимости восстановить запасы соболя, лисицы, выдры и других пушных зверей.

Уже в те времена было известно, что наиболее верный способ восстановления численности охотничьей фауны является запрет охоты — установление заповедных правил. По собственной инициативе все

охотники договорились и объявили Кроноцкую землю своеобразным заповедником. В нём запрещалась охота на пушных зверей, а тот, кто нарушал установленный запрет, карался смертью. Почти столетие существовал этот заповедник, организованный на «общественных началах».

Это спасло соболя от окончательного уничтожения. В конце 19-го столетия территорию Кронок изучал зоолог Дыбовский. По его предложению Кроноки были официально объявлены соболиным заповедником. Задачей заповедника являлось создание резервов для пополнения оскудевших запасов

соболя в смежных с заповедником охотничьих угодиях. Для охраны заповедной территории периодически выезжал отряд казаков. Даже такая мера оказалась достаточно действенной — запасы не только соболя, но и других зверей значительно выросли.

В 1912 году Камчатка заселялась переселенцами из европейской части России и Сибири. В этом же году переселенцы образовали посёлок Кроноки. Жители посёлка, среди которых оказалось немало людей — искателей быстрого обогащения, устремились на промысел соболя и в результате интенсивного истребления подорвали его запасы. В 20-х годах, когда Камчатка некоторое время находилась во власти иностранных интервентов, фауна Кронок подверглась значительному опустошению.

Местные камчатские органы Советской власти, проявляя заботу о сохранении и воспроизводстве ценных охотничьих зверей, поставили вопрос перед правительством об организации заповедника.

Кроноцкий государственный заповедник был учреждён 1 ноября 1934 года постановлением Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета. Позже на некоторое время он был упразднен, но в 1967 г. вновь восстановлен.

Кроноцкая земля, бесспорно, является жемчужиной Камчатки. Холодные волны Тихого океана белопенным прибором омывают песчаные отмели, крутизну тёмных скал. Неповторимы высокие берега с жёлтыми осыпями пемзы. Свыше 800 речек и ручьёв несут свои холодные и горячие воды в океан. Ещё не исследованы все горячие и минеральные источники, которые обладают целебной силой.

В центре заповедника высится правильный конус Кроноцкой сопки. Она поднялась на 3.530 метров над уровнем океана. В вершинах её баранкосов лежат вечные снега. Воздух здесь бывает настолько чист, что

в ясную погоду Кроноцкая сопка видна за 150 километров. Это — действующий вулкан, из боковых кратеров его постоянно выделяются газы.

Из 22 действующих вулканов на территории Камчатки — 9 находятся в заповеднике. Высокие хребты и отдельные горы заповедника покрыты вечными ледниками и снежниками. От вершин к океану спускаются заросли кедровых и ольховых стлаников и каменно-берёзовая тайга. Травяной покров характерен гигантскими размерами, не видно в траве едущего всадника — это заросли шеломайника и медвежьего корня.

В густых зарослях леса и кустарников обитают многочисленные бурые медведи, драгоценные соболи, горностаи, лисицы, выдры, росомахи, зайцы. На тундрах пасутся северные олени, а на высоких хребтах, среди обрывистых скал и ледников отдыхают и спасаются от волков снежные бараны.

Прибрежные каменные островки являются пристанищем для сивучей, нерп, ларг и лахтаков. На незамерзающих озёрах и речках зимуют лебеди-кликуны, утки, гуси и другие водоплавающие птицы.

Карнизы крутых утёсов, обрывающихся в шумный морской прибой, усеяны тысячами ипаток, кайр, бакланов, моёвок и чистиков. Крик птиц порой даже заглушает грохот волн, бьющих о скалы.

Но самое замечательное, что привлекает массы любознательных туристов, учёных, студентов и школьников — Долина гейзеров, уникальное явление природы.

31 гейзер украшает Долину. Гейзеры этой долины самые крупные на территории СССР. Долина гейзеров стала местом паломничества тысяч туристов и в будущем в развитии советского туризма должна занять одно из первых мест.

На сравнительно небольшой территории заповедника — 964 тысячи гектаров — представлены все типичные ландшафты Камчатского полуострова. В период, когда заповедник прекращал своё существование, находились люди, хищнически, безрассудно истреблявшие фаунистические ресурсы и леса Кроноцкого заповедника. Большой урон природе заповедника нанесён в период с 1961 по 1967 год. Богачёвская геологическая экспедиция, работавшая на территории заповедника, нанесла огромный ущерб лесам, зверям, птицам и другим природным ресурсам.

Значительно сократилась численность соболя и медведя. Были вырублены уникальные лиственничные леса. Выломаны гейзериты — минеральные отложения в грифонах гейзеров. Нарушено богатство кальдеры Узона. Кратер Узона замечателен тем, что в нём имеется несколько

тёплых озёр, где зимовало когда-то большое количество лебедей и других водоплавающих птиц. Однако это изобилие животных сохранилось до того, как здесь начали работу вулканологи. Часть птиц истреблена, часть распугана.

Большой ущерб заповеднику наносят отдельные туристы. Они самовольно рубят деревья, захламляют тропы, уничтожают редких птиц и зверей.

В декрете, подписанном в 1919-м году В. И. Лениным, промысловые звери и птицы объявлялись государственным охотничьим фондом — достоянием всего народа. Почему же мы позволяем браконьерам расхищать природные богатства — священную социалистическую собственность?

Заповедник — научно-исследовательское учреждение. Группа научных работников ведёт изучение животных и растительных ресурсов. Исследовательские работы подчинены одной главной проблеме — изучению природных ресурсов с целью воспроизводства и разработки методов их рационального использования.

Сохранение природных богатств заповедника имеет очень важное значение для науки и культуры. В этих целях в настоящее время установлен в заповеднике один пеший туристский маршрут протяжением около 200 километров. Жупаново — Семлячикские ключи — река Шумная — Долина гейзеров — кальдеры Узона — Семлячикские ключи — Жупаново. Таков путь туристов. Всякие другие маршруты по заповеднику запрещены, потому что они не представляют туристского интереса, а лишь служат помехой в деле охраны и изучения природных ресурсов.

Браконьеры — враги природы, расхитители государственных природных ресурсов. Работники заповедника ведут и будут вести самую непримиримую, настойчивую и последовательную борьбу с браконьерами.

Есть и среди охотников-любителей посёлка Жупаново нарушители заповедных порядков. Работник рыбокомбината Кевеш зимой 1968 года, пользуясь малочисленностью охраны, проник в заповедник в районе горячих ключей и несколько дней там охотился. Были случаи и других нарушений.

Некоторые жупановские охотники необоснованно ходатайствуют об отторжении для охоты от заповедника лимана и Семлячикской косы. А на лимане ежегодно зимует около 400 лебедей. Это самая большая зимовка лебедей-кликунов на восточном побережье Камчатки.

Неужели ради мелких интересов пяти-шести жупановских охотников-любителей следует пренебречь всенародной задачей охраны природы, подвергнуть опасности великолепное стадо реликтовых птиц — прекрасного украшения нашей родной природы?

Нет сомнения, что лет через шесть будут восстановлены запасы ценных зверей. Для того, чтобы восстановить лиственничные леса и гейзеры, потребуется более продолжительное время. В этом отношении не только работники заповедника, но и все, кому дорога природа, должны повести решительную борьбу с нарушителями заповедных законов.

*Н. Зорин, директор Кроноцкого государственного заповедника.
Камчатская правда. — 1968. — № 188. — 11 августа.*

ОЗЕРО ЗАГАДОК

Позади — Паужетская долина. Просторная, цветастая, как ковёр, залитая ярким солнечным светом. Впереди — узкая, извивающаяся горловина, ведущая к Курильскому озеру.

Ещё препятствие, ещё раз трактор перетасил нас через безмянную речонку — и мы въезжаем в камчатские джунгли. Право, никогда и ничего подобного не видывал. Приходилось бывать в Беловежской пуще, смоленских лесах, продираться в уссурийской тайге, но всё это ни в какое сравнение не идёт с таким причудливым переплетением высоких трав, кустов, деревьев.

Если смотреть сверху, то кажется, что склоны сопок покрыты зелёным каракулем. Но стоит забраться в него, как сразу же поймёшь, что совершил ошибку. Не зная броду, не суйся в воду, не зная камчатских джунглей, не иди без проводника. Всё приходит с личным опытом. И, к сожалению, хотя и поздно, но всё же делаешь такие невесёлые, но весьма поучительные выводы. Хотя бы для себя. Оттого ещё большим уважением проникаешься к людям, которые проложили вот эту опасную, рискованную дорогу, висящую над обрывами, пересекающую бурные стремительные потоки.

Смотрю, как мотаются наши машины на немислимых поворотах, как, надрываясь, ползут на очередной «пригорок», и невольно вспоминаю слышанную когда-то в детстве песню: «Через реки, горы и долины, сквозь пургу, огонь и чёрный дым мы вели машины, объезжая мины, по путям-дорогам фронтовым». И они, асы земных дорог, довели свои машины от Сталинграда до Берлина.

Сейчас не рвутся снаряды. Но разве здесь не фронт мирного созидания? И в дождь, и в пургу крепко держат «баранку» Володя Сердюк и Володя Шишкин из Озерновского СМУ, Володя Тепляков и Григорий Трофимович Бурыка с Паужетской ГеоТЭС и десятки других неутомимых тружеников камчатских дорог.

Когда-нибудь в этих местах проляжет хорошая грунтовая дорога до самого озера. Но те, кто без особых трудностей поведут машины, будут с благодарностью вспоминать своих предшественников, прокладывавших путь сквозь тайгу, в любое время доставлявших нужные людям грузы.

Нас тоже с нетерпением ждут там, на Курильском. Последний крутой подъём. Только успеваем кланяться встречным веткам и сучьям. Тут уж не до личного достоинства — Камчатка любого заставит разговаривать с ней на «вы».

А вот показались крыши построек и вскоре сами постройки.

Мы — в приветливом, радостном окружении курильчан. Их немного, всего несколько семей. Начинаем выгружать продукты, почту. По ходу — расспросы о последних новостях в Озерновском, в районе.

В свою очередь мы интересуемся, как идёт рыба на нерест. «В этом году неважно, — озабоченно заявили нам сотрудники наблюдательного пункта. — Весна была ранняя, погода благопрепятствует заходу рыбы на нерестилища. Даже трудно найти какие-либо объективные причины плохого подхода рыбы».

Наконец с разгрузкой покончено. Теперь — к нему, к самому большому озеру на Камчатке. Оно вот здесь, рядом, за кустами, каких-то триста метров.

Возле дома старшего техника-технолога Габова два толстеньких, коричневых, кудлатых щенка усердно мутузят друг друга. По-настоящему. Совсем как взрослые. Что же, в таком возрасте только и драться. Для закалки. Но вот один не выдерживает натиска брата и, взвизгнув, бежит к маминной будке. Другой, хитровато склонив головку и помахивая пушистым хвостиком, осторожно подходит к нам. Начинаю чесать за ухом, и хитрец блаженно опрокидывается на все четыре лопатки. Победённый, наверно, сгорая от зависти, срывается и как-то боком, во весь дух бросается к нам. Снова начинается щенячья возня. Мамаша нервно ходит возле конуры: волнуется, как бы её сорванцы не выкинули какую-нибудь новую штучку или кто невзначай не обидел бы их. А как иначе? Мать ведь!

Окаймлённое со всех сторон голубыми сопками и притихшими

рыже-белыми вулканами, лежит озеро. Оно щурится от предзакатного солнца, и неторопливые волны, мягко набегая, что-то шепчут и шепчут берегу.

А слева, словно страж-великан, избалованный мимолётным вниманием облаков, гордо поднял свою седую, грозную, пока молчаливую главу вулкан Ильинский. Дальше — сопка Жёлтая. За озером — притаился мыс Обманчивый, справа — гора Неприятная, за ней цепь гор — Дикий гребень. А посередине озера возвышается легендарная скала — Сердце Алаиды.

Отсюда берёт начало река Озерная. В озеро по реке устремляется на нерест лосось.

Наблюдение за рыбой, за развитием мальков, за питательной средой озера как раз и осуществляет Озерновский наблюдательный пункт.

Возглавляет всю научную работу кандидат биологических наук Тамара Васильевна Егорова. Она уже несколько лет живёт здесь. Изучает особенности развития мальков. Её верные помощники — младший сотрудник Камчатского отделения ТИНРО Михаил Михайлович Селифонов, супруги Галина Ивановна и Евгений Александрович Мусатовы, Иван Иванович Габов.

У старшего научного сотрудника того же отделения ТИНРО Ирины Александровны Носовой несколько отличительные задачи: она изучает питательную среду озера — планктон. О предмете её исследований мы расскажем ниже.

А пока гостям женщины приготавливают ужин и ночлег. Мы с Евгением Мусатовым идём к реке, где она перегорожена частым железным барьером. Метров сто пятьдесят. По дну, вдоль барьера густо насыпаны большие камни, чтобы плотнее держались железные штыри. Сверху, на вбитых козлах — лавы. Они протянулись от берега до берега. В некоторых местах вынимающиеся решётки, чтобы в определённое время впускать в озеро рыбу.

— И это всё сами делаете?

— Иногда приезжают геологи с Паужетки. Помогают. Каждый год — заново. Присядем?

— Пожалуй.

Садимся на колоды. По реке плывут подпалённые закатом облака. А в реке беспокойно ходит рыба. Сейчас её мало. Впускать только завтра будут. Тут главное — учёт. Сиди у отверстий и считай — одна, десять, сто, тысяча. Пятнадцать-двадцать тысяч в сутки, а бывает, и до двухсот доходит. Арифметика, казалось бы, простая, но утомительная, к тому же

здесь нужен своеобразный опыт подсчёта. А его Мусатову не занимать. Евгений с 60-го года здесь. Он приехал на Камчатку из-под Москвы вместе с женой Галей. Тут и Алёнушка родилась. Сейчас ей пять лет.

— Места замечательные,— говорит Мусатов.— Курорт бы построить. Но опять-таки дорога... Зимой как-то легче, на санях можно... А вот летом... — он теребит кудрявую шевелюру. — Ну ладно, надо сделать отлов малька.

Они с Иваном Ивановичем Габовым приготавливают вентери. Кольцо вентерю вставляют в отверстие сетчатой коробки, куда и попадают мальки. Летом на это уходит немного времени. А зимой через каждые 15–20 дней приходится идти на озеро, долбить проруби, брать пробу воды, вылавливать мальков. Эти операции проходят независимо от погоды. И только через три года, достигнув определённых размеров, мальки спускаются вниз по реке, к морю.

Нормальное развитие потомства в нормальных условиях протекает за два — два с половиной года. Это самое большое. А почему в Курильском озере так медленно они развиваются, пока загадка. И над ней ломают голову учёные.

Вот уже несколько лет подряд приезжает на озеро старший научный сотрудник Камчатского отделения ТИНРО гидробиолог Ирина Александровна Носова.

По окончании в 1952 году Московского университета её направили в Хабаровск. Теперь она работает в Петропавловске.

Когда я вошёл в её лабораторию, она записывала в дневник очередные наблюдения.

— Только я вам ничего интересного не скажу, — с порога предупредила она.

— ?!

— Да-да. Что входит в мои задачи? Изучение планктона. А это пока настолько неясно, что мне приходится начинать с азов. Это — необходимый этап в изучении корма всех водоёмов, чтобы знать развитие красной рыбы.

— Ирина Александровна, а какие конкретные задачи стоят перед вами по изучению кормовой базы Курильского озера?

— В озере есть рачок, один вид циклопа. Вот его биологией я и занимаюсь. Это единственная питательная среда для мальков лососёвых. От количества планктона, его развития и стабильности зависит интенсивность роста и размножения мальков. Вот я и вожусь с этим рачком.

Забралась в самые дебри, в интимную сторону жизни. Сижу, развожу, изучаю его поведение в озере. Дело в том, что само озеро настолько своеобразно, что сравнивать его с другими водоёмами нецелесообразно. По своему происхождению оно чем-то напоминает Байкал. Хотите посмотреть на рачка? Это интересней, чем я рассказываю.

Смотрю. В капельке воды барахтается маленькое мохнатое чудище, очертаниями форм похожее на креветку. Это и есть тот самый циклоп, которого так обожают мальки.

— Плодятся эти рачки очень медленно. По двадцать дней выводят яйца, как куры, — продолжает Ирина Александровна. — Совсем не так, как в других озёрах. В нашей вода холодная. Создаёшь им соответствующую температуру, но они всё равно не поддаются развитию в искусственных, казалось бы, благоприятных условиях. Сам циклоп полухищник. Но основного продукта питания — дафний мелозира — очень мало. Колебание их зависит от паводков, атмосферных осадков. Как видите, в природе абсолютная взаимосвязь. Развитие дафний в озере возможно круглый год, так как температура воды стабильна.

— А какова конечная цель вашей работы?

— Должна подготовить все материалы, сделать выводы. Необходимо знать колебание биологической массы, миграцию её и малька.

— Условия работы вас устраивают? — спрашиваю Ирину Александровну, глядя на скученные инструменты, приборы. Тут же, где лаборатория — жильё. Некоторые опыты приходится делать на улице. Для приборов нет никакой специальной площадки: их Ирина Александровна устанавливает на ночь в какой-то клетушке, прикрытой брезентом. Сама смастерила. А в Озерновском рыбокомбинате столько плотников! Но начальству всё как-то недосуг этим заняться. Приедут и уедут. Слово его и не касается. А ведь наблюдательный пункт называется Озерновским. По-видимому, заботиться надо не только о жизненных условиях, но и об условиях работы. А эта сторона дела как раз иногда и забывается.

Зато курильчане не забыли нас угостить вкусной ухой. Благодарь! Ешь и ещё хочется. Как по пословице.

А в окно вливаются густые синие сумерки. Выхожу на улицу. Дремлют сопки. Всё небо утыкано звёздами. Они одноглазо светят. Рачки-циклопы. Светящийся планктон в небесном океане. Тёмной полоской вьётся тропинка. Она ведёт к озеру, где гордое, верное Сердце Алаиды ждёт

своего суженого. Каждый день чайки приносят одну и ту же весть: он ещё не приплыл, но на горизонте виден огромный белый парус...

В. Кирпищиков.

Ударник. — 1968. — № 96. — 15 августа.

ПОЛЕЗНЫЕ ЗНАКОМСТВА

Ночь. Шумит Шумная. Глухо рокочут волны океанского прибоя. Но что это? Какие-то необычные звуки. Звенят котелки, вёдра. Удивлённые туристы выскакивают из палаток. И любопытство мгновенно переходит в испуг.

Два медведя решили отведать необычайно вкусной каши, ухи, киселя и всякой другой человеческой снеди. Впервые в своей жизни косолапые имеют дело с посудой. С непривычки разбросали её по всему лагерю. Вот и случился переполох.

Увидев людей, медведи мгновенно скрылись в тайге. Но как только стихли в палатках разговоры, вызванные необычайным вторжением незваных гостей, снова в лагере появились медведи. Звери давно поняли, что в заповеднике им не грозит опасность со стороны людей. Даже интересно завязать полезные знакомства.

Медведи настолько привыкли, что теперь без стеснения расхаживают среди палаток, выпрашивая у туристов лакомые кусочки. Они получили уже имена. Одного зовут Мишка, другую — Машка. Брат и сестра не всегда выпрашивают еду. Не зевай, беспечный турист! Стоило только потерять бдительность туристам из Арсеньевска, как Мишка мгновенно съел у них три килограмма масла. Оказывается, туристы сторожили манную крупу, а масло прозевали.

Медведи охотно позируют перед объективами фотоаппаратов и кинокамер. Не требуется телеобъектив, съёмку можно произвести с трёх-пяти метров.

За месяц, в течение которого забавные звери пребывают в лагере туристов на реке Шумной, у них столько было приключений, что вполне можно написать книгу.

Особенно хорошо косолапые знают лесотехника Кроноцкого заповедника Саню Кучумова. Они берут у него из рук хлеб, сахар, шоколад. Любят очень тушёнку. Дружба крепнет с каждым днём.

В. Зорин.

Камчатская правда. — 1968. — № 197. — 22 августа.

Сегодня мы публикуем два материала, посвящённых Долине гейзеров. Вы слышите, председатель областного совета по туризму тов. Пережегин Г. В.? Когда речь идёт о заповедном уголке природы, нет места противоречиям. Мнение должно быть одно: Долина гейзеров — чудо природы.

ЧУДО ЗЕМЛИ

Мечта о дальних дорогах и сказочных местах привела меня недавно, после окончания Дальневосточного университета, на Камчатку. Ступив на землю камчатскую, я одновременно, сама того не сознавая, ступила на тропу туризма. Теперь я знаю — живя на Камчатке, нельзя не быть туристом. Пусть есть где-то места красивее, но своеобразнее Камчатки трудно найти. Вот почему направляющиеся сюда летом самолёты и теплоходы натужно гудят от переполняющей их живой тяжести романтиков.

Нас было 67 человек, а может, и больше — в молочно-белом тумане немудрено сбиться со счёта. Покорители Авачинского вулкана гордо стояли на кромке кратера, пронизываемые злым холодным ветром. Спирало в груди, но, поверьте, не от недостатка кислорода, а от восторга. Вулкан дышал сернистым газом, пугал горячей бездной. Мы победили, обрели и утвердили самих себя.

Спуск был радостным и комичным — кто на чём и кто как, только снег взвихрился. Вырывались поодиночке маленькие фигурки из плотных объятий тумана, завладевшего конусом Авачи, навстречу солнцу, и вдруг останавливались, зачарованные красками пейзажа, расстилающегося там, далеко внизу, под ногами.

Так состоялось знакомство с «огнедышащей горой». Теперь — Долина гейзеров. Начало путешествия в сказку положил Ан-2. Летчик взял курс на Жупаново.

Наш самолёт приземлился прямо в толпу романтиков. Здесь собрались, кажется, представители всех городов страны. Даже наша небольшая группа представляла собой сборную Камчатки, Литвы, Алма-Аты, Улан-Удэ, Мурманска, Кургана. Прежде всего надо было обзавестись инструктором. Тут нас ожидало небольшое, но всё же нервное напряжение — сезон кончался и все инструкторы поразъехались. Выяснилось, что один ещё есть, он в походе, скоро вернётся, но пойдёт ли вновь?.. Одним словом, нас успокоили, сказав: «Ваша судьба, друзья-туристы,

в ваших руках». И вот он вернулся, уже который раз за лето, в свою инструкторскую «хижину». Смертельно уставший, хоть и крепкий здоровьем, в видавшей виды штормовке, дико заросший, но бодрый духом. Он был уверен, что привёл последнюю группу. Мы сознавали, что идти в поход без инструктора — довольно туманная перспектива, и потому, не сговариваясь, стали охотниками, он же — добычей. В качестве приманки служили алма-атинские яблоки. В конце концов Юра Усольцев оказался «своим парнем» и наша взяла.

Рассвело. Провожаемые напутствиями своих новых друзей, 12 отшельников с восторгом нацепили на свои плечи лямки рюкзаков, чуть-чуть пошатнулись под их тяжестью и по команде тронулись с места. Как выяснилось, пригибающие к земле рюкзаки — вовсе не самая приятная вещь на свете. С каждым шагом новая порция пота застилала глаза. Продвигаясь вдоль Тихого океана, лишь подсознательно отмечали мы прелестный, мирный шёпот его волн. Очень хотелось взять ноги в руки и беззаботно переставлять их по траве. Удивительно быстро пролетающие минуты отдыха на привалах мы пытались продлить длинными беседами по жгучим вопросам современности. Но неожиданная чудесная награда: Семлячицкие ключи.

На второй день пути взяли приступом заснеженный перевал. Мы были у Бурлящего озера, находящегося там, наверху, среди барханов из ярко-жёлтой самородной серы. Из-под ног вырывались горячие газовые струи; ужасный, потрясающий грохот, плотный пар с одурманивающим запахом сероводорода... В центре этого ада — кипящее, булькающее, парящее озеро.

По пути к Долине попали на дно огромной чаши с высокими «стенками» и стали лавировать между чавкающими, будто живыми озёрами. В одних, кажется, варилась грязь, в других — кипел чай. Это была кальдера вулкана Узон.

Наконец встреча с Долиной. Внизу парит, шумит, грохочет, извергает фонтанами...

О Долине, о её гейзерах и водопадах, кипящих озёрах можно говорить много и долго с неиссякаемым воодушевлением и восхищением. Довольно. Мы просто очень горды тем, что увидели Чудо земли.

Р. Гайнатулина.

Пара над Долиной гейзеров больше чем достаточно. А вы знаете цену фунта пара? Нет? То-то и оно...

Есть на подходе к Долине, в восьми километрах, приют. Там две штатные единицы. В их распоряжении — медикаменты, продукты, электро- и радиостанция. Но туристы, когда остаётся с десяток километров до чуда, сотворённого природой, предпочитают здесь не останавливаться.

Идут прямо в Долину. Она — тот магнит, ради которого путешественники терпят комаров, дожди и тяготы не очень-то обжитых дорог. Пришли.

Уставшие. Голодные. Жадно смотрят они на примусы (костры в Долине запрещены: заповедные здесь места). Но на горячую пищу наложено «табу». Из нескольких десятков примусов работает всего несколько. Попробуйте на 3–4 группы по 10–30 человек приготовить обед! То-то... Теперь о «ЧП».

Они здесь нередки. За время нашего пребывания обварились двое. У одной девушки — ожог первой степени. Четверо суток пролежала она беспомощная — не нашлось ни бинта, ни йода, не говоря уж о санинструкторе.

Помощь, случись несчастье, оказывается здесь так: отправляется кто-нибудь к приюту, что на плато, в восьми километрах. Где и свет, и рация. А уж оттуда связываются с городом. А из города, если есть погода, по санзаданию идёт вертолёт. В Долину. Где ни света, ни рации, ни медикаментов, ни санинструктора.

И это в разгар сезона, когда желающих посетить Долину гейзеров сотни и тысячи: из Ленинграда и Норильска, Харькова и Свердловска!..

Ещё пример.

Группа опытных туристов из Горьковского авиаинститута, путешествующая по Камчатке, из Милькова прибыла в Долину.

— Можно достать продукты?

— Талоны есть? — спрашивает инструктор.

— Мы не по путёвкам. Деньги — есть.

— «Дикарей» не принимаем.

Выход из положения был найден. За бутылку спирта «хозяева» приюта выдали продукты.

Много ещё можно бы рассказать о мытарствах туристов в Долине гейзеров. И «диких», и «недиких». О том, что начальник базы в Жупаново т. Фурсов ни разу сам не бывал в Долине и не ведаёт, почём там фунт гейзерного пара. О том, что в самой Долине уроки по туризму преподаёт учительница... пеня. О том, что не хватает палаток. О том, наконец, что многих из тех, кто приобретает путёвки в Долину гейзеров, ждёт не отдых, а муки.

Берёт учительница пеня справочник и, словно из окна автобуса в автопутешествии, предлагает посмотреть сначала направо, потом налево. Что там справа и слева, она толком не знает (а может, знает, но не говорит?..).

Известно ли всё это руководителям областного совета по туризму?..

Если нет, пусть постараются они сами ещё раз посетить Долину. Как дважды два им станет ясно, что гейзеры бурлят не только оттого, что так велела природа. А ещё и потому, что гейзеры возмущаются. Возмущаются!..

Лев Гаркавый, корреспондент АПН.

Камчатский комсомолец. — 1968. — № 103. — 29 августа.

ТУРИСТСКИМИ ТРОПАМИ КАМЧАТКИ

В ИЮЛЕ этого года мне посчастливилось пройти по туристскому маршруту в Долину гейзеров. Можно много писать о тех впечатлениях, которые остались в памяти после этого турпохода, но думаю, что этого белеть не стоит, так как выразить свои восторгания на бумаге я не мастер. Посылаю вам несколько зарисовок.

Буду очень рад, если эти рисунки пригодятся вашей газете.

Задно точи выразить благодарность товарищам из областного комитета по туризму, которые оказали нам радушный прием на Камчатской земле.

ФРОЛОВ.
Преподаватель Военно-инженерной академии им. Куйбышева.

...В Долине гейзеров,
На пути в Долину (справа).

Камчатская правда. — 1968. — № 210. — 6 сентября.

ДОЛИНА ЧУДЕС

Решено. Идём в Долину чудес — к гейзерам. Живём на Камчатке, Долина совсем рядом — единственная в стране. Туристом стать не поздно и в двадцать лет, и в пятьдесят. С путёвками просто. Подготовка недолгая: рюкзак, фотоаппарат (или кинокамера), спортивный костюм, кеды, смена белья. (Ведь иногда идут дожди и на Камчатке!) Ну, и кое-что ещё — кружку, ложку, чашку. Впрочем, обо всём этом есть советы в путёвке.

До Жупаново — теплоходом. О билете беспокоиться нечего, в пути девять часов, можно обойтись и палубным, если первый класс не устраивает, да и палуба крытая, не под звёздами.

Как и всех, нас провожают «Три Брата». Последний поворот, и мы в океане. Он действительно Тихий. Те, кто с рюкзаками, завязывают разговор, знакомятся. Многие из Москвы, Мурманска, Воркуты, Свердловска, Владивостока.

В Жупаново приходим рано утром, но долго стоим на рейде, ждём прилива. Наконец долгожданная баржа у борта, и мы на преющем рыбной бой берегу.

Отправляемся на туристскую базу. Она почти рядом с посёлком.

Начинается дождь, но это не портит радостного настроения. Впереди, с ночёвками в палатках, песнями у костра, отличная уха и даже, как говорят бывалые туристы, встреча с медведями.

На базе нас ждёт первое разочарование. Пароход в Петропавловск идёт на два дня раньше, чем кончаются наши путёвки, но никто, конечно, не хочет уезжать раньше положенного срока, хочется всё посмотреть, ничего не упустить. Нужно искать какой-то выход. Можно заказать самолёт, если будет хорошая погода. А если нет? Придётся ждать следующего теплохода, на 11 дней позже. Это как-то омрачает наше весёлое настроение, но конец пути ещё далёк, и мы стараемся не думать об отъезде.

Дождь становится сильнее. Вообще-то он сопутствовал нам довольно часто. Но назвался туристом — не хнычь! В тот же день отправляемся в знаменитую рощу пихты грациозной. Пихта как пихта, вроде даже просто ёлочка, ничего особенного. Но учёные говорят, что это уникальное дерево, другого такого не сыщешь нигде на свете, не приживается больше нигде, и всё. Жупановские школьники пробовали посадить молодые деревца в посёлке, но безрезультатно.

В тот день мы промокли до нитки. Следующие полдня провели в палатках — дождь лил как из ведра. Затем нас разделили на группы. Каждому хотелось пройти по всему, или, как здесь говорят, по круговому маршруту. По круговому — значит, сначала по горам к кратеру Узона, в Долину гейзеров и обратно по берегу океана. Но оказалось, что на круговом маршруте нет палаток в местах стоянок. Поэтому нам заявили, что никто по нему не пойдёт. Но туристы народ настойчивый, и самые подготовленные из нас идут по круговому маршруту, несут на себе палатки, спальники и всё остальное.

Определилась и наша группа, нас тридцать пять человек. Возраст от десяти до пятидесяти трёх лет, почти все новички в туризме, но народ весёлый.

В путь! Первый переход до Ключей показался самым тяжёлым, всего 14 километров, но идём в темноте, то подъём, то спуск, спотыкаемся. По пути собираем дрова для костра и зарекаемся никогда больше не ходить в турпоходы. Наконец пришли. Ночь, лагерь спит. Разожгли костёр, поужинали и устроились на ночлег; 35 человек в двадцати спальнях мешках. Попадись нам тогда начальник турбазы!

Утром купаемся в горячих ключах, под водопадом, а затем отправляемся дальше. Погода на славу. Идём по берегу океана, затем по лесу. Любуемся красивыми бухтами, загораем, натираем первые мозоли.

Комары лютуют. Восемь речек перешли вброд — вода ледяная, но не каждый удержится на шатком брёвнышке через речку. К вечеру, усталые и довольные, пришли на Шумную, где нас встретила медвежья семья — медвежата Машка и Мишка и медведица-мать. Медвежата совсем не боятся людей, почти ручные, любят сахар, конфеты, остатки ужина тоже им. Разожгли костёр, сварили отличную уху. Отдыхаем, поём песни, будто и не было утомительного пути в три десятка километров. Утром переправляемся через Шумную. Система — паром, но тяга ручная, никаких механизмов, лодка часто застревает среди реки, кое-кому приходится лезть в воду, толкать лодку.

Идем на горное плато, вверх и вверх. Проходим несколько растительных поясов: пышная зелень, цветы, ягоды, лес со смешным, но метким названием «пьяный». Деревья «развалились» в разные стороны, кривая каменная берёза. Под лучами солнца лес этот просто удивителен. А выше тундра со скудной травой; шикша здесь ещё только цветёт, а на Шумной мы уже объедались ею. Туристский лагерь на плато хорошо оборудован, свет в палатках, радио. Здесь нас поили вкусным виноградным соком, компотами. Дали каждому спальник (новые, красивые поролоновые спальники оказались ужасно холодными). Днём сюда прилетел вертолёт с продуктами.

Идём к цели похода — Долине гейзеров. Дорога — не скатерть. Рюкзаки набиты, идём в гору. Кругом богатая растительность, даже рододендроны. Здесь мы встретили московских кинооператоров, которые снимали фильм о Камчатке.

И вот впереди большое ущелье, крутые склоны, зелень, глина, снег — богатство красок, видно, как временами поднимаются облака пара. Спускаемся вниз по крутому снежному склону. Начинается дождь, невероятно скользко, едем кто на чём. Приходим в лагерь грязные, мокрые, но радостные, шумно приветствуем Долину.

Гейзеры! В разных местах от горячей воды поднимаются облака пара. Стоим у грифона гейзера «Большой». Период его извержения около трёх часов. Вот уровень воды в грифоне поднимается выше и выше, в сторону от него бегут горячие ручьи, и вдруг огромный горячий фонтан взметнулся ввысь. Он бьёт примерно три минуты. Спешим сделать фотоснимки, затем всё вокруг гейзера заволакивается густым паром.

Много гейзеров в Долине. Самые значительные из них «Великан», «Большой», «Тройной», «Первенец». Здесь также множество пульсирующих гейзеров, из которых постоянно бьёт горячая вода. Странное

неожиданное зрелище — кипящие грязевые котлы, всё клокочет, пытит. Идём по тропинке строго за инструктором, оступисья — можно обварить ногу кипящей глиной.

Вечером в Долине жутко. Земля кажется неустойчивой, зыбкой, ненадёжной, кругом всё бурлит, дышит. Всё здесь прекрасно, сами гейзеры, великолепные водопады тёплой воды (под одним из них мы купались) и богатая растительность на склонах гор. И всё же мы не завидовали нашим дежурным. Вода далеко, течёт тоненькой струйкой, костра не разведёшь — дров нет. Вот и трудились они с утра раннего над керогазами, которых было штук двадцать, но работало только четыре-пять.

На следующий день самые выносливые идут на Узон. Несём с собою палатки, спальники. Узон — огромная кальдера, 18 километров в диаметре, потухшего вулкана. В ней сверкают голубизной тёплые озёра, кипят грязевые котлы. Загораем, купаемся в озёрах и... безуспешно боремся с тучами комаров.

И снова в путь, теперь уже обратный. Идём в Жупаново, маршрут знакомый. Узнаём места, чувствуем себя увереннее — мы стали настоящими туристами. Конечно, жаль уходить из таких красивых мест на два дня раньше, чем кончается срок путёвки.

Мы поём в пути, но уже чуть-чуть грустно — поход наш заканчивается. Наконец прощальный костер в Жупаново. Он пылает ярче обычного — огромный, жаркий. Жаль расставаться, подружился в походе. Обмениваемся адресами, обещаем прислать друг другу удачные фотографии, с гордостью поглядываем на приколотые к груди значки «Турист СССР».

Прощаемся с нашим инструктором, кудесницей Линой. Все мы, мужчины и женщины, были влюблены в неё за её ловкость, умение, спокойствие бывалого туриста, за скромность и сердечность. А вот фамилию мы её не догадались узнать. Так и запомнилась она нам — стройная, загорелая, в спортивном костюме и в модной шапочке с козырьком, наша Лина.

И ещё мы знаем, что никогда не забудем чудесных дней нашего путешествия.

Р. Панкова.

Камчатская правда. — 1968. — № 219. — 17 сентября.

1969

ГДЕ ЗИМУЮТ ЛЕБЕДИ

— Вот послушай, какая сказка про лебедей живёт в наших краях... Дед «Золотая Москва» отхлебнул глоток чая.

Перед зимой стали лебеди собираться в дорогу на юг. Все, кроме одной пары. «Куда в такую даль? Перезимуем и здесь, оставайтесь! — уговаривали две птицы остальных. — Рядом тёплые озёра, речки».

Не послушалась, улетела лебединая стая. Завихрились метели, ударили морозы. А лебеди — на тёплые ключи. Покормятся, поплавают и — в лес. Сидят, чистят перышки, прихорашиваются. И так всю зиму. Наступила весна. Ждут лебеди возвращения из дальних краёв стаи. Ждали-ждали стаю, а вернулось всего две пары. Грязные, усталые. Остальных долгая дорога сгубила. У одних сил не хватило, других — хищники задрали. Глядя на своих друзей — белых красавцев, пожалели лебеди, что не остались зимовать. Говорят, с тех пор лебеди не улетают с Камчатки...

На Камчатке много тёплых незамерзающих речек, озёр, на которых зимуют лебеди. Речка Никулка, кальдера Узона, Семячикский лиман...

Семячикский лиман глубоко врезается в побережье Кроноцкого залива. В средней части лиман наполняется водами речек и ручьёв, сбегających с горных хребтов, ширится и плавно катит свои воды. В горловине сужается, пенисто шумит и клокочет, соединяясь с океаном. Даже мороз-трескун не в силах заковать его воды в ледяные латы. Тёплые ручьи, бегущие из-под снежных шапок вулканов, поддерживают его незамерзающее дыхание.

Во время приливов покряхтывает, ломается прибрежный лёд. Раздвигаются под напором воды берега. При отливах глухо ухаёт пустота под снежными береговыми карнизами, обнажаются на мелководье острова водорослей. И тогда лиман сплошь усеян птицей. Утки-морянки,

чайки, бакланы лениво колышутся на волнах, сидят, запустив голову в воду — кормятся.

Если услышите под этим названием речку и горячие ключи — не удивляйтесь: это все «владения» трёх братьев — вулканов Семячиков — Малого, Центрального и Большого, который за свою зубчатую корону имеет и ещё одно название — Зубчатка.

Горбатые вулканы, океан, кривые, исхлётанные ветром берёзы да несколько сиротливо разбросанных по берегу домиков — вот и всё, что имеется в окрестностях лимана.

Живёт на берегу лимана сотрудник станции «Цунами» с женой, да ещё несколько метеорологов, да дед-пенсионер по прозвищу «Золотая Москва». Я как услышал про этого деда, меня так и потянуло к нему. По дороге прикидываю, с чего начать разговор, чтобы не обидеть старика и всё же выведать, почему его так называют. Но он вдруг сам раскрылся при знакомстве.

— Николай Иванович Иванов, — представился он. — Что, удивлён: даже на краю земли встретишь Ивановых?.. — Дед смеётся, поглаживает рыжую окладистую бороду. — А у меня про запас ещё одно имя есть: «Золотая Москва»!

— Из Москвы родом?

— Да не-ет, в Москве бывать ни разу не довелось, — вздыхает дед. — Слабость имею — петь люблю. И особенно песню «Дорогая моя столица, золотая моя Москва». Вот и прозвали, — доверительно говорит Николай Иванович.

Чем приворожила деда эта песня — никто не знает. Может, своей музыкой, а может, желание увидеть столицу будоражит душу.

— Сколько же вам лет? — спрашиваю деда.

— Скоро семьдесят.

— И всё здесь живёте?

— Больше сорока лет. В двадцатых годах с женой завербовались. Многие из завербованных уехали. А мы со старухой остались. Места прилились по душе — красивые, богатые.

Дед много поработал на своём веку. Охотился, рыбачил. В жизни его не было каких-то особых событий. Но он не огорчался. «Жизнь прожил хорошо. Детей вырастил. Правда, не захотели с отцом жить, в город потянуло. Ну, да об этом особый разговор...»

На стене рядом с охотничьими доспехами и рыболовными снастями висит зелёная фуражка — гордость деда. Фуражку подарили лесники.

«Места здешние знаю хорошо. Случится беда или помощь нужна, ко мне идут. Я не отказываю...»

— Не скучно жить вдаль от людей?

— А я один почти не бываю. Учёные из экспедиций заходят. Летом — туристы. Весёлый народ. В Долину гейзеров идут. Вот я и перевожу их через лиман. Докатилась, видать, слава про наши места. Из разных городов теперь едут. Есть и из Москвы. Чудный город, рассказывают. «До-ро-га-я моя столица, зо-ло-та-я моя Москва».

Во время разговора вдруг задрожала земля, затряслись стены. Землетрясение? Дед махнул рукой:

— Бывает, что и трясёт. Недалеко отсюда, говорят, на дне Тихого океана трещина имеется. — Дед узнал об этом от учёных экспедиций и теперь рад поделиться познаниями с приезжим человеком.

— Помнится, однажды даже цунами было. Берега уходили в воду. Многие испугались. Разъехались. А я не мог. Куда на старости лег бежать с обжитого места. Ну, а теперь не страшно, рядом со сторожем «Цунами» живу, — смеётся Николай Иванович.

Он закуривает, но папироса так и остаётся невыкуренной. Дед увлечён рассказом.

— Места здешние — клад. Рыбы какой хочешь. Птицы полно. И ещё особо замечу — лебеди зимуют. Выйдешь утром — прямо под окном плавают. Белые-белые... И так красиво кричат — как музыку исполняют. Сорок лет слушаю... Вот послушай, какая сказка про лебедей живёт в наших краях...

Стынет в стаканах чай.

— Да-а-а. Жаль, прихворнул я — грипп проклятый, а то поехали бы вместе на тёплые ключи, где кормятся лебеди, — говорит Николай Иванович. — Ты вот что: поговори с Генкой Зайцевым. Молодой, но места знает не хуже меня. Ну, заезжайте, перевезу на ту сторону лимана.

Утро выдалось серое, смутное; вершины вулканов чуть проглядывались сквозь туманную пелену. Но потом тучи уплыли. Туман растянуло. Над океаном заблестело солнце, подрумянило воду.

Собачья упряжка остановилась у лимана. В устье стояли на приколе уснувшие на зиму лодки. Стоял загнанный льдами катер. Парень со станции «Цунами» нёс на кукане гольцов. Матрос с катера остановился возле упряжки, бросил на землю пару чёрных птиц-бакланов. Дед «Золотая Москва» готовил для переправы лодку. Из воды выглядывали любопытные усатые нерпы.

Мы переправились на ту сторону лимана. Собачья упряжка быстро умчалась, оставив на снегу маслянистый след, убегаящий в белое безмолвие, за горизонт. Три лыжи потянулись следом по «кошке» — узкой полоске белой земли между океаном и лиманом.

Шшу-шу! Шшу-шу! — шуршат по снегу лыжи, словно трутся о наждачный камень. Шумит океан. Свежий морозный воздух, солёный запах океана. Утреннее солнце красным шаром повисло в синем небе над океаном. Над лиманом стоит базарный птичий гомон. Надрывно кричат чайки. Стремительно проносятся, разрезая воздух, утки-морянки. Сколько их? Целые тучи. Когда залив забивает льдом, птицы прилетают кормиться в лиман. Они низко несутся над водой, садятся на обнажённые отливом гряды водорослей, ныряют, охотясь за добычей.

— Ббах! Ббах! — доносятся со стороны выстрелы. Кто-то охотится на бакланов. Это последнее место, где можно вести отстрел морских птиц. Дальше — территория Кроноцкого заповедника.

Наш проводник Генка машет рукой. Сюда!

— Тс-с! Смотрите, вон на берегу сидят...

Мы вглядываемся в белизну снега, но ничего разглядеть не можем. И вдруг услышали удивительные трели-мелодии — будто кто-то нажимал на клавиши рояля.

Собаки рванули нарту. Заскрипел снег, и стая огромных белых птиц взметнулась в небо, замельтешила, завихрилась метелью на рыжем фоне леса и упала где-то там, за деревьями, у подножия вулканов.

Три лыжни потянулись в сторону вулкана. Впереди — Генка Зайцев, высокий плечистый парень с крючковатым носом и загорелым лицом. Генка — охотник, каюр, проводник. Половину своей жизни он проводит в лесу, на охоте. Месяцами приходится жить одному в охотничьих землянках за сто километров от родного дома; мёрзнуть, пробираться в пургу, сидеть у костров. Генка — знаток леса, непревзойденный специалист по части охотничьих баек, отличный лыжник.

Около часа петляем по лесу в поисках лебединой стаи — и вот Генка поднял руку. Стоп! Дальше нужно подкрадываться: лебедь — очень осторожная птица.

Затаив дыхание, медленно пробираемся сквозь кусты. Стучит сердце. Кажется, что ломлюсь сквозь кусты, как медведь. Кусты закончились. Дальше речка, впадающая в лиман. В зеркальную воду лимана опрокинулись вершинами вулканы. Тихая, словно застывшая поверхность воды. И на ней — белые лебеди. Бьют крыльями, качают в воде вершины

вулканов. И столько изящества, грации в этих белых гордых красавцах, что кажется: птицы не плавают — танцуют. Вспоминаешь Александра Грина, который назвал лебедей аристократами воды...

Три десятка белых, словно выточенных птиц, плывут по речке. Золотом отсвечивают на солнце клювы. Весной счастливым удавалось видеть знаменитые лебединые танцы. Весной, когда в природе всё обновляется, птицы предаются веселью. Шлёпают крыльями по воде, играют в белой кипени брызг, трубят.

Мы стали подкрадываться ближе, чтобы сфотографировать лебедей. Но сторож услышал что-то подозрительное, настороженно поднял голову, тревожно закричал и поднялся в воздух. За ним поднялась вся стая. Птицы пролетели над нами, даже слышны были взмахи крыльев. Шоу, шоу, шоу... Над лесом выстроились в цепочку.

— Полетели, — вздохнул Гена. — Скоро снова прилетят кормиться на тёплые ключи.

Мы стояли и слушали, как медленно таяли в воздухе лебединые крики.

Почему можно часами стоять и слушать, как кричат лебеди? Есть что-то близкое душе человека в этих криках. Крики будят воспоминания, затрагивают самое глубокое, самое сокровенное в душе человека.

На земле осталось немного гордых, красивых птиц. Люди берегут их, закон запрещает убивать. И если кому доведётся увидеть их — всю жизнь помнятся эти встречи.

Мы разожгли костёр, разбили на ночь палатку, вскипятили чай. Вечером Генка долго рассказывал о жизни, повадках этих птиц.

— Лебедь кормится шелковником, травой такой. Её много на тёплых ключах. Во время кормёжки обязательно в стае один на карауле стоит. Караулит от хищников: ястреба, сокола, орла — ну, и от плохого человека. Бывает, что сторож и прозевает. Тогда достаётся лебедю. А бывает, и лебедь в драке побеждает.

— А за что лебеда любят?

— Говорят, любовь у них красивая. Не может лебедь жить без лебёдушки.

— Врут, наверное.

— Зачем врут? Если люди говорят, значит, правда. Зря говорить не станут.

Очень не хотелось Генке, чтобы кто-то подрывал его веру в красивую, легендарную любовь.

— Поэты стихи пишут: «Не улетают лебеди с Камчатки», — продолжал Генка. — А ведь я и сам, как лебедь. Жена у меня из Краснодара. Поехали

в отпуск. Родственники жены говорят: оставайтесь здесь. И охота есть, да и тепло. Не то, что на Камчатке. А я собрался — и укатил домой. Лучше мест наших не видел.

Мы не заметили, как пролетела ночь. Целый день караулили лебедей, чтобы сфотографировать, а к вечеру собачья упряжка остановилась на берегу лимана. У переправы нас поджидает дед «Золотая Москва» с лодкой. Собаки сидят в лодке тихо, с любопытством глядят на своё отражение в воде. На берегу беспокойно рвут из рук поводки. Генка кричит, ругается, распутывает алыки. Держим нарту, пока все собаки не оказываются в упряжке. Почуя дымок, близкую надежду на отдых, упряжка дружно рванула с места.

Мы зашли к Николаю Ивановичу. Дед за столом сидит важно, время от времени поглаживая рыжую бороду, обращается к жене: «Подлей-ка горяченького гостям, промерзли, небось», слушает рассказы о лебедях.

— Да-а, хорошая птица. Многому у неё можно поучиться.

Николай Иванович вдруг замолкает, смотрит на недопитый стакан чая, вздыхает: «А мои лебеди разлетелись, кто куда».

Он не то что осуждает детей, на то и жизнь, чтобы за родительский подол не держаться, пусть ищут свою Жар-птицу. Но иногда какой-то щемящий клубок подкатывает к горлу, и хочется увидеть детей в родной колыбели, где жизни и сердцу простор, где можно услышать шелест океанских волн и крик лебедей, половить рыбы и вообще подивиться на красоту жизни порадоваться и вместе спеть его любимую «Золотую Москву».

Прощаемся за полночь. На улице морозно. Небо звёздное, и потому так светло. Золотисто блестят под луной воды лимана. Из села доносится мерный стук двигателя. Вспыхнуло зарево на юге — это Карымский вулкан выбросил очередную порцию пепла.

Тишина. Слышны редкие, как капли, звуки: «кланк-кланк». Где-то в лесу спросонок переговариваются лебеди.

Михаил Жилин.

Камчатская правда. — 1969. — № 14. — 17 января.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ЗАПОВЕДНИКА

Своеобразная визитная карточка — значок — появилась у нашего камчатского заповедника. На голубом фоне силуэт Кроноцкого вулкана. В центре изображен соболь. По краю надпись: «Государственный Кроноцкий заповедник».

Не случайно на значке запечатлён самый ценный из наших пушных зверей. Ещё до революции охотники строго оберегали этот участок, чтобы зверёк размножился и сохранялся. С тех пор соболь — царь Кроноцкого заповедника.

Сейчас научные сотрудники заповедника ведут работу по учёту, выявлению, исследованию образа жизни многообразных представителей животного и растительного мира. Намечаются мероприятия по охране заповедных мест.

Камчатская правда. — 1969. — № 38. — 14 февраля.

Водопад

в

Долине

гейзеров

**Рис. Валери
КРУТОВА.**

Камчатская правда. — 1969. — № 40. — 16 февраля.

ТУРИСТСКОЕ ЛЕТО

Чем обрадует любителей путешествий наступающее туристское лето? Председатель Камчатского совета по туризму Николай Григорьевич Крамаренко, прежде чем ответить на этот вопрос, вооружился многочисленными папками и бумагами.

— Боюсь что-то забыть, — пояснил он. — Ведь планы обширные и интересные. Прежде всего об известном всесоюзном маршруте в Долину гейзеров. Намечаем открыть его 3 июля. Сейчас идут подготовительные работы. Маршрут на этот раз будет кольцевой: через Семлячикские горячие ключи туристы дойдут до Бурлящего, затем до кальдеры вулкана Узон и спустятся в Долину. Возвращаться будут через реку Шумную. Для организации этого маршрута нужно построить дополнительно два приюта — в Узоне и на Бурлящем. Совет уже закупил 46 палаток, строительный материал. Но ещё недостаточно спальных мешков.

— Сколько туристов пойдут в Долину. Откуда они?

Николай Григорьевич подсчитывает что-то на бумаге. Потом говорит:

— В прошлом году в Долине гейзеров побывало более тысячи туристов, и самодеятельных и плановых. В этом году «плановых» намечается более тысячи и 200 — самодеятельных. Откуда они приедут? Вот посмотрите сами.

География почты совета по туризму богата. Пишут с Украины, Урала, из Сибири, Казахстана, пишут соседи — сахалинцы, магаданцы, приморцы.

Читаю наугад: «Я ещё не турист, но хотел бы им стать и начать с вашего маршрута...»

«Мы участвовали в туристических походах по Карелии, Кавказу, были в Крыму, Средней Азии, на северном Урале, на Байкале, но Камчатка по-прежнему была и остаётся нашей мечтой...»

«Меня интересуют вулканы, хотя бы один из них. Мне это очень нужно для работы. Я преподаю географию в школе...»

И в каждом письме — просьба выделить путёвку. Едут семьями, студенческими группами, производственными коллективами, в одиночку. Камчатка в рекламе не нуждается.

— А свои, камчатцы, как они будут отдыхать летом?

— Многие тоже побывают во время отпуска в Долине гейзеров, — отвечает председатель. — Для тех, кто будет работать, летом мы решили с июля открыть туристическую базу у подножия Авачинского вулкана.

За два дня здесь можно будет и покататься на лыжах, и подняться к кратеру. Экскурсионное бюро организует автобусные рейсы к базе. Определена уже стоимость путёвки — 3 рубля в день (без питания).

Любители купания в горячих источниках смогут летом не раз побывать в Налычево. С июля планируем организовать регулярные авиарейсы выходного дня к этим горячим ключам. Организовать базу отдыха в тех местах несложно — домики остались от геологов. Нужно только привести их в порядок, отремонтировать.

В хорошие солнечные дни можно будет совершить морские прогулки по Авачинской бухте с выходом в океан на теплоходах «Петропавловск», «Николаевск». А с Халактырского аэропорта будут организованы облёты вулканов на самолётах.

Конечно, для организации всех туристских мероприятий нужны кадры инструкторов. С марта при совете работает школа по подготовке руководителей сложных походов. В апреле в этой школе пройдут подготовку те, кто поведёт группы в Долину гейзеров, затем состоится семинар председателей туристических секций.

В этом году создадим контрольно-спасательную службу из самых опытных туристов и альпинистов, которые бы смогли в любое время прийти на помощь пострадавшим.

— А теперь о перспективных планах на ближайшие пять лет.

— Нынешним летом, — сказал Николай Григорьевич, — планируем обследовать район Жупаново с тем, чтобы в будущем году открыть маршрут на Карымский вулкан. Потом откроется ещё один — Долина гейзеров — Кроноцкое озеро.

Осваиваем маршрут по долине реки Камчатки. Он будет выглядеть так: до Милькова — на автобусе. Мильково — Кирганик, вероятно, пешком. Из Кирганика до Усть-Камчатска — катером. Затем самолёт доставит туристов на остров Беринга. До Петропавловска — морским путём. В июле-августе будут сделаны пробные заезды по этому маршруту.

Мы хотим загрузить катер и на обратном пути. Для этого организуем маршрут — Петропавловск — Усть-Камчатск (самолётом), а затем туристы доберутся катером до Кирганика с заходом на горячие ключи Быстринского района. Эти маршруты будут открыты в семидесятом году. В долине реки Камчатки, в районе Козыревска, будет построен в 1970 году альпинистско-туристический лагерь. Отсюда туристы пойдут на Толбачик и Ключевскую группу вулканов.

В недалёком будущем туристы смогут пойти в поход по плановому маршруту Петропавловск — Начики — Больше-Баннные горячие источники — Верхние, Средние, Нижние Паратунские ключи.

На реке Паратунке и в районе Малкинских источников, на реке Быстрой будут построены дома рыбаков и охотников на 50 человек.

По перспективному плану в Долину гейзеров к 1973 году будет открыт маршрут выходного дня. А всего в 1975 году планируем 60 маршрутов выходного дня, десять — многодневных походов.

— Новые маршруты, естественно, привлекут ещё больше туристов. Где их будут размещать?

— В Петропавловске к семьдесят третьему году будет построена туристская гостиница на 250 мест. А до этих пор мы надеемся на помощь директоров и ректоров учебных заведений, которые, вероятно, смогут предоставить места в общежитиях в летнее время.

Есть в перспективном плане и пункт о пропаганде туризма на Камчатке. О нём Николай Григорьевич рассказывает:

— Будут переизданы и изданы новые путеводители по Камчатке и по окрестностям Петропавловска. В 1970 году планируем издать путеводитель — описание юга Камчатки. Сборник «На просторах Камчатки» расскажет о всех маршрутах. Будут выпущены два проспекта по Долине гейзеров и базе «Снежной». К нынешнему летнему туристскому сезону готовим и рекламные листки.

Многие мероприятия областной совет по туризму не сможет выполнить без помощи общественности. Облздравотдел, например, должен позаботиться о квалифицированных медицинских кадрах для работы в Долине гейзеров, на базе «Снежной». Морское пароходство — взять под контроль движение пароходов по туристским маршрутам. Нужна помощь облрыболовпотребсоюза и горпищеторга для того, чтобы открыть летнюю столовую на центральном приюте и два продовольственных киоска в районе Узона и на Горном плато...

Туристское лето приближается.

Н. Селиванова.

Камчатская правда. — 1969. — № 84. — 9 апреля.

О ТОМ, ЧТО НАМ ДОРОГО

Все, наверное, кто приехал работать на Камчатку не на год и не на два — влюблены в эту неповторимо прекрасную землю. Очень часто мы

произносим это слово — «неповторимый» и, к сожалению, иногда забываем, что всё неповторимое требует к себе особого, бережного отношения.

Мы живём в такое время, когда общение с природой приобретает для человека всё большее значение. Ведь природа не только источник, откуда можно черпать материальные блага — она даёт и огромное эстетическое наслаждение. Рациональное использование природных благ всегда вознаграждается сторицей, а бездумное, расточительное отношение к ним приносит не только моральные огорчения, но бывает связано с большими (часто и невозполнимыми) потерями.

Вдумчивому и бережному отношению к окружающей природе неустанно и настойчиво учил, требовал этого в повседневной работе В. И. Ленин. В дни подготовки к ленинскому юбилею было бы особо уместно и ценно активизировать в нашей области разнообразную деятельность государственных и общественных организаций по охране и сбережению различных природных объектов и комплексов.

Мне хотелось бы обратить внимание только на некоторые, частные стороны очень большой и серьёзной проблемы освоения природных ресурсов, хозяйственного их использования и разумного вмешательства человека в естественный ход природных процессов.

Недавно мы читали в газете о судьбе Паратунских горячих источников. Автор призывал к рациональному использованию терм, но сделал это так своеобразно, что у читателей создалось впечатление, будто достаточно пробурить ещё одну энную скважину вблизи Паратунской купальни, и вода вновь станет горячей и её будет вдоволь.

Возможно, такая скважина и поможет, но прежде всего надо выявить причину явления, приведшего к неблагоприятию с водой на нашей Паратунке.

Потихоньку сочлились когда-то на склоне горы Горячей Верхне-Паратунские термальные ключи. Теперь у её подножия пробурена скважина, и через широкогорлую трубу горячая вода мощной струёй изливается из недр наружу.

На месте прежней термальной площадки, где «прозябали» Карымчинские горячие ключи (это в пяти-шести километрах от Верхне-Паратунских), теперь пробурено две скважины. Обе фонтанируют.

Возникает вопрос: возможно, это фонтанирование и стало причиной оскуднения Нижне-Паратунских ключей. Буровики во множестве мест обеспечили подземной воде возможность беспрепятственно изливаться на землю, а закрыть скважины не потрудились.

В изумительной по красоте долине, окружённой горами — Налычевские горячие ключи. Это 20 минут полёта на Ан-14 от Петропавловска. В общем-то, рядом. Когда-то здесь бурлил котёл — замечательное создание природы. Теперь это гигантское жерло даже не парит. Естественные ключи бездумно уничтожены. И снова скважины. Целая река горячей воды и беспорядочные потоки проложили себе путь через берёзовый лес, обрекая и его на гибель.

Одним словом, великолепный уголок, пригодный для устройства в будущем туристического лагеря, дома отдыха или первоклассного курорта, несмотря на свою, казалось бы, девственность — уже нуждается во вложении средств для ликвидации ущерба, нанесённого природе безо всякой необходимости.

К счастью, мне довелось побывать на Больших Банных ключах, искупаться в голубом грифоне, как его совершенно точно назвал Б. И. Пийп, задолго до начала буровых работ. Думаю, что по живописности эта долина с горячими ключами прежде стояла на втором месте после знаменитой Гейзерной, а по доступности, близости к городу — ей не было равных. Здесь шли поиски термальных вод. И наряду с проведением очень нужного дела геологи умудрились нанести немалый ущерб природе.

Нас не надо агитировать за необходимость проведения изысканий. Окутанный дымом из бесчисленных труб — наш город крайне нуждается в горячей воде. Это знают все. Жители города ждут, когда вода потечёт по трубам, обогревая дома. Но речь сейчас и не об этом. Хотелось бы услышать компетентное, авторитетное суждение специалистов-гидрогеологов о том, что полагается делать со скважиной после окончания изысканий? Как поступают в мировой практике: бросают скважину — пусть себе водичка льётся — или её забивают, закупоривают? Каковы правила, утверждённые в нашей стране соответствующими ведомствами, и что говорит по этому поводу наука? Ведь подземная горячая вода представляет собой ценность! Не ведёт ли практикуемый ныне на Камчатке метод изысканий месторождений к прогрессивному истощению запасов подземных вод?

Говорят, что место, подобное кальдере Узона, по своеобразию, живописности, поразительному воздействию на душу человека — есть на земном шаре ещё только в Новой Зеландии. Не знаю, так ли это. Но Узон действительно великолепен. Как и Долина гейзеров или Верхне-Семлячские Булящие и Гремящие ключи — это национальное богатство

нашей Родины. Недаром этот район включён в заповедник. С недавних пор заинтересовались Узоном вулканологи, проявляет к нему внимание геологическая служба. И очень боязно, что исследования — а поговаривают даже о буровых работах — нанесут ущерб природе.

Я пишу об этом с такой тревогой вот почему. Как-то в аэропорту мне довелось беседовать с членами одной «материковской» экспедиции, направляющейся на Узон. Груза у них было на три вертолётных рейса. Я задал «бестактный» вопрос: «А на чём вы думаете готовить еду? Ведь там заповедник, деревья рубить нельзя». Мои собеседники переглянулись, улыбнулись. Их ответ сводился к тому, дескать, мы на Камчатке, а здесь всё можно...

Выражая пожелания многих, прошу ответить на страницах газеты, что делается для сохранения кальдеры Узона, Долины гейзеров и кратера Бурлящего (Верхне-Семлячيكские ключи) — уникального комплекса, единственного в нашей обширной стране?

Всем ценителям родной природы доставило огромную радость восстановление Кроноцкого заповедника. Да и все мы так или иначе добивались этого. Как же охраняется заповедник? Ведь существует постановление о запрещении всяческих изыскательских работ на его территории.

Членами множества экспедиций, работающих на Камчатке, ведётся чрезвычайно интенсивное истребление снежных баранов, северных оленей, медведей, водоплавающих птиц. Всё это в огромных размерах без различия пола и возраста, не говоря уже о запретных сроках — таковых для экспедиций не существует. Недавно мы прочли в «Камчатской правде» об отстреле Мильковской экспедицией десятков снежных баранов, промысел которых в нашей стране вообще запрещен. По признанию самих членов экспедиций, самая маленькая партия геологов в три-четыре человека уничтожает за год до нескольких десятков диких животных. И по какому праву?

Сейчас вторая половина XX века. На службе экспедиций разнообразнейшая современная техника, включая вертолёты. Экспедициям нет нужды пользоваться противозаконным «подножным кормом». Зачем экспедициям столь большое количество оружия, особенно нарезного — карабинов и винтовок? Всем ведь ясно, что нужны только ракетницы для сигнализации и, вероятно, пистолеты некоторым лицам, отвечающим за сохранность документации, но ни в коем случае не карабины, которые берутся в экспедиции исключительно для браконьерства. На

Камчатке нет животных, опасных для человека. Это широко известно.

В большинстве стран экспедициям геологического профиля строжайше запрещена охота, не говоря о браконьерстве в запретные сроки. Это правильно: изыскание и создание новых ценностей не должно сопровождаться уничтожением старых.

Один довольно молодой вулканолог говорил мне, что он не полезет «в горы, не поев свежего мяса снежного барана, дикого оленя или, на худой конец — медведя. Что пусть кто-нибудь другой ест консервы...» Спрашивается, а кто тебя, мил человек, заставлял выбирать такую специальность и что это за философия дикаря? По аналогии, очевидно, ихтиологов для стимулирования изучения, скажем, трески, надо кормить чёрной икрой, забывая для этой цели осетров направо и налево!

И почему, собственно, жители, например, села Тигиль обязаны соблюдать сроки охоты и все прочие правила, а для членов рядом стоящей экспедиционной партии никаких правил не существует? Думается, что поведение членов экспедиции в поле должно строжайше регламентироваться; бурение и прочие поисковые работы не должны сопровождаться безудержным истреблением зверей и птиц.

Туристы, главным образом, приезжающие с материка, посещающие Камчатку в летнее, запретное для охоты время, также почти поголовно вооружены. Никто за соблюдением соответствующих правил не следит, а потому наша фауна оскудевает с каждым днём. Вообще поведение туристов на лоне природы оставляет желать много лучшего; срубленные без нужды деревья и кусты, отбитый гейзерит, пресловутые надписи в жерлах грифонов. Очевидно, необходимо всех туристов, приезжающих на Камчатку, обязать регистрироваться в областном совете по туризму, где их познакомят с нормами поведения, отметят маршрут путешествия. Последнее позволило бы впоследствии в случае каких-либо недозволенных действий со стороны туристов привлечь их к ответственности, хотя бы моральной.

Совершенно необходимы хорошо продуманные постановления, ставящие работу экспедиций в определенные организационно-этические рамки, упорядочивающие пребывание туристов на нашей камчатской земле. Вести себя на этой земле все обязаны так же, как, скажем, в Подмосковье. Законы у нас везде одни.

И последнее. В номере «Камчатской правды» от 13 февраля 1969 года была помещена заметка «Новая автомагистраль». Строительство новой дороги — чрезвычайно насущная необходимость для города. В заметке

называются некоторые цифры, например, будет переработано около одного миллиона кубометров грунта. Судя по другим цифрам, строительство продлится не один год. В этой связи хотелось бы просить областные организации максимально бережно отнестись к зелёной зоне отдыха трудящихся Петропавловска, через которую пройдёт дорога: не ломать, не корчевать деревья без необходимости, не разрешать бульдозеристам ездить, где придётся и т.п. — одним словом, уделить максимальное внимание культуре труда. Ведь печальный пример проведения линии электропередач по горному склону, обращённому к городу — у всех на виду (как и устройство трамплина без учёта последствий): изъеденное траншеями тело сопки интенсивно размывается талой и дождевой водой, даже снег не держится во многих местах, лишённых растительного покрова, а летом с обнажённой земли тучи пыли сдуваются на город.

Массив Петровской и других сопки, у подножия которых разместился наш город — замечательное место для отдыха горожан. Нелегко найти другой город, где бы берёзовый лес примыкал к домам. При осуществлении дорожного строительства совершенно необходимо как можно бережнее отнестись к зелени. Суметь обеспечить интересы развивающегося городского хозяйства и сохранить зелёную зону отдыха — почётная и вполне выполнимая задача.

*А. Остроумов, научный сотрудник Камчатского отделения ТИНРО,
действительный член Всесоюзного географического общества.
Камчатская правда. — 1969. — № 89. — 15 апреля.*

ОТШЕЛЬНИКИ

Год назад я окончил Приморский сельскохозяйственный институт. Приехал работать по распределению в Кроноцкий заповедник. Работал недолго, так как вот уже четыре месяца лежу в больнице с обмороженной ногой.

Как это случилось? Наша контора находится в с. Жупанове. Находясь за сотни километров от конторы, в районе Кроноцкого озера, я ни разу не получил от директора Николая Борисовича Зорина ни одного письма, хотя писал чуть ли не ежемесячно и в каждом послании просил совета и поддержки.

В нашем лесничестве работает немало экспедиций, нарушений заповедности немало. С большим трудом получил я положенный мне карабин. Много раз просил обеспечить форменным обмундированием,

спецодеждой летней и зимней, тёплыми спальниками на зиму, поспедействовать достать унты до снега, но всё тщетно. В резиновой обуви я и обморозил ногу в пути.

В таких условиях, в каких мы находимся, работать сложно.

Живём в летнем балке, который продувает насквозь, чтобы не замёрзнуть, приходится топить всю ночь, а дрова подвезти непросто, нет света, целый год без радио. На складе заповедника нет необходимого инвентаря.

В мае в заповедник приедет ещё один выпускник института, и он может оказаться в моём положении.

Лесником работает в Кроноках Владимир Михайлович Рыжов. О нём совершенно забыли в заповеднике. Как он достаёт себе продукты, как выполняет свои обязанности, жив ли...

Кто знает об этом? Я часто бывал у Рыжова. Пожилой человек чуть ли не плачет, рассказывая о том, что бессилён пресечь браконьеров, жалуясь на равнодушие к нему. Зимой Рыжов тяжело заболел, но остался на посту. Знают ли об этом в дирекции?

Сейчас на озере находится мой помощник — Саня Кучунов — техник-лесовод. Нет у него ни оружия, ни лыж, а снегу — три метра...

Б. Кусайко, лесничий.

Камчатская правда. — 1969. — № 113. — 16 мая.

ДЕШЕВЛЕ, ЧЕМ БЕРЁЗОВЫЕ РОЩИ...

Казалось бы, к взволнованно-эмоциональной о бережном отношении к камчатской природе статье А. Остроумова «О том, что нам дорого» нечего и добавить. Разве так, «мелочи»... Впрочем, можно расширить географию проблемы, рассказать о том, как грохочут по острову Беринга вездеходы, забираясь подчас в такие уголки, где прежде и нога человека не ступала. Разбегаются от берегов потревоженные нерпы, стоном стонут птичьи базары...

Вездеход, пришедший на смену собачьей упряжке, здесь безусловно необходим. Прежде всего этого требует промысел котиков. Однако следовало бы ограничить радиус его пробежек именно районами промысла, то есть севером и северо-западом острова да ещё разве хозяйственными угодьями Федоскина. Строго памятуя о том, что Командоры — земля неповторимая в своей нетронутости, поразительная по видовому составу животного мира. Ещё бы: котики, сивучи, каланы, тюлени, песцы.

Не говоря уже о птицах, которых как будто много, но истребляют их здесь не столько неумеренно, сколько — подчеркнём это — без пользы. Мне приходилось наблюдать на промысле острова Медного, как битую птицу гроздьями выбрасывают прочь — для котла не понадобилась, протухла... Ружей здесь достаточно, и руки чешутся у многих. Пальнул в топорка или глупыша — так хотя бы уж съел, по крайней мере!

Вот эту бессмысленную трату живого мира, живого добра, которую приходится наблюдать, к сожалению, нередко, я не могу постичь умом. Если же говорить о личных пристрастиях, особенно жалко мне медведя, нашего бурого добродушного камчатского мишку.

В дискуссии о спортивной охоте, проводившейся на страницах «Литературной газеты», было сказано, что в стране «...в настоящее время насчитывается около ста тысяч бурых медведей». Но, сославшись небрежно на эту цифру, автор статьи, поборник всяческой охоты, забыл уточнить, велика она или мала. А ведь сто тысяч медведей, имея в виду нашу громадную территорию, это довольно-таки мало. Что же касается Камчатки, то лет полтора назад медведи в Петропавловске даже по улицам разгуливали. А какой-то не побоялся зайти в дом, воспользовавшись тем, что дверь была открыта. Увидев самовар, любопытный мишка стал принюхиваться к сверкающей диковине и обжёг нос. Разозлился, схватил самовар в охапку — хотел раздавить. Но чем больше тискал, тем больше обжигался. На его рёв сбежались хозяева дома, соседи... Незадачливого зверя убили. (Мореплаватель Коцебу с юмором отмечает, что всех, «кто причиняет себе вред собственной горячностью, отныне называют здесь «медведем с самоваром».)

Вот более позднее свидетельство горного инженера Дитмара, работавшего на Камчатке. Он пишет, что в год, когда Петропавловск отражал нападение англо-французской эскадры, в его окрестностях (только в окрестностях!) было убито до пяти тысяч медведей. Цифра почти невероятная. Следует, однако, помнить, что избыточный промысел медведей в те времена оправдывался как потребностями сильно возросшего гарнизона, так и развившейся в предшествующие годы торговлей с китобоями. Приходя в Петропавловскую гавань от Гавайских островов, они брали здесь в обмен на ананасы, кокосовые орехи и консервированные овощи оленье и медвежье мясо.

Ныне численность медведей на Камчатке, безусловно, упала и будет падать тем резче, чем больше станет приезжать сюда народу. Процесс

этот совершается буквально на глазах. Летом 1960 года я с несколькими спутниками пробирался в тогда ещё труднодоступную Долину гейзеров. Нам повстречалось за это время тринадцать медведей. В кальдере Узона они устраивали лёжки прямо в целебных горячих грязях. В приокеанской тундре, богатой ягодами, паслись сразу по двое, по трое. В устье речки Шумной ловили отнерестовавшую горбушу, не обращая внимания на костёр, разожжённый неподалёку. Убить любого из них не составляло труда. И убивали... Только для того, чтобы вырезать кусок мяса, а остальное бросить без призора.

Мне известен случай, когда сначала была повалена самка, а потом не ко времени подвернувшийся малыш — видите ли, у него мясо нежней. Туша же огромной самки так и осталась в тайге. Причём, заметьте, всё это на территории заповедника!

Именно на территории заповедника, как сообщил недавно его директор, богачёвские геологи промышляли медведя без счёта не ради мяса или хотя бы шкур, а ради лечебной жёлчи зверя. Для чего им, в принципе здоровым людям, понадобилась эта жёлчь? Честное слово, это уже уголовно наказуемое преступление!

Туристы, которые обильно ходят сейчас по заповеднику, медведей уже видят редко: зверь частью уничтожен, частью распуган и ушёл в более глухие места. В более глухие и менее приспособленные для обитания — подальше от речек, где удобно ранним летом ловить рыбу, от ягодных тундр. Как тут не вспомнить некоего путешественника с собакой Чарли, совершившего непродолжительную поездку по Иеллоустонскому парку, и медведей из «государственной коллекции», разгуливавших перед самым радиатором его пикапа! Никто их там пальцем не смеет тронуть (прежде чем въехать в парк, путешественник был отмечен служителем). А надо прямо сказать, что наш Кроноцкий заповедник с его Верхне-Семлячикскими ключами, живописной чашей вулкана Узон и Долиной гейзеров ничем не хуже Иеллоустона, только порядка, надо полагать, в нём малость поменьше.

Отсюда следует, что, чем раньше его границы будут закрыты для разного рода искателей, тем лучше. Ведь дело, говорят, доходило уже до того, что пытались рубить пихту грациозную! И это на земле, охраняемой законом!

Кроноцкий заповедник — наша национальная гордость. Мало того, это одно из привлекательнейших мест на всей планете. Потому

бесспорно, что к его богатствам совершенно недопустим этакий утилитарный узковедомственный подход.

Городу нужна горячая вода? Её нужно искать ближе, где-нибудь в районе Авачинского вулкана. И, кстати, с меньшим уроном для природы, чем это делалось до сих пор. Нужна электроэнергия? А до конца ли используются мощности построенной недавно Паужетской гидротермальной станции? В любом случае Верхне-Семлячикские ключи, расположенные на заповедной земле — не для экспериментов подобного рода.

Пусть заповедник будет открыт только для туристов, да и то с умом. При толковом обслуживании им, к примеру, незачем тащить в рюкзаках топоры. Ведь продаётся же сухой спирт, он стоит дешевле, чем берёзовые рощи в кальдере Узона.

Недавно из ГДР возвратился известный писатель, гостивший там по приглашению издателей. Много любопытного порассказал он, но меня поразило вот что. Однажды он ехал с переводчицей через великолепно ухоженный, в осеннем убранстве лес. Желая сделать спутнице приятное, он предложил сорвать несколько кленовых листьев. («Я научу нас, как их разглядить уютгом — букет получится на загляденье, притом неувядающий»). Переводчица смутилась и всё же твёрдо сказала — нет. Но, чтобы не обидеть человека, книги которого были ей дороги, попросила шофёра съехать с автостреды к домику лесника. Объяснила леснику желание русского гостя — и тот подобрал букет роскошных тронутых багрянцем кленовых листьев.

Столь бережное отношение к любой веточке у нас, граждан огромной лесной державы, может вызвать улыбку. И напрасно. Наши леса, сколько бы их ни было, отнюдь не бесконечны.

И до тех пор, пока мы, не испытывая душевной неловкости, способны мять в садах и парках траву, захламлять консервными банками и битой посудой берега тёплых и нетёплых морей, бездумно рвать в рощах те же кленовые или дубовые листья (уже не говоря о пихте грациозной), растаскивать в рюкзаках медленно, десятилетиями нарастающий гейзерит, мы не сумеем отнестись с понятием ни к птице, ни к зверю. Но птица и зверь — они безответны. Страшно, что нас не поймут собственные дети. А ведь всё, чем заняты мы в этом мире, в конечном счёте делается для них.

Л. Пасенюк, писатель.

Камчатская правда. — 1969. — № 120. — 24 мая.

ТОЛЬКО ЛИ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ? Продолжаем разговор об отношении к природе

«Статья А. Остроумова "О том, что нам дорого" обсуждалась в коллективах экспедиций Камчатского территориального геологического управления. Руководство и общественные организации управления применяют все меры к тому, чтобы проводимые геологоразведочные работы не причиняли ущерба природе нашего замечательного края».

Такой ответ на выступление газеты прислал в редакцию исполняющий обязанности начальника Камчатского территориального геологического управления А. Ремизов.

Одновременно пришла статья главного гидрогеолога Южно-Камчатской экспедиции Ю. Краевого и старшего гидрогеолога этой экспедиции Ю. Манухина. Они высказывают свою точку зрения на проблемы, затронутые в статье, касаются ряда вопросов, связанных с разведкой геотермальных вод. Насколько объективна эта точка зрения?

Публикуя эту статью, редакция надеется, что разговор об отношении к природе, бережном, таком, которому учил Ильич, будет продолжен читателями газеты, специалистами.

Вполне понятна тревога и озабоченность автора статьи «О том, что нам дорого» по поводу использования термальных вод Камчатского полуострова. В своей статье автор сделал попытку «выявить причину явления, приведшего к неблагополучию с водой на нашей Паратунке». И обратился к специалистам-гидрогеологам с предложением ответить на ряд вопросов, касающихся методики разведки и охраны подземных вод. Это мы и попытаемся сделать.

О каком «неблагополучии» с водой на Паратунке может идти речь, когда вместо 30 литров в секунду термальной воды, которые давали до начала разведочных работ Нижне-Паратунские и Средне-Паратунские источники, в процессе разведки выведено на поверхность 320 литров в секунду (!).

Автор пишет: «Буровики, обеспечив во множестве мест подземной воде возможность беспрепятственно изливаться на землю, не потрудились закрыть скважины». Это действительно вопрос методики разведки и охраны природы, и ответ на него такой. Метод оценки эксплуатационных запасов термальных вод, который используется при разведке геотермальных месторождений Камчатки, давно применяется в отечественной гидрологической практике и известен под названием «гидравлический».

В первую очередь он находит применение при разведке месторождений подземных вод со сложными геолого-гидрогеологическими условиями, которыми, как правило, характеризуются не только месторождения термальных, но и холодных трещино-жильных вод.

Сущность этого метода заключается в проведении длительных опытно-эксплуатационных выпусков из большинства продуктивных разведочных скважин с суммарным дебитом, близким к заданной потребности в воде, с целью установления стабильных значений расхода воды и её температуры или получения данных о характере их изменения во времени.

Вполне естественно, что при этом происходят изменения в режиме работы термальных источников (уменьшение их расхода и температуры). То же самое будет иметь место и при эксплуатации месторождения и фактически наблюдается на Паужетке, где работает геотермальная электростанция, и с Начикинскими источниками, где функционирует санаторий, и на эксплуатируемых зарубежных месторождениях. Изменение параметров естественных выходов — неизбежное следствие разведочных и эксплуатационных работ.

Но ведь разведка для того и ведётся, чтобы вместо небольшого расхода воды, разгружающейся в виде источников, вывести на поверхность такое её количество, которое обеспечит работу проектируемого геотермального объекта (электростанция, теплично-парниковый комбинат, система теплоснабжения, бассейн). Конечно, это не беспредельная величина, но для Нижне-Паратунского участка, например, она превышает суммарный расход источников в три с половиной раза, а на Средне-Паратунском — в 50 раз.

То, что происходит с Паратунским бассейном, результат не только «оскудения» Нижне-Паратунских ключей, но и неправильного решения вопроса снабжения его напорной термальной водой от скважин. Рациональная схема эксплуатации месторождения и подачи воды потребителю предусматривает перекачивание её с помощью насосов из резервуаров, которые расположены вблизи отдельных групп скважин и в которые вода поступает самотёком.

В наш бассейн, где купаются отдыхающие, вода поступает из близрасположенной скважины самотёком. Дебит и напор этой скважины при одновременной работе других — недостаточны. Выход один — подача воды с помощью насоса от обвязанных трубопроводом скважин. Но вопросами обвязки скважин и подачи воды потребителю призвано

заниматься и занимается Камчатское промысловое управление по использованию глубинного тепла Земли. К осени нынешнего года оно должно закончить необходимые работы по обвязке.

Не ведёт ли применяемый метод оценки запасов термальных вод к их «прогрессивному истощению», — спрашивает т. Остроумов. Отвечаем: нет, не ведёт. И вот почему. При совместном опробовании скважин выпусками чаще всего в сравнительно короткий срок их суммарный расход стабилизируется (становится постоянной величиной). Это значит, что количество отбираемой из скважин воды компенсируется количеством воды, притекающей к месторождению. Ведь подземные воды, в отличие от твёрдых полезных ископаемых, — ископаемые подвижные и возобновляемые. Возобновляются не только запасы воды, но и запасы тепла. А уж если работают одна-две скважины, то они, как правило, изливают только незначительную часть той воды, которая циркулирует в трещиноватых коренных породах, затем разгружается в рыхлые отложения, вмещающие грунтовые холодные воды, и только после этого попадает в поверхностные водотоки.

Теперь о том, что полагается делать с пробуренными скважинами.

Согласно действующим в нашей стране правилам все гидрогеологические скважины в случае, если они не используются, подлежат ликвидации. Способы ликвидации могут быть различными. Так, например, часть разведочных скважин на Паужетке была засыпана до определённой глубины песком и гравием с последующей цементацией верхней части ствола. Таким же путём будут ликвидированы ненужные скважины на Паратунском и Больше-Банном месторождениях после завершения комплекса гидрогеологических исследований.

У читателей после статьи А. Остроумова может создаться впечатление, что геологи — заклятые враги природы вообще и губители термальных вод в частности.

Если принять этот тезис, то, наверное, можно бы увидеть истреблённые по Союзу леса, выбитых зверей, выловленную рыбу. Ведь одних геологов в стране насчитывается сотни тысяч. Но стоят леса, бродят звери, плавает рыба, потому что геолог берёт от природы лично для себя только самый минимум — не больше. Что же касается второго положения, то никто, кроме геологических организаций Министерства геологии СССР (на Камчатке это — территориальное геологическое управление), не вправе ставить и решать вопросы охраны земных недр. (?) На это есть специалисты и вся система геологической службы.

Что же касается ущерба, наносимого природе при поисково-разведочных работах, то он, как правило, преувеличивается. Эти работы имеют сравнительно небольшую продолжительность и выборочный характер размещения объектов.

То же относится и к работам в заповедниках. Сетую на то, что на Семлячик могут прийти разведчики, автор статьи совсем забыл, что в районе Кроноцкого озера, которое, кстати, тоже входит в заповедник, вот уже на протяжении нескольких лет работает крупная изыскательская экспедиция ЛЕНГИДЭП, а об ущербе от её работы в прессе почему-то умалчивается. Наверное, потому, что его практически нет. (?)

По-видимому, бурение скважин на Большом Семлячике и вызовет какие-то изменения в деятельности естественных термопроявлений. Одни активизируются, другие заглохнут. Но такие процессы идут и в естественных условиях. Но главное, по результатам разведки на Семлячике будет построена мощная геотЭС, которая даст ток во многие районы Камчатки и улучшит состояние энергетической базы области. Кроме того, она сама станет достопримечательностью Кроноцкого заповедника. А дороги позволят развивать действительно массовый туризм, не причиняя того вреда природе, который посет ей сейчас немногочисленный «дикий» турист.

Ю. Краевой, главный гидрогеолог Южно-Камчатской геологоразведочной экспедиции.

*Ю. Манухин, старший гидрогеолог экспедиции.
Камчатская правда. — 1969. — № 133–134. — 8 июня.*

ЗАБОТЫ ГЕЙЗЕРОВ

«Считать необходимым — в целях использования природных богатств Камчатки и развития индустрии туризма, повышения экономического потенциала области — разработать перспективную программу строительства туристических баз, гостиниц, пансионатов».

Из постановления 2-го научного совещания по развитию производительных сил Камчатской области.

Наш корреспондент Василий Дьячков побывал у председателя Камчатского областного совета по туризму Н. Г. Крамаренко. Николай Григорьевич до избрания на пост председателя работал старшим инструктором совета, хорошо знает все нюансы развития туризма на Камчатке. Вот что он рассказал:

— Полуостров наш словно создан для интересных походов по трудным маршрутам. Чудесная природа Камчатки привлекает туристов из разных городов и сёл Советского Союза. Достаточно сказать, что из 10.000 путёвок по главному маршруту в Долину гейзеров продано уже 7.000. А ведь лето только началось.

С каждым годом всё интересней, всё благоустроенней становится трасса маршрута № 264, что ведёт в уникальную долину. В ближайшее время намечается на каждом из семи приютов турбазы «Долина гейзеров» построить небольшой деревянный дом для того, чтобы туристы могли обогреться, перекусить, высушить мокрую одежду. 2 приюта — «Бурлящий» и «Узон» — совершенно новые. На центральной базе (Семлячикский лиман) построены магазины и столовая летнего типа.

Разведываются новые пункты маршрута, который вскоре будет кольцевым. Нижний водопад на реке Новый Семлячик, кратеры Малого Семлячика, горячие источники на восточном склоне вулкана Кихпинич, северный кратер вулкана Крашенинникова — вот некоторые объекты разведки. Через реку Шумная намечается построить подвесной мост, а на приюте «Семлячикские ключи» возводится 100-метровая лестница.

«Вертолётная» проблема должна разрешиться, когда к приюту «Горное плато» пройдёт дорога. Тогда никакие капризы камчатской погоды не помешают доставлять продукты и стройматериалы к месту назначения.

Плохо то, что затягивается дело с проведением на центральную базу электричества и телефонной линии. Больно уж ненадёжны рации. И со снаряжением туристов плохо. Не хватает спальных мешков, одежды. Но в основном Долина гейзеров удовлетворяет запросы требовательных посетителей.

— Николай Григорьевич, а как будет расширена география нашего туризма?

— К 1971 году откроются 3 новых маршрута. Таким образом будет резко расширен сектор путешествий по Камчатке. А со временем сеть маршрутов раскинется на весь полуостров. Поэтому особое внимание необходимо обращать на создание материально-технической базы туризма.

Уже в следующем году будут построены: альпинистско-туристский лагерь в районе посёлка Козыревск для радиальных выходов на вулкан Толбачик и Ключевскую группу вулканов; дом рыбака и охотника на 50 мест в районе Средне-Паратунских и Малкинских источников.

А к 1973 году в Петропавловске откроется туристская гостиница на 250 мест и лыжная база в районе Красной сопки на 1.000 пар лыж. К вершине трассы, которая пройдёт по склонам этой (пока доступной лишь вездесущим мальчишкам) сопки протянется чешский кресельный подъёмник.

Вот такие у нас, камчатцев, планы. Вполне реальные, достижимые.

Камчатский комсомолец. — 1969. — № 82. — 8 июля.

БУРОВИК

Он много строил на своём веку, хотя всегда работал буровиком. Строил в Воямполке, в Богачёвке — на камчатской земле, которая стала для него второй родиной.

В тридцатые годы геология на Камчатке только зарождалась. Геологи были теми людьми, которые первыми покинули большие города и поселились в тундре. В самых глухих местах построили они палаточные городки и с воодушевлением первопроходцев принялись за работу.

Дипломированные специалисты очень нуждались в надёжных помощниках. И вскоре такая помощь подоспела. 33 молодых энтузиаста, отслуживших срок службы на Камчатке, захотели быть рядом с теми, кто, не щадя сил и знаний, осваивал природные богатства неизведанного края. В числе первооткрывателей оказался и ровесник Октября комсомолец Алексей Козлов.

Их направили в отдалённый Тигильский район, где велись тогда геологические поиски и разведка на нефть.

Но одно дело направить людей в Воямполку и совсем другое — добраться до неё. По побережью Камчатки ходили тогда маломощные пароходики. Одно из таких судёнышек осенью 1940 года и ушло в дальнюю дорогу.

Путь предстоял неблизкий, и будущие геологи запаслись изрядным количеством провизии и терпения. Но даже армейской закалки оказалось недостаточно для такой скорости, но то было ещё полбеды, настоящая пришла, когда появилась ещё опасность: высадиться на зимовку на пустынном берегу, так и не добравшись до населённого пункта. Дело в том, что в первый же штормовой день вся команда судна так укачалась, что бросать в топку уголь оказалось некому.

Несколько дней болтанки можно бы и переждать, но она не прекращалась на всём протяжении пути. И тогда на выручку пришли пассажиры. Они взяли в руки лопаты, и все 30 дней не расставались с ними.

И всё-таки главные испытания только предстояли. Надо было не только бурить землю, подвозить продовольствие, заготавливать дрова, но и бороться с пургами, ветрами, наводнениями. И строить. Строить клуб, подсобные помещения, утеплять палатки. Едва только партия обосновалась, как поступило новое распоряжение: перебазироваться в южную часть полуострова, в район Богачёвки.

И опять была дорога длиною в 41 день. Семь человек на девяти лошадях должны были пересечь полуостров, преодолеть расстояние в 1.250 километров. Зима наступала на пятки, кони пристали, и жители сёл настойчиво предлагали кочевникам зимовать. Но те были неумолимы. Их ждали новый геологический район, новые большие задачи.

Богачёвка тех дней была оплотом и надеждой геологов. За все 25 лет существования Богачёвской экспедиции геологи не переставали верить в то, что именно здесь забьёт первый фонтан камчатской нефти. И хотя три года назад нефтепоисковые работы в Богачёвке прекратились, нефтяники намерены вновь вернуться к этому району и доразведать его.

В Богачёвку верит и старый буровик Алексей Петрович Козлов, отдавший ей 25 лет жизни. Богачёвка дала ему опыт, знания, помогла найти друзей, убедила в правильности избранного пути.

На новом месте надо было начинать всё сначала. Устанавливать буровые станки, налаживать хозяйственную службу и строить. Жильё, подсобные помещения, служебные здания. Трудность была ещё в том, что страна билась с фашизмом, и помощи с материка ждать не приходилось. Не хватало людей, плохо стало с продовольствием, а строительные материалы и вовсе перестали поступать. Тяжёлое бремя войны, свалившееся на родную страну, гулким эхом отозвалось в маленьком глухом посёлке. Жажда узнать новости с фронта была огромной, а транзисторных приёмников не было, радио не работало, газеты приходили с большим опозданием... Любые вести «оттуда» молнией облетали посёлок, и общее горе было для всех истинной бедой, а любая победа приносила огромную радость. Нефтяники далёкой окраины чувствовали себя, как на передовой, и работали неистово, не зная сна и отдыха.

Мастер на все руки Алексей Петрович Козлов был всегда там, где нужны были его смекалка, находчивость, упорство. На каких только должностях он не перебивал за свои 52 года! Был завхозом, бригадиром, десятником, помощником бурового мастера, сменным буровым мастером. Среднего роста, худощавый и крепкий, он не сдавался даже тогда, когда пасовали более сильные на вид люди. Заготавливал торф, долбил

карьер и возил глину на буровую, доставлял в экспедицию деньги из банка и бурил. Бурил ещё на американских станках, бурил на колонковой и глубокой скважинах. Пробуренных им километров вполне хватило бы для того, чтобы добраться до его родного Подмосковья, которое он не видел с 1938 года.

В Богачёвке он пережил большую трагедию, чуть не стал жертвой цунами.

Когда в посёлке узнали, что Козлов и его товарищи находятся недалеко от берега, женщины подняли крик, заранее хороня близких и знакомых. А смельчаки тем не менее спаслись. Они проявили огромное присутствие духа, мужество и спасли от неминуемой гибели даже ездовых собак и лошадей.

Человек всегда остаётся человеком. В особо опасные минуты он проявляет такие незаурядные качества, которые в других ситуациях, возможно, никак бы себя не проявили. Но надо, чтоб жизнь этого человека постоянно готовила его к такой схватке.

Сейчас Алексей Петрович живёт в Иче, в добротном деревянном доме. В первом доме, который построили для него другие. Работает на колонковой скважине, ищет нефть. Ту самую нефть, которую ищет вместе с ним вся Западно-Камчатская комплексная экспедиция и которую так ждёт вся Камчатка.

На прошедших выборах избран депутатом районного Совета. За хорошую работу награждён орденом Ленина, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «За трудовое отличие».

Анна Кузьма.

Камчатская правда. — 1969. — № 181. — 3 августа.

ДОЛИНА КИПЯЩИХ ФОНТАНОВ

20 июля у нас начинался маршрут в Долину гейзеров. 19 июля участники детской спортивной школы на «Петропавловске» прибыли в Жупаново. В этот же день получили продукты, спальные мешки на турбазе и на следующий день отправились в поход.

Первые 14 километров показались нам очень длинными. Мы часто отдыхали, с непривычки уставала спина под тяжестью рюкзака, но, наконец, добрались на Семячикские ключи — первая остановка нашего большого маршрута. Расположились в палатках и сразу же побежали купаться на водопад.

Скорость воды водопада огромная, и нас сносило с камней. Следующая остановка должна была состояться на реке Шумной. От ключей до Шумной 32 километра. Это расстояние мы прошли сравнительно легко. Погода стояла солнечная, но не жаркая. Мы переходили много горных, холодных, быстрых речек. Было очень интересно. На Шумной впервые в жизни встретились с живым медведем. В лагере было много народу, и все столпились с фотоаппаратами и кинокамерами. Но медведь близко не подходил. Этот Мишка ходит в лагерь уже 3-й год, заведующий приютом Алик его кормит. Но вечером медведь совсем обнаглел: подходил к самому костру, а ночью бродил возле палаток, возился, нюхал продукты и пугал всех.

Далее наш путь лежал на Горное Плато. От Шумной до Плато 24 километра. Был сильный дождь, и мы все насквозь промокли. Дорога к Плато нам очень понравилась. Вокруг росли каменные берёзы, еле видные сквозь туман, желтели рододендроны — горные цветы.

Из-за тумана мы не сразу заметили палатки. Развели костёр и долго сушились. Настроение у всех было отличное — ведь завтра нас ожидала Долина гейзеров.

На следующий день погода порадовала — светило солнышко, было жарко. 8 километров прошли незаметно. Природа была очень живописна. Лагерь Долины оказался самым большим и лучшим. На следующий день мы пошли на экскурсию. Увидели ворота в Долину, высеченную природой голову Спартака, царевны-лягушки, сидели в двух шагах от извергавшегося гейзера Первенца, он бил струю горячей воды на 10–15 метров. Видели глину 80-цветовых оттенков, удивительные камни гейзериты. Гейзериты — это отложение соли и глины, их очень мало, и растут они по 1 миллиметру в год.

На другой день наш путь лежал к вулкану Узону. Лагерь находился в потухшем кратере вулкана. Дорога шла по леднику, и, заблудившись из-за тумана, мы еле отыскивали тропку. Как только мы пришли в лагерь, все побежали купаться в горячее маленькое озеро, температура воды озера по сравнению с паратунской была очень высокой, глубина этого озера 120–125 метров. На Узоне мы взбирались на Красную сопку. Подъём был очень трудным, дорога шла то по леднику, то по траве, угол наклона сопки примерно 70 градусов. С вершины нам открылась удивительная по красоте картина: перед нами растянулся Срединный хребет, возвышался Кроноцкий вулкан, вулкан Крашенинникова, Зубчатый потухший вулкан, у которого была видна только верхняя часть, как мираж;

увидели мы и Кроноцкое озеро, Дальнее озеро, наполовину покрытое льдом.

На Узоне у нас была самая большая остановка: мы прожили там 3 дня. Всё было бы отлично, если бы не комары. Их было такое громадное количество, что никакие мази и репудин не помогали.

По дороге на обратном пути мы видели и зайцев, и куропаток, и бурундучка. Когда мы уже возвращались домой, при переправе через реку Шумную нашу лодку, где сидели мальчишки и Геннадий Алексеевич Кухтин, руководитель похода, перевернуло и два рюкзака унесло в океан. Половина плёнок была испорчена, это нас очень огорчило. На другой день один рюкзак выбросило на берег, а второй так и остался бродить по океану. На Шумной мы питались ухой; наши мальчишки только за 2 часа наловили 12 штук гольца и кунжи. Ухи мы наелись до отвала. Вообще в этом походе мы узнали, что такое голод, обжорство, холод. Были у нас и интересные приключения. В то время, пока мальчишки переправлялись, мы, шестеро девочек, пошли одни к лагерю занимать палатки и шли по той стороне ручья, где обитал медведь. Татьяна шла впереди и, как экскурсовод, говорила, конечно, шутя, что здесь медведь спал, здесь ел, и вдруг из высокой травы выглядывает мохнатая морда совсем близко от нас. Мы все завизжали и бросились к мостику через ручей, а Лена, которая до смерти боится медведей, с громким криком бросилась прямо в воду, не добежав до мостика. Мы потом очень долго смеялись над неожиданной встречей. Конечно, такое знакомство запомнится надолго.

Обратный путь мы прошли легко и быстро.

Впечатлений от этого похода осталось очень много. Всего мы прошли 202 километра, в Жупаново нам вручили значки «Турист СССР».

О. Яшина, ученица школы № 3.

Ленинское знамя. — 1969. — № 99. — 19 августа.

СИМПОЗИУМ ЗАКОНЧИЛСЯ

В течение четырёх дней в Доме политического просвещения учёные-биологи, приехавшие на Камчатку из Москвы, Ленинграда, Владивостока, Хабаровска, Иркутска и других городов, обсуждали очень важную проблему — «Биологические ресурсы суши Севера Дальнего Востока». Около трёхсот учёных приняли в нём участие. Более ста докладов было заслушано на заседаниях секции в эти дни.

Вчера состоялось заключительное пленарное заседание симпозиума. На нем учёные подвели итоги работы представительного совещания.

Президент Эстонской АН, председатель комиссии по проблемам сельского хозяйства Севера АН СССР академик Иоган Гансович Эйхфельд в своём выступлении подчеркнул: симпозиум был удачным. Местные биологи и учёные других городов и областей поделились своими наблюдениями, рассчитанными на решение конкретных задач

Академик Энхфельд отметил, что освоение земель полуострова в науке, как ни печально, всё ещё остаётся белым пятном. Это тем более обидно, что почвы на Камчатке уникальные. Необходимо открыть на полуострове филиал биолого-почвенного научно-исследовательского института Дальневосточного отделения АН СССР. Обеспокоило академика и состояние мелиоративных работ на Камчатке.

— Плохо решается также кормовая система, — заметил академик. — Она приносит убытки сельскому хозяйству. Опыт показывает, что многолетние травы дают гораздо больше силосной массы, чем однолетние. Я был удивлён, когда в одном из совхозов области увидел огромные площади, засаженные тимофеевкой и клевером. Надо срочно и основательно решить вопрос о возделывании многолетних кормовых трав. Возможно, даже будет нужна помощь биолого-почвенного института АН СССР.

Слово берёт доктор биологических наук, заведующий кафедрой Иркутского сельскохозяйственного института профессор Василий Николаевич Скалон. Он подчеркнул огромную роль в сохранении лесов и других биологических ресурсов Севера Дальнего Востока охотников-производственников, выразил своё удовлетворение тем, что восстановлен Кроноцкий заповедник, и высказал пожелание: необходимо создать на Камчатке, природа которой столь богата и разнообразна, ещё один заповедник — на мысе Лопатка.

Затем выступили руководители секций с краткими обобщениями проделанной работы.

В адрес симпозиума пришли приветственные телеграммы от вице-президента АН СССР председателя президиума Сибирского отделения Академии наук академика М. А. Лаврентьева, его заместителя академика Г. Н. Марчука, от старых дальневосточников — профессора Н. Е. Кабанова и профессора А. А. Цимека, от академика А. В. Жукова и других.

Заместитель директора Владивостокского научно-исследовательского биолого-почвенного института Николай Григорьевич Васильев тепло

поблагодарил Камчатский обком КПСС, облисполком, учёных и общественность Камчатки за большую работу, которую они провели по организации симпозиума, за радушный приём.

«Тепло наших встреч на чудесной камчатской земле было горячее ваших термальных источников. Это тепло мы увезём в разные уголки нашей страны», — сказал т. Васильев.

«Материалы симпозиума будут служить хорошим руководством для камчатских биологов», — сказал в ответном слове заместитель председателя облисполкома т. Полуэктов. Он пожелал дорогим гостям дальнейших успехов в работе, здоровья, личного счастья и новых творческих встреч.

После пленарного заседания гости Камчатки посетили выставку цветов. В оставшуюся неделю они совершат экскурсии по полуострову. Сегодня учёные отправились в Долину гейзеров.

Камчатская правда. — 1969. — № 210. — 6 сентября.

КАМЧАТСКАЯ ОРБИТА КОСМОНАВТА

Побывать на Камчатке и не посмотреть Долину гейзеров — кажется неестественным. Многочисленные туристы за десятки тысяч километров летят на полуостров, чтобы полюбоваться дивной красотой Долины, посмотреть неповторимое чудо природы.

Поэтому не случайно гостившему у нас космонавту Евгению Васильевичу Хрунову и его супруге Светлане была предложена поездка в Долину гейзеров.

Много восторженных отзывов слышал космонавт о Долине гейзеров, поэтому предложение посетить её было с удовольствием принято.

Долина гейзеров встретила солнечной погодой. В такую погоду она ещё более величественна. Всюду слышится клочкотание горячей воды, глухие подземные удары, шипение, то здесь, то там появляются радуги. На тропе, по которой нас ведёт экскурсовод Нелли Малахова, всюду встречается разноцветная глина. Хочется обойти её, но экскурсовод предупреждает, что с тропы сворачивать нельзя, можно угодить в горячий котлован. Только вчера малоопытного туриста увезли в больницу: оступился и обварил ногу.

— Сказочные места! — восхищается космонавт.

Мы подходим к одному из гейзеров. Он пока спокоен. Словно в огромном котле бурлит горячая вода. Слышится подземный гул. Он нарастает. Вода выплёскивается из природной чаши. А затем ввысь поднимается

огромный фонтан горячей воды и пара. На солнце ярко блестят серебряные брызги. Нас обволакивает горячим влажным паром. Становится жарко. Но никто не уходит от гейзера. Все стоят, как зачарованные.

Проходит ещё несколько минут. Напор воды спадает. Гейзер успокоился. Но начинает работать другой, затем третий.

В некоторых котлованах температура воды достигает 38 градусов, а кое-где она просто-таки кипит. Но есть источники и с более умеренной температурой.

— Вот в этой ванне, — говорит Нелли, показывая один из источников, — часто купаются туристы.

Решил испытать это удовольствие и Евгений Васильевич. Как же не искупаться в целебной воде!

— Какое богатство природы! Если бы это богатство поставить на службу человеку.

Вот уже несколько часов осматриваем мы своеобразный природный музей, и каждый уголок его неповторим. Всё новые и новые удивительные явления природы. Склон ущелья. Взобраться туда невозможно. Но даже на расстоянии слышится шипение пара, видны струйки сернистого газа. А в низине булькает разогретая глина, будто варится в котле загуственный кисель.

В Долине гейзеров, как всегда в эти дни, много туристов. Из Москвы, Ленинграда, других городов приехали они, чтобы осмотреть Долину. Они немало были удивлены, что так вот случайно, на туристской тропе встретили космонавта Е. В. Хрунова.

* * *

Так же были удивлены и обрадованы жители Командорских островов, куда космонавт Е. В. Хрунов прилетел в субботу. Всё население села Никольского пришло в сельский клуб, чтобы послушать рассказ космонавта. Тёплой была встреча, она надолго запомнится жителям далеких островов.

В воскресенье Евгений Васильевич вернулся в город, а вчера он с супругой вылетел в Хабаровск. На аэродроме гостей провожали представители партийных, советских и общественных организаций. Они пожелали космонавту доброго здоровья, новых успехов в освоении космоса, передали сердечный привет всем звёздным братьям.

В. Дмитриев.

Камчатская правда. — 1969. — № 218. — 16 сентября.

ПРОБЛЕМЫ КАМЧАТСКОЙ ЭНЕРГЕТИКИ ИНТЕРВЬЮ С ПЕРВЫМ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ МИНИСТРА ЭНЕРГЕТИКИ И ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ СССР П. П. ФАЛАЛЕЕВЫМ

На Камчатке с группой товарищей находился первый заместитель министра энергетики и электрификации СССР Павел Петрович Фалалеев. Наш корреспондент И. Ильенко попросил гостя ответить на несколько вопросов.

— Зная вашу приверженность к гидроэнергетике, всё-таки позвольте сначала узнать мнение о сегодняшних возможностях камчатской энергетики вообще. В какой степени она удовлетворяет всё растущие потребности?

— Я сторонник всех прогрессивных видов энергетики. В условиях Камчатки это тепло-, гидро-, термо- и даже атомная энергетика. Пока у вас развивается ТЭЦ, успешно эксплуатируется Паужетская термальная. Немного времени нужно, чтобы богатейшие запасы подземного тепла поставить на службу человеку, и этим сейчас заняты учёные, практики. Что же касается развития ТЭЦ, то на ближайшие годы можно говорить об удвоении её проектной мощности, во всяком случае для этого есть все предпосылки.

И всё же беспредельно мощность тепловой электростанции увеличивать невозможно. Вот почему жизнь поставила вопрос о развитии на Камчатке других видов энергетики, в частности, использования даровой силы воды. Активный водоток найден — это река Кроноцкая, выходящая из озера того же названия в горное ущелье. Авторитетная комиссия, которая перед нами побывала на месте, доказала возможность создания здесь двух каскадов гидроэлектростанции. Сейсмичность не является препятствием для их строительства, структура грунта приемлема.

Мы также побывали на месте строительства будущей Кроноцкой ГЭС и так же удовлетворены выбором площадки. Сейчас необходимо усилить гидрологические и геологические изыскания, учитывая сложность будущего строительства.

— Павел Петрович, какова мощность предполагаемой Кроноцкой ГЭС, кто её проектирует, каковы планы относительно сооружения этого необычного для Камчатки объекта?

— Первая очередь на 100 тысяч киловатт должна быть воздвигнута на нижнем каскаде. Вторая очередь на 160 тысяч киловатт — на верхнем каскаде. Половина Днепрогэса — это не так уж плохо для Камчатки. Проектированием занимается Ленинградское отделение Всесоюзного

института Гидропроект — учреждение, имеющее мировое имя, достаточно опытные кадры. Главным инженером проекта Кроноцкой ГЭС назначен Олег Александрович Краснов. Постепенно будут подключаться к стройке так же имеющие большой опыт строительства гидростанций кадры. Возможно, приедут строители Вилюйской ГЭС после завершения там работ. Мы встречались и с местными руководителями строительных организаций — (т. Голятин — трест «Камчатксельстрой», т. Зелинский — объединение «Камчаткстрой» и др.). Необходимо приложить немало усилий, чтобы построить такую гидроэлектростанцию. Здесь предстоит решить много побочных вопросов — дорога, жильё, кадры и т.д. В первую очередь нужно построить 60-километровую дорогу от бухты Ольги к строительной площадке Кроноцкой ГЭС. В условиях Камчатки это немаловажная проблема.

— Вы назвали в числе возможных видов энергетики ближайшего будущего на Камчатке и атомную энергию. Как это понимать?

— В буквальном смысле. Бурный рост промышленности, всё возрастающая потребность народного хозяйства в энергетике, всё возрастающая забота партии и правительства о нуждах людей, живущих на Крайнем Севере, ставит проблему получения как можно больше энергии. Поэтому, если возникнет необходимость, можно будет ставить вопрос о строительстве атомной электростанции.

— Мы всех наших гостей подвергаем пристрастному «допросу» — как им понравилась наша Камчатка. Что хорошо, что плохо у нас? Пожалуйста, расскажите о своих впечатлениях, что бы вы пожелали читателям нашей газеты?

— На Камчатке я впервые, и впечатление потрясающее. Вы обладатели ни с чем не сравнимого по красоте ландшафта. Нужно приложить все усилия, чтобы сохранить его для нас и для наших потомков. Мы побывали в Долине гейзеров — это уникальнейший уголок чудо-природы. Мы не переставали любоваться вулканами.

Желаем труженикам орденоносной Камчатки успехов в выполнении грандиозных планов пятилетки.

Камчатская правда. — 1969. — № 224. — 23 сентября.

ГОСТЬ

Он пришёл, когда угасающий шар солнца запутался в тёмных стволах леса. Пришёл, как приходит всё необычное — тихо и неожиданно.

Измотанные большим переходом по слепающему снегу и вязкой хлюпающей тундре, мы молча окружили костёр и не совсем верили рассказу Олега — инструктора лагеря. «Он был здесь два вечера подряд. Как только туристы начинают стучать ложками, подходит к тому берегу и ждёт. Бросили хлеб — взял... А ночью забрался в лагерь и съел полведра макарон... Он и сегодня придёт...»

На всякий случай «Зенит» держу наготове. Беззаботно потрескивает костёр, молочный дым по тонким лучам солнца тянется вверх. Вокруг великий мир звуков. Бесконечно движущихся, неуловимых. Все они слились в один оркестр — оркестр живой тишины. Последний раз пропела кукушка. О далёкие скалы уныло бьётся океан. В ведре закипает ужин...

Не знаю, что заставило меня очнуться. Помню одно: слух сигнала не подавал. Была всё та же торжественность покоя. Но я оглянулся.

Как из воды, над волнистой поверхностью травы на той стороне ручья, не мигая, торчали два круглых чёрных глаза. Лохматое, желтовато-белое пятно, окружавшее их, виднелось до половины и казалось застывшим. Только два смешно торчащих над ним уха изредка вздрагивали и выдавали могучую жизнь, обратившую сейчас на нас всю свою настороженность, силу, любопытство...

Медведь подходил осторожно, как по изломанной зигзагами тропе. Морда виновато отворачивалась в сторону, в то время как лапы неслышно подвигались вперёд. Его нерешительность скорее походила на кокетство.

Мы нарушили сцену безмолвного изучения друг друга, бросив через ручей кусок холодной каши. Гость быстро понял, в чём дело. Фотографы не успели щёлкнуть затворами, как перед нами предстала довольная жующая морда. Теперь он стоял прямо против нас, огромный зверь с густой, длинной, как волны, шерстью, и с готовностью принимал очередную порцию.

Но вот, видимо, почуяв, что запасы наших рюкзаков изрядно поубавились, гость переключился на новый объект. Рядом с лагерем стояла одинокая палатка. В ней, как мы узнали, жил лесничий заповедника. Там дело шло к ужину. Недалеко от костра лежала стеклянная банка с маслом. Мы не думали, что именно она привлекла внимание зверя, но видели, с каким нетерпением подходил тот к берегу, недовольно щупал лапой воду и без устали поднимал нос кверху, стараясь разгадать летящие к нему запахи.

Дальнейшее произошло молниеносно. С необыкновенной лёгкостью медведь перескочил ручей, схватил зубами заветную банку и бросился

наутёк. Лесничий, потрясённый столь дерзким поступком гостя, кинулся в погоню. Медведь оглянулся, с испугу рывкнул, выронил банку на середине ручья и исчез в черноте леса.

А мишка больше не показался. Не знаю, бродил ли обиженный зверь по нашему лагерю ночью. Входы в палатках были плотно затянуты, и, подозреваю, не все обитатели сладко спали. Видимо, по этой причине многие слышали лёгкие подземные толчки, балла в четыре, случившиеся на рассвете...

Солнце нового дня догнало нас на берегу океана. Мы спешили в Жупаново, унося в фотоаппаратах память о встрече, которую подарила природа.

В. Кравченко.

Камчатская правда. — 1969. — № 229. — 28 сентября.

ИСЧЕРПЫВАЕТСЯ И НЕИСЧЕРПАЕМОЕ...

Каждый, кто читает газеты и журналы, а читают их решительно все, не может не обратить внимания на то, что постоянно и в центральных, и в местных органах нескончаемым потоком публикуются материалы, так или иначе напоминающие об охране природы.

Более того, партия и правительство в ряде постановлений подчеркивают важность охраны природы как одного из первенствующих направлений жизни страны, а следовательно, всенародная осведомлённость в этой области и всеобщее в ней участие становятся уже чем-то обязательным для советского человека.

Всё это слишком серьёзно и очевидно, и, даже не прибегая к печатному слову, каждый вдумчивый гражданин сам видит тревожное положение в родной природе.

Давно ли, скажет старожил Камчатки, реки полуострова переполнялись рыбой? Давно ли изобиловали зверем камчатские уголья, а птицы тучами поднимались с водоёмов, потревоженные зашедшим человеком?

Справедливость требует признать, что на Камчатке с дикой живой природой пока благополучнее, чем во многих других областях. Но это не причина для успокоения. Внимание к её богатствам требуется везде, и чем раньше оно проявляется, тем лучше. Всегда проще предохранить, чем исправить.

Впрочем, не только о дикой живой природе речь. Во всём мире сейчас проблема № 1 — пресная вода. Повсюду сточные воды заводов и

фабрик, городов и селений безнадежно пачкают и просто отравляют реки. Целые речные системы приходят в негодность. Сама матушка Волга несет нечистые воды, а в Западной Европе чистая пресная вода стала предметом импорта из скандинавских стран. Скажут, что реки и речки Камчатки ещё совершенно чистые. Пусть так, но они и впредь не должны загрязняться. Однако берегам полуострова уже сейчас грозит неминуемая беда — всевозможные суда сливают нефтяные отходы у её берегов, и мертвящая плёнка покрывает воды и осаждается губительным слоем на побережье.

Каждый капитан, каждый моторист или шофёр должен помнить, что, сливая как попало нефтепродукты в воду или на землю, он сеет смерть в природе. «Ни капли нефти за пределы двигателя» — вот тот лозунг, которым должен воодушевиться всякий, кто имеет дело с горючим.

Прискорбное положение грозит нам и с лесами. Полуостров, надёжно и широко прикрытый шубой кудрявых березняков и стлаников, беден деловой древесиной. Не допуская ни малейших перерубов, избегая всякой расточительности, мы должны строить наше лесное хозяйство. Всем известен факт, когда В. И. Ленин в годы величайших тревог и забот нашёл время примерно наказать человека, который загубил напрасно одну только ель в Горках. За этим деревом В. И. Ленин видел все леса своей необъятной родины и показал, как надо о них заботиться.

Думая о лесах, мы должны отвлечься от узкого понятия о них как лишь об источнике древесины. Нет, лес, прежде всего, величайший оздоровитель воздушного океана, лес — это хранитель пресных вод. Лес — это источник многих незаменимых ценностей, и только с этих позиций мы должны думать о его значении.

Впрочем, сколько мы лес ни рубим, больше его погибает от косвенного влияния человека, а именно от огня, почти всегда запускаемого в природу человеком. Горят леса, а от них обширные площади большеотравий, столь характерных для Камчатки. Бездумно поджигают травянистую сушь — огонь уходит в леса... Строго, чрезвычайно строго надо следить за всяким, кто идёт в тайгу, не имея житейского опыта. Никогда не сожжёт леса истинный лесной житель, и им, таёжным охотникам, надо прежде всего поручать охрану леса, надзор за всеми, кто попадает в леса, и в этом труде таёжники должны быть материально заинтересованы.

Обратимся к животному миру. Всему свету известно богатство Камчатки — рыба. Ещё так недавно неисчислимы были косяки рыб, входивших в реки полуострова на нерест. Исчерпаемыми считали запасы

рыбы в прилежащих просторах океана и моря. И вот на глазах, собственно, одного поколения эти богатства оскудели. Оскудели до того, что требуется запрет.

Почему так происходит? Виной этого, конечно, является несоразмерный лов, непрекращающееся браконьерство, недобросовестное использование улова, доходящее до того, что рыбу выбрасывают после извлечения из неё икры. Это так, но нам кажется, что истинная причина этого глубже, она в принципиально неправильном отношении к ресурсам дикой живой природы.

До сих пор то и дело мы слышим о каких-то «неисчерпаемых», «баснословных запасах» рыбы, которые, дескать, таковы, что можно брать из этих «запасов» столько, сколько позволяет сила молодецкая.

В этом огромнейшая ошибка. В природе нет никаких запасов живых существ, ни растений, ни животных. Существуют только производительные возможности организмов, которые вовсе не являются неисчерпаемыми.

Испокон веков животные противопоставляли человеку свою размножаемость, свою быстроту движений, что и позволяло им сохранять их численность. Всюду, где техника вступает в соревнование с этими явлениями, погибает жизнь, так как человек овладел такими средствами, против которых бессильно всё живое. Если китов нацело человек уничтожает в просторах мирового океана, то что же говорить о рыбе?

Создаётся как будто бы неразрешимая трудность, пессимистическая оценка даже ближайшего будущего! Думать так было бы ошибкой. Не безнадежный отказ от использования и не решение «вычерпать хоть остатки», а сознательный подход от стихии промысла к социалистическому хозяйствованию. Вот к чему нам надлежит стремиться. Никто ведь не говорит о «запасах» кур или коров — их используют в меру их производительности, и в нашу эпоху в отношении любого вида только таким будет путь правильного подхода к живым организмам.

Если мы наблюдаем прямое исчезновение ценных рыб, возможная производительность которых огромна, то что же можно думать в отношении птиц и зверей, которые размножаются гораздо медленнее и для которых уйти-то от человека некуда? Сейчас в прошлое ушли «нехоженные тропы», «недоступные уголья» и «медвежьи углы», о которых так любят упоминать журналисты. Всюду проник человек, и в считанные часы он может добраться до любого пункта земного шара. Всюду он может истребить и действительно нередко истребляет всё живое.

И вот под угрозой исчезновения находится великолепный горный баран — гордость Камчатки. Явно снижается поголовье замечательного камчатского медведя. Сокращаются табуны северных оленей. Даже соболь, восстановлением поголовья которого мы по заслугам гордились, начал клониться к вымиранию. Со всем этим мириться никак нельзя.

Очевидность оскудения растительного и животного мира вызывает обычно противоположную реакцию. Одни склонны думать, что надо запретить всякое использование и сохранять живую природу только в эстетических целях, учитывая то глубокое благотворное воздействие, которое вольная природа оказывает на человеческое общество. Другие, напротив, склонны утверждать, что искоренение дикой живой природы — явление неизбежное. Это закономерное следствие роста населения и его технической вооружённости, а следовательно, горевать не о чем. Взять всё, что есть, и махнуть на природу рукой.

Разумеется, обе точки зрения неправильны. Предоставленная сама себе, живая природа вовсе не оказывается в наилучшем положении. Леса переставаются и превращаются в кучи хлама. Животные, достигнув большой плотности, неизбежно вымирают от развивающихся эпизоотий и голода. Следовательно, разумное, в пределах естественной размножаемости, использование растений и животных необходимо даже в интересах биологического их благополучия. С другой стороны, совершенно ошибочно думать, что рост населения исключает возможность размножения животных и благополучия лесов. Совсем напротив. Сельскохозяйственное освоение земель повышает их биологическую производительность вообще, и на них могут селиться многочисленные дикие животные, полезные человеку уже тем, что защищают растения от вредителей. Но это не всё.

Неоглядно далеки те времена, когда людям станет на земле так тесно, что не окажется места для дикой живой природы. Более того, в самых густонаселённых странах диких животных может быть гораздо больше на единицу площади, нежели в пустынных районах. Так, например, в Чехословакии с её 128 тысячами квадратных километров, населённых очень густо, нас поражает удивительное изобилие диких зверей и птиц, к чему вовсе не привычны дома. Достаточно сказать, что в Чехословакии ежегодно добывают 61 тысячу косуль, 3.000 кабанов, 2,5 миллиона зайцев и диких кроликов, 2,5 миллиона куропаток и т.д. И сколь бы ни была мягка природа в этой республике, причина изобилия дичи не в этом.

Надо знать, что звери и птицы отлично уживаются с человеком бок о бок, лишь бы их никто не обижал. В Академгородке под Новосибирском белки берут из рук прохожих лакомства и запросто бегают кругом зайцы. Не пугаясь людей, под Москвой бродят лоси.

В Алма-Ате повсюду под ногами видишь чудесных диких голубей — египетских горлиц, удачно ввезённых в этот город и находящихся под покровительством жителей...

Значит, всё дело в отношении людей к животным. Ведь вот как: никто не ворует коров, а если ворует, то подвергается не только наказанию, а и глубокому осуждению сограждан. Если же человек убил без разрешения лося, его считают героем, охотно берут у него «гостинец» мясом и никак не хотят считать его преступником. Но ведь выстрел в лося и хищение домашней коровы — преступления совершенно одинаковые и юридически, и в смысле нанесения ущерба государству! Следовательно, самое главное и трудное — это преодоление отсталости во взглядах на диких животных, воспитание людей в понятиях надлежащего отношения к родной природе и её ресурсам.

Воспитание в духе охраны природы должно охватывать всё подрастающее поколение начиная с детского сада, так как именно с молоком матери гражданин должен всасывать и жалость к родной природе, проникаться чувством ответственности за её жизнь. Через школу должно пройти преподавание охраны природы и быть отмечено в аттестате зрелости, так как не может быть назван зрелым человек, разрушающий природу родной страны. Наконец, во всяком высшем учебном заведении обязательный курс охраны природы необходим для слушателей, но уже специализированный, согласно данному профилю подготовки специалиста.

Разумная повсеместная охрана и надлежащее закономерное использование — вот путь восстановления и обогащения ресурсов дикой живой природы, минуя который мы придём в зону «биологической пустыни». Это надо понять и в кратчайший срок осуществить это на практике.

Однако же есть определённые участки советской территории, где отношение к природе должно быть иным. Это заповедники, на площади которых никакое использование природных ресурсов не может быть допущено никогда. Заповедники — это эталоны дикой живой природы, взятые на момент их создания. Чем сохраннее природа этих участков, тем ценней заповедник, а значение его для страны повышается с каждым годом. Заповедники — это лаборатории в природе,

но — бескровные, так как никакого убоя в них нет и быть не может. Заповедники — это место посещений гражданами, ищущими общения с природой и повышения знаний о ней. Заповедники, наконец — это форма переключки с нашими удалёнными потомками, которые по ним будут судить об уровне культурного отношения к природе своих предков.

Полуостров Камчатка славен своими красотами, и заповедник Кроноцкий, в котором находится «восьмое чудо света» — последнее из четырёх открытых на Земле местонахождений гейзеров — поистине должен стать гордостью всей страны. Грустно думать, что ещё так недавно он был закрыт и подвергся существенному опустошению раньше, чем был восстановлен. Теперь Долина гейзеров вошла в список мировых заповедников навсегда, но — увы — уровень её охраны далек от совершенства. Ещё бродят среди гейзеров толпы «диких» туристов, что совершенно недопустимо. Ещё возникают попытки разных экспедиций забираться в заповедник под разными предложениями и даже, что совсем уже невозможно, осуществлять вблизи гейзеров бурение.

Единое управление заповедником и туристами на его территории. Строжайший контроль посетителей. Величайшая осторожность в обращении с Долиной гейзеров вообще... Вот что необходимо осуществить сегодня и навсегда.

Однако для Камчатки одного заповедника мало, и совершенно правильно симпозиум по биологическим ресурсам, проходивший в Петропавловске-Камчатском в начале сентября 1969 года, поставил вопрос о воссоздании заповедника на мысе Лопатка. Поистине чудный уголок — южная оконечность полуострова самой природой предназначена для этой цели.

Славна земля камчатская природой своей и своим народом. Крепким и здоровым растёт здесь юное поколение. Так разве мыслимо нам терпеть разрушение природы полуострова?

Разумеется, нет! На Камчатке начинается советское утро, и Камчатская область должна стать примером и образцом любовного обращения с природой, по которым будут равняться края и области Сибири и Дальнего Востока.

*В.Н. Скалон, профессор Иркутского сельхозинститута,
доктор биологических наук.*

*Г.И. Сухомиров, ст. научный сотрудник Хабаровского КНИИ,
кандидат сельскохозяйственных наук.*

Камчатский комсомолец. — 1969. — № 118. — 30 сентября.

Я ОТКРЫВАЮ КАМЧАТКУ

«Самое дело путешествия для человека, искренне ему преданного, представляет величайшую заманчивость ежедневной сменой впечатлений, обилием новизны...

...Трудности же физические, раз они миновали, легко забываются и только ещё сильнее оттеняют в воспоминаниях радостные минуты удач и счастья. Вот почему истому путешественнику невозможно забыть о своих странствиях даже при самых лучших условиях дальнейшего существования. День и ночь будут ему грезиться картины счастливого прошлого».

Н. М. Пржевальский

С чего начинается путешествие по Камчатке? У меня — с простого любопытства: когда впервые увидел падающий на город пепел, решил посмотреть, откуда он берётся. Но только через несколько лет я увидел извержение вулкана.

Морвокзал. Шум. Чемоданы. Очередь у кассы. Обрывки фраз. Люди спешат. Ищут. Находят.

И вот теплоход идёт в Жупаново. Тяжело ворочается Тихий. Ночь накрыла холодным туманом воду.

Я плыву по океану!!! Это шевельнулось вдруг. Ведь было время — выйти в океан считалось геройством, а сейчас шёл обычный теплоход по расписанию. Пусть у человека притупились чувства открытия, но я буду тормозить знакомых и рассказывать, что видел Тихий океан.

36 килограммов... Рассказывали бы — не поверил, но я сам взвешивал рюкзаки, распределял жиры и углеводы. Рюкзак поднимали вдвоём. Лямки плотно легли на плечи, и рюкзак взгромоздился на меня так прочно, будто всю жизнь сидел на спине.

* * *

Пихтовая роща известна со времен путешествия С. П. Крашенинникова. В 1909 г. пихта получила название Грациозной за коническую форму ствола. Средняя высота 16–18 метров. У молодых деревьев ствол гладкий, тёмно-зелёного цвета. Есть предположение, что роща сохранилась с доледниковой эпохи.

Первый крупный привал. Гудят ноги, их с удовольствием протягиваю в траву — настоящее блаженство.

Вокруг пихта. Почему она поражает? Привыкший к берёзе, ольхе и кедровому стланику, с любопытством рассматриваю пихту.

Я трогал её иголки, нюхал. Нет, я не разыгрывал простачка. И если бы было рядом множество сортов пихты, я отличил бы её от многих. Как сохранится этот уникал?.. Впрочем, зачем гадать? Надо подумать, как её сохранить. Посещение пихтовой рощи считается обязательным для всех туристов. «Каждый по веточке...»

Города дают на человечество и сужают его мир. И рвётся человек из своего дома подальше от комфорта — в тундру, тайгу, горы. Мёрзнет, голодает, но вновь уходит в тайгу.

Герка. Он сам выбрал вещи потяжелей. Это ему нравилось — что ж, позволяет комплекция: коренастый, крепкий. Старый турист. Юрка шёл за компанию с нами и был надёжным товарищем. Женька с Инной — влюблённые. Мы были товарищами. Забыли свои городские звания — стали поварами, дровосеками, фотографами. Случались и непредвиденные профессии: костровой, прачка или паромщик (когда ты в сапогах и переносишь на себе через речку друзей). Все мы ровесники. Нас подружила любовь к своему краю и любопытство.

Река Новый Семлячик. Чистая, горная. Идём вдоль. Сопок не видно. Шеломайник. Заходишь в его заросли — и как в джунглях. С верхушек сыплет «снегом» цвет. Вдруг — водопад. Падают вода, крутится, кипит, разлетается в стороны, облаком поднимается вверх и — загорается радугой. Слева — скала. Мокрая. Прохладно и пахнет подземельем.

Бород и гитар у нас нет, но есть жаркий костёр и песни. И туристские байки.

Женька стал уже завираться: «Когда заблудился...»

А мне вспомнился реальный случай на перевале в Ганальских хребтах. Заночевали на самой седловине. Рядом со звериной тропой поставили палатку. Утром что-то рано проснулся. Друзья ещё спали. Я решил приготовить завтрак и обрадовать их.

Туман стал исчезать, едва проглядывались остряки. Развожу костёр. Шныряю по зарослям кедрача за сухостоем. На плечи накинута куртка — прохладно ещё. Волосы у меня торчали шапкой, и длинный чуб спадал на лоб. Тишина. Знаю, что кругом ни души, и вдруг в кустах — громкий разговор. Я удивился очень, что люди так близко. И обрадовался — приятно встретить человека в диком районе.

— Парень, я тебя чуть не убил.

До меня не доходит смысл, я ничего не соображаю, а он продолжает:

— Целил в лоб.

Смотрю, у него в руках карабин и руки трясутся.

— Тебя спас дым, который мы увидели в последний момент. Чуб твой за лоб медведя приняли, да ещё куртка — ну вылитый медведь!..

Счастливая случайность — и я вот брожу, пишу, а не было бы дымного костра, пал бы от рук браконьеров.

Бывают и такие байки. Женька досказывал: «...Когда первый раз уходишь в тайгу, я хвалился, что по утрам с медведем здороваться буду, но, знаете, когда вокруг темнота, то у меня одна мысль крутилась — не попасть бы на заседание звериного совета — вмиг спишут. Случайно увидел костёр — меня искали. В наказание заставили надувать матрацы, а их 12 штук...»

* * *

Действующий Карымский вулкан в Восточной вулканической области. Назван по расположению в верховьях реки Карымской. Высота 1.486 м. Правильный конус со слегка усечённой вершиной, на которой расположен чашеобразный кратер диаметром 200 метров и глубиной 30 метров.

Поднимаемся из кальдеры, и вот вулкан — сразу весь. На белом вечернем небе стоит серый усечённый конус. Внизу — глыбы. Тишина разрывается камнепадами. Глухо выстрелил вулкан. Пепловое облако взмыло вверх и, кажется, накроет, но оно прошло высоко, осыпая траву, кустарник и нас пеплом. Он падал с шелестом, как дождь, и оставлял серый след.

Утром проснулись, и вокруг, как после первого лёгкого снежка, беловато. Пепел... Он успел слоем отложиться на палатке.

На завтрак была каша с маслом и пеплом. Это теперь постоянная приправа к нашей пище, хотим мы этого или нет. Пепел проникает во всё: в фотоаппараты, рюкзаки, миску с едой, снаряжение.

Наша стоянка недалеко от палаток вулканологов. Погожие дни дают возможность вести новые наблюдения, и вулканологи пропадают на вулкане. Мы иногда видели их — усталых, пропепленных и торопливых.

Обходим вулкан с юга. Под ногами шлак и пепел. Чем ближе к западному склону, тем больше нагромождения, видны фумаролы. Шипенье, шум осыпей — мир вулкана. Почва вдруг стала подрагивать, слышались звуки, похожие на вздохи огромного зверя, и вот опять облако. Затем залп. Градом посыпались валуны.

Несколько самых шустрых камешков докатились и до нас. Пришлось отбегать. Один ударился о глыбовый поток, разбился на куски, обдало жаром — сердцевина вулкана красная, горячая.

И вот панорама вулкана. Прямо висится Карымский, выкидывающий очередной заряд пепла и газа. Вулканические бомбы облетают конус. Дальше за вулканом виднеется Карымское озеро.

Именно тогда я понял, что достиг цели путешествия. Увидел, услышал, как ворочается, пробуждается земля. Какая сила заключена в недрах нашей планеты! Сила! Прислушай я сотню лекций об извержении вулканов, я не понял бы столько, сколько открыл для себя, когда увидел всё сам.

*Александр Пирагис, радиотехник.
Камчатский комсомолец. — 1969. — № 121. — 7 октября.*

ЭКСПОНАТЫ КРОНОЦКОГО

В областном краеведческом музее эти экспонаты будут представлены в специальном разделе: «Кроноцкий заповедник». Их привезла научный сотрудник Г. И. Бурова, проведшая в этом уникальном уголке полуострова около двух недель.

Из реликтовой рощи «переселилось» в музей деревце пихты грациозной с нежной голубой хвоей. В 29 лет оно выросло только на метр. Очень медленно растут эти деревья, сохранившиеся на земном шаре только в этом заповеднике.

О Кроноцком, его истории расскажут чучела птиц, фотографии, документы, гербарии. Учёные, исследуя природу, ведут здесь большую научную работу. Недавно открыт филиал заповедника — стационар на Семлячских горячих ключах.

Камчатская правда. — 1969. — № 259. — 2 ноября.

1970

ИДЕТ ДОЗОРОМ ЛЕСНИЧИЙ

МНОГО дел у молодого специалиста, выпускника Иркутского сельскохозяйственного института, Виктора Кусайко. Он — лесничий Кроноцкого заповедника.

КРОНОЦКИЙ заповедник. Сказочная долина гейзеров, кальдера Узона. Медведи, которых можно кормить из рук. Лебеди, не взмывающие в небо когда к берегу подходят люди.

Для того, чтобы медведи, носослапа подошли к кострам и не поднимались на крыло лебеди, в тундре и тайге заповедника должен проходить дозорный. Что делать, если в туристических палатках — еще бывает такое — спят до поры в чехлах ружья. А топору равнодушного «любителя

природы» безразлично, какое дерево ляжет в костер.

Виктору Кусайко надо посмотреть, не отправились ли парни из геологической партии в хребты за оленями, такое случалось. Вдруг опять?

Виктору приходится ходить в меховых унтах, на подбитых нерпичьей шкурой лыжах. Идти, прокладывая лыжню, по снежной целине, через скованные льдом реки. Но там, где вчера лед был крепче бетона, сегодня река может его истончить. Промоина не всегда различима, пурга старается прикрыть ее снегом.

Идет лесничий по своему участку. И вдруг лыжня упирается в промоину: не замерзла река Богачевка... Но идти надо, такая работа. И пошел. Хрупкий, ненадежный лед не выдержал, и вода потащила Виктора вниз. Нелегкая это была схватка с природой, но человек взял и выбрался, только кунуль утопил.

«Названный кунуль не удалось спасти», — переживает Виктор.

О себе, о дороге через тайгу он не думал.

Много дел у лесничего, и нелегких.

Камчатский комсомолец. — 1970. — № 21. — 17 февраля.

ПАНСИОНАТЫ НА ТУРИСТСКИХ ТРОПАХ

ОН ПОЯВИТСЯ в новой пятилетке, туристский пансионат в Долине гейзеров. Центральный совет по туризму и экскурсиям ассигнует на его строительство два миллиона рублей, 400 человек сможет принять одновременно база. Сейчас идут консультации

с проектировщиками Гипрорыбпрома.

А пансионат на Семлячичских ключах появится уже в этом году. Амурский завод деревянных конструкций поставит на Камчатку 10 деревянных четырёхкомнатных домов.

Камчатская правда. — 1970. — № 7. — 9 января.

РАДОСТИ И ТРЕВОГИ ДОЛИНЫ ГЕЙЗЕРОВ

Белоснежная струя брызнула в небо, стараясь зацепиться за что-то далекое, невидимое, какое-то мгновение задержалась там, вверху, и, обессиленная, густой прядью ринулась вниз. И сразу клубы густого пара, как крылья необъятной птицы, стали расти, надвигаться на солнце, камни, людей. Теперь только по непрерывному глухому рокоту можно было догадаться, что где-то там, внутри, бьётся гигантское сердце «Великана». Так продолжалось несколько минут. Вдруг шипение прекратилось. И когда растворился туман, все увидели неподвижную чёрную чашу грифона. Потом мы шли по этой земле, наполненной теплом, грозными и таинственными звуками, раскрашенной необычайными красками, и не могли насмотреться, надышаться, послушаться этой симфонией, имя которой — Долина гейзеров...

Прошло немного времени с тех пор, как Долина стала известна людям. Татьяна Устинова, исследуя верховья реки Шумной, натолкнулась на пульсирующие источники в 1941 году. С тех пор растёт слава камчатских гейзеров. Несколько лет назад количество добравшихся туда исчислялось сотней-двумя, теперь тысячи туристов со всех концов страны устремились в этот сказочный уголок природы. В некогда дикое, недоступное место проложен постоянный туристский маршрут. Только минувшим летом по путевкам областного совета по туризму в Долине побывало 1.300 человек, а если включить и «дикарей» — около 2-х тысяч туристов любовалось уникальным зрелищем.

Много внимания уделяет областной совет по туризму вопросам снабжения, оборудования маршрута. Вертолёты забрасывают питание,

туристское снаряжение на Горное плато, Узон, на Шумную. Ведётся постоянное изучение и расширение возможностей лучшего обслуживания туристов. Закуплено десять разборных домиков, каждый на 10–12 мест. Весной их установят на Семлячيكских ключах, а впоследствии каждый лагерь будет оборудован постоянным жильём. Основную базу предстоит перенести непосредственно в Жупаново и открыть там благоустроенную гостиницу на 250–300 мест. Сначала над Шумной и Пятой речкой, а затем над всеми остальными протянутся висячие мосты. Для безопасности посещения Долины на термальных участках намечено построить наблюдательные площадки.

Нужно только тщательней возводить эти сооружения, чтобы служили они не один год и своим внешним видом не явились бы резким диссонансом хрупкой красоте Долины. Продолжится оборудование лагерей сушилками, кухнями и т.д.

Это планы, но существуют проблемы, которые ждут своего разрешения в ближайшее время. «Проблемой номер один» назвал председатель областного совета по туризму Н. Г. Крамаренко вопрос о своевременной доставке туристов в Жупаново и возвращении в Петропавловск. Конечно, идеальным решением явилось бы введение специального рейса судна «Петропавловск — Жупаново». Так оно и должно решиться в итоге, ведь маршрут № 264 — один из самых интересных и перспективных всесоюзных маршрутов. Но пока этой возможности нет, совету по туризму совместно с управлением морского пароходства необходимо найти какое-то решение, чтобы не приходилось людям, как прошлым летом, по возвращении из 14-дневного путешествия добрую неделю сидеть в Жупаново в ожидании транспорта.

Большого разговора заслуживает вопрос о сохранении гейзеров. Необходимо строго ограничить подход туристов к самим источникам. Два десятка крупных гейзеров на ежегодные тысячные армии туристов — вещи несоизмеримые. Уже сейчас, когда плановый маршрут работает всего несколько лет, можно видеть большие раны на гейзеритовых щитах «Сахарного», «Тройного», «Великана»... Если бы в Долине гейзеров или хотя бы на основной базе в Жупаново туристам предлагали памятные значки, наборы цветных снимков, разные сувениры, которые пока без пользы выбрасывает океан — думается, меньше было бы желающих украдкой отщепить кусок гейзерита или обломить веточку пихты грациозной. Те же, кто не понимает, что каждое заповедное место — неприкосновенно, должны почувствовать крепкую руку хозяина

и навсегда потерять аппетит к уничтожению и расхищению национальных ценностей.

Но не всё зависит от туристов. Маршрут в Долину проходит по территории Кроноцкого заповедника. Туристу нужно трижды в день готовить пищу. А заготовленных дров нет. «Собирайте валежник», — говорит инструктор. А откуда здесь быть валежнику, если до тебя вокруг лагеря на добрую сотню метров давно подобрали последнюю хворостинку? И рубят туристы лес. Заповедный лес!..

Сейчас можно наблюдать повышенный интерес к Камчатке. Но как мы сами популяризируем наши маршруты, Долину гейзеров? Выпустили только один альбом-проспект. Но какой! Качество печати, тексты оставляют желать лучшего. Природа сама даёт нам в руки богатейший материал, остаётся только со вкусом перенести все это на бумагу.

Не всё намеченное в прошлом году удалось выполнить. Областной совет по туризму решает масштабные вопросы, а недостаточная организаторская работа на местах зачастую приводит к тому, что есть брёвна, вертолёт, строительные материалы, есть строители, а работа не движется. Нет хорошего хозяина. Серьёзные претензии имеются на этот счёт к директору турбазы «Долина гейзеров» В. Д. Фурсову.

Большая трудность заключается в том, что совет не имеет постоянных инструкторов. Маршрут обслуживают приезжие люди, а далеко не всем близка и дорога камчатская природа. Кроме того, может, они и неплохо «водят» группы, но, как правило, плохо знают и мало рассказывают об особенностях маршрута, его объектах.

Добрая половина туристов не увидела прошлым летом запланированного кольцевого маршрута. И здесь не во всём виновна погода. Да, на «Бурлящем» поздно сходит и рано ложится снег, но турист готов пройти через многие трудности. Не простит он одного: элементарной неподготовленности некоторых приютов к его приходу (к примеру, в палатках на «Бурлящем» не было деревянных настилов, сушилок...). Больше оперативности нужно проявлять весной при восстановлении приютов, чтобы не затягивать это до конца сезона...

Областной совет по туризму мы можем поздравить с первыми успехами. 1969 год принес 50 тысяч рублей прибыли. В создании крепкой материальной базы туризма большую помощь оказывает областной совет профсоюзов. Только в этом году им выделено 114 тысяч рублей, что в два с лишним раза превышает запланированную ранее сумму.

Наступит туристское лето. Много вопросов предстоит решить областному совету, чтобы улучшить жизнь туриста. Нет, мы не за комфорт. Мы за хорошую организацию каждого дела. Чтобы рос, развивался массовый туризм на Камчатке. Чтобы сверкала всеми красками наша жемчужина — Долина гейзеров.

*В. Кравченко, член географического общества.
Камчатская правда. — 1970. — № 63. — 15 марта.*

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ РЕЙС МИ-8

Разбрасывая серебряными потоками снег, лязгая траками гусениц, выбежал на посадочную площадку Халактырского аэропорта покрытый серой брезентовой робой ГТС.

И тут же, гремя ключами и ломиками, водитель и подручные рабочие быстро стали снимать с него гусеничные ленты, подводить и закреплять трос.

Рядом, подняв тучи снежной пыли, приземлился вертолёт Ми-8.

...Несколько дней назад, в солнечный тёплый день камчатские авиаторы радостно встретили долгожданную машину. Лучшие пилоты подразделения — Лев Иванович Наседкин, Григорий Иванович Захаров, штурман Владимир Анатольевич Догот и бортмеханик Александр Павлович Перевертин совершили перелёт на Ми-8 из Хабаровска через Магаданскую область. В перегоне участвовал заслуженный пилот Камчатки, пилот-инспектор ДВУ Алексей Михайлович Агеев...

Машина оправдала надежды авиаторов. Газотурбинный вертолёт Ми-8 более усовершенствованный. Скорость — более двухсот километров в час. Может перевозить двадцать восемь пассажиров, столько, сколько берёт всем известный Ли-2, четыре тонны груза и на внешней подвеске — три тонны.

И вот первый рабочий рейс. Алексей Михайлович Агеев проверил надёжность крепления тросов. Вошёл в кабину вертолёта, проинструктировал пилота Григория Ивановича Захарова и, включив двигатели, плавно оторвал вертолёт от земли. И вот машина уже «висит» над кабиной вездехода. Там, внизу, обдуваемый снежным ветром, стоял инженер Ярошенко, готовый зацепить трос за свисающий крюк транспортировочного приспособления вертолёта. Это пока репетиция.

Вертолёт снова приземлился рядом со своей «ношей». Последние переговоры. И вот тросы натягиваются звенящей струной. И вертолёт,

словно камчатский беркут, легко отрывает от снежного покрова беспомощного, как пронзённого когтями зверушку, ГТС. Мгновение выдерживает его в висячем положении на месте, будто спрашивая: «Ну как, порядок?» И, увеличивая скорость, понёс в сторону вулканов стальную громаду в несколько тонн.

Чтобы перегнать вездеход своим ходом от Петропавловска до посёлка Кроноки, геологам потребовалось бы несколько суток, а сколько горючего надо было брать с собой, питания и разных приспособлений, необходимых для дальней поездки!.. Ми-8 доставил ГТС на место всего за полтора часа.

Ми-8 — отличный помощник геологам, рыбакам, оленеводам, строителям.

Н. Горячев, авиатехник.

Камчатская правда. — 1970. — № 75. — 29 марта.

ЧУТЬ-ЧУТЬ РОБИНЗОНЫ ПРОБЛЕМЫ И ПЛАНЫ КАМЧАТСКИХ ТУРИСТОВ

Весна. Туристы собираются в путь. Огромная армия любителей природы, выступающая под девизом «Хотим всё видеть и знать», летит на самолётах, едет на пароходах, поездах, машинах и даже велосипедах, по бурным рекам спускается на байдарках, идёт с рюкзаками за плечами в самые недоступные, необжитые места, стирая со своих карт белые пятна, чувствуя себя чуть-чуть робинзонами.

Тяга к перемене мест стала всеобщей. В последние годы туризм в нашей стране развивается особенно бурно. Не случайно родилось выражение «туристская индустрия».

Всего лишь семь лет назад в путешествиях, походах и экскурсиях по стране участвовало менее 10 миллионов человек, а нынче свыше 60 миллионов. Резко возросло число туристских поездов и теплоходов, успешно развивается авиационный туризм.

Новые перспективы открывает Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране». Этот документ служит программой больших конкретных дел туристских организаций, он знаменует новый этап в организации активного отдыха трудящихся.

Профсоюзы за последние три года израсходовали свыше восьмидесяти миллионов рублей на туризм. Если в 1963 году все туристские

базы профсоюзов могли принять одновременно 56 тысяч человек, то в 1969 — свыше 130 тысяч.

Но это только начало. В 1971–75 годах предстоит построить гостиниц, кемпингов, турбаз на 200 тысяч мест, 100 тысяч из них должны действовать круглый год.

Не менее любопытны и наши цифры. В 1964 году Долину гейзеров посетило 380 человек, а в минувшем — более двух тысяч. Всего же за последние годы по Камчатке путешествовало около 70 тысяч человек. 36 тысяч туристов побывало на базе «Снежной», 30 тысяч любознательных обслужило недавно созданное экскурсионное бюро.

Работают городской и районные клубы туристов, организованы крупные секции на судоремонтной верфи имени В. И. Ленина, судоремонтно-механическом заводе, в институте «Камчатгражданпроект». Только в Петропавловске минувшим летом было организовано более трёх тысяч походов выходного дня, в которых участвовало более 25 тысяч горожан. За эти годы более 10 тысяч камчатских туристов отдохнули на всесоюзных маршрутах.

В этом году на всесоюзные маршруты выедет около трёх тысяч камчатцев. Вводится новая форма обслуживания экскурсионным бюро: жителям полуострова будут предоставляться путёвки и авиабилет...

Говоря о перспективах, прежде всего необходимо рассказать о маршруте № 264 — первом всесоюзном на Камчатке. Думаем, что уже в этом году сумеем обслужить около 2.500 человек. Приняты все меры для улучшения туристского сервиса. На маршруте в минувшем году поставлены добротные палаточные городки, на реке Шумной — сушилка. Туристы пополняли запасы продуктов на приютах «Узон» и «Горное плато». Полегчали рюкзаки — веселее стало идти.

Но, к сожалению, ещё рано говорить о полном освоении маршрута. Причин немало. Основные неудобства связаны с транспортом. Пароходы заходят в Жупаново редко. Авиационное сообщение нерегулярно. Назрела необходимость иметь специальное судно для туристов, благоустроить существующий аэродром, с тем чтобы он мог принимать не только Ан-2, но и Ли-2.

И очень нужна посадочная площадка в районе Долины гейзеров. Тогда значительно больше туристов могло бы побывать здесь, тогда смогли бы они увидеть и красивейшую кальдеру вулкана Крашенинникова с живописным Кроноцким озером и вулканом Кихпинич. Кстати, экспедиция, возглавляемая мастером спорта по туризму В. И. Семёновым,

проведённая летом 1969 года, предлагает в кольцевой маршрут включить и действующий вулкан Карымский, Карымские озера.

Областной совет по туризму включил в перспективный план не только благоустройство этого маршрута. Предполагается открыть и новые «тропы». Этим летом опробуем маршруты на Банные ключи через Паратунку и по долине реки Камчатки. Прошлым летом там побывала экспедиция под руководством инструктора-методиста В. А. Колганова. Проляжет туристский путь из Петропавловска на Командорские острова, в Кирганик (автобусом), Кирганик — Усть-Камчатск (катером), Усть-Камчатск — Петропавловск (теплоходом). Будут «узаконены» маршруты вокруг Петропавловска: на Авачинский вулкан, Налычевские, Малкинские, Пушинские горячие ключи. В этом году у подножия Авачинского вулкана решено построить палаточный городок.

Значительны перспективы на пятилетку. Будут построены: гостиница в Петропавловске на 265 мест с рестораном и зрительным залом, турбаза на 400 мест, дома рыбаков и охотников. Готовятся к изданию путеводители с рекомендациями для самостоятельных туристов.

Планы немалые. Но одному совету по туризму не решить все вопросы. Нам нужна помощь общественных организаций, администрации предприятий и учреждений, где есть отряды туристов.

Не зря наша организация называется «совет». В него, кроме штатных работников, входят активисты, любители туризма, спортсмены-разрядники, инструкторы по туризму. При разработке новых маршрутов, подготовке туристских кадров и материалов по пропаганде туризма неоценимую помощь оказывают активисты В. И. Семёнов, М. И. Савельев, П. П. Тарасов, В. А. Колганов, В. Е. Дубко и многие другие.

Там, где руководители проявляют интерес к отдыху трудящихся, там и туризм развивается быстрее. Особо хочется отметить связистов, открывших зимнюю базу отдыха. Из года в год мы беседуем с руководителями крупных предприятий об использовании зимой пионерских лагерей в качестве туристских баз. И из года в год дальше разговоров дело не идёт. Меж тем у связистов уже несколько лет такая база работает успешно.

Пути туристов на Камчатке зачастую проложены и по воздушному океану. Снабжение в основном осуществляется авиацией. И тем огорчительней, что наши авиаторы далеко не всегда идут навстречу. Вертолётчики отказались заключить с советом договор на доставку продуктов, леса в Долину гейзеров, сославшись на то, что готовы выполнять

разовые заявки. Но как часто такие заявки так и остаются заявками. А крылатые машины нужны и для маршрутов выходного дня.

Не всегда мы находим общий язык с автотранспортниками. По их вине срываются маршруты. Это естественно, если вместо заказанных десяти, скажем, машин приходит шесть. И что удивительно: автоуправление пытается подменять экскурсионное бюро, организуя выезды самостоятельно. Хотя экскурсоводов у них нет, да и не должно быть по штату.

По-прежнему не решён вопрос снабжения туристским инвентарём. В торгующих организациях его мало, и достать снаряжение для проката необычайно трудно.

Нельзя не сказать о снабжении продовольствием. Мы связаны с об-рыболовпотребсоюзом, его рыбокоопами. И бывали случаи выдачи продуктов, у которых истекли все сроки хранения. В 1968 году на складе турбазы появилась бочка копчёной колбасы, пролежавшая десятилетие на складах Жупановского рыбокоопа. В 1969 году были отпущены консервы производства 1958–1962 годов. Очень редки в рационе туристов концентраты, свежие овощи, фрукты, молочные изделия. Более того, Жупановское отделение Моховского рыбокоопа, основной поставщик турбазы «Долина гейзеров», расположенной в посёлке Жупаново, нынче предлагает нам закупать продукты в Петропавловске.

Между Жупановом и турбазой (расстояние 4 километра) нет телефонной связи. Чтобы справиться о прибытии теплохода, самолёта, приходится несколько раз в день бегать в посёлок (автобусы тоже не ходят). Областное управление связи, составив смету на строительство кабельной линии связи на участке Жупаново — турбаза, видимо, на этом сочло свою миссию законченной.

И последнее: маршрут № 264 проходит по территории Кроноцкого заповедника, т.е. по лесу. В любом лесу для его же блага производится очистка. Возможно, стоит подумать о том, чтобы эти очистные остатки туристы могли бы использовать как дрова. Конечно, делать это надо под контролем.

Таковы проблемы, которые волнуют туристов. Безусловно, некоторые из них не могут быть решены сразу. Тем более их нельзя снимать с повестки дня, если мы хотим, чтобы под знамёна туризма встало большинство жителей нашего края.

*Н. Крамаренко, председатель Камчатского совета по туризму и экскурсиям.
Камчатская правда. — 1970. — № 119. — 20 мая.*

ЛЫЖНЯ ДЛИНОЮ В ПОЛ-КАМЧАТКИ

Пусть вас не удивляет, что рассказ о лыжном доходе мы ведём летом. Это у нас в городе жаркие дни. А взгляните на горные хребты, что опоясали бухту со всех сторон, поднимитесь на Авачу — и вы увидите, какой простор там для лыжных прогулок. Кроме того, поход, о котором пойдёт речь, как утверждают его участники — один из самых сложных, совершённых в этом году на территории СССР.

Группа опытных туристов в составе мастеров спорта по туризму Ольги и Евгения Приймак, перворазрядников Анатолия Тодощенко, Юрия Смирнова и Галины Семёновой — прошла 860 километров. Путь её пролёг в ряде мест там, где нечасто ступает нога человека.

Маршрут состоял из трёх частей. В пути до Жупанова туристы преследовали спортивно-исследовательские цели. Этот отрезок был предельно напряжён. К Кроноцкому озеру шли не торопясь, стремясь больше полюбоваться красотой и покоем. И наконец третья часть пути пролегла по высокогорью, мимо главнейших вулканов Камчатки.

Не всё желаемое удалось осуществить. Два года назад участники группы не дошли до кратера Ключевского вулкана метров пятьдесят: разразилась редкая для этих мест гроза. Не повезло и теперь. В двух часах ходьбы от конечной цели группу остановила полная потеря видимости: молоко из размешанного ветром снега. Вершина Ключевского осталась где-то сверху.

В Ключах лыжники появились на 36-й день. А совсем недавно они вернулись в Петропавловск. Мы задали руководителю группы Евгению Приймаку несколько вопросов.

— Какова основная цель похода?

— Если говорить о чисто спортивной стороне — хотелось испытать допустимые нагрузки. И кроме того хотели за один поход увидеть главные группы камчатских вулканов, посмотреть на живую лаву и искупаться в горячих источниках, посетить жемчужину Камчатки — Долину гейзеров и кальдеру вулкана Узон. В общем, решили идти так, чтобы потом не было острой необходимости возвращаться в этот район и что-то досматривать.

— Самое сильное впечатление?

— Извержение Безымянного: светящийся в ночи обелиск и три потока шевелящейся лавы. Невозможно забыть полыхающие на солнце иглы серных кристаллов в кратере Толбачикского вулкана.

Но к концу пути мы ничему уже не удивлялись: ни медведям и зайцам, ни лебедям и уткам, ни даже россомахе, которая забежала в избу и приналась за уничтожение наших запасов.

— Какие задачи, кроме спортивно-познавательных, стояли перед группой?

— По просьбе Камчатского областного гидрометеоправления мы проводили различные измерения: определяли глубину и плотность снега, вели записи давления, влажности и температуры воздуха. Кроме того, на своём маршруте проводили обследование и описание новых перевалов, т.е. готовили туристскую характеристику района.

— Как вы готовились к походу?

— Подготовка заняла два года. Нас интересовало всё: литература, чертежи, карты. В итоге, к примеру, знали, что продаётся в магазинах Жупанова, где встретятся избы, в какие сроки вылетают вулканологи, когда вскрываются реки... Время похода определили с точностью до недели.

В рюкзаки собрали лучшее из известного ныне снаряжения и огромный опыт тысяч уже пройденных километров. Многие сделали по своим чертежам. В результате вместо обычных 45–60 группа на выходе имела по 25 килограммов на человека.

— Встречи с камчатцами?

— В пути встреч было мало. Но каждая из них запомнилась. Капитан РБ А. В. Никифоров угостил нас на своём корабле в Жупанове замечательным борщом. Дежурные вулканологи В. Карпов и А. Возяков с Апахончича поделились последними продуктами. Гидролог Роберт (фамилию, к сожалению, не запомнили) встретил нас на Кроноцком озере. В Ключах мы попали на день рождения к Валентину Гусеву: увидел тот на улице бородатых туристов и пригласил... Потом помог добраться до Усть-Камчатска... Много друзей останется у нас в городе...

Вчера пришло письмо из Перми. И там, между прочим, есть такие строки: «Мы много ходили по земле. И ни в один район не стремились дважды. Но сейчас почти уверены, что в 72-м году, весной, снова будем у вас...»

Видимо, правда, что бросить Камчатку навсегда нельзя.

В. Кравченко,

В. Семёнов.

Камчатская правда. — 1970. — № 156. — 2 июля.

МОСТ НАД «БУРЛЯЩЕЙ»

До этого путь к Долине гейзеров туристам пересекала бурливая река Шумная. Приходилось переходить её вброд. А ширина реки доходит до пятидесяти метров. Теперь берега соединил подвесной мост на металлических тросах. Его построил областной совет по туризму. Такой же мост сооружается на реке Ольховая. Скоро и он будет построен.

Как сообщает директор маршрута Василий Дмитриевич Фурсов, движение по новому мосту в полном разгаре: погода отличная, туристов много.

И ещё одну приятную для пешеходов новость сообщил нам В. Д. Фурсов. Нынче в каждом пункте установлены сушилки, а на «Бурлящем» выросли 7 грибов-палаток.

*М.Я. Андерсон, наш нешт. корр.
Камчатский комсомолец. — 1970. — № 87. — 18 июля.*

МЕДВЕДИЦА

Помню, мальчишкой первый раз увидел я следы медведя: чёткий отпечаток когтей и кругляш лапы величиной с две мои ступни. Была жара, а у меня дрожь пробежала по телу. Страх выгнал меня из леса. И позже, уже взрослым, когда я шёл по звериным тропам и вдруг натыкался на медвежьи следы, мне становилось не по себе... Но встреча с первым медведем состоялась, когда я её совсем не ждал.

Мы пробирались берегом реки. Шум, плеск. Шла красная рыба. Смотрю на противоположный берег и, стоп! — не спеша шлёпает по речке медведь. Низко опустив морду, он долго смотрит в воду, потом вдруг резко ударяет по ней лапой, и вот уже в когтях бьётся рыба. Медведь швыряет её на берег, несёт в кусты, и снова к воде. Фотоохотник из меня неважный и без длиннофокусного объектива ничего не получилось. Потом я показывал друзьям похожий на медведя силуэт и объяснял, что это медведь, который ловит рыбу.

Помню ещё одну встречу. Быстро шли по горному плато вулкана Малый Семлячик. Вот и нужный нам распадок. Поворот, приседаем: метрах в 40 медведица с детёнышем. Делаю первый кадр. Звук затвора фотоаппарата насторожил мамашу. Она прикрыла собою маленький, почти круглый комочек. Смотрю в визир фотоаппарата, медведица смотрит на меня, щёлкаю и спешу на увал. Там мы стучим по котелку, и бедная

мама, напуганная резкими звуками, убегает. Сзади, ковыляя и торопясь, переставляя свои маленькие лапки, спешил малыш. Почувствовав себя за кедрачом в безопасности, медведица встала на задние лапы и ласково рывкнула, подзывая своё чадо.

После такой встречи мы долго не могли успокоиться. Редко встречаются медведицы с детёнышами. Снимок получился, но слишком мелкими были медведь с медвежонком. Теперь уж точно решено, что бродить по камчатскому лесу надо только с отличным фотоаппаратом и оптикой.

Александр Пирагис, радиотехник.

Камчатский комсомолец. — 1970. — № 99. — 15 августа.

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ НОРМЫ

Маршрут в Долину гейзеров проходит по территории Кроноцкого заповедника. Туристов предупреждают, что всё живущее и растущее в заповеднике неприкосновенно. В общем-то заповедь эта соблюдается, но иногда бывают и отклонения от неё.

Турист, как известно, не может без костра. А для него нужны дрова. И где набрать сухих сучьев, если по туристской тропке за ряд лет прошли полчища туристов.

...На приюте у Долины гейзеров, где скопление туристов обычно наибольшее, в прошлый сезон имелись примусы. Вертолётами из Петропавловска туда периодически забрасывался керосин в металлических бочках. Ничего не скажешь, разумно. Но техническое состояние примусов было таково, что они не могли даже стоять. И керосин употреблялся для разжигания... сырых дров. Между тем район Долины как раз и скуден деревьями.

Кто из смертных, попав к реке, кипящей рыбой, устоит от соблазна полакомиться ущицей? И на приюте у реки Шумной туристы на день-два задерживаются. Невелик урон? Да, на первый взгляд. Но недопустимо, когда ловят больше, чем можно съесть.

Иногда навешиваются сотрудники заповедника. Тогда всё становится на свои места. Но заповедник велик, и за всем его сотрудники усмотреть не могут. При формировании очередной группы на турбазе вето на ловлю рыбы не накладывается. Наоборот, даже указывается на возможность в дороге отведать ухи.

Перед спуском в Долину и в самой Долине — таблички, призывающие беречь гейзерит. Гейзерит — это твёрдые ноздреватые отложения

буро-жёлтого или белёсого оттенков, образовавшиеся в результате длительного наслоения минеральных веществ, выносимых гейзерами и горячими источниками на поверхность земли. Большинство туристов не обращает особого внимания на гейзерит. Но некоторые, узнав из табличек, что этот гейзерит — чудо природы, начинают вести «геологические раскопки». В итоге возникают рытвины, уродующие ландшафт. Мне почему-то кажется, что, если таблички убрать, число самостоятельных геологов значительно сократится,

Б. Мирошник.

Камчатская правда. — 1970. — № 203. — 26 августа.

СБЕРЕЖЁМ КРОНОЦКОЕ ЧУДО!

Наш корреспондент Павел Козлов попросил директора Кроноцкого государственного заповедника Николая Борисовича Зорина рассказать читателям газеты о той работе, которую ведут сотрудники этого единственного на Камчатке природного научно-исследовательского учреждения, о проблемах, стоящих перед работниками заповедника.

Николай Борисович рассказывает:

— Наш заповедник занимает огромную площадь в 864 тысячи гектаров, он — на юго-востоке центральной Камчатки. История его сложна, заповедник то организовывали, то закрывали. В 1934 году его открыли впервые, в 1951 — ликвидировали... Наконец в 1967 году Кроноцкий заповедник был восстановлен и, думается, уж больше никогда не будет упразднён, ибо те ценнейшие природные богатства, которые он оберегает, понесли слишком большой урон.

В заповеднике, кроме административного, ещё 2 отдела. Лесной ведёт охрану лесных богатств, научный наблюдает природные явления и изучает их.

Наши научные сотрудники изучают фауну, флору Камчатки, проводят геоботаническое картирование, ведут ежегодный учёт зверей: соболя, медведя, выдры, оленя и других; кольцуют птиц, ведут обширную переписку с учёными. Ежегодно мы выпускаем журнал с фотографиями «Летопись природы».

— Какие проблемы стоят перед вами?

— Первая трудноразрешимая проблема — кадры. Причина — в невысоких зарплатах сотрудников. Поэтому дирекция заповедника оказывает своим людям-энтузиастам максимальную помощь в бытовом устройстве.

И все-таки самое отдаленное и большое лесничество — Чажминское долгое время остаётся без лесников. Приходится на лето принимать студентов, туристов, краеведов. Они оказывают заповеднику неоценимую помощь, предотвращая порубки, но проблема кадров по-прежнему стоит остро.

— В чём основная трудность работы заповедника?

— Как и во всех заповедниках, наша главная беда — браконьеры. Они хитры, коварны, и опознание их, защита от них природы — очень трудное, даже, скажем, опасное дело.

Особенно тяжело бороться с организациями. Некоторые даже областные коллективы ведут подпольный промысловый лов лосося, отстреливают редких животных, забрасывают целые отряды в глубину заповедника.

Настоящей бедой стали геологические экспедиции. Они, как говорится, до зубов вооружены огнестрельным оружием. И часто там, где прошли геологи или близкие к их профилю специалисты, остаётся мёртвое место. В печати поднимался вопрос об ограничении вооружения экспедиций, но толку от этого пока никакого.

С трудом пришлось нам отстоять первозданную красу кальдеры Узона и Долины гейзеров от притязаний вулканологов. Им дай волю — они перекопают все фумаролы и горячие источники, проруют штольни и нарушат весь уникальный геотермальный комплекс. Нам пришлось убедить учёных ставить вышки для глубокого бурения не в Долине гейзеров, а на Паужетке.

Много бед несут заповеднику организованные туристы. Порубки леса для костров, растаскивание гейзеритов стали принимать угрожающий характер. Известны случаи, когда туристы, постоянно посещающие уникальные природные комплексы в нашей стране, почти полностью уничтожали их. Такое же может произойти и с Долиной гейзеров.

Областному совету по туризму пора всерьёз задуматься над всем этим. Я, конечно, не против организованного туризма, но и его надо брать под жёсткий контроль. Природа нам не простит небрежного к ней отношения.

— Николай Борисович, как налажено снабжение заповедника?

— Государство заботится о нас. В нашем распоряжении 4 мотоцикла, грузовая машина, трактор. На днях получим легковую машину. Уже приобрели 4 рации и скоро поставим их в бухте Ольги, на реке Кривоносовой и в Долине гейзеров. Кстати, экскурсовод Долины Виталий Николаенко

согласился постоянно работать там в качестве лесника заповедника. Это очень хорошо. Поставим ему в Долине деревянный дом. Наши мечты: иметь вездеход, морской катер, закреплённый за заповедником вертолёт.

Заканчивая беседу, я спросил у Н. Б. Зорина о перспективах заповедника.

— Заповедник останется заповедником, тут уж ничего больше не придумаешь. Но, конечно, работа его будет гораздо лучше организована. Сейчас в Жупаново строится новый удобный дом дирекции, в который мы переберёмся через два-три месяца. А через несколько лет для Кроноцкого заповедника будут построены лабораторный корпус, музей природы, жилой комплекс, конференц-зал, библиотека, фотолaborатория, склады, конюшня, мастерская — словом, всё для того, чтобы мы работали с полной отдачей сил.

Камчатский комсомолец. — 1970. — № 107. — 3 сентября.

ЭТА СКАЗКА — ДОЛИНА ГЕЙЗЕРОВ (не только о впечатлениях туриста, но и серьёзных проблемах пешеходного круиза)

ОРГАНИЗОВАННЫЕ И «ДИКАРИ»

4 августа возле стоящего у причала теплохода «Николаевск» собралась пёстрая толпа провожающих. Гремят гитары, звучат песни. А те, кого провожают — туристы — машут на прощание руками, щёлкают затворами фотоаппаратов. Они в походных костюмах, с рюкзаками, у многих на рукавах эмблемы. Столпились на двух левых палубах — и что-то кричат озорное...

В 19.00 — отход. Курс — Жупаново. Всю ночь — разговоры, обсуждения планов похода, подготовка фото- и киноаппаратуры к предстоящей работе. Туристов много — более 300 человек, и все они — из разных городов Союза. Провожать их приезжал начальник областного совета по туризму и экскурсиям Н. Г. Крамаренко. Ещё бы — такой большой заезд!

Утром 5 августа «Николаевск» остановился на рейде Жупановского рыбокомбината. Видны обрывающиеся в море скалы, справа — длинная зелёная коса, вдали — темные заросли леса. А над всем этим гордо высятся блестящие на солнце вершины вулканов.

Встречать туристов пришли старший инструктор базы «Долина гейзеров» С. М. Попов и инструкторы по туризму. Рюкзаки складываем в грузовую машину, а сами по просёлочной дороге вдоль живописного

берега Кроноцкого залива идём 4 километра до базы. В дороге продолжают знакомства.

— Откуда?

— Из Владивостока... Из Мурманска... Из Саратова... Из Москвы.

— А мы из Сухуми,

— Ого! Своих красот не хватает?

С нами идёт и группа студентов, преподавателей Камчатского пединститута. Они, правда, «дикари», без путёвок, но это не меняет дела. Всех объединяет одно — любовь к путешествиям.

Я попадаю к «ТИГРАМ»!

Турбаза нас встретила шумом и разбросанными по кустам и траве спальными мешками. Туристы «сушились» перед 12-дневным маршрутом. В брезентовых палатках шёл бойкий отбор вещей — что в рюкзак, с собой, а что — в камеру хранения. Ведь всё необходимое плюс продукты и спальник придётся тащить на себе!

Куда, в какую группу определяют меня? Конечно, хотелось бы идти вместе с камчадалами. Но выясняется, что земляков в этом заезде очень мало, по 2–3 человека в каждой группе. Туристское начальство решает меня включить в группу № 45–46, которая состоит из... тигров. Не пугайтесь, читатели! Были в ней обыкновенные весёлые люди, работники Дальневосточного морского пароходства, но на рукавах их форменных зелёных рубашек красовались эмблемы с профилями полосатых хищников. Ещё на «Николаевске» владивостокских туристов из-за этой самой эмблемы в шутку прозвали «тиграми». Кличка прицепилась, да так и осталась до конца похода.

Ну что же — к тиграм так к тиграм. Хоть к ягуарам, лишь бы было весело и интересно.

Знакомлюсь со старостой группы — Борисом Петровичем Осетровым. И, наконец, все мы знакомимся с нашим инструктором и руководителем — Михаилом Юрьевичем Симоновым, кандидатом в мастера спорта по туризму, старшим преподавателем Комсомольского политехнического института. Симонов оказывается замечательным парнем, большим любителем песен, и скоро все мы начинаем звать его просто Мишей.

Миша выдаёт туристам снаряжение, проводит первый инструктаж. Он показывает, как надо укладывать вещи в рюкзак, как забинтовать мозоли (ужас, неужели они будут?!) и строго-настрого приказывает беречь природу Кроноцкого заповедника.

ПЕРВАЯ СТОЯНКА — «Ключи»

В тот же вечер группа № 45–46 взяла старт. Впереди — 184 километра леса, речек, гор и фумарол.

Первый маршрут — 16 километров: 9 — по узкой песчаной косе, 7 — вверх, по лесу. Сначала все бодро бегут за инструктором, но уже через два часа группа превращается в длинную извивающуюся ленту. Впереди — опытные туристы, сзади — новички в пешеходном спорте. Я, к сожалению, сзади. Но духом не падаю — бодро поправляю лямки рюкзака, смахиваю пот со лба и упорно иду к заветной цели — к приюту «Ключи».

Уже на втором привале «тигры» запевают свою «фирменную» песню:

*Как хорошо, друзья, у нас на теплоходе,
А не в походе, а не в походе...*

«Ага, — думаю, — вспомнили средства передвижения? Скоро о вертолётах запоёте!»

Но песня, конечно, шуточная. Что может быть лучше свежего ветра, дурманящего запаха гор, птичьего щебета, песен у костра и приятного гуда усталых ног? На ум пришли слова Пржевальского: «А ещё жизнь прекрасна потому, что можно путешествовать!» Уж он-то знал, что говорит. Пройти Тибет — это не совершить прогулку от Жупанова до гейзеров.

В темноте пришли в лагерь. Дежурные принялись за ужин, остальные разбрелись по лесу в поисках сушняка для костра. Ночью и утром купались в горячей минеральной воде. Что за прелесть эти ключи! Усталость как рукой снимает. Представляете — спустишься по крутой тропке в глубокую лощинку, и перед тобою несколько горячих ванн, образованных запрудами поперёк ручья. Деревянная раздевалка — и ты нежишься в горячих серных водах!

А ниже, метров через двести ручей, обрываясь, превращается в водопад. А под ним — бранные тела туристов. Хо-ро-шо! К тому же вокруг — первозданная природа. Это тебе не обжитая Паратунка!

ЧТО ТАКОЕ ФУМАРОЛЫ

Второй маршрут очень трудный. Половина пути — в гору... Каждому мужчине положили в рюкзак по 5–6 килограммов продуктов. И когда

все хором крикнули приюту «До-сви-да-ния!», на душе было не очень-то весело. К тому же беспощадно палило солнце. Пот с нас лил градом, спины у всех стали мокрыми. Вверх, вверх, вверх... Смолкли разговоры. Валья Карпинская уже не может идти. Она часто дышит, и муж Юлий тащит два рюкзака, но и он начинает сдавать. Тогда Евгений Романов и Олег Горбадей, военные инженеры, начинают по очереди тащить Валин рюкзак. Отличные ребята Женя и Олег! Они всегда помогают отстающим. А ведь у них самих — тяжёлая киноаппаратура...

На привале, возле Кислого ручья, многие принялись бинтовать мозоли. А впереди мрачно серела скалистой вершиной гора Зубчатка. Она словно издевалась над нами — высокая, неприступная.

— Ничего, ребята, осталось немного! — поднялся, доев свою порцию колбасного фарша, Миша Симонов. — Сейчас мы эту самую Зубчатку обхитрим, обойдём её слева. Мудрый гору обогнёт!

Шутка придала бодрости. И когда раздалась команда: «Под рюкзаки», Нина Волошина, режиссёр студии звукозаписи для моряков, запела: «Кто хочет — тот добьётся, кто ищет — тот всегда найдёт!» Мы дружно подтянули.

Камчатский комсомолец. — 1970. — № 111. — 12 сентября.

И действительно, скоро тропа вывела на ровное место — на горное плато. Идти стало гораздо легче, Зубчатка теперь виднелась справа. Вот что значит не падать духом!

А в 8 вечера мы, спустившись вниз, увидели первые fumaroles. Представьте себе кипящие лужи и озёрки грязи. Лопаются пузыри, поднимается пар. Кругом бурлит, клокочет. Земля под ногами горячая. Поднимешь камень — а из-под него начинает бить струя. Влажно и душно, как в бане... Вот это и есть fumarольное поле!

Уже темнело, но все настроили свои фотоаппараты на чудо природы. «Не спешите, — пытался остановить Михаил Юрьевич, — днём сфотографируете Ещё насмотритесь, fumaroles и дальше будут». Но никто не слушал. Щёлкали затворы, жужжали камеры. Инструктор улыбался: «Такой наша земля была миллиарды лет назад».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ У «ПАСТИ ДРАКОНА»

7 августа в приюте «Бурлящий» была днёвка. Инструктор повёл нас по отрогам Зубчатки к «Пасти дракона». Не правда ли — интригующее название?

Шли по сплошным фумарольным полям. Всё сильнее был слышен чудовищный грохот, исходивший откуда-то сверху. И скоро мы подошли к этой самой «Пасти дракона».

Нагромождение камней. В центре — большое отверстие. Из него мощной струёй бьёт пар. Рёв такой, что приходится объясняться знаками. Вполне реальное представление того, что стоишь у сопла работающей ракеты. Наверное, этот выход пара из глубин земли называли «Пастью дракона» потому, что так экзотичнее, загадочнее, нежели, предположим, «Соплом ракеты». А может быть, это чудо природы открыли раньше, чем появились реактивные двигатели? Спрашиваем у Миши — он смеётся. «Наверное», — говорит.

А потом пошли смотреть Чёрное озеро. Это в часе ходьбы, если учесть, что все были налегке. Когда смотришь на небольшое бурлящее озеро внизу, в провале, начинаешь верить сказке об аде. Наверное, в таких вот кипящих котлах варят в аду черти грешников.

Вечером справляли день рождения Петра Бородина, инженера. Ему 29 лет. «День ангела» возле «Пасти дракона»... Такое не забудется.

Пели под гитару до полночи. Возле нашего костра горели ещё два — там вспоминали туристические песни другие группы и «дикари», которых мы встречали на протяжении всего маршрута. Группа № 42–43 выпустила стенную газету. В ней речь и о нас.

«Телеграф сообщает, что на полуострове Камчатка появилась группа тигров неизвестного происхождения. Тигры обитают в районе Кроноцкого заповедника. Для ликвидации возможной опасности создана боевая ударная группа под индексом 42–43. Её участники переодеты в туристические костюмы, дабы не привлекать внимание хищников. Группа снабжена всем необходимым дня поимки тигров».

Камчатский комсомолец. — 1970. — № 112. — 15 сентября.

УНИКУМ — КАЛЬДЕРА УЗОНА

Самый длинный маршрут в 32 километра оказался одним из самых лёгких. Дело в том, что картинки окружающей флоры менялись, как в калейдоскопе. Голубоватые сопки, чистые озёра, ровные луга, прохладный лес — всё это напоминало нам горную Швейцарию, знакомую по кинофильмам. А когда впечатления меняются, усталости не чувствуешь.

Незаметно вошли в зону кальдеры Узона, бывшую когда-то гигантским вулканом. Здесь вулканические процессы ещё не закончились,

и поэтому кальдеру справедливо называют «заводом по производству пород». Здесь, в кальдере, постоянно работают геологи, вулканологи, географы, минералоги — словом, те, кто изучает нашу Землю. И представьте — постоянно делают открытия.

В этом сезоне, например, доктор минералогических наук Н. С. Безымянный открыл на Узоне нефть. Когда мы жили в приюте, туристы попросили учёного выступить перед ними. Он тогда находился в соседнем лагере вулканологов. Но Николай Сергеевич был занят работой и не смог. Заведующая приютом Лидия Михайловна Пушкарёва рассказала нам, что доктор наук часто выступает перед туристами.

У входа в лагерь нам, полностью загруженным сухими дровами, предложили искупаться в горячем Банном озере. Оно в объёме небольшое, но очень глубокое — до 25 метров. Было очень приятно в конце длинного маршрута поплавать в вулканической воронке, попариться, постирать бельё! Просто не верилось, что это происходит в реальности...

А потом Миша водил группу к Дальнему озеру, где мы купались уже в холодной воде, и на термальное поле, где фумаролы образуют маленькие макеты вулканов.

Приз «Камчатского комсомольца» — у «Тигроловов»

Днёвка прошла очень весело. Палатки накрылись забавными надписями: «Ранчо "Узон"», «Казино "Поцелуй тигра"», ресторан «Порвали парус» и так далее. А на брезенте появились адреса: Тигровая, 1, 2, 3... Владивостокские «тигры» обустроивались на фумаролах, как дома.

Вечером состоялась товарищеская футбольная встреча между женскими командами групп №№ 45–46 и 42–43. Игра проходила на приз газеты «Камчатский комсомолец». О, это надо было видеть!

Многие девчата представления о футболе не имели. Они бегали за мячом толпой, пинали его, как умели. В результате бедный мяч летел куда угодно, только не в ворота. Под хохот и подзадоривающие крики мужской половины туристов безрезультатно прошли два тайма. Нужно отдать должное нашему вратарю Ирине Беловой — она взяла несколько мячей, всё-таки попавших в ворота.

Председатель оргкомитета по проведению матча В. М. Алекумов, я — представитель газеты и судья — представитель «дикарей» из города Тольятти — собрались на совещание. Как быть? Игра кубковая, а счёт так и не открыт... Решили назначить по три пенальти в каждые ворота.

Под восторженный рёв болельщиков «тигролов» Галина Смирнова забивает нам единственный гол. Остальные удары — как наши, так и противника — естественно, прошли мимо.

Я вручил капитану «тигролов» Светлане Крыловой приз «Камчатского комсомольца» — столовую ложку на красивой ленте и кубок — пузырёк репудины. А капитан наших футболистов Нина Волошина получила букет полевых цветов — за волю к победе...

Камчатский комсомолец. — 1970. — № 113. — 17 сентября.

ВИТАЛИЙ I, «КОРОЛЬ» ДОЛИНЫ ГЕЙЗЕРОВ

Спустились мы в Долину 10 августа и уже издали увидели лагерь. Он рассыпался белыми точками палаток на зелёном фоне зарослей. Подъём к приюту занял целый час, но это был час открытий, удивлений и восхищений. Канатный мост над бурной речкой, кипящие грязевые котлы вдоль тропинки, пульсирующий источник «Коварный» со следами когтей упавшего в него медведя — вот что видела наша группа по дороге в приют. Забыта усталость, всё внимание — диафрагмам и выдержкам фотоаппаратов.

Приветствовать гостей вышел Виталий I, «король» Долины гейзеров. Так прозвали туристы экскурсовода и заведующего приютом Виталия Николаенко. Виталий — с рыжей бородкой. Загорелый парень. Ходит по своим владениям с посошком в руках и босиком. «Чтобы лучше землю почувствовать», — объясняет он.

Виталий знает Долину как пять своих пальцев. И проводит экскурсии с любовью, увлекательно рассказывая гостям о достопримечательностях уникального кусочка Камчатки. Виталий — юморист. У него спрашивают:

— Вы кто по специальности?

— Страусолог, — не улыбнувшись, отвечает он.

— А как сюда попали?

— Меня нашли в гейзере.

Есть у Николаенко мечта — заставить гейзеры служить человеку. Стремление изучить их по-настоящему и привело этого энергичного парня в Кроноцкий заповедник.

Осенью этого года, когда туристический сезон закроется, заповедник построит для Николаенко деревянный дом и примет его на должность лесника. Будет парень выполнять поручения вулканологов, метеорологов и станет настоящим хозяином Долины гейзеров.

А пока он как может борется с браконьерами и «любителями сувениров». Попробуй кто-нибудь из туристов прихватить с собой кусочек гейзерита — гневу «короля» не будет предела.

Сколько добрых слов в адрес Николаенко написано в книге отзывов приюта «Долина гейзеров»! Люди со всех концов страны говорят ему и работникам турбазы спасибо за возможность ознакомиться с «восхитительной сказкой», «чудом природы».

Этого ждут туристы!

Но в то же время в книге отзывов содержится много критики в адрес областного совета по туризму, предложений по усовершенствованию работы базы.

«Мы считаем, что сохранить это чудо природы для потомков силами одного человека невозможно», — пишет по поручению группы инструкторов туризма города Тольятти тов. Гордеев А. Московская туристка тов. Драгунова В. С. замечает: «Хочется плакать здесь от боли, которую наносят Долине руководители совета по туризму, расположив приют прямо в Долине...» Профессора, инженеры, учителя, врачи, студенты предлагают свои варианты сохранения «коллекции чудес, красот и причуд природы» для людей.

Находясь в Долине, я несколько раз разговаривал об её проблемах с В. Николаенко. А внимательно прочитав записи в книге отзывов и изучив устные пожелания участников пешеходного круиза, я скоро пришёл к таким выводам. Вот они:

Пока не поздно, приют из самой Долины гейзеров надо переместить на подступы к ней. Многолюдный лагерь в самой середине уникального ущелья уже приносит её достопримечательностям непоправимый ущерб.

Маршрут экскурсий по Долине при осуществлении указанного плана необходимо составить новый — чтобы обход совершался с сухим пайком за один день, а если за два дня — то с подъёмом на вулкан Кихпинич. Конечно же, при условии установки новых страховок.

Экскурсии же там следует проводить по строго ограниченному маршруту, который давал бы гарантию безопасности и людям, и природе.

Квалифицированных инструкторов по туризму в области явно не хватает. Пора организовать свою, камчатскую школу инструкторов. Тогда круизы по Кроноцкому заповеднику будут проводиться лучше, квалифицированнее.

Под видом сбора сушняка по всем маршрутам идут порубки леса. Пора, наконец, решить вопрос о завозе на приюты керосинок и горючего.

Количество палаток в лагерях недостаточно. Необходимо ставить их раза в два больше.

Назрела необходимость дополнительного строительства на приютах вспомогательных помещений, завоза туда достаточного количества стройматериалов.

Продукты и спальники желательно завозить на все приюты заранее. Ибо тяжесть рюкзаков «съедает» немалую долю впечатлений.

Не лишне иметь в лагерях штатных поваров, чтобы после тяжёлой дороги усталым пешеходам не приходилось браться за вёдра.

Пора бы упорядочить и длину переходов: 32 и 8 километров в день — расстояния, весьма отличные друг от друга. А подготовка у туристов разная, не всякий может пройти в день 32 километра!

Очень бы хотелось, чтобы областной совет по туризму и экскурсиям внимательно рассмотрел эти далеко не полностью перечисленные проблемы и принял соответствующее решение. Этого ждут люди, покупающие дорогие путёвки в Долину гейзеров во всех концах Союза, желающие увидеть её в первозданном виде и встречающие в приютах очень слабый сервис.

Камчатский комсомолец. — 1970. — № 114. — 19 сентября.

ВО-ПЕРВЫХ, ВО-ВТОРЫХ, В-ШЕСТЫХ...

Мы прожили во владениях Виталия Николаенко двое суток. Каждый день он водил нас по ущелью, отвечая на десятки вопросов. И лишь на один так и не смог ответить — когда заработает гейзер Великан. Этот гигант, стреляющий паром на 200 метров, в последнее время окончательно «запутался» в графике своей работы и «гейзерил», когда ему вздумается. Наша группа два раза ждала извержения Великана, да так и ушла ни с чем. Напрасно кричали ребята: «Виталий, давай включай!» «Король» так ничего и не смог сделать: ему подвластны пока не все силы Долины.

...Восьмикилометровый переход на приют «Горное плато» не принёс «тиграм» ничего интересного, за исключением рассказа юриста Дальневосточного пароходства Ульяны Ивановны Харловой о круизе по странам Средиземного моря. Да, пожалуй, ещё песни «Лайла» из репертуара Джона Джонса, которую неожиданно на английском языке исполнил корабель Валерий Емельянов. Но парню тут же пришлось

сознаться, что слова ему написала студентка Камчатского пединститута Оля Пархоменко. Но голос у Валеры и вправду напоминал голос модно-го англичанина.

Зато путешествие к реке Шумной оказалось интересным. Во-первых, была хорошая тропинка. Во-вторых, было так много ягод, что не хватало времени думать о мозолях. В-третьих, «жители Европы» открыли для себя нашу черемшу и усиленно поедали её, борясь с цингой, а дальневосточники падали со смеху. В-четвёртых, Миша Симонов неожиданно встретил на тропинке знакомых туристов из Комсомольска. В-пятых, Анатолий Киселёв, инженер пароходства, решил позагорать, сбрил волосы на голове и шёл впереди группы, сверкая белой лысиной, как путеводный маяк. Мы с Валерой Емельяновым сразу же прозвали его Юлом Бриннером. Но разве это не смешно?

И в-шестых — в главных. Супруги Алекумовы видели медведицу с медвежонком и даже их сфотографировали. А остальные — нет. Но разве это не обидно?

Ещё интереснее оказалось на остановке в приюте «Шумная». Там молодые учителя Соболевской средней школы Раиса Сергеевна Лялякина и Маргарита Николаевна Северина переоделись в дикарей-индейцев и устроили нападение на лагерь. «Белые», вооружённые фото- и киноаппаратами, стойко отбивались от атак «желтокожих». Сражение закончилось мирным ужином и разговорами о рыбной ловле. Последнее можно легко понять, если узнать, что вся речка Шумная кипела горбушей, идущей с моря на нерест. А ловить лосося, как известно, запрещается!

ЩЕМЯЩЕЕ ЧУВСТВО ДОРОГИ

Предпоследний маршрут к Ключам «тигры» шли вперемешку с «тигроловами». Красота вокруг — неописуемая. Честное слово. Стоило из-за всего этого мучиться тем, кто в жизни ни разу не ходил далеко! Тропинка — вдоль берега. Берег то в виде фантастического нагромождения скал, то отличный песчаный пляж.

На повороте к Ущелью горячих ключей искупались в океане. Что за прелесть — купание в океанском прибое! Так бы поставил на волну доску, как это делают в Австралии, и мчался бы на гребне к берегу...

И вот резкий подъём вверх — последние километры перед Ключами, Кажется, подъёму конца не будет. Трава — высотой с дерево... Идём на пределе сил. Слышно тяжёлое дыхание десятков человек.

Неожиданно — крик «Ура!» Мы возле горячего водопада, того самого, о котором я писал в начале статьи. Круиз почти завершён!

А вечером — новые песни под гитару. И общая любимая:

*Люди идут по свету.
Им, в общем, немного надо —
Была бы прочна палатка
И был бы нескучным путь...*

И, как всегда, с особенным чувством выводят ребята:

*Счастлив, кому знакомо
Щемящее чувство дороги!
Ветры рвут горизонты.
И наступает рассвет.*

До новых троп, друзья!

15 и 16 августа все туристические группы, приехавшие в Жупаново 5 августа, вернулись на турбазу. Сколько было разговоров, воспоминаний! Все тяжести пути оказались забытыми. Мы говорили только о хорошем, только о тех красотах, которые увидели во время круиза по Кронецкому заповеднику. И тут же обменивались адресами, давая обещание на следующий год вновь собраться всем вместе, но уже на других тропах.

На заключительном ужине инженер-строитель из Новосибирска Дмитрий Капелюк прочел нам стихотворение, написанное в последний вечер.

Все были притихшие, грустные. Все смотрели на костёр. А потом улыбались. Дима читал:

*...И мы прошли по перевалам,
По дикой сказочной стране.
Его Величество встречало
Нас, путников, на тронном пне.
Сдружившись с шутками и песней,
Не зная скуки и простуд,
Шагали мы по адским весям,
Что фумаролами зовут.*

*...И, засыпая, каждый грезил
Ночной симфонией огней,
И звучно рассыпался гейзер,
Как торжествующий Орфей.*

Дирекция турбазы, прощаясь с путешественниками, вручила им справку о том, что они совершили пешеходный поход второй категории сложности протяжённостью в 184 километра по маршруту № 264: Жупаново — вулкан Большой Семячик — вулкан Узон — Долина гейзеров — Жупаново.

Павел Козлов.

Камчатский комсомолец. — 1970. — № 115. — 22 сентября.

НА ПЕРЕПУТЬЕ ЗАПОВЕДНЫХ ТРОП

Кроноцкий государственный заповедник — одно из самых замечательных мест нашего полуострова.

Необычайное богатство ландшафта, разнообразный животный и растительный мир. Сотни горячих ключей и источников. Долина гейзеров.

Реки заповедника «кипят» от нерестовой рыбы. В это время в местах хода лососей скапливаются медведи, которых в заповеднике насчитывается более трёхсот.

Обильную пищу в заповеднике находят драгоценные соболи. В тундре пасутся дикие северные олени, а на кручах скал — снежные бараны. Водятся здесь и заяц-беляк, суслик, тарбаган, выдра, россомаха, горностаи, лисица. У берегов Кроноцкого мыса нередко появляются каланы — самые дорогие пушные звери нашей страны.

В центре заповедника — огромный Кроноцкий вулкан высотой 3.530 метров. Вызывает восхищение его правильная коническая элегантная форма. Недаром остроумные туристы прозвали его Пижон. В общем территорию Кроноцкого заповедника по собранности и красоте ландшафтов без преувеличения можно считать жемчужиной Камчатки.

Главная задача лесного отдела — сохранить природу заповедника в первозданном естественном состоянии. Охрана ценных объектов природы представляет сложную проблему. Зачем и от кого охранять заповедные богатства? Постараемся ответить на этот вопрос.

Мы — в патрульном полёте над территорией заповедника. Летим от реки Чажмы к Кроноцкому озеру. Под нами белеют вечные ледники

Кроноцкого мыса: Чажминский, Саван, Корица, Тюшевский... Приземлились в долине реки Шумной. Не успели осмотреться, как послышалось стрекотание другого вертолёта. В вертолёте оказалась группа пассажиров. Сразу заметили посредине машины ящик, наполненный какими-то небольшими свёртками. Раскрываем один. Гейзерит! Полный ящик гейзеритов.

Края кратера или иначе называемого грифона гейзера обрамлены особым минералом — гейзеритом, напоминающим морскую пену, а иногда даже кораллы. Разнообразие цветов и форм гейзеритов создает впечатление необыкновенной красоты минеральных образований, возникших под действием горячей воды и пара. Это минеральное отложение перегретых источников нарастает по одному миллиметру в 30 лет. А толщина брусков выломанных гейзеритов от 4-х до 5-ти сантиметров. Значит на их образование природа затратила около полутора тысяч лет. А группа аэрогеологов под руководством начальника 9-й экспедиции Московского аэрогеологического треста С. И. Голышева затратила на их хищение всего несколько минут.

Что можно говорить о туристах, если враги заповедника нашлись и среди непосредственных руководителей туристической базы! Непровержимые факты подтвердили: директор турбазы «Долина гейзеров» В. Д. Фурсов нанес заповеднику ущерб в сумме 1.700 рублей, занимаясь браконьерской ловлей лососей.

Суд наказал Фурсова, но совершенно неожиданно он был назначен на этот же директорский пост несмотря на то, что учёный совет заповедника единогласно решил: не выдавать Фурсову пропуск на территорию Кроноцкого заповедника. Не помогла и телеграмма в облсвопроф. Объяснить это можно только пренебрежительным отношением к заповеднику со стороны областного совета по туризму и со стороны руководителей облсвопрофа.

Нет помощи и с другой стороны... Летим от Кроноцкого озера на реку Чажму. Под нами — посёлок Богачёвка. Завалившиеся домики. Груды металла, разбросанного в беспорядке. Поломанные, исковерканные машины, покрытые наростами ржавчины.

Давно не ведутся здесь работы Богачёвской нефтеразведкой, но до сих пор территория остается захлавленной. Хотя и не безлюдной... Неожиданно здесь произошла встреча с геологической партией Камчатского геологического управления под руководством А. Г. Цикунова. Следы «деятельности» геологов нетрудно было найти — две бочки

засоленного и уже испорченного горного гольца, ящик перьев куликов и куропаток, несколько капроновых сетей.

И вновь не помогли сигналы начальнику геологоуправления В. М. Никольскому, хотя в адрес заповедника пришла телеграмма следующего содержания: «...С прибытием город по этому вопросу произведем тщательное разбирательство с привлечением ответственности. О чём поставим вас известность. Никольский».

Но никакого наказания партия не понесла, а наоборот, приобрела защитников. Им оказался заместитель председателя областного общества охраны природы Д. Сисюлин. «Ваше ходатайство о привлечении начальника партии Цикунова А. Г. к ответственности, — писал он, — не имеет оснований. Голец — хищник и подлежит неограниченному отлову!»

Ответ привёл в изумление. Даже школьникам известно: всякая охота, рыбная ловля, даже нахождение с орудиями лова в заповеднике считается браконьерством, что подтверждается решением правительства и Советским законодательством.

К сожалению, таких примеров можно привести немало. На территории Кроноцкого заповедника находятся неповторимые сокровища природы, имеющие не только всесоюзное, но и мировое значение. И никто не должен, не имеет права допускать разгрома заповедной природы. Более решительная борьба должна вестись с браконьерами и нарушителями заповедного режима.

Браконьер — прежде всего хищник, разрушитель природных ресурсов, расхититель социалистической собственности. Нужно объявить решительную войну врагам нашей чудесной, неповторимой родной природы.

*Н. Зорин, директор Кроноцкого государственного заповедника.
Камчатская правда. — 1970. — № 224. — 19 сентября.*

НЕФТЬ И ВУЛКАНЫ

При изучении подземных термальных вод Камчатки впервые обнаружена нефть. Такое открытие сделали учёные Всесоюзного нефтяного научно-исследовательского геологоразведочного института. Положительные результаты получены после исследований, проведённых в вулканически активном районе, в кальдере вулкана Узон.

— Факт выхода нефти из недр земли одновременно с термальными водами может изменить взгляды на теорию органического

происхождения нефти, — сказал в беседе с нашим корреспондентом начальник поискового отряда, кандидат геолого-минералогических наук И. С. Бескровный.

Но первые выводы, по мнению ученого, требуют более глубокого подтверждения.

Камчатская правда. — 1970. — № 230. — 26 сентября.

И снова — о Долине гейзеров

П РОШЕЛ по маршруту № 264. Восхищен красотами природы, но многое еще не продумано при устройстве быта туристов. Пищу нужно готовить на костре, но инструктор каждый раз предупреждает: собирать только сухие дрова. Это и понятно: заповедник. Но где же их взять в местах, где прошли уже тысячи людей? Приходится рубить все, что попадется под руку. Неминуемо, что через несколько лет растительность вблизи приютов исчезнет полностью. Выход напрашивается сам собой — оборудовать все приюты керосиновыми кухнями.

И еще. Поразительную беспечность проявляют руководители базы к вопросам безопасности. Никто не позаботился об ограждении опасных участков на Узоне, в Долине гейзеров. Инструктор ведет группу не в 20 человек, как положено, а в 50—60. Походная колонна растягивается на несколько километров. За «экономию» на инструкторах люди расплачиваются своим здоровьем.

Кстати, о здоровье. В рекламных проспектах, которые рассылают туристам, рекомендуется 17-дневная, более дорогая, путевка «для лиц с ослабленным здоровьем». И вот приезжают на Камчатку шестидесяти- и даже семидесятилетние туристы и быстро убеждаются, что этот поход лишь для вполне здоровых людей.

И. БАСЛАВСКИЙ.
Начальник кафедры Мурманского высшего
инженерного морского училища.

Камчатская правда. — 1970. — № 234. — 1 октября.

ЕЩЁ ОДИН АВТОМАТ

Заговорил» автомат погоды, установленный на Кроноцком озере. Каждые три часа он сообщает полные сведения: температуру, давление, скорость и направление ветра, наличие тумана. Это уже третий автомат, заменивший метеорологов. Два установлены на юго-восточном побережье Камчатки — на мысе Поворотном и в бухте Вестник.

Камчатская правда. — 1970. — № 248. — 17 октября.

ПРОЗА ДОЛИНЫ ГЕЙЗЕРОВ

Было время, когда вопросы, связанные с освоением маршрута в Долину гейзеров, ставились накануне открытия туристского сезона. И это было закономерно. Долину за туристский сезон посещало 100–150 человек. К приёму их подготовиться было нетрудно.

За 20 лет, прошедших со дня открытия Т. И. Устиновой камчатских гейзеров, там побывало около 12 тысяч человек. Лето нынешнего года привело в уникальный уголок природы две с половиной тысячи туристов. Если предположить, что количество поклонников Долины будет возрастать в той же пропорции, то уже году в 1975-м туда устремится около 25 тысяч человек! Цифра значительная для нашей Камчатки, но вполне реальная для страны, где у туризма поистине безграничные условия развития. Именно это и обязывает серьёзно, с дальней перспективой решать проблемы Долины.

Председатель областного совета по туризму Н. Г. Крамаренко выделил несколько проблем, которые, на его взгляд, тормозят и усложняют освоение всеоюзного маршрута № 204. Прежде всего — это транспорт, доставка туристов от Петропавловска до Жупанова. Лучшим решением этой проблемы может стать введение спецрейса «Петропавловск — Жупаново». Стоит оговориться, что особых трудностей с транспортом нынешним летом не было. График заезда туристов совет заранее согласовал с отделом пассажирских перевозок Камчатского пароходства, были установлены различные сроки прохождения групп по маршрутам. В итоге произошла всего одна задержка с отправкой туристов из Жупанова, да и та случилась из-за непогоды.

Но поток туристов возрастает с каждым годом. И через год-два обычные рейсы не смогут доставить туда всех желающих. Поэтому совет планирует ещё один маршрут в Долину: из Милькова. Летом по этому пути прошла экспедиция.

Что же даст новая тропа в Долину? При особо большом наплыве туристов можно будет половину экскурсантов направлять в Долину из Милькова, другую — из Жупанова.

Естественно, новая тропа потребует серьёзного к себе внимания. Мы знаем из практики, что существующий уже несколько лет кольцевой маршрут до сих пор не приведён в состояние готовности. На новой тропе предстоит построить новые приюты, мосты... Сейчас результаты пробного похода изучаются.

Начальник Камчатского пароходства П. Д. Киселёв считает, что пока доставка туристов в Жупаново — не проблема. Что касается перспективы, то в 1972–73 годах пароходство должно получить новое судно на 100–130 мест. Тогда в случае необходимости оно сможет делать в Жупаново два рейса в неделю. И тем не менее гораздо перспективнее решать проблему координирования совместно с авиаторами и автомобилистами.

Питание туристов. По словам Н. Г. Крамаренко, облрыболовпотребсоюз заявки совета по туризму выполняет едва ли на четверть. И в то же время заместитель председателя правления Г. В. Лопатин заметил, что о подобных претензиях он слышит впервые. Значит, всё дело в том, чтобы сесть за общий стол и договориться. Если бы так!

Но столовая в Жупанове с трудом справлялась с обслуживанием туристов. Особенно страдали от этого «дикари». Сейчас совет по туризму начал строить в посёлке свою столовую.

Однако и это не полное решение вопроса. Основное время туристы проводят на маршруте. Как встречают их приюты? Запасы продуктов пополняются на плато и Узоне. На Ключи, Шумную, Бурлящий питание не завозится. Трёхдневный запас турист вынужден тащить на себе.

Прибавьте сюда спальники — внушительный багаж. Проза Долины гейзеров на этом не кончается. Нет топлива. Построенные наконец-то сушилки почему-то не греют.

На нашем полуострове пока единственный постоянно действующий маршрут — в Долину гейзеров. Какие впечатления унесёт турист, побывавший на Камчатке? Это впечатление складывается из короткого знакомства с городом, из хождения по пыльным улочкам Жупанова, из отсутствия гостиницы, неважной столовой плюс скверной погоды, которая встречает туриста нередко до выхода на маршрут. Кроме того, приезжие туристы уходят в сложный поход в большинстве своём мало подготовленные к нему даже психологически. Нет хорошей литературы,

карт. Отсюда вывод: Долине нужна реклама, умная, профессиональная реклама.

Теперь о тех, кто работает в Долине гейзеров. Туристов здесь с избытком, а вот в инструкторах острая нехватка. Маршрут обслуживают приезжие спортсмены. Безусловно, должны быть свои кадры. Но подготовка их сложна, требует времени.

Правда, какой-то выход можно бы найти и сегодня. По самым скромным подсчётам, у нас в городе по крайней мере человек 150, которым можно доверить туристские группы. Но ведь для всех них туризм — только увлечение, все они заняты на производстве. И многие ли согласятся в течение всего лета работать по низким ставкам, которые может предложить областной совет.

Внимательного рассмотрения заслуживает вопрос и об отношении к Кроноцкому государственному заповеднику, по которому идёт маршрут в Долину. И не только к нему, но и к самой Долине. Один из авторов этих строк впервые увидел камчатские гейзеры шесть лет назад. И показалось любопытным сравнить прошлые впечатления с сегодняшними.

Итак, год 1964-й. Ещё нет звучных имён у приютов, только протаптывается тропа, но уже есть 700 путешественников с рюкзаками, готовых стерпеть все лишения неизвестного пути, чтобы увидеть гейзеры. Приют на Ключах занимал скромное место. К горячим источникам, круто ныряя вниз, вела узкая тропка. Уже тогда поговаривали о строительстве лестницы.

На Шумной — несколько палаток. О сушилках только мечтали... Лагерь «Горное плато» не существовало.

И вот гейзеры. Сквозь сплетённые ветви каменной берёзы видно, как причудливыми клубами поднимается в небо пар...

1970-й год. Та же тропа. Центральная база перекочевала в район бывшего колхоза. Угольником выстроились палатки. Внутри — деревянный пол, матрацы. На приюте «Ключи» палатки углубились в лес, который заметно поредел. На прежнем месте — вытоптанное пустырь.

К источникам по-прежнему ведёт полуразрушенная крутая тропа. Словно трактор туда свалился. Лестницу так и не построили. В кострах на Шумной дымятся зелёные листья. Палатки и здесь справили новоселье. Что это? Завоевание территорий у заповедника?

В самой Долине, там, где раньше густел ольховый стланник, — царство кострищ. Палатки перекочевали ещё ближе к гейзерам. Забыли об осторожности?

Вековые берёзы дополняют красоту Долины. Некоторые деревья сожжены, другие подпилены и засыхают. Зачем спилены деревья? Вертолёту, говорят, мешают взлетать. Подумать только, столько лет не мешали!..

Любители, знатоки природы трубят тревогу: если «покорение» гейзеров будет идти с таким равнодушием и дальше, то через десяток лет и показывать будет нечего.

За время существования планового маршрута туристский лагерь находится на территории Долины. Любопытно, как отнеслись бы ценители живописи, если б в залах Третьяковской картинной галереи устроили гостиницу?! Почему же мы разрешаем сотням людей из года в год засорять, вытаптывать уникальнейший уголок земного шара?! Все усилия будут сводиться к нулю до тех пор, пока лагерь не вынесут за границы Долины.

Кроноцкий государственный заповедник предпринимает посильные меры к тому, чтобы сберечь жемчужину Камчатки. Этим летом в Долине постоянно находился представитель заповедника. Имя его — Виталий Николаенко. В течение четырёх месяцев он изо дня в день вёл наблюдения за отдельными источниками, и сведения, собранные им, уже сейчас представляют определённый интерес для науки. Кроме того, Виталий сам водил группы.

Страстно любя природу, он зорко старался охранять Долину от «покушений» сборщиков сувениров. Но даже при таком бдительном контроле на гейзере Сахарном, к примеру, за лето скололи квадратный метр гейзерита!..

Сейчас принято решение о постройке на территории Долины домика, в котором круглый год находился бы представитель заповедника. Но если уж такая стройка планируется, то нужно подчеркнуть, что вопрос этот нужно согласовать с художником-архитектором, так как стоять там избушке много лет, и, став определённым туристским объектом, она сама должна привлекать посетителей, не вступать в диссонанс с самой Долиной. Иными словами, любое прикосновение к заповедной природе должно решаться в ансамбле с этой природой.

Долина гейзеров — уникальное творение природы. Думается, время, которое есть ещё до начала нового туристского сезона, будет израсходовано разумно, с ответственностью. На пользу природе и людям.

В. Кравченко, член географического общества.

А. Пирагис, турист.

Камчатская правда. — 1970. — № 281. — 26 ноября.

1971

ДОМ УЧЁНЫХ ЗАПОВЕДНИКА

Отпраздновали новоселье научные работники Кроноцкого государственного заповедника. В центре села Жупаново выстроен девятикомнатный просторный дом. Здесь расположились кабинеты геоботаники, зоологии, фотолаборатория, лесной и административные отделы. Пополнился новыми автомашинами и гараж заповедника.

Значительные изменения произошли в научных планах. До сих пор сотрудники вели одну постоянную тему «Наблюдение и изучение явлений и процессов природного комплекса территории заповедника». Было выпущено два сборника «Летописи природы». В этом году прибавилось две темы. Одна из них — «Изучение экологии пихты грациозной с целью её сохранения и воспроизводства». Вторая тема — «Геоботаническое описание и картирование территории Семлячикского лесничества». Составление геоботанических карт даст ежегодное точное представление о численности животного мира заповедника.

Камчатская правда. — 1971. — № 20. — 24 января.

ЛЮБИТЕ СВОЙ КРАЙ...

В прошлом году в школьные фильмотеки поступил новый учебный фильм по географии «Камчатка». Создан он на киностудии «Школфильм» по сценарию А. Буримского режиссёром И. Колобнёвой при участии консультанта доктора географических наук профессора Г. П. Горшкова.

Этот фильм предназначен для седьмых и восьмых классов при изучении тем «Своя область» и «Дальний Восток».

...Камчатка — молодая горная страна. В прошлом на месте полуострова было море. В результате мощных горообразовательных процессов, которые продолжаются и до настоящего времени, на месте морского дна поднялись бесконечные хребты. И в фильме множество кадров посвящены рельефу, вулканам и работе вулканологов на камчатской земле. Школьники увидят мощные горные цепи, Ключевской действующий вулкан, являющийся не только высшей точкой Камчатки, но и крупнейшим и активнейшим вулканом Азии. Интересны редкие кадры, снятые в кратере, извержение вулкана Безымянного.

На нашем полуострове открыто и разведано множество выходов горячих подземных вод и паров. Фильм рассказывает о знаменитой Долине гейзеров, сказочном уголке мира. Сотни горячих ключей, больших и малых гейзеров окутывают её паром. Самый мощный из гейзеров — Великан. Он через каждые 3–5 часов выбрасывает столб кипятка высотой 40 метров, а пар от него поднимается высоко над склонами Долины. Живописен и весь путь от Жупанова к Долине: школьники увидят Тихий океан, горные реки, преграждающие путь, «пьяные» камноберёзовые леса, камчатские «субтропики» — заросли шеломайника, полюбуются спутниками туристов — бурыми медведями.

Вместе с туристами зрители пройдут по центральной Камчатской низменности. Бесконечная могучая красавица-тайга, будущий город в устье реки Камчатки, возделанные поля, сбор урожая огурцов и помидоров в парниково-тепличном хозяйстве, многочисленные стада оленей...

Но больше всего Камчатка славится рыбой и тихоокеанскими крабами. Поэтому большое внимание в фильме уделено показу лова и обработки рыбы, упаковке консервов и красной икры.

Современная техника изменила понятие о расстояниях. Путь, на который раньше требовались месяцы, ИЛ-18 преодолевает за двенадцать лётных часов. Сейчас из Москвы попасть на Камчатку, пожалуй, можно легче, чем, скажем, в какой-нибудь район Орловской или Липецкой области. Но нет, не стал наш край менее романтичен! В этом нас убеждают кадры о Командорских островах. Горная тундра, лежбища котиков, многочисленные птичьи базары... Такого разнообразия природы не встретишь ни в одном уголке страны.

Непреренно посмотрите этот фильм! Он призывает юного зрителя:
«Любите свой город, свой край! Любите и гордитесь!»

*М. Арсеньева, Камчатский институт усовершенствования учителей.
Камчатская правда. — 1971. — № 92. — 14 апреля.*

КАСКАД ГЭС

Сегодня Камчатку можно сравнить с алмазом-сырцом, которому еще только предстоит стать бриллиантом. Но получение бриллиантов, в прямом и переносном смысле, требует очень большого количества энергии.

Одним из источников энергоснабжения Камчатки может служить каскад Кроноцких гидроэлектростанций, технико-экономическое обоснование которого разработано Ленинградским институтом Гидропроект. Это обоснование передано для утверждения в Министерство электростанций. В мае проектировщики приедут для согласования данных с камчатскими организациями.

Тысячи лет назад природа сама создала гигантскую «плотину»: продукты извержения вулканов Кроноцкого и Крашенинникова перекрыли долину древней реки, в результате чего образовалось естественное водохранилище — Кроноцкое озеро. Из 40 километров реки 20 приходится на порожистые участки, где река имеет большое падение. Энергию этого падения и решено использовать, создав две последовательные ступени гидроузлов.

Строительство гидроэлектростанций в условиях сложнейшей геологии, близости вулканов и высокой сейсмичности района — дело дале-

ко не простое. Неожиданности подстерегают на каждом шагу. Известно, например, что в озеро Кроноцкое притекает 62 кубометра воды в секунду, а вытекает только 42. Остальные уходят под землю и выходят на поверхность в виде ключей лишь на 10—11-м километре реки. Подсчитано, что потеря в секунду только одного кубометра воды в истине дает потерю в выработке электроэнергии около 20 миллионов киловатт-часов в год. И приходится заботиться о том, как бы перехватить этот подземный поток, направить его на турбины.

Сооружения Кроноцких гидроэлектростанций будут расположены под землей в теле естественной «плотины».

При строительстве обеих станций Кроноцкого каскада предстоит выполнить большой объем работ: только земельно-скальные выемки определяются в 4,5 миллиона кубометров...

Зато с вводом в работу ГЭС все ныне существующие мощности Камчатки будут значительно перекрыты, а энергетический «гопод» будет удовлетворен практически до 2.000 года.

А. ШУСТОВ,
главный инженер проекта.

Камчатская правда. — 1971. — № 106. — 1 мая.

ПО ТРОПАМ ДИКОГО ОЛЕНЯ

Изучение диких копытных животных представляет особый интерес. Важно выяснить рациональные методы восстановления, увеличения численности дикого северного оленя на юге Камчатки, где из-за недостатка ягеля невозможно домашнее оленеводство.

Дикие олени на юге полуострова обитают в двух очагах. Границы Кроноцко-Жупановского оконтурены реками Камчаткой и Авачей. Другой размещён от мыса Лопатки до автотрассы Петропавловск — Апача — Усть-Большерецк. Эксплуатацию дикого северного оленя здесь должны осуществлять Елизовский и Большерецкий госпромхозы. Но из-за отдалённости зимовок оленей от центральной усадьбы и отсутствия снегоходного транспорта Большерецкий госпромхоз заготовки оленьего мяса и шкур практически не проводит. Лишь небольшое количество оленей отстреливают охотники при промысле пушных зверей. Таким образом, южная группировка оленей в последние годы осваивается далеко не полно. Тем не менее поголовье оленей — всего около 3.000 особей, и в ближайшее время увеличения роста его не ожидается.

В начале прошлого десятилетия численность оленей в Кроноцко-Жупановском очаге оценивалась до 4.000 голов. В 1970-м их стало всего около тысячи. Каковы же основные причины резкого спада численности животных? На наш взгляд — разившееся за последние годы браконьерство, которое стало возможным после прокладки на Жупановский дол дороги.

И ещё. Охотники Елизовского госпромхоза, как правило, добывали оленей экспедиционным путём. В спешке неминуемо значительное число подранков. Нередко животных нагоняли на цепь стрелков вертолётom и, что ещё хуже, просто отстреливали с вертолёта.

Определенную роль в снижении численности животных сыграли нерациональные система и сроки практиковавшегося ранее промысла. Он начинался во второй половине зимы, когда охотники освобождались от охоты на пушного зверя. В это время олени сконцентрированы в больших стадах. В таких случаях процент подранков особенно высок.

В этом способе охоты — ещё одна отрицательная черта: разгон стада. Оленям в стаде легче добывать корм, легче спастись от волков. В крупных табунах волки могут задрать лишь отставших от стада или потерявших осторожность из-за какого-либо заболевания оленей. Малочисленное стадо более доступно хищникам. К тому же к этому времени олени теряют запасы жира. Мясо становится низкого качества, и его меньше на 20–25 процентов, чем при осеннем забое.

Следовательно, нерациональная система промысла, поздние его сроки приводят к высоким непроизводительным отходам, отрицательно влияют на условия зимовки оленей.

Недостатки в государственном промысле, отмеченные выше, в равной степени характерны и для любительской охоты. Здесь ещё

добавляется и то, что любители обычно используют непривычное для них малопрестрелянное нарезное оружие. Выстрелы неточны, и высок непроизводительный отход подранков.

Дикие северные олени, как и все остальные промысловые животные, являются собственностью государства. Охотник-любитель, получив бесплатную лицензию, пользуется продукцией безвозмездно. На наш взгляд, это неправомерно. Охотник-любитель, добыв оленя, должен оплачивать если не всю стоимость продукции, то, по крайней мере, часть, компенсирующую затраты общества на охрану и воспроизводство животного. Рассчитать стоимость лицензии в данном случае не представляет большого труда.

Естественно, что, получая стоимость лицензии с охотника, охотхозяйственные организации должны гарантировать перспективность охоты. Что же касается добычи, то она будет зависеть от умения охотника.

Средства, полученные от реализации лицензий, должны иметь строгое целевое назначение и расходоваться на улучшение охраны, проведение учётов численности и соответствующих исследований. Следовательно, необходимо создавать специализированные охотничьи хозяйства, по-видимому, как в системе управления охотничье-промыслового хозяйства при Камчатском облисполкоме, так и при областном обществе охотников.

В целях же рациональной эксплуатации дикого северного оленя на юге Камчатки необходимо уже сейчас внедрить ряд конструктивных мероприятий. Прежде всего запретить промысловую и любительскую охоту на это животное в Кроноцко-Жупановском очаге сроком на два-три года. Одновременно усилить охрану оленей от браконьерства, увеличив штат егерей, снабдив их необходимым транспортом.

Промысел же оленей в южной группировке надо проводить только стационарно, на путях осенних миграций и лишь в первой половине зимы, до того, как животные начнут группироваться в большие зимовочные стада. Характерно, что в Усть-Камчатском и Карагинском районах, в северо-восточной группировке дикого оленя, которого там насчитывается около четырёх-пяти тысяч, животных добывают в больших размерах, чем в Кроноцко-Жупановском очаге. Но делают это только осенью и ранней зимой. Такой промысел не приносит вреда, численность животных в последние годы постоянно увеличивается, и госпромхозы дают больше высококачественной продукции.

При отправке бригады на промысел дикого северного оленя в южной группировке в состав её необходимо включать работников госохотнадзора и желательны сотрудники научных учреждений соответствующего профиля. Это позволит объективно оценить эффективность имеющихся способов добычи, найти наиболее рациональные из них, предотвратить возможные неправомерные действия охотников.

Охотохозяйственное использование запасов дикого оленя на юге полуострова может стать весьма эффективной формой эксплуатации низкопродуктивных оленьих пастбищ этого района. Охотничья отрасль в этом районе может оказаться более целесообразной, нежели оленеводство. Последнее не случайно не проникло в этот регион, хотя попытки эвенков пройти сюда со своими стадами отмечались в прошлом веке.

Учитывая современную численность дикого оленя на юге Камчатки, уже сейчас при рационализации промысла, его сроков здесь можно добывать около 300 оленей в год (десятую часть от запаса). Исключив браконьерство и восстановив численность оленей в Кроноцко-Жупановском очаге, можно добывать до тысячи оленей.

Безусловно, необходимы систематические исследования. В частности найти пути снижения естественной гибели молодняка в первые месяцы, способы изменения сроков весенней миграции оленя, которая совпадает с отёлом: при переходах по горным тропам гибнут телята. Вмешательство человека в процессы воспроизводства дикого северного оленя представляется необходимостью.

*В. Филь, кандидат биологических наук.
Камчатская правда. — 1971. — № 118. — 16 мая.*

ПОЧТИ ВСЁ — О ТУРИЗМЕ

Всё чаще на улицах города появляются люди в потрёпанных, в просоленных, прокопчённых у костров штормовых костюмах. Это туристы. Город уже привык к ним. Акции камчатского туризма повышаются по всей стране.

Итак, интервью «Камчатскому комсомольцу» даёт Н. Г. Крамаренко, председатель областного совета по туризму и экскурсиям.

— Бывалым туристам, уже посетившим знаменитую Долину гейзеров, мы предлагаем посмотреть действующий Карымский вулкан. Путешествие это продлится 11 дней. Надо пройти 90 километров. Тому, кто хоть немного знает Камчатку, не нужно рассказывать об уникальной

природе Кроноцкого заповедника, о красоте Семлячикского водопада, Карымских озер, единственной в мире рощи пихты грациозной. В Долину гейзеров у нас два маршрута: двенадцатидневный для молодёжи и для пожилых — 17 дней (больше времени отведено для отдыха). Есть и совмещённый маршрут: Жупаново — Долина гейзеров — Карымский вулкан. Он рассчитан на 22 дня, и участвовать в этом походе могут туристы опытные, так как он третьей категории сложности, протяжённостью в 205 километров. Путешественникам не придётся сгибаться под тяжестью рюкзаков — продукты они будут брать на наших базах — на Карымском, Узоне и на Горном плато. Всего в этом районе побывает 3 тысячи человек.

Второй интересный район, уже обжитый путешественниками — каскад Паратунских источников. 400 человек будут отдыхать здесь две недели. Плюс 600 старшеклассников 20 дней проживут в передвижном лагере «Горизонт». Маршрут автобусно-пешеходный. И очень интересный: восемь групп горячих источников, опытная фреоновая станция, единственный в стране парниково-тепличный комбинат, нерестилище на Начикинском озере, речки тёплые и холодные, шеломайник выше человеческого роста.

Впервые в этом году мы откроем зимнюю базу на Больше-Банных ключах. Здесь есть два дома на 50 человек. Предполагаем комплектовать группы на три дня и на неделю.

Уже назрела необходимость создать прочную, крупную базу в районе Паратунки, которая будет обслуживать маршруты к вулканам Мутновскому и Горелому, к Вилюче и Начикам.

С будущего года начнётся проектирование такой базы на 200 мест и столовой на 300. Будет предусмотрено строительство палаточного летнего городка для 400 человек, оранжереи и теплицы — не одними красотами жив турист. База будет снабжаться подземным теплом, уже выделена мощная скважина. По нашим планам база примет первых гостей в 1975 году.

В этом сезоне замахнулись мы и на Командорские острова. Пока что будет, как говорят, обкатка маршрутов. Для начала на «самые дальние наши острова» едут «дикие» туристы. Сейчас идёт подготовка строительства смотровой веранды на северное лежбище и складов в Никольском. Мы очень благодарны Алеутскому райкому партии и райисполкому. Они всегда приходят на помощь, когда возникают трудности с организацией базы. К сожалению, до сих пор мы не можем договориться

с администрацией зверокомбината. Дело в том, что нам необходима база на озере Саранном. Дом на озере есть — в 1958 году комбинат построил здесь пионерский лагерь, который сейчас заброшен. Мы согласны купить здание, но, повторяю, никак не можем найти общего языка с его нынешними владельцами.

— Николай Григорьевич, прежде чем выдать на руки туриста путёвку, надо подготовить материалы о маршруте, создать базы, исследовать каждый километр пути. Расскажите именно об этом подготовительном периоде?

— Все маршруты предварительно исследуют наши экспедиции. Например, сейчас мы изучаем долину реки Камчатки. Прошлым летом по долине прошла экспедиция, в которой участвовали работники краеведческого музея и журналисты. Эта экспедиция дала ценный краеведческий материал для экскурсий, богатейшие исторические данные. Теперь мы хотим организовать маршрут автобусом до Милькова, катером до Козыревска, затем речным трамваем до Усть-Камчатска. С 1973 года хотим этот маршрут сделать плановым.

Летом под Козыревском будет экспедиция, которая подготовит создание туристско-административного лагеря в районе Ключевской группы вулканов.

Исследовательская экспедиция уйдёт и на юг Камчатки. Её возглавит опытный турист Владимир Иванович Семёнов. Путь экспедиции лежит к Курильскому озеру, на Паужетку, к мысу Лопатка.

— Николай Григорьевич, расскажите теперь, много ли жителей полуострова будут путешествовать по стране и сколько гостей вы ожидаете с материка?

— В прошлом году мы смогли дать путёвки на Большую землю только 7 тысячам камчатцам. Я имею в виду туризм пешком, на машинах, при турбазах. В этом же году мы посылаем 15 тысяч жителей, наших земляков в Ялту, на Байкал, на озеро Иссык-Куль, в Феодосию. Взамен ждём 7 тысяч москвичей, рижан, киевлян. Да что там — называйте любой город Советского Союза — не ошибётесь. Летом ожидаем 4 рейса теплоходов, которые совершают уже знакомый многим круиз по Охотскому морю. К нам едут самые дальние — мурманчане, им продано 200 путёвок. Мы покажем им город, отвезем в Малки, искупаем в Паратунских источниках.

— Все туристы мечтают увезти с собой не только горный загар, вкус рыбы и запах океана, но и вполне материальные сувениры. Какие они?

— Во-первых, значки. Большой популярностью пользовались значки Долины гейзеров, изготовленные для нас в Тяльшайском клубе туристов (Литва). Мы уже продали 30 тысяч, а на складе ожидают летнего сезона ещё 50 тысяч таких же значков. В начале июля появится значок с надписью «Здесь начинается Россия». Тираж — 100 тысяч. Их делают в Москве, в рекламбюро «Турист». Там же готовится выпуск значка «Командоры» (тираж 100 тысяч). Будет создан ещё один значок Долины гейзеров, планируем заказать серию о памятниках Петропавловска.

Впервые в этом году появятся в продаже красочные буклеты и альбомы с видами Камчатки, набор цветных открыток. В планах — альбом «На просторах Камчатки» и выпуск книги В. И. Семёнова о полуострове «В краю заоблачных вершин».

— Николай Григорьевич, настало время агитировать за камчатский туризм не только экзотикой, не только природой, но и отличным обслуживанием, туристским комфортом. Что сможет предложить совет туристам хотя бы в ближайшей пятилетке?

— Мы — организация хозрасчётная. Значит, чем больше туристов получит наши услуги, тем больше таких услуг мы сможем оказать. Ощутимую поддержку оказывает нам облсовпроф. Ежегодно нам выделяется 85 тысяч рублей. Объём услуг, которые мы должны будем оказать в этом году, составляет 750 тысяч (совсем недавно этот объём выражался всего в 400 тысячах). Поэтому только нынче мы сможем израсходовать на укрепление материальной базы 300 тысяч рублей.

В 1972 году начнём строительство гостиницы «Турист» на 250 мест в районе 7 километра, с рестораном, кинозалом, гаражом на 50 машин.

Теперь скажу о наболевшем. Нам, туристам, необходим свой клуб. Он есть, но расположен в подвальном этаже, где умещается всего 50 комплектов снаряжения. В то время как прокатная база должна иметь по крайней мере снаряжения на 100 тысяч рублей. В апреле 1970 года вышло постановление облисполкома «О развитии туризма и экскурсий в области», в одном из пунктов которого говорилось о помещении для клуба. Дважды только в этом году мы обращались в горисполком с просьбой выделить помещение, но пока бесполезно.

— Николай Григорьевич, можно сказать, «туризму все возрасты покорны». Назовите самого молодого и самого старого путешественника из тех, кому выдавали путёвки.

— Вот вам выдержка из письма москвичей: «Нам всем 46 лет, мы давно мечтаем побродить по Камчатке. Напишите, какая должна быть

предварительная тренировка на выносливость». А в прошлом году я попал в очень неловкое положение. Пришла как-то пожилая женщина и попросила путёвку. Я у неё спросил: «А со здоровьем как, мамаша?» И в ответ услышал: «Во-первых, я не мамаша, а Елена Васильевна Покровская, доктор медицинских наук. Во-вторых, мне 72 года и я до сих пор работаю». Вот так. Теперь я каждого посетителя воспринимаю как потенциального заядлого туриста. Ну, а десяти-двенадцатилетних у нас много, их и назвать всех трудно...

Ольга Космынина.

Камчатский комсомолец. — 1971. — № 76. — 26 июня.

ТУРИСТ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Рабочие дни последней декады июня да и в июле у председателя областного совета по туризму Н. Г. Крамаренко начинались... с переговоров о предстоящей погоде: надолго ли ещё дожди, не обещают ли метеорологи «ясно»?

И дело, конечно, не только и не столько в том, что путешествовать, естественно, лучше в добрую погоду. Затянута тучами небо — значит, снова откладывается доставка того, что может понадобиться туристам на дальних базах, дождь — значит, нельзя должными темпами вести необходимые работы, строительство, программа которого в этом году большая.

И на нашу беседу о летних планах туристов, их маршрутах и экспедициях непогода тоже наложила отпечаток. Свой рассказ председатель совета начал с путешествий камчатцев по стране.

Две тысячи наших земляков совершили такие путешествия в 1969 году, в минувшем — число их возросло до семи тысяч, а в этом — до 15. С удовольствием отправляются камчатцы в путь по Волге и Прибалтике, Крыму, с радостью знакомятся с озерами Байкалом и Иссык-Кулем, путешествуют по Амуру, рекам Урала...

Совет по туризму взял на себя заботу об устройстве тех, кто отправляется на юг на свой страх и риск. «Дикари» перестают быть таковыми, потому что туристские организации заранее договариваются об их питании, жилье.

— И всё-таки сколько туристов и где будут путешествовать летом по Камчатке?

— Более 7 тысяч человек. Они едут из всех уголков страны, чтобы увидеть Петропавловск, Камчатку, побродить по её тропам, — ответил

Н. Г. Крамаренко. — Знакомить их с нашим краем предстоит совету по туризму, его экскурсионному бюро.

С каждым годом всё больше желающих побывать в уникальной Долине гейзеров. Для удобства путешественников Камчатское пароходство открыло специальную туристскую линию — Петропавловск — Жупаново — Петропавловск.

— Все ли заявки удовлетворил совет по туризму?

— Конечно, нет. Мы получили более 12 тысяч писем с материка и ответили приглашением едва ли шестой части наших корреспондентов. Остальных не можем принять — нет базы.

В течение всей зимы велась переписка между советом и руководителями учебных учреждений нашего города с тем, чтобы летом на неделю-другую они разрешили поселить туристов в студенческих общежитиях. В городе 7.280 мест в таких общежитиях, но согласием нам ответил только торгово-кооперативный техникум — выделил 100 мест А в палатках ведь гостей города не поселишь.

— Какие маршруты действуют нынешним летом?

— Прежде всего наш главный — в Долину гейзеров. В этом году он дополнен интересным путешествием на Карымский вулкан.

Увлекательная программа ожидает туристов, прибывающих в новый лагерь «Горизонт». Они побывают на Перлитовой сопке, озерах Начикинском и Сокоч, Больше-Баннхих горячих ключах... За лето по этому маршруту пройдут 1.000 человек, из них 600 школьников. В прошлом году здесь побывали всего 70 человек

Пока лагерь — палаточный городок. Но в будущем будет построена в районе Паратунки капитальная турбаза. От неё пролягут пути на вулканы Мутновский, Горелый, Вилючинский, к ряду термальных источников вплоть до Паужетки.

Официально маршрут на Командоры мы намереваемся открыть в будущем году, когда на северном лежбище будет построена специальная смотровая веранда. Но туристы постараются проникнуть туда любыми путями и этим летом. Вот почему наши экскурсоводы будут работать и на островах.

Туристский автомаршрут проляжет из Петропавловска до Кирганика. Пока трудно сказать, что из этого получится, но мы попытаемся продолжить путь по воде на морском трамвае.

Вы знаете, что в прошлом году специальная экспедиция изучала объекты, которые могут заинтересовать туристов, путешествующих

по долине реки Камчатки. Нынешним летом выйдет в путь альпинистская экспедиция, чтобы выбрать место для туристско-альпинистского лагеря в районе Ключевской группы вулканов.

— А Север туристы не собираются осваивать?

— Мы знаем, что мест интересных там немало, просто пока не хватает сил. Однако в Быстринском районе туристы, надеемся, побывают вскоре.

— Как совершенствуется быт туристов?

— Лучше всего об этом расскажут, естественно, сами туристы. Они это чувствуют на себе. Но вот только некоторые штрихи.

Мы завезли в Жупаново 12 сборных домов, чтобы здесь на центральной базе отказаться полностью от палаток. В августе будет открыта новая столовая. Построена камера хранения.

На Больше-Баннных ключах два дома нам передали геологи. А на маршрутах поставлены каркасные палатки с настиленными полами. Будет построены здесь сушилки: на камчатскую погоду надеяться трудно.

В городе открыт специальный пункт, откуда туристы начинают свой путь. Здесь они получают снаряжение, здесь их консультирует врач.

Смогли мы решить, конечно, далеко не все вопросы. В частности, такой: до сих пор не телефонизирована наша база в Жупанове. Третий год обещает это сделать областное управление связи. И третий год дальше обещаний дело не идёт. Насколько необходим телефон там, куда прибывают сотни людей — объяснять излишне. Чтобы узнать даже о подходе теплохода, туристам приходится бежать за четыре километра.

Огорчают нас проектировщики «Гипрорыбпрома», которые должны выдать соответствующие документы на строительство гостиницы для туристов. Во втором квартале они не выполнили для нас работ ни на рубль.

— Маршруты туристов проходят по уникальным уголкам полуострова. И, не будем закрывать глаза на факты, природа потерпела от этого урон. Что делается для охраны её?

— Прежде всего в этом году мы перенесём туристский лагерь из самой Долины гейзеров за три километра от фонтанирующих источников. Он разместится на берегу реки Сестрёнки. В Долину туристы будут ходить только на однодневную экскурсию.

К сожалению, пока ещё не совсем решён вопрос с топливом. Сухостоя в заповеднике почти не осталось, рубить здесь ничего нельзя. Мы заказали в Перми капельные печи, которые работают на соляре. Такими печами будут оборудованы все приюты на маршрутах.

И, конечно, главное зависит от самих туристов, их бережного отношения к природе. Искусству ходить по земле, охраняя и сохраняя её красоту, учат их инструкторы, экскурсоводы. Это вменено им в обязанность.

Туризму на Камчатке предстоит большое будущее. За годы пятилетки на развитие материальной базы его будет вложено более 10 миллионов рублей только из ссуд Стройбанка. В 10 раз увеличится транспорт совета, вдвое больше людей будут обслуживать экскурсионное бюро. Уже в будущем году будет 100 тысяч экскурсантов вместо 50 тысяч.

И в связи с растущим объёмом дел и забот нельзя не сказать о быте тех, кто заботится о туризме. Совет размещён в двух небольших комнатах, где не только невозможно встретиться и поговорить с туристами, но даже сотрудников негде принять.

Ещё в 1960 году объём услуг, который представлял областной совет по туризму и его организации, исчислялся в сумме 200 тысяч рублей, в 1971 году этот объём возрос до 750 тысяч, т.е. почти в четыре раза. Не учитывать этого нельзя.

Камчатская правда. — 1971. — № 167. — 15 июля.

ОПРАВДАНИЕ НАДЕЖДЫ

Последние минуты расставания, и теплоход «Николаевск» увозит нас всё дальше и дальше от родного города. Впереди нас ожидает увлекательнейшее путешествие в Долину гейзеров. Погода солнечная, и настроение отличное. По радио звучат песни о Камчатке, и голос диктора иногда прерывает их, рассказывая о местах, которые мы проезжаем, о Командорах, об интересных рыбах...

На турбазе под Жупаново мы прожили двое суток. В это время мы побывали на экскурсии в роще пихты грациозной.

Перед отправлением с турбазы построились в шеренгу, поставив рядом рюкзаки. После короткого ознакомления с предстоящим переходом раздалась команда: «Под рюкзак!» В первые дни мы не могли надевать рюкзаки. И не потому, что не умели, а потому что они были очень большие и тяжёлые: провизии от 5 до 10 килограммов плюс спальный мешок и личные вещи.

Прибыли мы на Семлячинские горячие ключи. Нам не везло. Было холодно, и лил дождь. Кое-как развели костёр и сварили ужин. Потом, не раздеваясь, прямо в куртках залезли в спальные мешки и... кто уснул, а кто нет. Мысли были разные, но все они сводились, конечно,

к одному — к дому. Вспомнилась чистая, тёплая постель. Но туристы привыкли без комфорта.

На следующий день рано утром мы отправились на вулкан Бурлящий (следующий приют на пути в Долину). Этот пункт иначе называют малой Долиной гейзеров. На этом переходе был самый трудный и самый опасный перевал. Опасность была в том, что здесь свободно можно заблудиться. Мы взяли с собой рацию. Шли всё время по снегу в тумане. Поздно вечером мы достигли цели.

Дальше наш путь лежал в кальдере вулкана Узон.

Чего не хватает человеку для полного счастья? В разных условиях — разное. В данном случае нам не хватало тепла.

Зато потом мы двое суток жили на Узоне в тёплом домике, в котором имелась печка-«буржуйка». Теперь по ночам даже жарко было.

На Узоне мы купались в источниках, ходили на экскурсии к парящим фумаролам, кипящим грязевым котлам, тёплым голубым озёрам, у которых видели лебединые семьи, не раз встречали куропаток, сусликов, зайцев, хозяина тайги — медведя.

Теперь перед нами встал следующий вопрос: не разочаруемся ли мы Долиной, ведь мы столько о ней слышали, столько читали. Бывает, что ждёшь чего-то с нетерпением, тщательно готовишься к этой встрече, приходит это «что-то», и ты даже не замечаешь его — то ли от волнения, то ли от того, что не оправдываются твои надежды.

Но сомнения были напрасны. Долина поразила нас своей красотой и необыкновенностью. Невозможно передать это в словах. Надо самому это увидеть.

*Наталья Степанова, школа № 4, г. Петропавловск.
Камчатский комсомолец. — 1971. — № 95. — 7 августа.*

СОХРАНИТЬ ДЛЯ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

В одной из своих работ К. Маркс говорил о времени, когда каждое поколение людей будет оставлять своим наследникам землю более богатую и щедрую, чем получило от предшественников.

Советским правительством был последовательно издан ряд законов и постановлений, связанных с вопросами охраны природы и организации заповедников на территории СССР. Результатом этих постановлений явилось создание на нашем полуострове Кроноцкого государственного заповедника — одного из самых крупных заповедников в стране.

Долгие годы замечательные по своей красоте уголки заповедника были недоступны широкому кругу людей. Это частично объяснялось слабой популяризацией его природных достоинств, частично — трудностями доставки туристов и экскурсантов на территорию заповедника.

Ныне слава о Кроноцком заповеднике вышла далеко за пределы области. Особенно вырос его авторитет после открытия Т. И. Устиновой знаменитой Долины гейзеров. В настоящее время в Долину и другие уголки заповедника проложен Всесоюзный туристский маршрут № 264. Создана туристическая база в посёлке Жупанове и несколько приютов на территории заповедника.

За восемь лет существования планового маршрута в Долину гейзеров заповедник посетило свыше шести тысяч туристов. Казалось бы, с организацией Всесоюзного туристского маршрута начались светлые дни в работе Кроноцкого заповедника. На деле же всё оказалось гораздо сложнее. Чем быстрее набирала свою мощь туристская база, тем мрачнее становилось на душе работников заповедника.

С самого начала создания турбазы в посёлке Жупанове не было найдено общего языка между её работниками и работниками заповедника. При этом дирекция турбазы даже не удосужилась получить разрешение на право посещения Кроноцкого заповедника, по территории которого проходит маршрут. В результате этого приюты на маршруте были выбраны удобные с точки зрения туризма, но без учёта требований, предъявляемых службой заповедников.

Убедившись, что все их действия остаются безнаказанными, работники турбазы приступили к активной агитации, призывая скорее посетить Кроноцкий заповедник, чтобы не только увидеть его природу, но и насладиться некоторыми его «дарами». Так на приюте, расположенном в устье реки Шумной, туристам предлагалось не только посмотреть, по и половить красную рыбку, идущую на нерест. В том, что рыбы там действительно много, одним из первых убедился директор турбазы Фурсов, выловив для себя свыше двухсот горбуш. Неизвестно, насколько разросся бы в дальнейшем «скромный» аппетит директора, если бы не вмешательство сотрудников заповедника и работников прокуратуры...

Не обошли молчанием и других достоинств заповедника. Вот выдержка из статьи туриста Ю. Доремифова, помещённой в одном из номеров газеты «Камчатский комсомолец» — «А ягоды здесь чудесные и невиданные. На материке нет таких ягодников — сплошной ковёр из шикши и голубики. Можно сесть и, не сдвигаясь с места, собрать до килограмма

ягод». И огромное полчище туристов, воодушевлённое строками молодёжной газеты, с согласия руководителей туристских групп и по сей день лично убеждается, насколько прав Доремифов в своих суждениях. Правда, теперь ягоды едят не только не сдвигаясь с места, но и путём активного передвижения в сторону от тропы. В результате этого кустики жимолости и голубики ломаются, а красивые поляны-ягодники оказались испещрёнными большим количеством тропинок. На глазах гибнут многолетние геоботанические площадки, подминаемые рифлёными подошвами любителей «туманов и запаха тайги».

Но не только съедобное вызывает активный интерес у туристов. Одним из красивейших растений горных склонов Камчатки является золотистый рододендрон. Его чудесные жёлтые цветы в сочетании с тёмно-зелёными глянцевыми листьями великолепно украшают наши горы, придавая им особую прелесть. К сожалению, и это растение безжалостно выламывается туристами, желающими на пару часов украсить свой головной убор его соцветиями.

Не лучше обстоит дело и с нашумевшей на всю страну рощей пихты грациозной, расположенной вдоль реки Семячик. Нигде больше на Камчатке пихта не растёт, и лишь здесь, недалеко от Тихого океана, сохранился небольшой участок пихты площадью в двадцать гектаров. До сих пор ещё не выяснено точное происхождение этого «хвойного островка» среди берёзового леса. Известно только, что 1000 лет назад пихта не росла вблизи Семячика, а появилась значительно позже. Кроме того, академик Л. С. Берг считал, что камчатская пихта это не отдельный вид, а подвид пихты сахалинской, которая распространена на Сахалине и Курильских островах. То, что на Камчатке эта роща растёт вблизи берега океана, ещё раз косвенно говорит о её «заморском» происхождении.

Тем не менее ради рекламы туристам, прибывающим на Камчатку, эта роща преподносится как единственная (!?) в мире, сохранившаяся с времён третичного периода. Естественно, что каждый старается сломать на память веточку этого реликта «единственного в мире». В результате многие ветви деревьев заметно обломаны.

Гвоздём программы всего путешествия по Кроноцкому заповеднику является посещение знаменитой Долины гейзеров. Сюда идут через все невзгоды, подогреваемые обещаниями показать «восьмое чудо света». И вот здесь-то уж никто не хочет остаться без сувениров. В течение ряда лет туристы, прибывающие в Долину, считали своим делом унести в рюкзаке кусок гейзерита — бесценного творения природы.

Малочисленный отряд работников заповедника был не в состоянии спасти от растаскивания эту «жемчужину» Камчатки и, естественно, обратился к дирекции турбазы оказать помощь в охране гейзеритов от туристов. Но вместо действенной помощи турбаза ради рекламы и ложной романтики в течение пяти лет назначала начальниками приюта в Долине гейзеров только женщин.

Каких только эпитетов не давали туристы этим служителям турбазы: хозяйки Долины, амазонки, королевы гейзеров. Не было только одного — порядка. Свободный доступ к гейзерам в любое время дня и ночи нередко приводил к несчастным случаям, а уж какой простор открывался для любителей собирать гейзериты. Вот так и перекочевала в рюкзаки туристов огромная терраса гейзеритов самого большого гейзера мира — Великана. Теперь нужно не одно десятилетие, чтобы восстановить её прежнюю красоту.

Следует отметить, что самые лучшие гейзериты оказывались именно у «хозяек» Долины, а также других работников турбазы. Первая «хозяйка» долины Т. Л. Кодина показывала мне обширную коллекцию гейзеритов всех гейзеров Долины. Немногим уступает и коллекция бывшего инструктора турбазы Ю. Усольцева.

А сколько гейзеритов унесли с собой так называемые служители науки — вулканологи и геологи. Не ошибусь, если скажу, что вряд ли 50 процентов собранных ими гейзеритов оказались в музеях институтов или лабораториях.

Не лучше обстоят дела и с охраной животного мира Долины. Так группой самодеятельных туристов были убиты выводок утки в одном из озёр, а также полуручной заяц, живший недалеко от палаток.

Сейчас положение в Долине в некоторой степени улучшилось. Прекращён свободный осмотр гейзеров без руководителей групп, временно закрыта тропа, проходящая по гейзеритному щиту гейзера Тройного. Большая заслуга в этом принадлежит работнику Кроноцкого заповедника В. А. Николаенко, не жалеющему сил для спасения Долины. Но все усилия Виталия Александровича сводятся на нет, пока в самой долине существует туристский приют. Уже принято постановление о выносе его за пределы Долины, но, как говорится, воз и ныне там. В Долину прибывают и прибывают всё новые группы туристов, которые вместо того, чтобы любоваться гейзерами, часами «прочёсывают» её склоны, собирая топливо для костров. Так как все группы устраивают в Долине днёвки, то многие спешат превратить некоторые горячие источники в прачечную.

Работниками заповедника сделан первый решительный шаг по пресечению беспорядка в Долине — временно закрыт проход на территорию заповедника самостоятельным группам. Однако говорить о действенных мерах по спасению Долины можно только после окончательного выноса туристского приюта за её пределы. При этом, переселяя приют из Долины на новое место, нужно срочно решить вопрос с топливом и на других приютах, особенно в кальдере вулкана Узон. Последний помимо уникальных фумарольных полей славится великолепными куртинами кедрового стланика, который уже заметно поредел за время работы туристского маршрута.

Что касается приюта в устье реки Шумной, о котором говорилось в начале статьи, то его также следует перенести. Возможно, это будет район Пятой или Шестой речек.

Касаясь вопроса охраны природы в области и развития туризма, нельзя обойти молчанием и некоторые другие трудности в работе Кроноцкого заповедника. По сложившейся традиции ежегодно большой массив территории заповедника в районе Кроноцкого озера отдаётся под сенокос. На участке лиман — Семячикский ключ, где имеется автомобильная дорога, удобная для вывоза дров, почти ежегодно проводятся так называемые санитарные рубки леса. Всё громче раздаются голоса, что под заповедником слишком большая площадь, которая не даёт дохода государству.

Территория заповедника должна быть в полном смысле слова неприкосновенной, и всякое кустарничество в отношении её эксплуатации должно быть решительно исключено.

*В. Семаков, кандидат биологических наук,
действительный член Всероссийского общества охраны природы.
Камчатская правда. — 1971. — № 202. — 25 августа.*

СКОЛЬКО У НАС ВОДОПАДОВ?

Камчатская природа вошла в мою жизнь незаметно. Ходил за грибами, собирал ягоду, просто бродил по лесу. Потом стал замечать, какая бархатная кора у каменной берёзы, какие острые и сизые хребты во круг...

Появилось желание уйти далеко, туда, где сходится горизонт, где частокол хребтов. Что там? Так начались встречи с вулканами, перевалами, реками.

От рощи пихты грациозной тропа побежала в сторону захода солнца. Она пряталась то в заросли шеломайника, то выскакивала к реке. Кто чаще ходит по лесной тропе? Человек или зверь?.. Отчётливы следы медведя, потушенные костры.

В зарослях шеломайника, как в джунглях. До трёх метров вырастает он, 20 сантиметров в сутки!

Тропа идёт параллельно реке Новый Семлячик. Стал нарастать шум, будто бьётся прибой. Любопытство толкает вперёд. Продираешься сквозь заросли — водопад! Метров с 20 вода падает, разбивается в белую пыль. Прохладно, и пахнет подземельем. От водяной стены сквозит ветерок. Земля подрагивает от мощных ударов воды. Молчим. Трудно перекричать этот шум.

Долго люблюемся. Уходим, и далеко ещё слышно, как прибоем шумит водопад.

Дотошные учёные подсчитали, что на Камчатке 14.000 речек. Но сколько на них водопадов?.. Сейчас знаю, что на реке Новый Семлячик он есть.

*Александр Пирагис, наш внештатный корреспондент.
Камчатский комсомолец. — 1971. — № 107. — 7 сентября.*

ДОБРЫЙ КРУТОВ

Я никак не мог запомнить название его будущей специальности: таксидермист. Человек, которой делает чучела зверей, птиц. Работа сложная, требующая не только особых знаний, но — самое главное — того острого ощущения жизни, что сразу отличает работу кустарную от искусства настоящего, чтобы тетерев или заяц не застывали в неестественной позе. Чтобы об остановившемся движении напоминала только тишина.

Всему этому Валерию Крутову предстоит ещё учиться. Будет это в Ленинграде, в художественной мастерской знаменитого Заславского. Туда своего молодого художника командирует Кроноцкий заповедник.

Познакомился я с Крутовым случайно, по пути в Долину гейзеров. У меня была записка от Владимира Николаевича Савинова, начальника Кроноцкого заповедника, с просьбой приютить нас в служебном домике на приюте «Ключи». Крутов долго разбирал почерк своего начальника. А потом, не успели мы скинуть рюкзаки, появился вдруг в комнате с огромной тарелкой борща.

— Вы тут ужинайте. А я сбегаю наверх, к туристам. Значки надо продать.

Мы, довольные, что наконец-то дошли и что встретили нас здесь так приветливо, уже перешли к чаю, когда Крутов вернулся.

— Не берут туристы значки. На ужин набросились, — сообщил нам огорчённо.

— Ничего, — попытался успокоить я его, — вот отдышатся после перехода, подберут от пищи, сами прибегут...

— Вы понимаете, — начал Крутов, наливая себе чай, — я ведь здесь временно. Лесничий наш в отпуске, и меня направили сюда. Следить, чтобы не нарушался тут режим заповедности. Но туристы пришли и ушли. И вот когда над Ключами смолкают голоса, я берусь за своё любимое...

Его любимое — живопись. Каждый в Жупанове видел крутовские зарисовки, пейзажи. Стены многих домов украшают его картины. И всё потому, что он добр. Рисует всем, кто попросит. А ещё потому, что сам влюблён в свою Камчатку, в свой посёлок, в котором прожил двадцать один год.

Вот идёт берегом океана и вдруг остановится. «Ты чего ждёшь?» — зовут друзья. А как им объяснить, что вот этот обрыв пемзы совсем недавно был другим. А сейчас округлился, выгнулся над обрывом и стал похож на крыло огромной птицы. Живёт природа, живут берега...

В его семье рисуют все. Отец, мать, брат Сашка. В его семье любят петь. Но трудно в Жупанове с пластинками, редко бывают краски. Приходится всё возить из города. А много ведь не привезёшь.

— Теперь поеду в Ленинград; Никогда там не был. Может, и останусь там...

Признаться, резанули меня эти слова. Но потом я понял, что услышал их из-за искренности собеседника. Остаться на материке он не сможет. А сказал так, потому что ещё ни разу не испытал, что такое тоска по дому, по родной земле, что такое любовь к Камчатке за её чертой... Крутов вернётся. Я знаю. И мы увидим его новые работы...

Утром Валерий провожал нас до океана. Горячий ручей, что журчал рядом с нами, в долгом пути совсем растерял своё тепло и выбегал из зелёного ущелья на океанский простор тихой прохладной струей. Здесь мы прощались Крутов раскрыл свой этюдник. Взял в руки кисть. Солнце плескаюсь в далеких волнах. Свежий ветер входил в грудь, как самый прекрасный напиток.

— Сколько живу — и всё удивляет меня эта красота, — сказал Крутов. Мы молча пожали ему руку.

Валерий Кравченко.

Камчатский комсомолец. — 1971. — № 109. — 11 сентября.

СОХРАНИТЬ, НО НЕ ЗАКРЫВАТЬ

Я являюсь одним из тех, кого принято называть туристами, и потому не смог не откликнуться на статью т. Семакова «Сохранить для будущих поколений», опубликованную в «Камчатской правде».

Я согласен с автором, который клеймит позором туристов, варварски относящихся к природе заповедника. Но мне хотелось бы посмотреть на эту проблему с другой стороны.

Следует поговорить о профилактической работе, направленной на то, чтобы исключить случаи, о которых идёт речь. Практически такая работа не ведётся.

По маршруту проходят тысячи туристов, приезжающих на Камчатку со всех концов страны. И, естественно, среди них встречаются люди, которые не отдают себе отчёт в том, что наносят вред заповеднику, отламывая веточку пихты или кусочек гейзерита.

Вот тут-то и должны проводить работу представители общества охраны природы и работники заповедника, разъясняя каждому приезжему, что он вступил на землю заповедную и что от него во многом зависит, увидят или нет будущие поколения эту землю в первоизданном виде. Задача облегчается тем, что время прибытия групп всегда известно, даже самодеятельные туристы ограничены рамками расписания самолёта.

Другой возможности попасть в Жупаново нет. Поэтому разъяснительную работу можно проводить непосредственно у мест высадки приезжающих.

Казалось бы — чего проще. Но на самом же деле ничего подобного никогда не делалось и не делается. Даже на обычном инструктаже туристических групп перед выходом на маршрут представителей службы заповедника не бывает. Я уже не говорю о проведении квалифицированных лекций и бесед о достопримечательностях заповедника и необходимости их сохранения. Всё отдано на откуп инструкторам-любителям, которые при всём своём желании и добросовестном отношении к делу не могут справиться с поставленной задачей, ибо знания их в основном ограничены кругом тех сведений, которые они получают во время краткосрочной подготовки перед началом туристического сезона.

Не согласен я с автором и в следующем: вряд ли правильный выход — закрыть для туристов заповедник. Это лёгкий путь. Труднее работать

с людьми, рассказывать, учить делать отдых приятным и полезным; прививать людям любовь к окружающему миру.

Причины надо искать не только в плохом обращении туристов с природой, а и в преступном отношении к ней лиц, которые, пользуясь тем или иным служебным положением, творят зло.

Нетрудно себе представить, в какой урон вылились те килограммы гейзерита, которые были вывезены для так называемых научных целей (о чём упоминается в статье и о чём уже писала «Камчатская правда»), не будь этот факт обнаруженным — и на этот раз обвинили бы туристов. Безответное племя, а потому обвиняй его в любых грехах.

А между тем турист — это прежде всего любитель природы (в хорошем понимании этого слова), и в туристический поход его влечёт прежде всего желание лучше познакомиться с природой, изучить её. Человек, изучающий какой-либо предмет, никогда не станет его уничтожать.

В смысле познавательном, заповедник — это музей, но он теряет всякий смысл и ценность, если закрыт для доступа человеку. Едва ли можно назвать правильным принцип — «сохранить для будущих поколений» — не показывая поколению сегодняшнему.

Видимо, выход не в том, чтобы сократить или запретить посещение Кроноцкого заповедника даже временно. Это не спасёт и не оградит от желающих попасть туда, тем более что известность и слава заповедника всё возрастают.

Очевидно, давно назрела необходимость собраться за общим столом представителям областного совета по туризму, службы заповедника, общества охраны природы для того, чтобы решить вопрос, как сделать, чтоб обеспечить знакомство с заповедными местами Камчатки всё возрастающего потока туристов и не нанести при этом ущерба природе. Вот в этом-то плане в статье т. Семакова никаких предложений нет.

При желании, мне думается, можно наладить регулярный квалифицированный инструктаж всех туристов и контроль за соблюдением соответствующих правил поведения. Контроль успешно могут осуществлять сами туристы, ибо основная масса — это люди, прекрасно понимающие всю важность поставленного вопроса.

Кроме того, наиболее подверженные разрушению глинистые участки проходов по Долине гейзеров можно и нужно защитить деревянными или металлическими конструкциями. Такими участками, например, являются спуск к гейзеру Великан, спуск к месту слияния речки Гейзерная и ручья Водопадный.

Наконец, просто необходимы квалифицированные, именно квалифицированные рассказы и беседы о ценности заповедника.

В. Рогачёв, инженер.

Камчатская правда. — 1971. — № 226. — 23 сентября.

«ТАМ ЧУДЕСА...»

Записки туриста

ВПЕРЕД, БЕЗ СТРАХА И СОМНЕНИЯ!

Я не шибко падок до экзотики. С меня довольно природы в самых скромных её проявлениях — леса, реки... Поэтому наличие чуть ли не под боком знаменитой Долины гейзеров как-то не очень волновало моё воображение. К тому же для большинства из нас, не коренных камчатцев, отпуск ассоциируется с поездкой на материк, в родные места, а отнюдь не в Долину гейзеров, как бы ни была она знаменита.

Мой приятель-москвич Вячеслав, решивший нынче провести отпуск «на краю света», счёл эти аргументы неосновательными.

— Как так шесть лет прожить на Камчатке и не побывать в Долине гейзеров?! Поистине ты «ленив и нелюбопытен». Это же уникальное место!

Убедил он меня не столько словами, сколько собственным примером — раз уж из Москвы люди едут в Долину... Да и «камчатский патриотизм» мой был несколько уязвлён.

Оставалось одно «но». Если и ходил я в походы, то это было в самом что ни на есть розовом детстве. С тех пор немало воды утекло, даже сердце уже стало напоминать о себе. Не буду ли в путешествии обузой для других?

— Подумаешь, 180 километров по ровной местности! Это же всего по 18 километров в среднем на день, — оптимистически пресёк мои сомнения Вячеслав. — Даже старички справляются с этим маршрутом, я сам таких встречал.

Итак, решено. «Вперёд, без страха и сомненья!»

На следующий день мы приобрели в областном совете по туризму путёвки в Долину гейзеров и стали ждать 1 сентября, когда теплоход «Николаевск» должен был отвезти нас в Жупаново.

ПОЧЕМУ Я НЕ СТАНУ «МОРСКИМ ВОЛКОМ»

Некогда я собирался если и не стать моряком, то во всяком случае совершить в каком-либо качестве одно-два плавания.

Тем не менее палуба «Николаевска» была первой, на которую я ступил. Мечта сбывается (хоть и в изрядно обеднённом варианте)! Но я почему-то не торжествовал. Наоборот, в глубине души затаилась тревога: а как всё-таки отразится на мне качка?

Ничего страшного между тем не происходило. День выдался как по заказу — небо без единой тучки, по-летнему яркое солнце. Всё вокруг удивительно красиво. Давно знакомые улицы Петропавловска, Вилючинский и Корякский вулканы, сопки, сама бухта с палубы теплохода смотрятся по-новому, необычно. Корякский вулкан вроде бы всей своей громадой навис над городом — раньше такого впечатления не создавалось.

Все ближе «Три брата» — скалы, встречающие и провожающие суда, входящие в Авачинскую бухту и выходящие в океан.

Выходим в океан и мы. Я пытаюсь проникнуться значительностью момента... И тут вдруг окружающее великолепие — переливающиеся всеми красками в солнечных лучах волны, завуаленные таинственной дымкой берега, бескрайняя океанская ширь — всё это потеряло для меня всякую привлекательность, сделалось каким-то нереальным и ненужным. Многоголосый гомон туристов стал доноситься будто издалека, хотя они оставались рядом.

Началась качка. Кое-как я спустился в каюту, чтобы пролежать пластом весь оставшийся путь, проклиная и свою никчёмность, и морскую болезнь, а заодно и Долину гейзеров. Нет, не стану я «морским волком». И даже в отпуск буду по-прежнему летать самолётом.

Вячеслав, оказавшийся невосприимчивым к качке, всё время носился взад и вперёд со своими фотоаппаратами и кинокамерой. Он сообщил, что мои страдания разделяет подавляющее большинство пассажиров. Мне даже легче стало — поистине, в коллективе любые тяготы переносятся безболезненнее.

Но вот, наконец, «Николаевск» вошёл в Жупановскую бухту. Все ожили, воспрянули духом, снова высыпали на палубу. И тут из динамика раздался голос: «Товарищи туристы, ввиду сильного наката обработка судна откладывается до утра». Вот так сюрприз!

Утром «обработки», т.е. высадки пассажиров тоже не последовало. Как выяснилось, вчера вечером никакого наката не было, но зато в этот день на берегу была получка.

Только в середине дня к теплоходу причалил плашкоут...

Разбиваемся на три группы, идём на турбазу, которая расположена в четырёх километрах от Жупанова. Нашу группу ведёт инструктор Таня, симпатичная студентка из Петропавловска.

Идём налегке — вещи увезла машина, глазеем по сторонам, донимаем Таню вопросами, делимся впечатлениями. Так бы весь маршрут пройти, вот было бы мило!

На базе нас распределили по палаткам, выдали спальные мешки, рюкзаки — взамен своего маленького я получил огромный. Это последнее обстоятельство несколько обеспокоило. Но пока не очень...

Я мгновенно проникся неповторимым туристским духом. Ритуал разжигания огня и приготовления ужина, игра в волейбол, удивительно вкусная лапша с тушёнкой (на которую дома и не глядел бы), лучший в мире напиток — чай, бесчисленные песни у костра, крепкий сон в ветхом спальнике, несмотря на стужу и неудобное ложе, небывалая бодрость утром, отсутствие каких-либо забот, которых ещё вчера было пропасть — всё это в комплексе и превратило меня, вчерашнего горожанина, в качественно нового человека — туриста. Впрочем, как обнаружилось позднее, не совсем.

«ОТ РОМАНТИКИ КАМЧАТСКОЙ ПО СПИНЕ СТРУИТСЯ ПОТ...»

Хотя подъём был довольно ранний, только где-то к полудню закончились хлопоты, связанные с получением продуктов, распределением их.

Увы, пройти налегке, как я хотел, не удастся. Помимо всяких собственных вещей надо нести спальник и продукты — мне досталось банок восемь тушёнки, килограммов шесть масла и две громадных (таких я ещё нигде не видел) буханки хлеба.

Кое-как затолкал всё это в рюкзак (теперь ясно, почему он такой большой!). Попробовал поднять — и тут же моё желание «пешешествовать» улетучилось неведь куда. Сдвинуть ли вообще с места?

— Под рюкзаки! — прозвучала бодрая команда Тани.

Выполнив с помощью Вячеслава команду, я действительно оказался «под рюкзаком» — он буквально придавил меня своей массой и тяжестью.

— До-сви-да-ни-я! — крикнули мы более-менее дружно базе и двинулись к лиману, через который нужно было переправляться на лодках.

Я плёлся вместе с другими и тихо паниковал. С первых же шагов лямки рюкзака стали немилосердно резать плечи, начал ныть позвоночник. Ну, метров сто я протащусь, а дальше?

Именно через метров сто мы и остановились для переправы. Что делать? Сто метров я прошёл, но впереди — 18 километров!

Переправились. Снова последовала команда навьючиться. Опять рюкзак неумолимо давит к земле, пот заливает глаза. И пожаловаться некому. Ну, половина из нас — здоровые парни, опытные туристы. Но вот идут девчонки из Хабаровска, идёт Валя, сестра Тани — тоже, кажется, первый раз «под рюкзаком». Идут и не жалуются. Пусть рюкзаки у них намного легче, но ведь я, чёрт побери, мужчина. Держится позади, но не отстаёт и самый старший из нас — Виталий Петрович. Ему, наверное, уже за пятьдесят. Нашёл какую-то японскую сеть, выброшенную океаном, хотел было взять с собой. Отговорили — назад будем возвращаться этим же путём, тогда и взять можно. Неужели же этому пожилому человеку легче, чем мне? Да и Вячеслав вон тоже старше меня более чем на десять лет, а тащит уйму аппаратуры, норовит снимать что-то. Нет, жаловаться некому.

«От романтики камчатской по спине струится пот...» Это слова из песенки, которую оставили нам в наследство наши предшественники — студенты-ленинградцы. Воистину какая там романтика, если еле волочишь ноги, весь в поту, по сторонам не глядишь, ни на какие красоты не обращаешь внимания, мысли — только о рюкзаке, о том, как бы не отстать, о привале.

Раньше шли вдоль океана, теперь начали подниматься на сопку. Подъём пологий, но с меня и такого достаточно. И без груза-то при подъёме задыхаюсь...

Между тем мы изрядно растянулись. Определились постоянные лидеры, постоянные отстающие. Всё время плачась в душе на судьбу свою, я почему-то шёл наравне с основной группой. Сам себе удивляясь, обнаружил, что с каждым часом сил вроде бы прибавляется — во всяком случае, втянулся в ходьбу, приноровился к своей ноше, перестал мечтать о привале. Более того, мне вдруг показалось, что быстрее идти легче — и я без особых трудов догнал лидеров, оторвавшихся довольно-таки далеко. Вместе с ними преодолел весьма крутой подъём, потом ещё более крутой спуск, был готов идти и идти дальше... Однако — мы пришли. Странно, неужели 18 километров позади? И я ещё живой? И не валюсь от усталости?

Входим в лагерь. По договоренности с Таней на её громкое: «Тиги-таги, тиги-таги!» — кричим: «Гой, гой, гой!» Говорят, так принято. Ну, если принято...

Лагерь расположен близ Семячикских источников. Едва сбросив рюкзаки, позабыв об усталости, по длинной деревянной лестнице бежим вниз — к горячему бассейну. Побарахтались в нём — словно в живой воде искупались. Говорят, водопад близко. Пробежались по тропке в зарослях шеломайника — искупались и под водопадом.

С аппетитом поужинали, погрелись у костра (песен, правда, было уже меньше) и — в палатку, в спальники.

Нет, всё же хорошо быть туристом. А что касается рюкзака, то, наверное, иначе нельзя. Уже тем он хорош, что без него чувствуешь себя удивительно легко.

Впрочем, не рано ли я стал оптимистом? Завтра предстоит преодолеть перевал. Все вверх и вверх — и так более 30 километров. Как я их осилю?

Однако — утро вечера мудренее.

Ленинское знамя. — 1971. — № 127. — 21 октября.

«ТИГИ-ТАГИ» НЕ КРИЧАЛИ

И вот идём через перевал к вулкану Бурлящему. Как и предполагалось, всё вверх и вверх. Ну, не то чтобы карабкались по склонам, но тем не менее всё время поднимались, часто по крутым тропкам.

Обогащённый «опытом» вчерашнего перехода, я не слишком переживал, но и благоприобретённый оптимизм свой растерял начисто. Ведь вот так, обливаясь потом и видя только пятки идущего впереди, придётся «пилить» до вечера. О чём же расскажешь потом друзьям и знакомым, когда вернёшься из похода?

Стал умышленно отставать, останавливаться, осматриваться. Оказалось, не я один такой «умный». И Вячеслав отстал, и староста группы Юрий Петрович — подтянутый, спортивный, хоть и в годах.

— Да-а, — протянул Юрий Петрович, — вот таких картинок уже нигде не встретишь, чисто камчатские...

В самом деле начались какие-то инопланетные пейзажи. Дикие скалы, чахлая растительность, огромные потрескавшиеся лавовые глыбы, вулканические шлаки. То сгущается, то разбегается туман — это ещё усиливает фантастичность окружающего.

«Большой» привал. Дежурные кипятят чай на «стационарном» кострище (мы ведь идём по территории Кроноцкого заповедника, костры здесь разрешается разводить лишь в определённых местах). Рядом в ущелье горная речушка, прозрачная вода стремительно несётся по красным камням — кажется, что и сама речка красная.

Переправились через эту «красную» речку, прыгая по валунам. Начали взбираться по «снежнику» — заснеженному склону горы (в таких местах снег и летом не сходит). Кто-то заметил вдали сидящего на снегу зайца. Это первый попавшийся нам на глаза представитель фауны заповедника. Наши крики и улюлюканье были ему, что называется, «до лампочки» — не шелохнулся.

Кстати, ещё перед подъёмом вдруг отстал один из постоянных «лидеров» — морской медик Саня. Стал переключивать рюкзак. Как выяснилось, неудачно опёрся им на камень и разбил бутылку спирта (припасённую, конечно, исключительно для медицинских целей). «Закон зловредности», как всегда, сработал безотказно.

Подъёмчики становятся всё круче, то и дело преодолеваем опасные тропы, с которых немудрено загреметь в ущелье. Но самое трудное для меня — это постоянный подъём, причём в довольно быстром темпе. Уж и не пытался держаться поближе к «лидерам», а в хвосте не оказался лишь потому, что многие были не сильнее, чем я.

...И не чаял, что когда-нибудь кончится этот бесконечный перевал. Сил никаких не осталось, ставшее притчей во языцех «второе дыхание» (а оно существует, это точно) приходило на выручку не раз, не два и не три. А лагеря всё не видно. Даже не обрадовался, когда маячивший далеко впереди «авангард» нашей группы остановился. Значит, снова привал. Значит, ещё идти и идти.

К счастью, я ошибся. Лагерь уже близко, сказала Таня, но желающие могут осмотреть одно экзотичное место — так называемое «Чёрное озеро», на котором она ещё сама не была.

— Далеко ли? — спросили все в один голос.

— Да нет, совсем рядом — во-он, где дымится, — последовал ответ.

Надо сказать, что идти куда-либо, кроме как в лагерь, у меня абсолютно никакой охоты не было. Но как же упустить такую возможность?! К тому же вместо сброшенного рюкзака за спиной словно крылья выросли.

Путь оказался вовсе не таким близким, как заявила Таня. Но идти налегке — одно удовольствие. Да ещё ягоды стали попадаться — голубика,

брусника, шикша, на которые все набросились «с голодухи» («обед» на привале был, можно сказать, символическим).

Приближаемся. Почти исчезла растительность. Под ногами — раскисшая глина всевозможных расцветок, налипает на кеды. Усилились сернистые запахи. Дальше стали попадаться озерки с кипящей водой, бурлящие фонтанчики, дымящиеся расщелины.

Преодолели ещё несколько глинистых холмов. И вот оно — «Чёрное озеро» (вначале я думал — «Чёртово», это ещё более соответствовало бы). Большой котлован с действительно чёрной водой, бурлящей в разных местах. Густые сероводородные пары, трудно дышать. Жутковато. Наверное, так же должен выглядеть мифологический Стикс, через который души грешников перевозят в ад.

Возвращаемся к рюкзакам. Скорей бы в лагерь. «Скорей бы ужинать да спать», как говаривал один мой коллега в начале каждого рабочего дня. Но, увы, экскурсия ещё не окончена. Таня предлагает посмотреть на «Пасть дракона» — опять, мол, «совсем рядом». На этот раз желающих оказалось поменьше. Хотя ноги совсем отказывались служить, я всё же вошёл в их число.

Долго карабкались на гору, я уж и не рад был, что ввязался в эту затею. Зато был вознаграждён за труды эффектным зрелищем. Внизу, в глубоком глинистом распадке, всё в дыму. Впечатляюще. Спускаемся по чуть ли не отвесному склону. Каменное образование, и в самом деле напоминающее пасть какого-то чудовища, со страшной силой изрыгает мощную струю пара. Вот бы на что-нибудь полезное употребить эту дикую энергию! Рядом небольшое симпатичное озерко с множеством пляшущих на нем фонтанчиков (Вячеслав назвал их «брызгальцами»). И ещё — уйма фумарол (выбросов пара), дымящихся луж, грязевых котлов.

...Баста. Вроде бы и хватит для одного дня и хождений, и впечатлений, и всяческой чертовщины.

Однако меня (да и других) ждало новое испытание. Таня дала команду: всем собирать валежник для костра, ибо в лагере дров нет, а рубить деревья и ломать кустарники запрещено.

Надо так надо. «Присобачил» я кое-как к рюкзаку вязанку сушняка, скинул его на плечи — и осел. Шибко тяжко. Но ничего не поделаешь, пошёл. Последние сотни метров казались километрами. Дрова тянули и назад, и вправо, и влево — чуть не сверзился с откоса, пробираясь по скользкой тропке. То-то весело было бы. Да и так радости хватает — на болотистом участке насквозь промочил ноги. А холодно ведь.

...Конец мучениям. Ярко полыхает костёр, на нём булькает какое-то варево.

Спустился к речушке, стал приводить себя в порядок. Там же умылся и простирывался медик Саня. Возбуждённо рассказывает. Когда он переложил рюкзак и стал догонять нас, вдруг услышал — кто-то с треском и всхрапыванием ломится сквозь чащу. «Словно испуганная лошадь», — подумал Саня, и тут в нескольких шагах от него через тропинку пронёсся медведь. Да, это, конечно, более солидный «представитель фауны», чем наш заяц!

Необычайно вкусный ужин (те же лапша с тушёной и чай), со вкусом выкуренная сигарета и — блаженство на жёстком ложе (бока от спанья болят больше, чем ноги от ходьбы и плечи от рюкзака). Как мало надо мне сейчас для «полного счастья»!

Между прочим, почему мы сегодня не кричали свой боевой клич: «Тиги-таги, тиги-таги» — «Гой, гой, гой!»?

Ленинское знамя. — 1971. — № 128. — 23 октября.

«ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ»

Эти блоковские слова сами попросились на язык, когда староста Юрий Михайлович поднял всех ни свет ни заря. Налицо преимущества гуманитарного образования — соседи выбирались из спальников с куда менее изысканными выражениями.

Но на этом, кажется, мои «преимущества» исчерпываются. Я, должно быть, выдохся. Вчерашняя нагрузка была чрезмерной. Нет и намёка на бодрость, кости ломит, распухла левая лодыжка — больно ступать.

А ведь и сегодня предстоит пройти более 30 километров. Правда, Таня уверяет, что маршрут гораздо легче, чем вчера. Не верю. Настроен пессимистически: если и будут какие-либо изменения, то только в сторону ухудшения. Вот что значит «встать с левой ноги» (и обнаружить, что она выходит из строя).

Мрачные предчувствия стали сбываться сразу. Меня с Вячеславом и ещё двух девушек назначили дежурными. Прежде всего это означает, что надо нести кухонные атрибуты — вёдра, топор.

Дальнейший наш путь лежит в кальдере вулкана Узон (кальдера — это огромная впадина, котловина; у кальдеры Узона диаметр составляет примерно 11 километров).

...Хромаю почти в самом хвосте, стараюсь не отставать, это удаётся лишь с большим трудом. Сзади весело позвякивает привязанное к рюкзаку ведро, а на душе уныло. Ландшафт очень живописен, на горизонте маячат несколько вулканов. Ну и пусть себе маячат, не расположен любоваться красотами природы.

Опять мои предчувствия оправдались. Надо переправляться через речушку. Разуваемся, переходим вброд. Бр-р, водичка-то ледяная!

И потом подобную малоприятную процедуру проделываем неоднократно. Было много и пологих, и крутых подъёмов, спусков. Были болотистые участки.

На одном из подъёмов догнал Валю. Поделались своими огорчениями, поплакались. Для неё все эти трудности тоже внове, хотя и имеет сестрой такую закалённую туристку, как Таня. Легче стало.

Привал. Обед опять почти символический — крохотный кусочек сыра на душу, хлеб, чай. Народ возроптал. Я тоже ропщу — главным образом не потому, что есть охота (хотя ой как охота!), а потому, что не удалось избавиться от своего масла. «Завхоз» и Таня были неумолимы. Но зато одну буханку хлеба, пользуясь правами дежурного, я всё же сплавил.

К концу пути обнаружилось, что я не единственный «калека» — захромали несколько девчонок, даже два «лидера» пополнили «инвалидную команду» — у одного почки заболели, у другого нога.

Неподалёку от лагеря сворачивали к минеральному источнику. Вода тёпленькая, но вполне «съедобная».

Ягодники. Чуть ли не из-под ног выпархивают куропатки, лениво отлетают — хоть руками лови. Но нельзя — «заповедные».

Дождавшись отставших, в лагерь вошли организованно, прокричали своё «тиги-таги». Правда, без всякого энтузиазма. Ещё бы, два таких тяжелейших перехода подряд. Зато завтра «днёвка» — день на отдых и осмотр кальдеры Узона. Живём!

...А утром полил дождь. Кое-как зажёг костёр. Мы изготовили завтрак, помыли посуду и на этом дежурить закончили. Нам повезло, а вот что будут делать с отсырелым топливом наши преемники?

Считается, что кальдера Узона — одно из красивейших мест. Но что увидишь в таком тумане! Досадно — слов нет.

Желающие (далеко не все) ходили всё же на экскурсию на Дальнее озеро и на фумарольные поля.

Я никуда не ходил. И так промок, ныла нога, зудел глаз, в который попала какая-то мошка. Даже в палатке холодно и неудобно, а снаружи

проливной дождь, студёный ветер. Жуть. Сомневаюсь, что и экскурсанты смогли что-нибудь рассмотреть при такой погоде...

Да, всё это так и не так. Пусть они тоже ничего не увидели, но они ходили, они использовали все шансы. А я не использовал, спасовал. В результате — вместо впечатлений обрёл угрызения...

Но одно из впечатлений от кальдеры Узона останется надолго.

Наши палатки расположены в нескольких десятках метров от сернистых озёр. Температура воды в них самая разная, кое-где и в кипятке можно угодить.

Долго я не решался высунуть нос из палатки. Наконец решился и — трусцой к озеру. Бегу под дождём в одних плавках. Холодина — околеть можно. Погружаюсь в озеро. Блаженство! Никакая непогода не страшна, пусть хоть снег идёт, мороз трещит.

Однако ночевать в озере не будешь. Вылезать ужас как неохота. Но самое интересное — даже когда выбрался из воды, ещё часа три чувствовал себя невосприимчивым к холоду, поздоровевшим, обновлённым.

...Подъём. Это самые чёрные моменты в моей туристской жизни — подъём из спальника и подъём на гору. Опять купание. Потом завтрак. И — «под рюкзаки».

После вчерашней передышки и утреннего купания я пободрел. И ещё — собрали в кучу все оставшиеся продукты, распределили «по справедливости». Мой рюкзак заметно полегчал. А главное — дождь, который, казалось, зарядил надолго, почти прекратился, небо стало очищаться от туч.

Снова перевал, но не особенно крутой. Иду, почти не уставая. Лодыжка болит (да и правая начинает беспокоить), но когда втянешься, ничего, можно двигаться.

На вершине перевала гряда камней. Читаем записки, оставленные в тайнике под нею нашими предшественниками, оставляем свою — с наилучшими пожеланиями грядущим туристам. Валя присовокупляет стишок собственного сочинения, в котором, надо отметить, изображает наши скитания в изрядно отлакированном виде.

Спустившись, решили пообедать, ибо впереди суровые испытания на подступах к Долине. «Там будет глиняный склон, — говорит Таня, — по которому придётся карабкаться на четвереньках». Обнадёживающе.

Долго и нудно возились с костром. Осиновые дрова никак не хотели разгораться. Тот редкий случай, когда было много дыма при полном отсутствии огня.

Долгождание наше было компенсировано царским обедом. Полбанки колбасного фарша «на нос», манная каша (отсутствовавшая в моем рационе с незапамятных времён, презираемая мною, но тем не менее съеденная за милую душу). Чая, к сожалению, не было. Промашка вышла — при всём нашем довольно-таки жёстком «режиме экономии» сахара не хватило. Ничего, сошёл и кофе со гущёнкой.

Упомянутых выше подступов к Долине гейзеров достигли без особых трудов и впечатлений. Кабы и дальше так. Вернее, не совсем так — без трудов, но с впечатлениями.

Увы. «Собирать дрова!» — командует Таня.

Шествуя дальше с крайне громоздкой и увесистой вязанкой валежника на горбу, думал лишь о том, что куда как приятнее было бы достичь цели нашего похода с тем грузом, который у меня был до «лесоразработок».

Спускаемся по крутому склону. Пара пустяков. Деревья, кустарники, корни, трава — при известной сноровке за всё можно удержаться. Дальше — хуже. Наличие глины и «наличие отсутствия» растительности замедлили передвижение. Вот совсем уж невозможная тропка. Долго примеривался — как бы поудобнее ступить, за что бы ухватиться при необходимости. Плод чрезмерно долгих размышлений — ступил наобум, проехался по жидкой глине, шлепнулся в неё и вдобавок получил ощутимый удар по загривку вязанкой хвороста и рюкзаком — они перевалились через голову. Ах, ах, какой конфуз! Тем более что меня перегоняют девчонки, которых я обошёл, легкомысленно поверив во «второе» (или третье, четвертое...) дыхание. А на них ни единого пятнышка — ни спереди, ни сзади.

Пропустил нескольких, начал подниматься более осмысленно. Передние приостановились — перед нами открылась Долина гейзеров. Смотрю на них — они отнюдь не такие чистые, как мне показалось в критический момент. Надо полагать, все оставили свои «автографы» на здешних почвах.

А теперь смотрю вниз. Уму непостижимо — как это я раньше мог так пренебрежительно отзываться о Долине гейзеров! Ничего не видя, ничего не зная... Глядишь с высоты на этот просторный диковатый распадок, на бурную порожистую речку Гейзерную, на сотни дымов (точнее — паров), прорывающихся из земных недр... И веришь: без сомнения, «там чудеса...» Не исключено, что и «леший бродит». Во всяком случае, я не раскаиваюсь, что сюда пошёл, доволен, что сюда дошёл, рад, что всё это вижу.

Но...

Ленинское знамя. — 1971. — № 129. — 26 октября.

В гостях у ПЛУТОНА

Но — чудеса чудесами, красоты красотою, а ведь надо ещё спускаться, а затем подниматься по тому самому «глиняному склону», который обещала Таня.

Было это, скажу я вам, куда как непросто. Спуск вроде бы и безобидный, да предательская глина, плывущая под ногами, делала его весьма каверзным.

Спустились. Перебрались через скрипящий, перекосившийся мостик, висящий над речкой.

Вот он, этот злополучный склон. Всё та же жидкая глина, грязь, ручейки, осыпающиеся из-под ног камешки... Зацепиться абсолютно не за что. И слева, и справа кипит, бурлит, шипит, свистит, клокочет. Ненароком оступишься — там будешь. Даже подумать страшно, а что если бы ко всем этим прелестям ещё и вчерашний дождь, туман?..

Как я ухитрился всё же взобраться наверх без особого ущерба — непостижимо. В моей памяти это останется одним из главных «чудес» Долины гейзеров.

Даже пытаться не буду описывать то невыразимое облегчение, с которым взирал теперь (и с высоты, и несколько свысока — преодолел ведь!) на дымящееся ущелье.

Все эти впечатления были оттеснены на задний план хозяйственными заботами. «Со скрипом» отвоёвывали места в палатках — создалось «перенаселение», так как одна группа то ли не пошла вовремя на вулкан Карымский, то ли до времени вернулась оттуда, то ли задержалась после возвращения...

Когда готовили ужин, к соседней группе, костёр которой был рядом, нанес «визит вежливости» абориген здешних мест — медведь. Схватил предложенную ему банку сгущёнки — и задал стрекача.

Говорят, медведи здесь отнюдь не довольствуются только подающими — унюхав продукты, раздирают палатки и, пользуясь «правом сильного», изымают дань.

Утром — экскурсия. Никогда бы не подумал, что столь безобидное слово может подразумевать такие сложные переходы, головоломные спуски и подъёмы. Фонтаны, водопады, скалы... Шли долго. Перефразировал Есенина: «Много в Долине троп, что ни тропа, то гроб».

А вот и цель начального этапа экскурсии, уже настоящее чудо. Гейзер «Первенец» (его первым обнаружила в 1941 году

первооткрыватель Долины геолог Татьяна Устинова). На берегу речки углубление среди камней (грифон). Вот оно наполняется водой, вода начинает бурлить в разных местах, потом вдруг высоко-высоко взмётывается струя и веером падает в реку. Небо и всё вокруг застилается клубами пара. Потом струя падает, вода уходит вглубь, грифон пустеет. Потом снова наполняется. Фонтанирование повторяется через каждые 11 минут...

Возвращаемся в лагерь, затем спускаемся по тем тропам, по которым с таким трудом поднимались вчера. Странно, чем были вызваны мои давешние треволнения, «сопли и вопли»? Вполне сносно можно и спуститься, и подниматься.

Впрочем, всё ясно. Солнце уже второй день не жалеет тепла, почва подсохла, и это коренным образом изменило ситуацию. С погодой нам невероятно повезло.

Не я первый пишу о Долине гейзеров. Читал я записки учёных, писателей, художников. В общем-то писали все они по-разному и с разной целью. Но, пожалуй, ни один из авторов не избежал ассоциаций с «потусторонним миром», попросту говоря, с «пеклом». Просматривал я их книги уже после путешествия. А тогда, оглядываясь по сторонам, с чистой совестью шёл на поводу примерно таких же ассоциаций.

Вот большой правильной формы котёл из красной потрескавшейся глины, заполненный кипящей грязью. Чем не «ванна» для «грешников»?!

Вот в глубокой впадине два неописуемо мрачных входа в пещеры. Это одинаково могут быть как входы в преисподнюю, так и печи, в которых поджаривают всё тех же несчастных грешников. Сильный запах серы, пары, клочкотание... Вполне уместно кто-то из туристов спел из Высоцкого: «Стр-р-рашно, аж жуть!»

Да и окрестности выглядят соответствующим образом. Всё в дыму, отовсюду пышет горячим паром, везде всё булькает, пытит и свистит всяк на свой манер.

У некоторых здешних достопримечательностей уже есть своя история. Вот пульсирующий источник «двух Миш». Однажды в его обледенелую по краям воронку соскользнул нёсшийся с горы медведь. Пытался выбраться — на камне сохранились глубокие борозды от когтей, но безуспешно. Так и сварился заживо. Позднее не повезло ещё одному Мише — инструктору. Он давал объяснения туристам, стоя на камне над источником, зазевался — его внимание привлек вертолёт — и был ошпарен выбросом кипятка.

Спускаемся в ущелье. Опять придётся повторить предыдущих «описателей» — царство Плутона да и только. Пар идёт не только от фонтанирующих гейзеров, кипящих озёрков, урчащих «печек», грязевых котлов. Дымится и сама земля. Вдоль речки Гейзерной действуют 20 крупных гейзеров — «Фонтан», «Двойной», «Большой», «Жемчужный» и другие.

...Экскурсия длится уже довольно долго. От обилия впечатлений голова идёт кругом, из множества новых наименований образовалась несусветная мешанина. Поневоле вспомнишь Маяковского: «То солнечный жар, то ущелий тоска. Не верь ни единой версийке. Который москит и который мускат? И кто персики и персики?»

...А главного так и не увидели: извержения самого крупного гейзера — «Великана». К нему нас подводили по несколько человек (вокруг «запретная» зона), показывали грифон (три на полтора метра). Но фонтанировать «Великан» не пожелал.

Ранее, говорят, «Великан» извергался с такой точностью, что по нему можно было сверять часы. Сейчас интервал извержения увеличился примерно до шести часов, абсолютная точность исчезла, высота выброса уменьшилась. По слухам, всё это произошло от того, что какие-то туристы-«экспериментаторы» сбросили в грифон большой камень.

...В начале восьмого утра меня разбудил Вячеслав. Страстный фотолюбитель ни за что не мог покинуть Долину, не сняв извержения «Великана». Как ни трудно было подниматься в такую рань, я всё же пошёл за ним. И не раскаялся. Вчера мы шарахались гурьбой за экскурсоводом, безуспешно стараясь уловить нить его рассуждений (слишком уж много нас было, и уж очень торопился экскурсовод). А сейчас — красота, всё можно осмотреть спокойно. Утро ясное, безветренное.

Вячеслав взобрался на горку на другом берегу речки, а я приблизился к самому грифону. Воронка была наполнена до краёв, то тут, то там рвался вверх бурун. Каждый раз казалось, что он превратится в мощный фонтан, но тут же приходилось разочаровываться.

Жду десять минут, двадцать, полчаса... Извержения всё нет. Скучно не было. Вячеслав далеко, и я переживаю совершенно новые ощущения — впервые на протяжении всего похода хоть на короткое время остался совершенно один. Притом в такой обстановке.

Наконец гейзер «заработал» по-настоящему. Струя поднималась всё выше и выше, постепенно набирая силу, и вдруг ударила высоко-высоко. Насколько высоко — трудно было определить, так как всё окуталось паром. Достигнув апогея, струя тут же стала опадать — постепенно, уступами...

Ну, я доволен. Если и не ждёт нашу Долину печальная участь гейзеров Новой Зеландии (их называли «восьмым чудом» света), погибших при извержении вулкана, то уж «Великан» во всяком случае вряд ли долго сохранит своё величие. И так уж, судя по всему, много потерял.

Домой!

Обратный наш путь попытаюсь изобразить в таком же темпе, в каком мы возвращались.

Почти сразу после Долины стали подниматься по очень крутому и длинному снежнику. Привыкнув уже к трудностям дневных переходов, втянувшись в ходьбу на первом этапе, я даже был разочарован немного — оставшийся до лагеря путь представлял собой лёгкую и относительно короткую прогулку.

«Горное плато». Ощувив в себе неизрасходованные силы, я перед ужином пошёл даже играть в волейбол с неутомимыми девчонками-геодезистками из Хабаровска. Ещё немного — и волейбол перешёл в футбол, до которого девушки оказались большими охотницами (правда, они путали его с регби). Хоть и трудно было бегать при моих опухших лодыжках, старался «держаться марку».

После ночёвки идем к лагерю на речке Шумной.

Казалось, после всего увиденного нас уже ничем не удивишь. Но заросли каменной берёзы всё же произвели впечатление. Сколько ни идём — всё берёза и берёза. Не заметил никаких других деревьев. Причём какая берёза! Стволы и ветви причудливо изогнуты, иной ствол у самой земли начинает вдруг расти горизонтально и тянется метров шесть-восемь. Даже маленькие ростки, только лишь проклюнулись, уже начинают неестественно извиваться. Встречаются настолько перекрученные деревья, что уж и на деревья-то не похожи, скорее на гигантских спрутов.

Маленько передохнули от экзотики, идя вдоль ручья в зарослях шеломайника. Но и шеломайник — экзотичное растение, вымахал высотой в метра два. Заросли его издали весьма смахивают на виноградные плантации.

Вышли к океану, глухой рокот которого уже давно слышался. Хороший обзор. Сила! «Что я могу ещё сказать?» — как говорилось в стихе из старой интермедии Райкина.

На побережье на огромной площади раскинулись обильные ягодники. Ляг на одном месте, только протягивай руки — и за полчаса не обеешь всю ягоду. Ягоды всё те же — голубика, шикша, брусника.

Где-то вдалеке кто-то узрел медведей. Фотолюбители и любопытные по-
дались туда. Ну их, медведей, одного ведь уже видел. Обьедаюсь ягодами.

Вдруг Таня быстро подала свою традиционную команду, все тут же
поднялись и ушли. А Вячеслав, только лишь вернувшийся от медведей с
фотоаппаратами, снова побежал туда с кинокамерой. Кричал ему, кри-
чал — безрезультатно...

Пошёл. Тропка вдоль океана. Больше гляжу на него, любуюсь прибо-
ем. Лишь случайно посмотрел в другую сторону. Первое впечатление —
словно корова пасётся. Ба-а, да это же медведь! А рядом — другой.
Метрах в тридцати. На меня — нуль внимания. И ладно, я не обидчив.
Быстренько, быстренько — вперёд.

Об отставшем приятеле я не особенно беспокоился, поскольку ещё
Степан Крашенинников писал: «Интересно, что камчатские медведи не
делают вреда женщинам, так что летом они собирают вместе с ними яго-
ды и ходят рядом, как домашний скот. Но иногда они отнимают у женщин
собранные ягоды». А что если так деликатно медведи относятся только к
женщинам, а с мужчинами обращаются более сурово? Вячеслава увидел
уже в лагере. Рассказывает, что один из этих медведей, самец, перешёл
тропинку, а самка только направлялась к ней. Вячеслав профланировал
между ними, но снимать не рискнул.

В лагере на Шумной нам сообщили, что, поскольку «Николаевск»
приходит в Жупаново 12 сентября утром, наш маршрут сокращается —
предполагалось ещё провести полдня на Семячикских источниках, пе-
реночевать там. Приятно, конечно, было бы ещё раз искупаться, но мы
ведь уже там купались. Утрату этого удовольствия перенесли более-ме-
нее безболезненно. Однако сокращение маршрута предполагает удли-
нение последнего перехода — надо пройти за раз более 40 километров!

Ничего — прошли.

Почти весь путь пролегал по берегу океана. Я бойко шлёпал босиком
по плотному песку прибойной полосы. Приятно. И удобно — обогнал
всех. Попутно исследовал всевозможные «дары моря», выброшенные
волнами.

Напоследок по примеру «смельчаков»-одинок даже искупался в
океане. Купание, правда, заключалось лишь в том, что меня окатило вол-
ной прибоя, на одну треть состоявшей из песка и водорослей. Долго по-
том очищался...

К переправе через лиман, однако, пришёл одним из первых. Ура, зна-
чит и «мы не лыком шиты»!

* * *

В тот вечер у нас отобрали спальники, выдав взамен по паре одеял. Спать было холодновато.

Уплыли лишь в середине дня, хотя вся эта спешка, в том числе и преждевременная «конфискация» спальных мешков, оправдывалась тем, что теплоход может уйти без нас.

Плавание, против ожиданий, прошло вполне сносно, и это примирило меня с неудобствами, перенесёнными накануне.

ЗАЧЕМ БЫЛО ОГОРОД ГОРОДИТЬ

Повторяю, о Долине гейзеров сочинено немало книг, очерков, статей и т.д., причём гораздо более занимательных, чем мои заметки.

«Так зачем же было огород городить?..» — спросит читатель. Зачем понадобилось «протоколировать» в общем-то заурядный поход и предавать гласности «протокол»?

Возможно, в конце большого материала, посвященного Долине гейзеров, это прозвучит странно и даже кощунственно. Но факт остается фактом: лично для меня сам поход представляет бóльшую ценность, чем его цель — осмотр Долины гейзеров.

Конечно, здорово, что я увидел это уникальное место (в нашей стране подобных больше нет, да и во всём мире — раз, два и обчёлся). Но не думаю, что поездка туда вертолётom (и такое удовольствие, кажется, может предложить областной совет по туризму, только за гораздо более высокую цену) обогатила бы меня больше.

Главное для меня вот что. Я испытал свои силы, убедился в пользе физических перегрузок, понял, что резервы нашего организма неисчерпаемы, что не обращать внимания на всяческие недомогания — только на благо. Кроме того, на собственном туристском опыте я познал истинность совета древних: довольствуйся малым, ибо все беды от пресыщения. И пусть я не стал эдаким суперменом, как мой коллега Смок Беллью из серии рассказов Джека Лондона после своей золотоискательской эпопеи (не упомянуть Лондона в путевых заметках о Камчатке было бы, конечно, непростительно — во всяком случае, никто из прежних авторов такого упущения не делал). Но всё же я поздоровел духом и телом, сделал (пусть для одного себя) некоторые открытия — и то хорошо. И отныне при первой же возможности я снова подамся в поход. И вам желаю.

Но это — мои личные выводы. А вот остальные мои товарищи по путешествию (в большинстве своём москвичи) проделали совсем не близкий и дорогостоящий путь отнюдь не ради подобных откровений. Их интересовала именно Долина гейзеров, а заодно — и попутные камчатские ландшафты. Они уж никак не рассчитывали, что им придётся превратиться в носильщиков.

Безусловно, турбаза могла бы и продукты развезти по стоянкам, и дрова там заготовить (тем более что самодеятельные заготовки вовсе не способствуют сохранению флоры заповедника).

А потерянные нами по «объективным» причинам почти четыре дня? Ну, входит ли время на дорогу от Петропавловска до Жупанова в срок путешествия — это ещё спорный вопрос (хотя платит за теплоход турист, и его на судне не кормят). Но затянувшаяся «обработка» теплохода вначале, преждевременное его отбытие в конце... Этим, кстати, и объяснялся чрезмерно ускоренный темп похода. У нас даже не осталось времени на то, чтобы сходить в рощу пихты грациозной, которая в рекламном путеводителе по нашему маршруту названа «жемчужиной Камчатки». Утаили, значит, «жемчужину». Думаете, извинились? Ничего подобного.

Да и вообще, кроме Тани (которой, между прочим, все только благодарны), мы не видели ни единого официального представителя турбазы.

В том же путеводителе сказано: «...за совершение похода присваивается звание „Турист СССР“ и вручается значок». Как бы не так. Вячеслав сам принёс из конторы кучу незаполненных бланков удостоверений и сообщил, что значков нет ни здесь, ни даже в областном совете по туризму. Вот и вся «торжественная церемония» вручения.

Досадно за наших областных организаторов туризма. Ведь «материковские» туристы пеняют не только на них, но и на Камчатку вообще — мол, чем дальше от столицы, тем меньше порядка. Ну и, конечно, делятся впечатлениями с друзьями и знакомыми. Не исключено, что тот, кто уже было наверняка нацелился на Долину, после этого ещё подумает, «стоит ли овчинка выделки». В результате — убытки и для нас, камчатцев (поскольку доход от туризма может стать особой статьёй в бюджете области), и для того, кто не поехал...

Но — Долина гейзеров во всём этом не виновата. Сходите туда — не пожалеете.

Е. Михайлов.

Ленинское знамя. — 1971. — № 131. — 30 октября.

ЛЮДИ И ГЕЙЗЕРЫ

«Нас трое, горняков из Донбасса. Мы пишем эти строки в минуты, когда наши сердца до предела наполнены восхищением увиденного. Только здесь мы окончательно убедились, что не случайно пролетели тысячи километров, недаром мечтали весь год о будущем путешествии. Хочется, чтобы это Чудо сохранилось в своём первозданном виде...»

Я листал книгу записей, что находится у сотрудника Кроноцкого государственного заповедника Виталия Николаенко, и думал о том, что турист заметно повзрослел в последние годы. Вместо восторженных охов и ахов в адрес гейзеров — на каждой странице — настойчивый зов сбегать к заповедному месту.

Мы любим повторять, что наша Долина — единственная в Союзе, что «по красоте и мощности фонтанов с ней не могут соперничать даже знаменитые гейзеры Исландии, Северной Америки и Новой Зеландии», мы знаем, что слово «уникальный» естественно сочетается в нашем сознании с понятием «неприкосновенный». Но так ли уж неприкосновенны наши гейзеры?

Восьмое лето работает плановый маршрут № 264. И восьмой год лагерь туристов находится... в самой Долине. Палатки выстроились на пригорке, казалось бы, места лучшего не сыскать. Отсюда можно наблюдать извержение Великана, рукой подать до Жемчужного и стены Пийпа. Здесь начинается тропка к Тройному и Первенцу. Гуляй себе на здоровье, купайся под водопадом, фотографируй... Всё это, наверное, было бы прекрасно, если б в Долине за сезон отдыхало, ну, скажем, человек двадцать-тридцать.

Но число посетителей намного больше. Этим летом оно подобралось к трём тысячам. И, судя по активности туристов, цифра эта в истории камчатского туризма отнюдь не заключительная. Что же получается? Тысячи людей приходят в Долину, тысячи людей варят там борщи, стирают бельё, собирают грибы, загорают. В общем, живут. И, естественно, каждый пришёл сюда ради гейзеров и каждый не прочь (пусть хоть в виде исключения) побродить по гейзериту Великана, заглянуть в бурлящий грифон... Некоторые из этих тысяч идут дальше обычного «увидел — запомнил — сфотографировал». Некоторым нужны более существенные (я бы сказал — вещественные) доказательства посещения Долины. Вот только один пример активности этих «некоторых»: в ночь с 24 на 25 августа 1971 года с красивейшего гейзера Сахарного было сбито 50 квадратных сантиметров гейзерита.

Одних «некоторых» ловят, других (таких большинство) нет. Тех, кто пойман, заставляют писать объяснение. Так появляются «милые» и робкие строки. Вроде этой: «Я, Кожевников Николай Евгеньевич, 17 августа ходил с группой смотреть гейзер Тройной. С нами в группе была туристка Валентина Ивановна Корсакова. Она осмотрела гейзерит и попыталась отколоть кусочек. У неё ничего не получилось. Тогда она попросила меня...»

Спрашиваю у начальника Кроноцкого заповедника: как наказываются виновные? И слышу в ответ: практически никак. Составляет Виталий Николаенко акт и кладёт его в папку — нет возможности переслать сразу в Жупаново. Когда же бумага попадает наконец в руки В. Н. Савинова, о нарушениях заповедности сообщается директору турбазы «Долина гейзеров» В. Д. Фурсову. Тот должен наказать инструктора, в чьей группе оказался нарушитель. Инструктора могут снять с маршрута, наложить взыскание. Но, как правило, это не делается. Во-первых, на турбазе — острый инструкторский дефицит, а во-вторых, так ли уж виноват инструктор, который ведёт 20–30, а то и более, человек и который вовсе не обязан проводить экскурсии по самой Долине!

В идеале Долина должна иметь своего гида, и ни один посетитель не имеет права бродить у гейзеров самостоятельно. К несчастью, турбаза не смогла наладить бесперебойное обслуживание туристов экскурсоводами.

Не касаясь в статье проблем чисто туристских, о которых не раз писали газеты, в том числе и «Камчатский комсомолец» (вспомним хотя бы серию очерков журналиста Павла Козлова, опубликованную в нашей газете год назад под названием «Эта сказка — Долина гейзеров»), нельзя умолчать о вопросах, так сказать, взаимовыгодных, решение которых необходимо как заповеднику, так и камчатскому туризму. Один из них — снабжение туристов топливом. 150 пней насчитал Николаенко на территории Долины. 7 костров дымятся каждый вечер рядом с гейзерами. Наивно полагать, что горит только сушняк. Горит заповедный лес. Горит по обе стороны от 180-километровой туристской тропы! Буквально у каждой реки — выжженные поляны. У меня есть снимок одного из кострищ на 4-й речке. На обороте надпись: 1/3 бивуака. «Одна треть» потому, что рядом ещё два таких кострища с горой консервных банок... Давно говорят о необходимости снабдить туристов «незаповедным» топливом, а воз и ныне там. Такая небрежность по отношению к природе, к режиму заповедности идёт в первую очередь от руководства Камчатского областного совета по туризму. Разве допустим хотя бы такой факт: восьмой год ходят туристские группы по территории заповедника,

не имея на то юридического права — у совета по туризму нет на этот счёт никакой договорённости с управлением заповедника.

Вернёмся в Долину. Существующая тропа даёт возможность довольно вольного хождения по Долине, подходы к гейзерам нигде не ограничены. Привела тропа к гейзеру — и ходи где хочешь: по гейзериту, по нежной растительности Долины, лезь на скалы в поисках необычной точки для съёмок... Этим летом заповедник закрыл проход к Первенцу через гейзеритовый щит Тройного. Тропа, и без того сложная, стала почти непреодолимой, требующей циркового лазания по канату, и просто опасной в сырую погоду.

Как видим, уточнение и оснащение тропы, постройка смотровых площадок — взаиможелаемое дело. Так не решить ли эту проблему сообща?

Ещё вопрос. Сколько человек может посетить Долину за один сезон? До сего дня численный рост идёт стихийно и достаточно крупными дозами. Но нельзя же в один кинотеатр запустить тысячу человек, если зал рассчитан на 200 мест! Владимир Николаевич Савинов считает цифру 2 тысячи наиболее реальной. Думается, пора ввести лимит на посещения Долины, а увеличивать его лишь на основе реальных возможностей турбазы (чтобы не было групп по 40 человек и выше, чем печально знаменит последний сезон), чтобы всем хватало палаток, спальников, чтобы группы вели опытные инструкторы и ни с одной из них не случилось таких ЧП, как с группой № 1, которая, потеряв тропу на участке Ключи — Бурлящий, ночевала под дождём, при температуре чуть выше 0 градусов, и, естественно, с согласия Кроноцкого заповедника.

И, конечно, вопрос о выносе туристского лагеря за пределы Долины должен быть не дискуссионным, а обязательно выполнимым требованием заповедника.

В книге записей, с которой начал я статью, есть интересное и очень верное предложение туристов — экономистов из Москвы: дать Долине единого хозяина, координирующего и регулирующего решение всех вопросов о комплексном использовании её. Таким хозяином может быть только Кроноцкий заповедник.

Долина нужна людям. Тем, кто живёт сегодня, и тем, которые придут нам на смену. У Чехова есть мысль: нужно быть безрассудным варваром, чтобы уничтожить то, чего мы сами не можем создать. Люди не могут создать Долину гейзеров. Но сберечь её они могут. И должны...

Валерий Кравченко.

Камчатский комсомолец. — 1971. — № 131. — 2 ноября.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ СОЛНЦА СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Директивы по девятой пятилетке (1971–1975 гг.), утверждённые XXIV съездом КПСС, намечают ускорить развитие производительных сил Советского Дальнего Востока, увеличить добычу минерального сырья, например, угля, олова, вольфрама, ртути, золота, алмазов, повысить выпуск промышленной продукции.

Предусмотрено и строительство энергетических узлов, не только тепловых, но и гидравлических, необходимых промышленности и сельскому хозяйству Дальнего Востока. Уже в этой пятилетке будут введены в действие первые агрегаты на Ленской ГЭС, крупного гидроузла на притоке могучего Амура, начнётся сооружение Колымской ГЭС в крае цветных металлов и золота. Завершается проект энергокаскада на реке Кроноцкой среди вулканов Камчатки.

КОМПЛЕКС НА ЗЕЕ

Гидроэлектрические станции двинулись на Советский Дальний Восток. Обширен и богат этот край. Велик его гидроэнергетический потенциал, по предварительным подсчётам, тысяча миллиардов киловатт-часов. Правда, пока экономически выгодно освоить примерно одну треть этих ресурсов, но и это триста миллиардов киловатт-часов в год.

Первую гидроэлектрическую станцию Дальнего Востока сооружают на бурной Зее, притоке полноводного Амура; вторую — на золотой Колыме. Каскад задумали возвести и на Камчатке, перегородив реку Кроноцкую, вытекающую из озера вулканического происхождения. [...]

КАСКАД ГЭС В СТРАНЕ ВУЛКАНОВ

Верхнюю и Нижнюю Кроноцкие ГЭС — каскад из двух станций на небольшой реке Кроноцкой, берущей начало в вулканическом озере того же названия, также проектируют в Ленинграде.

Вулкан Кроноцкий и его сосед вулкан Крашенинникова, по мнению исследователей, очень молоды, конечно, в геологическом смысле. Оба относятся к категории условно действующих: нет данных об их извержении на памяти людей.

Обе ступени каскада (чтобы обезопасить их от пока условного извержения) решено разместить под землёй. Машинный зал первой — на глубине 230 метров (благо, там есть подходящая каверна, пустота), второй — 100 метров.

А плотина? О ней позаботилась сама природа, точнее, оба вулкана, перегородив изверженными породами долину, где некогда текла древняя Пра-Кроноцкая. Озеро Кроноцкое, подпёртое этой стеной, надёжный регулятор стока реки, постоянный и щедрый поставщик обильных подземных источников. В тело плотины врежут все сооружения каскада, суммарная мощность которого двести пятьдесят-триста тысяч киловатт. Правда, природу придётся подправить, насыпав две небольшие плотины из местных материалов.

— Энергетический каскад на Кроноцкой, — говорит руководитель «Гидропроекта», — даст возможность открыть новую страницу в промышленном развитии Камчатки.

*Г. Блок, научный обозреватель АПН.
Камчатская правда. — 1971. — № 306. — 28 декабря.*

1972

ВИЗИТ ПЯТНИСТОЙ КОШКИ

Рысь для Камчатки — зверь не совсем привычный. Первые сведения о появлении этой хищной кошки в северных районах области — Олюторском и Пенжинском относятся к концу 30-х годов. В эти годы отмечались одиночные случаи появления рыси на полуострове. А спустя полтора-два десятка лет рысь прижилась во всех районах области.

Основной вид корма хищницы у нас на полуострове — заяц-беляк. Поэтому и встречается она чаще в угодьях, богатых зайцем. А поскольку последний предпочитает каменные березняки, рысь чаще всего обитает там.

В охотничьих угодьях близ Жупанова, в заповеднике в течение ряда последних лет не раз замечали рысей. Но нынче зимой их было особенно много.

Две рыси попали в проволочные петли, расставленные на зайцев. Одна была застрелена прямо в посёлке у нежилого дома, под которым она поселилась. Три попались в капканы. Удалось поймать капканом рысь, которая повадилась к нашей охотничьей землянке.

...Как-то с товарищем мы добыли двух зайцев. Случилось это недалеко от землянки, и товарищ не положил беляков, как обычно, в рюкзак, а тасил волоком, оставляя рядом с лыжнёй след с редкими капельками заячьей крови. По этому следу и пришла рысь к землянке к первую же ночь.

Как мы установили, сначала она «закусила» заячьими внутренностями, лежащими под окном, а так как они примёрзли к небольшому

бревну, то и бревно это утащила. Но, очевидно, добытый ужин был не очень обилен, потому что рысь вернулась к землянке, сняла со стены её одного из двух ободранных и выпотрошенных зайцев, оттащила к месту своей прежней трапезы и не торопясь съела добрую половину тушки.

Следующую ночь мы наметили провести в другой землянке, отстоящей от первой километров на десять. Оставшегося зайца подвесили на берегу метра на 2,5. Но к вечеру следующего дня от него осталась едва половина — плюс к тому у землянки была вырыта глубокая яма и оттуда выкопана мороженная рыба, припасённая для собак.

Мириться и дальше с ночной разбойницей — значило признать себя побеждёнными. Мы решили наказать хищницу. Один капкан поставили под висевшей недоеденной тушкой зайца, другой — под окном, где рысь вырыла рыбу, и улеглись спать.

Проснулся я часа через полтора, как бы в предчувствии чего-то. За окном завывала пурга. Вдруг гул ветра заглушил рёв, какая-то тень мелькнула перед окном, послышался звон стекла. Попавшая в капкан передней лапой рысь разбила окно и дёрнула угол землянки, к которому снаружи крепкой проволокой был прикреплен капкан.

Закричав: «Попалась!» — я соскочил с нар и зажёл лампу. Крепко спавший напарник сначала никак не мог понять, что произошло.

Вооружившись ружьём и приоткрыв дверь, мы всматривались в темноту, пытаясь рассмотреть попавшего зверя. Перед землянкой его не было. Сначала подумали, что рысь оторвалась и ушла, но тут же услышали её на крыше землянки. Немало пришлось потрудиться, чтобы согнать зверя оттуда. Кошка оказалась крупной, весила около 20 килограммов.

За день до этого нам трижды встречались свежие следы рысей, двух одиночных и целой «компании», состоявшей из четырёх зверей.

Известно, что самка рыси ходит с «котятками» почти год, обучая их охотничьему мастерству. Нередки случаи, когда старая рысь водит двух молодых и группа состоит таким образом из трёх особей. А вот о группе рысей из четырёх зверей мне до сих пор слышать не приходилось. Интересно, что к ободранной тушке, добытой нами и брошенной возле землянки, вскоре стала приходить другая рысь и питаться её мясом.

Рысь прочно вошла в состав охотничьей фауны Камчатки, став обычным её видом, а в некоторых местах, например, в охотничьих угодьях близ Жупанова, сильно размножилась и встречается довольно часто.

Рысь нельзя отнести к хищникам безусловно вредным для охотничьего хозяйства. Но в тех местах, где её становится слишком много,

она ощутимо сокращает запасы зайца-беляка, и здесь необходимо регулировать численность добычи в открытые для охоты сроки.

Пушистые пятнистые шкурки рысей довольно высоко ценятся как пушное сырьё.

*В. Савинов, директор Кроноцкого заповедника, охотовед.
Камчатская правда. — 1972. — № 89. — 15 апреля.*

ЖИВОЕ БОГАТСТВО ЗАПОВЕДНИКА

Почти всех путешественников и исследователей, посещавших в прошлом Камчатку, удивляло количество бурых медведей, обитавших на полуострове. Крупный хищник, давно уже ставший редким в других местах, здесь встречался чуть ли не на каждом шагу.

Академик В. Л. Комаров в своих «Путешествиях по Камчатке 1908–1909 гг.» писал: «...Весной, в марте, кроме сухопутного промысла, развился ещё и морской медвежий промысел, именно в Петропавловском районе. Компания из трёх-пяти охотников на морской шлюпке отправляется из Авачинской бухты или на юг, к мысу Лопатка, или на север, к устью Кроноцкой реки. Медведь в это время только вышел из берлоги, голоден и, зная, что на морском берегу масса водорослей, а то и выброшенного морем тюленя найдёшь, идёт к морю. Тут его и настигают охотники, и редкая лодка возвращается без 30–40 шкур.

На снегу внутри страны его также видно издалека, а скорострельные винтовки, сильно распространённые уже теперь на юге Камчатки, позволяют бить на большое расстояние. Невыгодно для него и то, что он сопричислен к хищникам, и никакие ограничения на него не распространяются. Шкура и мясо медведя настолько важны в настоящее время в камчатском хозяйстве, что без них оно подвергнется серьёзному ущербу, и какие-либо определённые правила в пользу косматого хозяина камчатских лесов очень желательны...»

На большую численность медведей в 40-х годах нынешнего века, когда на территории Кроноцкого заповедника за несколько часов пешего пути можно было увидеть несколько десятков медведей, указывает Ю. В. Аверин («Наземные позвоночные восточной Камчатки», 1948).

Более поздние сведения о численности, экологии, добыче медведей и необходимости принятия срочных мер по охране даны в обзорной статье А. Г. Остроумова «Летне-осенний период в жизни бурого медведя на Камчатке», напечатанной в выпуске IV «Вопросов географии

Камчатки» (1966 год). Так, в статье указывается, что работники Камчатрыбвода, обследуя нерестилища лососей летом 1954 года, встретили в бассейне реки Уки 70 медведей. С. А. Павленко, обследуя в 1959 г. среднее и верхнее течение реки Жупановой, встретил там более 100 медведей.

В бассейне озера Азабачьего в конце июля — начале августа А. Г. Остроумов ежегодно на протяжении восьми лет (1957–1964 гг.) насчитывал с вёртолета за 20 минут полёта 20–30 медведей, а в бассейне озера Столбового (оба озера расположены в средней части восточной Камчатки) примерно за час полёта — до 45 зверей. В бассейне каждой из рек западного побережья Камчатки за несколько часов полёта удалось насчитать 10–25 медведей.

Говоря далее о добыче медведей, А. Г. Остроумов считает, что на Камчатке ежегодно отстреливается 1,5–2 тысячи медведей, а попадает шкур загопункты почти в 10 раз меньше.

Неумеренная, часто хищническая охота привела к тому, что за последнее десятилетие в большинстве районов Камчатки количество медведей сократилось в несколько раз. Медведей отстреливают с каждым годом всё больше и больше. Истребление зверей стало настолько интенсивным, что если не принять экстренных мер, то в недалёком будущем этот зверь, замечательная достопримечательность камчатской фауны, станет большой редкостью.

Организованный в 1934 году Кроноцкий государственный заповедник был упразднён в 1951 году. По существу, с этого времени и вплоть до 1967 года природные богатства заповедника, накопленные долгими годами охраны, интенсивно осваивались, а зачастую хищнически, бездумно уничтожались.

Богатства заповедника уничтожались не столько местными охотниками, сколько многочисленными, хорошо технически оснащёнными изыскательскими экспедициями.

Почти полностью были выбиты медведи вокруг посёлка геологов-нефтеизыскателей Богачёвки, расположенного в центре бывшего заповедника. В течение нескольких лет никем не ограничивалась и не контролировалась охотничья деятельность многочисленной экспедиции «Ленгидропроекта», расположенной на Кроноцком озере. К 1968 году бурый медведь стал большой редкостью на юго-восточном побережье Кроноцкого озера и по побережью Кроноцкой бухты. Весьма интенсивно истреблялись медведи и в южной части бывшего заповедника по рекам Старый и Новый Семлячик.

В январе 1967 года Кроноцкий государственный заповедник был восстановлен, но охраняться его территория начала только с мая. Организация охраны территории заповедника дала заметные результаты в первые же годы. В «Летописи природы» заповедника за 1968 год записано, что в районе, находящемся сравнительно недалеко от центральной усадьбы заповедника, появились медведи. На реке Шумной пара медвежат буквально терроризировала туристов, таская все неосторожно оставленные вещи, от носков до фотоаппаратов.

По карточкам биокартотеки, в 1968 году уже было зарегистрировано 35 наблюдений за медведями, а в 1969 году — 150.

Позднее группы туристов, проходящие по маршруту во время созревания ягод, видели на тундрах одновременно по 12–14 медведей.

После открытия охоты два медведя были застрелены буквально на огороде лесника заповедника И. П. Киселёва (южная часть Семлячического лимана). Вблизи устьев рек Берёзовой и Жупановой медведи держались до наступления холодов и выпадения глубокого снега, бродя по ручьям, речкам и притокам в поисках отнерестившейся рыбы.

Известны случаи, когда приезжавшие сюда на охоту охотники стреляли медведей в воде, догоняя их на моторных лодках, когда последние переплывали лиман или реку.

Радостно отметить, что численность бурого медведя за пять лет существования заповедника значительно увеличилась.

Теперь несколько слов о биологических особенностях бурого медведя восточного побережья Камчатки.

Срок активной жизни камчатских медведей в годовом цикле сравнительно удлинён и продолжается в некоторые годы 8–9 месяцев. Это характерно для годов с плохим урожаем ягод, особенно рябины. В зависимости от условий весны и места берлоги медведь покидает её с первых чисел апреля до начала мая. Начало весенней линьки относится к концу мая. Начало гона приходится на конец июня — начало июля. Помимо трав, медведи питаются ягодой. По мере созревания медведи едят сначала шикшу, жимолость и голубику, позднее же полностью переходят на рябину бузинолистную. Любят они и семена кедрового стланика.

Охота на бурого медведя на Камчатке разрешается с 1 сентября по 31 мая. Отсутствие ограничений в добыче медведей приводит местами к хищническому и бесполезному их истреблению. Так, отдельные охотники, живущие в Жупанове, добывают весной и осенью по пять и более медведей. Исключительно развит браконьерский метод

охоты — металлическими петлями. Как правило, большая часть мяса медведей из-за невозможности доставить их в посёлок выбрасывается, берутся только шкура и жёлчь. Шкуры, в основном, государственными заготовителям не сдаются, а продаются по спекулятивным пенам туристам и прочим любителям «сувениров».

На наш взгляд, необходимо строго ограничить охоту на медведя, ввести лицензионный порядок его добычи. Надо, вероятно, ограничить и количество медведей, которых может добыть один охотник за год или сезон охоты. Количество это не должно превышать одного-двух зверей. Важно оговорить и то, что охотники, не сдавшие шкуру медведя, теряют право на получение лицензии в дальнейшем. Необходимо предусмотреть и разумное использование мяса.

Думается, что срок весенней охоты на медведя следует несколько сократить, установив конец её 15 мая.

Эти введения помогут сохранить и увеличить число этого зверя на Камчатке.

*В. Савинов, директор Кроноцкого государственного заповедника.
Камчатская правда. — 1972. — № 128. — 3 июня.*

САМОЛЕТОМ — В ДОЛИНУ ГЕЙЗЕРОВ

НЕДАВНО состоялось совещание работников областного экскурсионного бюро, на котором совместно с авиаторами были обсуждены вопросы увеличения самолётно-вертолётных рейсов в долину гейзеров. Жителям нашей области, а также туристам, прибывающим на Камчатку, будут предложены двухдневные и пятидневные путевки стоимостью соответственно 88 руб. 80 коп. и 143 руб. 50 коп. Такая форма обслуживания позволит увеличить число групп туристов, желающих посмотреть этот необычный уголок природы.

Р. МАЛОРОДОВА,
методист экскурсионного бюро.

Камчатская правда. — 1972. — № 207. — 3 сентября.

«ЗЕМЛЯ САННИКОВА» СНИМАЕТСЯ ФИЛЬМ

Горячие озёра кальдеры вулкана Узон, гейзеры Великан, Жемчужный, Бурлящий, непуганые птицы и звери, жемчужина Камчатки — единственная в мире роща пихты грациозной... Эта удивительная частица Кроноцкого заповедника на две недели превратилась в съёмочную площадку для группы работников киностудии «Мосфильм». На этот раз камчатская природа была избрана для съёмки цветного широкоформатного художественного фильма «Земля Санникова» по одноимённому роману известного советского исследователя Обручева. Ставит картину молодой режиссёр Леонид Попов. Фильм Л. Попова «Путь командора», кстати, созданный у нас на Камчатке, завоевал не одну премию на международных фестивалях. Вместе с режиссёром съёмочную группу возглавляет опытный оператор Владимир Минаев, знакомый зрителям по многосерийному фильму «Тени исчезают в полдень». Интересно, что и Л. Попов и В. Минаев впервые пробуют свои силы в новом экспериментальном творческом объединении киностудии «Мосфильм».

За три года, а именно столько лет существует объединение, было выпущено немало интересных лент. Очень хорошо зрители приняли фильм «Белое солнце пустыни», поставленный Владимиром Мотылем. Сейчас он приступает к работе над фильмом о декабристах. Успех пришёл и к фильму Георгия Данелия «Не горюй», который демонстрировался на экранах восьмидесяти стран мира. И, наконец, Леонид Гайдай снял кинокомедию «Двенадцать стульев», а сейчас приступил к работе над фильмом по пьесе Михаила Булгакова «Иван Васильевич».

Создатели фильма «Земля Санникова» завершают свою работу. Наша встреча с режиссёром Л. Поповым и оператором В. Минаевым состоялась сразу же после заключительных съёмок фильма в Долине гейзеров. Мы поздравили их с завершением первого этапа работы и попросили ответить на несколько вопросов.

— Расскажите, пожалуйста, что входило в задачи вашего творческого коллектива?

Первым ответил Владимир Минаев:

— Мы хотим сделать фильм таким, чтобы его с интересом посмотрели зрители самых разных возрастов и профессий.

Леонид Попов добавил:

— Впервые на Камчатку я попал семь лет назад, когда был в Долине гейзеров и кальдере вулкана Узон. Там-то вспомнил книгу, которую читал в детстве — роман Обручева «Земля Санникова». Все, что я увидел, казалось, было взято из этой книги, хотя сам исследователь не знал о существовании этих мест. Мне захотелось поведать об удивительном крае другим людям, и со временем мои мысли вылились в сценарий фильма «Земля Санникова».

За постановку этого фильма мы взялись с оператором В. Минаевым, пригласили интересных актёров — О. Дворжецкого, Г. Вицина, О. Даля, Ю. Назарова. Интересно, что роль шамана исполняет М. Эсамбаев — человек, которого все знают как исполнителя танцев народов мира.

Во имя чего мы делаем этот фильм? Всем людям интересно знать, что там, где они ещё не были, что за горизонтом. Основная тема фильма — бесконечность человеческого познания.

— А где ещё, кроме Камчатки, снимался фильм?

— Дело в том, что действие картины начинается у берегов океана, который мы снимали в Выборге. В Балтийском море мы снимали известную шлюпку «Вега», в Амдерме — льды. Большинство сцен было снято на Кавказе, в районе Нальчика...

Вертолёт увозит из Долины гейзеров последнюю группу творческого коллектива, работавшего на Камчатке.

А. Андрошин,

В. Брунов.

Камчатская правда. — 1972. — № 225. — 24 сентября.

НЕГОСТЕПРИИМНАЯ ДОЛИНА

В одном из сентябрьских номеров «Камчатской правды» мы прочли статью об инструкторе туризма, студенте Петропавловского пединститута Саше Андрееве. Сашу знают многие экскурсанты, и запомнился он, главным образом, своей деловитостью, неиссякаемой энергией, находчивостью. Разделяем мнение автора статьи: пусть больше будет таких хороших инструкторов.

Нам хочется поделиться своими мыслями и впечатлениями об организации туризма по маршруту «Долина гейзеров». Этот маршрут привлекает к себе любителей туризма уже со всей страны. В нашей, 55-й группе были рижане, ленинградцы, магаданцы и приезжие из других мест.

На наш взгляд, недоработок по этому маршруту много. Все они устранимы, если организаторы его будут внимательней к людям. Мы далеки от мысли, что в пути всё должно быть гладко. Этого на туристских тропах никогда не будет, тем более у нас на Камчатке, где пути-дороги проходят по таким таёжным местам, где неудобства на каждом шагу. Природные неудобства не огорчают, они преодолимы, да и турист, как правило, человек не из слабых. Огорчают неудобства, идущие от невнимания, а порой — от душевной чёрствости.

Конкретно. Первое, что удручающе действует — недостаточное количество палаток на привалах-приютах. Только на двух из них (приютах «Ключи» и «Сестрѐнки») люди могли разместиться нормально, на остальных же нас встречали неизменным возгласом: «Мест нет». После 25–30-километрового перехода под дождѐм такое известие слышать нерадостно. Будь установлено палаток на три-четыре больше, и всё было бы хорошо. Мало радости доставляли и палатки, изобилующие дырами.

Второе. На переходе от участка «Долина гейзеров» до приюта «Сестрѐнки» мы не видели ни одного маршрутного указателя. Их установить нетрудно, но почему-то их нет. Нужны ли они? На наш взгляд — необходимы. Именно на этом участке группа учащихся сбилась с маршрута, и Саша благодаря своей отличной ориентировке в этой местности нашѐл и вывел группу к приюту. Таких сбившихся с маршрута групп было много в этот день на переходе, и две из них, состоящие из подростков — мальчиков и девочек 14–15 лет — провели дождливую ночь под открытым небом, а если учесть, что в этих местах в августе лежит ещё порядочно снега, то ночѐвка детей оказалась более чем неприятной. Приют «Сестрѐнки» расположен на увале, путь к нему из ущелья начинается по мшистой почве, на которой следы людей почти незаметны, и приют может остаться незамеченным. В таких местах обязательно должен быть указатель-знак.

Третье. Комплектование групп проходит крайне неравномерно. В них может быть 22 человека (нормальное явление) и более. В нашей группе было 35 человек. При таком составе неудобства увеличиваются. На ряде приютов каждой группе отводится одна палатка. Если в группе 22 человека, то палатки достаточно, но при численности группы в 35 человек одной палатки явно не хватит. И как бы ни теснились товарищи, всех она укрыть не может. После такого «отдыха» за ночь устает больше, чем от дневного перехода.

В подобных случаях устройство на ночлег у туристов связано с довольно неприятными явлениями: инструктор группы и сами туристы идут просить другие группы потесниться, где частенько их встречают довольно неприветливо. Начальник приюта почему-то от этого вопроса всегда в стороне, а чаще всего он и не показывается на глаза. А ведь размещение людей — как раз его святая обязанность.

Маршрут этот очень популярен, и каждое лето сотни людей из всех уголков страны стремятся к нам в Долину, и очень хочется, чтобы природная красота маршрута не омрачалась бытовой стороной туристской жизни.

*По поручению группы — Е. Шалиманова, Л. Грицко,
работники торговой базы горпищеторга.
Камчатская правда. — 1972. — № 227. — 27 сентября.*

САМЫЙ ОБЫЧНЫЙ ПОЛЁТ

Рейс начинается просто. К вертолёту подъезжает грузовая машина, и развесёлые её пассажиры кричат: «Открывай ворота!» Бортмеханик Игорь Давыдов распаковывает створки люка, и на металлический пол «Ми-8» ложатся доски, листы жести, бочки, мешки с цементом, ящики с сахаром. И даже... электрические лампочки. «Смотрите, поосторожнее с ними», — предупреждают ребята.

А к вертолёту подходят пассажиры. Почти все — в штормовках, — геологи, вулканологи. Названия пунктов нашего следования звучат заманчиво: Карымский вулкан, Долина гейзеров. Для вертолётчиков они обозначают несколько иное: бочки, жечь, доски, цемент забросить на базу вулканологов у подножия Карымского, пассажиров и 400 килограммов груза — в Долину.

«Ми-8» забит до отказа. Вес груза — предельный для такого большого расстояния. Пассажиры размещаются, где могут: кто на рюкзаках, кто на свёрнутых палатках. Командир Юрий Фёдорович Наумов и второй пилот Владимир Петрович Самарский занимают свои места. Техник И. В. Ковтуненко закрывает дверь. Сегодня в полёте участвует И. М. Шульгин. После стажировки он будет диспетчером в Халактырском аэропорту.

Завели двигатели. Медленно, словно нехотя, делает первый оборот несущий винт. Быстрее, быстрее... Мощная струя сдувает лужи с бетона — следы вчерашнего дождя.

Вертолёт как-то неожиданно отрывается от земли. Повисел немножко над полем и с нарастающей скоростью рванулся вперёд и вверх,

где за высокими облаками едва просматриваются горы. Мелькнуло Халактырское озеро — и потянулись леса, леса, леса...

С востока неожиданно наплыл океан с узкой белой полоской приборя. Пилоты сверяются с картой — «Идём верно». Машина летит ровно, без толчков. Геологи, привыкшие к длительным воздушным поездкам, подрёмывают на своих рюкзаках.

Владимир Петрович рассчитывает курс и задаёт программу автопилоту. Трасса привычная... Кажется, пилоты совсем отвлеклись от управления вертолётom. Руки сняты со штурвалов, переговариваются о чём-то своём. Позже, когда мы приземлились у подножия Карымского, командир вертолётa пояснил: «Совсем отвлечься от управления невозможно. Даже когда работает автопилот, мы обязательно следим за приборами».

Приборов этих много. Они не умещаются на пульте перед пилотами и «перелезли» на потолок. Члены экипажа во всей этой системе скачущих стрелочек, винтиков и переключателей, конечно же, ориентируются прекрасно. Юрий Фёдорович, например, уже десять лет летает. Начинал на более простом и лёгком «Ми-4». И к «Ми-8» уже привык.

Вертолёт — желанный гость на заброшенных в горах геологических и вулканологических базах. Не успел он приземлиться у Карымского, как навстречу поспешили здешние временные жители. Одни — снять с борта груз, другие — просто посмотреть на вертолёт, поговорить с «городскими». Черноволосая девушка, из «местных», обрадованно замечает: «Вот здорово! Третий день к нам прилетают». К командиру подходят два парня: «Вы после Долины — в город? Двоих возьмёте?». Юрий Фёдорович кивает.

Здесь же выясняется ещё одна деталь: двоим из тех, кого планировали доставить в Долину гейзеров, оказывается, надо на Узон.

«Закинуть» их в кальдеру было бы просто — она лежит по пути следования — если бы не два обстоятельства. Во-первых, горючее. Его не так уж много. На Узоне садиться не рассчитывали, потому и запас не захватили. Во-вторых, погода. Неважная она сегодня. Высоты только-только хватило на взлёт. А на вторую половину дня синоптики дают ухудшение. Значит, экипаж ограничен и во времени.

Можно, конечно, приземлиться только в Долине. До Узона от неё недалеко. Но у пассажиров 400 килограммов груза. И это решает всё. «Сядем, — говорит командир. — Горючего должно хватить».

И снова взлёт. Остаются внизу лагерь вулканологов, выгруженные ящики и жёсть, черноволосая девушка.

До Узона перелёт совсем короткий. Промелькнули горы, заросшие лесами, и вот уже скользит под винтом серебристое озеро в кальдере Узона. Посадка. Время ограничено. Открыт люк — и все бросаются на помощь геологам, которым обязательно надо было сесть на Узоне. В восемь рук справляются с выгрузкой быстро. И опять воздух разрывают мощные лопасти винта, и опять вибрирует пол под ногами.

— Слева — горы, справа — горы, состоящие из странной светлой породы, отчего даже пасмурный день кажется солнечным. Плывет внизу Долина гейзеров — Долина сказок. Автопилот давно отключён. Только лётчик может провести вертолёт по узким лабиринтам. Руки командира лежат на штурвале. Чуткие, готовые отреагировать на любую неожиданность руки пилота.

Мелькают разноцветные палаточные лагерь. База геологов отличается от остальных своим обыденным, тёмно-зелёным цветом. Вертолёт садится прямо у палаток. Моя соседка, геолог, вскакивает с места. Долина — пункт её назначения. В густую траву выгружаются последние контейнеры, в вертолёте остаются одни пассажиры.

Знакомая команда — «От винта!», привычные слова благодарности и пожеланий счастливого пути. Вертолёт взмывает вверх, и шлёт ему прощальные вздохи тёплая земля гейзеров.

Машина ложится на обратный курс. Теперь — без посадки до Халактырки. Включён автопилот. Лётчики переговариваются с бортмехаником. Всё нормально, во время укладываемся, горючего хватит. Полёт рассчитан так же точно, как и последняя посадка в аэропорту. Место приземления — бетонный восьмиугольник, настолько маленький, что хвост стоящего вертолёта выходит за его пределы. Там пилоты сажают свои машины для заправки. Дело обычное, и я не думаю, что такое уж лёгкое. Лётчик должен физически чувствовать вертолёт, чтоб колеса прились прямо на клочок бетона. Юрий Фёдорович точен и в посадке.

Заглушены двигатели. Бортмеханик тянет шланг для заправки. Мешаются на бетоне глина Узона, трава из Долины гейзеров, коричневые головки цветов Карымского и радужные пятна горючего. Покуривает командир. Илья Михайлович, стажёр, что-то выясняет у второго пилота. Полёт окончен.

А уложился во время пилот на удивление точно. Через 15 минут Халактырский аэропорт был закрыт по метеоусловиям.

*Н. Казначеевская, студентка отделения журналистики
Дальневосточного государственного университета.
Камчатская правда. — 1972. — № 232. — 3 октября.*

КРОНОКСКИЙ «РОБИНЗОН» ИЗ ШВЕЦИИ

Сейчас неизвестно, кто дал Рене Малезу — шведскому подданному «особое разрешение в конце 1922 года, в момент последней схватки трудящихся Дальнего Востока за Советскую власть» на высадку в Крононском заповеднике. Но факт остаётся фактом — упрямый швед высадился там в районе бухты Ольга и прожил почти год.

Геодезист намеревался сделать «фотометрическим способом съёмку местности», где собирался жить. Кроме того, «в тёмную и пуржливую зиму» он хотел собирать зоологические коллекции для госмузея, рассчитывал поймать для этих же целей несколько драгоценных камчатских соболей.

Возможно, подразведать прибыл иностранец наши камчатские богатства. Возможно, действовал он по тайному заданию своих, скандинавских вандерлипов (пока американский миллионер Вандерлип вел переговоры с В. И. Лениным о возможности купить или получить в аренду на определённый срок право эксплуатации природных ресурсов Камчатки). Уж больно подозрительно щедрым был скромный инженер из Стокгольма Он не жалел денег на свою экспедицию.

В конце 1922 года в Петропавловск за водой и топливом зашла парусно-моторная шхуна «Мацатлан», на которой и отправился Малез в свою «робинзонаду».

Владелец шхуны — американский бизнесмен Свенсон оказался шведом по происхождению. Впоследствии Малез дал такую характеристику этому хищнику: «Свенсон — крупный пушной торговец... "Мацатлан", нагруженный всевозможными товаропродуктами, пришёл весной из Сиэтла (порт для связи с Аляской. — *Н. И.*) и всё лето путешествовал вокруг Камчатки, как пловучая лавка, выменивал на свои товары у жителей Камчатки их драгоценную пушнину».

Свенсон вёл себя и по отношению к соотечественнику, как торговец, для которого личные выгоды и благополучие — прежде всего. Он продал Малезу по очень дорогой цене «большой и тяжёлый патентованный якорь». Не дойдя 10 километров до берега, Свенсон «категорически отказался идти дальше». Малез вместе со спутниками — жителями Петропавловска Шкуркиным и Райковым добирался до берега с риском для жизни на маленьком вельботе.

О борьбе со стихией, о трудной и опасной жизни в Кроноках Рене Малез рассказал в своей книге «В стране охоты и вулканов (Путешествия и

приключения на Камчатке»), которую в 1928 году в переводе на русский язык выпустило издательство «Книжное дело».

Красноречиво о содержании книжки говорят названия глав: «Высадка», «Волки и олени», «Горячие ключи», «Пурга», «Охота на соболя» и т.д.

Очень красочно описывает автор землетрясение 2 февраля 1923 года: «В три часа ночи меня разбудило самое сильное, какое только можно себе представить, землетрясение... Я увидел на фоне светлого ночного неба шатающийся березняк... До землетрясения вдоль берега тянулось ледяной "припаек"... В течение зимы он достиг высоты пять-восемь метров, ширины 50–100 метров. Во время землетрясения недалеко от берега опустилось дно моря и в образовавшуюся яму хлынула со всех сторон вода... Огромная волна ударила о берег, подняла и сломала «припаек», занесла его обломки далеко за берег, где они, как грандиозные рубанки, выстругали всё, что им на пути попало»...

И снова любопытные данные: «Первые три дня трясло через каждые пять минут, потом через 15 минут, через месяц — через час, а в начале июля, когда я уезжал отсюда, ежедневно было около трёх сильных землетрясений в день...»

Райков и Шкуркин «старые охотники на соболей — парни не промах, рассчитывали зимой украдкой потихоньку заняться своим промыслом», ни за что не согласились оставаться с иностранцем после землетрясения и пешком отправились в Петропавловск.

Правда, они не оставили в беде товарища и на его деньги наняли экспедицию, пришедшую за ним летом 1923 года.

Пока Райков и Шкуркин добирались до Петропавловска, где их, кстати, за браконьерство органы Советской власти арестовали на короткое время, шведу-«Робинзону» повстречался «Пятница» — охотник на соболей Воронов. «Я, конечно, был рад новому человеку, особенно такому хорошему и весёлому товарищу, каким оказался Воронов... Он помогал мне в картографических и других работах», — писал в своей книге Малез.

В ней 25 снимков, рассказывающих о флоре и фауне, о некоторых населённых пунктах Камчатки.

Малез имел кино- и фотоаппараты, множество фотопластинок. Часть из них погибла во время землетрясения, но основную массу богатейшей фототеки он вывез с собой, и в 1926 году весь мир обошли его знаменитые буклеты с набором почтовых карточек о Камчатке.

В областной архив Камчатки недавно поступили фотографии из личного фонда А. Т. Якимова и Л. З. Колесниковой. Среди фотографий,

сделанных Аристархом Тихоновичем Якимовым, были обнаружены и фотографии Малеза. На обороте — тексты на русском и японском языках: «Камчадалы чистят и сушат рыбу для собачьей пищи», «Нарта на Камчатке», «Ламут с санками перед своей юртой», «Ламутские санки на Камчатке». «Ламутские женщины на Камчатке» и т.д.

Для современных специалистов сельского хозяйства небезынтересен снимок и подпись под ним: «Скот держат круглый год на открытом воздухе даже в сильные морозы».

Шведский путешественник запечатлел на снимках камчатских медведей, сивучей, многочисленные цветы, сфотографировал горячие источники, В одном из них запечатлел даже собственную персону.

Малез благополучно прибыл в Петропавловск летом 1923 года. «Когда мы выезжали из Петропавловска, там была «белая власть», представляемая кучкой оборванных и хулиганящих в пьяном разгуле солдат. Теперь там установилась, как и на всём Дальнем Востоке, Советская власть», — констатировал иностранец.

Н. Ильенко.

Камчатская правда. — 1972. — № 291. — 13 декабря.

ПУТЕШЕСТВИЕ НАТОЩАК...

Нас было шестеро. По возрасту мы представляли три поколения туристов, а по географии — Москву, Ленинград, Поволжье, Урал и Сибирь. Мы прошли к Больше-Баннным источникам и к Карымскому вулкану, поднялись на Авачу и спустились в Долину гейзеров. Мы побывали на острове Беринга и в Усть-Камчатске, проплыли по реке Камчатке. Что можно сказать о вашей земле одним словом? Прекрасная! Но речь пойдёт не о красоте Камчатки — она бесспорна — а о том, что ожидало нас, туристов, на полуострове.

В Петропавловске-Камчатском я прежде всего взял в руки номер газеты, где было напечатано объявление областного совета по туризму, зазывающее в походы к Карымскому вулкану и по Паратунскому каскаду термальных вод. Оказалось, не стоило верить заманчивому предложению. Дело в том, что один из моих попутчиков получил не путёвку в Паратунку, а обещание... вернуть деньги «на месте, ибо таких путёвок в наличии нет».

Отсутствие необходимых материалов, неоперативность в переписке с туристами, ничего не значащие отписки — всё это не к лицу солидному

учреждению. Приведу ещё пример. На запрос, когда мы сможем побывать на Аваче, нам ответили телеграммой в Жупаново: «Восхождения на Авачу не планируются». Ответ пришёл именно в те дни, когда восхождения уже были осуществлены. Значит, прежде чем давать «отказную» телеграмму, организаторам туризма надо было просто знать обстановку. Но ведь Авача явно не приносит доходов облсовету по туризму! Вот в чём, очевидно, причина. В таком случае отписка не может не вызвать подозрения в том, что организаторы туризма на Камчатке грозят прерваться в коммерсантов.

Да, туризм не должен быть убыточным. Но он создан для туриста и, следовательно, должен уважать его. Только на турбазе «Горизонт», что в Начиках, в самые последние дни пребывания на Камчатке мы, изрядно разозлённые, ощутили такое уважение и заботу. Но — не в областном совете. Но не на турбазе «Долина гейзеров»!

Итак, о турбазе «Долина гейзеров»...

Базы, на которые прибывают туристы, везде и всюду у нас в стране организуют торжественные встречи гостей. Как-то, помню, были хлеб-соль и арбуз в совсем не арбузной области. А однажды нас встретили чудеснейшим нарзаном.

Теперь, пройдя весь маршрут, мы можем сказать, что существуют и такие туристские базы, где не встречают ни арбузом, ни нарзаном, ни компотом. Чего уж там компот! Даже — и не баней, ибо таковой попросту нет.

Директор одной гостеприимной турбазы сказал мне: «Я рискую получить выговор, но решил расселить туристов в не принятом ещё комиссией здании». Вспоминаю это «непринятое комиссией» сооружение, и оно представляется мне по сравнению с тем, что есть близ Жупанова, совершенством.

Туристической базы «Долина гейзеров» как таковой не существует. Не существовало её ни в 1968 году (время нашего первого путешествия), ни в 1972...

Конечно, в итоге своим пребыванием на Камчатке люди довольны. У туристов с материка больше восторгов Камчаткой, чем сетований на турбазу. Но не к лицу руководителям камчатского туризма рассчитывать на это обстоятельство.

Обратив внимание на сказанное: «Ни в 1968 году, ни в 1972 году», мне могут сказать: «Неужели вы не заметили, что изменения есть?!»

Откровенно говоря, направляясь на Камчатку во второй раз, я на большие изменения не рассчитывал. Не рассчитывал до такой

степени, что, опасаясь путешествия «натошак», как это было в 1968 году, просил добрую камчатскую знакомую засушить для нашей группы сухарей.

Опасения, что нас будут кормить испорченными галетами, оказались напрасными.

Нет теперь заплесневелых галет, над крутым глинистым спуском в Семячикских горячих ключах появилась лесенка, на Бурлящем и на Узоне уже не по одной рваной палатке, а по нескольку хороших. Есть даже домики...

Что ещё? Висячие мосты через реки, не один продовольственный склад, а несколько.

Но сразу бросается в глаза и халтура. В частности, в оборудовании приютов: в семидесятые годы XX века за такое «строительство» домиков, складов, туалетов надо не гладить по головке... Неужели нельзя было взять типовые домики? И первым делом воздвигать не инструкторские помещения, а сушилки? Мы не говорим, что инструкторские не нужны. Нужны, но — не в первую очередь. Кстати, выдумывать-то сушилки не надо. Есть они готовые (для чабанов, для геологов, для пограничников).

И ещё. В 1968 году столовая в Жупанове была далеко, мы ходили в посёлок, в рабочую столовую, но хуже нынешней близкой турбазовской столовой вряд ли можно что-либо вообразить.

В 1968 году прокат снаряжения — худой-бедный, но был, сейчас его нет. И, самое главное: было гораздо лучшее отношение хозяев-жупановцев к полусамодельному туризму.

Это последнее подтверждает такой эпизод. Обращаюсь с вопросом к человеку, находящемуся в катере у пристани. Не поинтересовавшись, кто мы, он резко ответил: «Самодельных туристов не перевозим!» А потом выяснилось, что это сам директор турбазы.

Как же нам, самодельным, теперь переплыть через лиман? Вплывь что ли?..

Конечно, катера принадлежат турбазе (со станцией, мотористами, горючим и прочим), но тогда пусть взимают плату за перевоз с нас, самодельных туристов. А то что это за ответ: «Не перевозим и баста!»

Кроме «диких» туристов, не зарегистрированных в совете, есть ещё и полусамодельные туристы. Почему «полу»? Потому что у них на руках путёвки (с оплаченной катерной перевозкой!), но идут они в поход сами, то есть без инструктора.

В 1968 году наша группа в 15 человек пошла без инструктора и отлично справилась с маршрутом. В 1972 году группа в 6 человек рассчитывала пройти маршрут без инструктора, тем более что получила официальное разрешение центральной МКК. Но как на этот раз не хотели нас отпускать! Мы не получили никакого содействия: на плохо маркированный маршрут не дали ни описаний, ни кроков, ни даже компаса (в 1968 году всё это группе было дано!). Палатки нам дали дряннейшие... Был случай, когда на одном из продовольственных пунктов отсутствовали хлеб, сухари, галеты, мука...

На турбазе «Долина гейзеров» нет проката, нет душа. Нет там и традиций. Я разговаривал с директором турбазы, не зная, с кем говорю. (И опять: всюду в стране на базах директоры рассказывают туристам о своём крае, о маршруте представляют им персонал турбазы...)

Сколько лет существует бланк «Турбаза "Долина гейзеров"»? Кажется, лет восемь. Времени достаточно, чтобы существовал не только план развития основного комплекса, но и план эксплуатации готовой турбазы.

Грех не превозносить камчатские красоты. Но не меньший грех увлечь сюда людей издалека, не обеспечив материальной базы.

Л.А. Ляховецкий, доцент, г. Москва.

Камчатский комсомолец. — 1972. — № 150. — 16 декабря.

ПТИЦЫ ЗАСЕЛЯЮТ КАМЧАТКУ

Своеобразна и уникальна природа Камчатки. Здесь есть замечательные уголки. По праву к ним можно отнести Кроноцкий государственный заповедник — небольшой клочок горно-таёжной камчатской земли на восточном побережье полуострова, прижатый к Тихому океану горными цепями Валагинского хребта.

Коллектив научных сотрудников занят здесь трудной, но важной работой по изучению природного комплекса тайги. Сейчас в заповеднике подошёл к концу очередной полевой сезон. Подводятся итоги учёта запасов промысловых видов птиц и млекопитающих, обрабатываются наблюдения по их распространению и биологии.

Много интересного принёс этот сезон для зоологов заповедника: на его территории найдены новые гнездящиеся виды птиц, ранее встречавшиеся на Камчатке лишь на весеннем или осеннем пролётах. Ведь вдоль нашего полуострова проходят основные миграционные пути

многих, например, водоплавающих птиц к северным районам страны — к Корякии, Анадырю, Чукотке. Оказывается, некоторые птицы, вопреки установившемуся мнению, не только летят через Камчатку, но и нашли на полуострове подходящие для себя места обитания.

Взять хотя бы морянку. Очень многочисленна эта небольшая морская утка в прибрежных водах моря, а на пролёте зимует даже по внутренним водоемам полуострова. Ареал же, то есть область её гнездования, в основном лежит севернее Камчатки и на Командорах.

Этом летом морянка найдена гнездящейся в кальдере вулкана Узона. Её небольшое гнездо в виде ямки размером всего 14 x 15 см оказалось сделанным у самого центрального озера кальдеры на травянистой влажной тундре. Дно и стенки гнездовой ямки уложены тёмным пухом, и уже на этой подстилке утка насиживает свою кладку. Удивительная птица. В то время как самки заняты выводом потомства где-либо на Чукотке или в Прианадырье, тысячи самцов покидают свои пары и улетают линять в воды Ледовитого океана, на остров Врангеля. Интересно, где линяют наши, камчатские морянки? Так же далеко оставляют самцы свои гнёзда? Пока мы не можем ответить на это.

А вот круглоносый плавунчик. Пожалуй, редко какую птицу можно рассматривать в природе вплотную, а вот плавунчик может беспечно плескаться в озёрке, не обращая на вас ни малейшего внимания. И он, оказывается, уже вполне освоил Камчатку, хотя до последнего времени его гнездование отмечалось лишь по северному побережью Охотского моря да на острове Карагинском. Большую часть времени этот кулик проводит на воде, и если не считать его пребывания на гнезде, увидеть эту птицу на земле случается не часто. А заселяет он влажную тундру с мозаикой озёр, ручейков. Вот на такой тундре в кальдере Узона и у Семлячикского лимана мы нашли гнездовья. Да ещё с какой плотностью! На тундрах Узона они гнездятся по 10–12 пар на одном гектаре водно-болотных угодий с общей численностью на кальдере более 100 пар. Вот уж действительно заселил территорию. У этого кулика по сравнению с морянкой всё наоборот. В то время как самец водит птенцов, самка улетает отдыхать южнее. Правда, в последнее время появились наблюдения, что и самка всё же принимает участие в воспитании птенцов.

Интересны находки в заповеднике гнёзд и таких до последнего времени считавшихся не свойственных Камчатке видов птиц, как длиннопалый песочник, варакушка и др. Любопытны встречи с чижом, сибирской горихвосткой, белоспинным дятлом, краснозобиком. Все эти

наблюдения расширяют наши представления о географическом распространении птиц, о их связях с той или иной территорией, уточняют знания их биологии, столь необходимые при разработке вопросов охраны и рационального использования природных ресурсов.

*Е. Лобков, младший научный сотрудник Кроноцкого заповедника.
Камчатская правда. — 1972. — № 303. — 26 декабря.*

1973

РЕЛИКТОВЫЙ ПАМЯТНИК ФЛОРЫ

На Камчатке, в районе Кроноцкого заповедника, величественно возвышаясь над другими деревьями, стоят стройные, с голубоватым оттенком ели. Роща пихты грациозной — так называют этот реликтовый памятник флоры, который строго охраняется государством. Это единственный в мире островок древнего, исчезающего вида, занимающий около 22 гектаров.

Почему же камчатскую пихту считают реликтом доледниковой или по крайней мере межледниковой эпохи?

Сильным аргументом в пользу реликтового характера камчатской пихты является её видовая обособленность. В суровых климатических условиях ледниковой эпохи древесная растительность могла существовать только в местах, отепляемых грунтовыми водами или близостью океана, а в отдельных случаях, возможно, и термальными источниками. Участок, занимаемый пихтой, испытывает активное смягчающее влияние океана и обильного выхода грунтовых вод.

Семена пихты отличаются низкой всхожестью (не более пяти процентов), шишки её рассыпаются сразу после созревания, и семена, лишённые приспособлений для разноса, остаются непосредственно под деревом. Именно эти особенности чрезвычайно затрудняют распространение пихты и являются основной причиной столь длительного локального произрастания.

*Анна Гаркавая, корреспондент АПН.
Ленинское знамя. — 1973. — № 28. — 3 марта.*

КРОНОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАПОВЕДНИК

В 1967 году был организован, а вернее, восстановлен вновь Кроноцкий государственный заповедник.

История заповедности кроноцкой земли уходит своими корнями к середине прошлого, XIX столетия, когда местное население, обеспокоенное безудержным истреблением пушных богатств Камчатки и в первую очередь соболя, по собственной инициативе — сговору охотников-промысловиков — объявило эти уголья своеобразным охотничьим заказником. Всякая охота на территории угодий, прилегающей к Кроноцкому заливу, запрещалась, а виновные в нарушении этого сговора жестоко наказывались охотничьим самосудом.

Позднее по инициативе зоолога Дыбовского, работавшего на Камчатке в 1879–1884 годах, Кроноки были официально объявлены в 1882 году соболиным заказником с запретом охоты на этой территории. Охрана территории заказника осуществлялась путём разовых выездов в эти уголья, обычно во время охотничьего сезона, небольших казачьих отрядов. Несмотря на малую эффективность подобного рода охраны, определённый положительный результат в деле накопления запасов пушных зверей эта мера дала, и запасы соболя в кроноцких угодьях заметно увеличились.

Новый период активного бесхозяйственного истребления охотничьих богатств кроноцкой земли начался с 1912 года, когда царское правительство в довольно крупных масштабах приняло меры по заселению Камчатки переселенцами из России.

Среди переселенцев, обосновавшихся на берегу Кроноцкого залива (посёлок Кроноки), нашлось немало искателей лёгкой наживы, желающих обогатиться за счёт промысла соболя на землях заказника. В этих условиях существующая система охраны заказников оказалась неэффективной, не способной бороться с наплывом охотников-хищников, не желающих уважать традиции местного коренного населения. Не меньший урон охотничьим богатствам Кронок был нанесён во время интервенции и в период хозяйничания белогвардейцев.

С приходом на Камчатку Советской власти общественностью вновь поднимается вопрос об охране и разумном использовании природных богатств кроноцкой земли.

Сначала здесь была организована ПОС (промыслово-охотничья станция), позднее же постановлением ВЦИК СССР от 1 ноября 1934 года

утверждён Кроноцкий государственный заповедник, основной задачей которого в тот период было увеличение запасов соболя на Камчатке. Под заповедник была отведена громадная территория — 1.300.000 гектаров. (Цифра эта намного завышена против фактической, так как рассчитывалась грубо, без точных топографических данных, о чём будет сказано ниже.) Граница заповедника проходила по побережьям Тихого океана от устья М. Чажмы на севере до устья р. Шумной на юге. Сухопутная граница проходила по этим рекам до их верховий и по водоразделам, которые отделяют бассейн Кроноцкого озера от бассейнов рек Жупановой, Камчатки и Сторожа. Заповедник просуществовал до 1951 года — больше 16 лет.

Кроноцкий государственный заповедник полностью выполнил возложенную на него задачу, накопив на своей территории большое количество животных, став своего рода резерватом, поставляющим их в прилегающие, осваиваемые охотниками угодья. Изъятие заповедных угодий из охотничьего использования позволило в сравнительно короткий срок восстановить и значительно по сравнению с прежними годами увеличить численность ценнейшего представителя камчатской фауны — соболя. Хорошо была поставлена в заповеднике и научно-исследовательская работа, главными вехами которой явились фундаментальная работа зоолога заповедника Ю. В. Аверина «Наземные позвоночные Восточной Камчатки» (Труды Кроноцкого государственного заповедника, выпуск I, 1948 г.) и исследования геолога Т. И. Устиновой, открывшей и описавшей гейзеры долины реки Гейзерной.

Следует отметить, что уже в первый период существования Кроноцкого заповедника (1934–1951 гг.) между ним и различными геологоразведочными и другими изыскательскими партиями и экспедициями начинают возникать противоречия, которые с течением времени не сглаживаются, а всё больше и больше усиливаются и обостряются.

Начавшая свои исследования месторождений нефти в 1937 году нефтеразведывательная экспедиция, развернув в центре территории заповедника посёлок Богачёвку, после ликвидации заповедника в 1951 году причинила заметный ущерб природе Кронок.

К моменту восстановления Кроноцкого государственного заповедника (июль 1959 года) в пос. Богачёвке проживало свыше 400 человек. Восточнее посёлка было проложено 270 километров автомобильных дорог, свыше 300 километров действующих тракторных дорог, несчётное количество временных дорог, пересекающих все доступные места

восточной части заповедника. Богачёвской нефтеразведкой было вырублено 160 гектаров лесной площади, прорублено 191,5 километра просек и не поддающееся учету количество визиров. В большом радиусе от пос. Богачёвки совсем исчезли ранее многочисленные здесь северные олени и медведи, значительно сократилась численность снежных баранов.

Одним из пунктов Положения о государственных заповедниках РСФСР, утверждённого Советом Министров РСФСР, определено, что «производство изысканий на территории государственных заповедников разрешается в пределах плана их научно-исследовательских работ», и этим, на наш взгляд, заповеднику должна быть гарантирована надёжная уверенность в целостности и неприкосновенности его территории на все времена.

К сожалению, восстановленный в 1959 году Кроноцкий государственный заповедник просуществовал всего два года.

В современном варианте Кроноцкий государственный заповедник существует с 1967 года. Площадь его составляет 964.000 гектаров. Граница его простирается до южной части Семлячикского лимана, включая Семлячикскую косу (кошку) и обособленный участок (22 гектара) рощи Пихты грациозной.

Заповедник делится на три лесничества: Семлячикское, Кроноцкое и Чажминское. Семлячикское лесничество включает в себя южную часть заповедника. Здесь находится знаменитая Долина гейзеров — единственное в Союзе место, где на сравнительно небольшом участке действуют десять больших и малых гейзеров. Здесь же располагается не менее популярный среди специалистов и многочисленных туристов вулкан Узон с одиннадцатикилометровой в диаметре чашей своей кальдеры с тёплыми озёрами, бурлящими фонтанами кипящей глины, фумарольными полями. В этом же лесничестве находятся вулкан Бурлящий, горячие Нижние Семлячикские ключи, многочисленные реки — места нереста камчатских лососей, загадочный участок реликтовой рощи Пихты грациозной.

Своё название лесничество получило от одноимённых горных массивов (вулканов) Большой и Малый Семячик. Именно Семячик, а не Семлячик, как стали говорить и писать в последнее время. На наш взгляд, стоит восстановить правильное географическое название, которое было искажено около 20–25 лет тому назад да так и укоренилось.

Камчатская правда. — 1973. — № 128. — 2 июня.

В книге Карла Дитмара указывается название «Семячик» применительно к вулканам, рекам и лиману. То же название даёт в своей работе «Путешествие по Камчатке» академик В. Л. Комаров (1909 г.). В более поздних трудах зоолога Ю. В. Аверина даётся это же название, которое распространялось также и на посёлок Семячики, существовавший раньше в устье одноимённого лимана. Даже в названии этих мест, звучащем на языке аборигенов как «Шемяч», нет буквы «л» в последнем слого. Нетрудно проследить последовательность метаморфозы слова Шемяч — Семеч — Семячик. На наш взгляд, нет необходимости приводить дополнительные данные, подтверждающие правильность высказанного — дело в том, чтобы исправить допущенную ошибку и вернуть слову его правильное первоначальное звучание.

По Семячикскому лесничеству проходит пеший плановый туристический маршрут союзного значения № 1259001 протяжённостью 160 километров с остановочными приютами для ночлега в шести пунктах: Горячие Семячикские ключи, р. Шумная, Горное Плато, р. Сестрёнка, вулкан Узон, вулкан Бурлящий.

По маршруту ежегодно проходит около 3.500 человек туристов только в составе плановых туристических групп турбазы «Долина гейзеров». До 1971 года параллельно с плановым туризмом широкое распространение имел и так называемый «самодельный туризм». Последний вид туризма, деятельность которого невозможно проконтролировать и регламентировать определёнными нормами, на наш взгляд, должен быть совершенно запрещён в заповедниках. Начиная с 1971 г. допуск самодельных туристов на территорию заповедника был запрещён.

В настоящее время в периодической печати очень много пишется о туризме вообще, о наведении порядка в этом ставшем поистине массовым виде отдыха трудящихся — людей, живущих в городах, отдалённых от природы. В век атома, освоения космоса, кибернетики человечество с особой силой почувствовало свою оторванность, отдалённость от первозданной природы Земли. И эта тоска гонит его в её лоно, забивает до отказа вагоны электричек и пригородных поездов в выходные и праздничные дни.

Важно, чтобы современный человек, тоскуя по природе, стремясь к ней, вместе с тем и любил её, берёг, стремился оставить её после себя такой, какой она была до него, не наносил ей своей бездумной жестокостью тяжёлых, неизлечимых ран. Природу нужно беречь везде — эта истина давно всем ясна. А как быть с заповедниками, которые являются

хранителями природного фонда, своего рода эталонами природы, которые нужно сохранить на все времена в нетронutom первозданном виде?! Допустим ли туризм в заповедниках?

Большинство высказываний по этому вопросу сводится к тому, что для туристических посещений нужно выделять определённую часть заповедника, приняв все возможные меры к тому, чтобы ущерб ему от таких посещений был минимальным. В небольших заповедниках, размещённых в густонаселённых местностях, вокруг них выделяются так называемые охранные зоны, которые являются своего рода буфером между территориями, где осуществляется активное природопользование, и заповедными, «неприкасаемыми» землями. В охранных зонах запрещаются охота и рыбная ловля, сбор дикоросов, но допустимы использование лесного фонда, эксплуатация недр земли и другие акты использования природных ресурсов. Эти территории также можно успешно использовать для развития туризма. Кроноцкий государственный заповедник, являясь крупнейшим в Союзе по территории, не нуждается в дополнительных охранных зонах, тем более сам он расположен в отдалённой малонаселённой местности, лишённой дорог и подъездов.

Туристы, прибывающие в Жупаново, да и вообще на Камчатку, желают в первую очередь видеть Долину гейзеров — жемчужину Камчатки, место поистине уникальное и интересное, равного которому нет. Как уже говорилось выше, заповедник, а это значит и Долину гейзеров, посещает ежегодно 3.500 туристов. Совсем ещё недавно (до сезона 1972 г.) в Долине был лагерь туристов — приют, где жили одновременно до 200–250 человек, которые готовили там пищу, купались и стирали бельё, безнадзорно бродили повсюду. Управлению заповедника стоило больших трудов принудить турбазу убрать приют туристов из Долины за её пределы и организовать посещение этого интереснейшего объекта в порядке экскурсий без права ночлега там и приготовления горячей пищи. Турбазой были проделаны некоторые работы по благоустройству проходной тропы туристов в Долину гейзеров, сооружён переходный мостик через реку Гейзерную, проложен кое-где в опасных местах открытых выходов горячих выделений недр дощатый настил.

Но всего этого совершенно недостаточно, чтобы сохранить Долину, предотвратить разрушения грунта в местах прохождения тропы, лишить возможностей любителей «сувениров» откалывать «на память» гейзерит, избежать несчастных случаев — ожогов и т. д. Нужен детальный продуманный план благоустройства проходной тропы туристов

в Долине гейзеров с устройством нескольких переходных мостов через р. Гейзерную, удобных смотровых площадок, откуда можно было бы наблюдать «работу» гейзеров, фотографировать их. На всём протяжении тропы должны иметь дощатый настил и находиться в стороне от гейзеров и наплывов гейзеритов. На опасных участках тропа должна быть надёжно огороженной.

Камчатская правда. — 1973. — № 138. — 14 июня.

Вполне понятно, что по сохранению Долины гейзеров работа связана со значительными расходами, что не по силам сравнительно небольшой хозрасчётной турбазе «Долина гейзеров». Но Долина гейзеров — единственное в СССР место, где можно наблюдать проявления гейзеризма, интерес к ней с годами будет не падать, а возрастать. Поэтому Камчатскому областному совету по туризму нужно брать решение этого вопроса в свои руки. Ясно одно — дальнейшая отсрочка в этом деле нетерпима. До тех пор, пока проходные тропы в Долине гейзеров не будут приведены в порядок, гарантирующий полное сохранение этого ценнейшего природного объекта, доступ туристов туда должен быть запрещён.

На наш взгляд, совершенно неправильно стремление руководства туристических организаций показать туристам всю Долину гейзеров, проложить смотровую полосу вдоль всего течения реки Гейзерной. Большинство крупных гейзеров в своих проявлениях мало чем отличаются друг от друга, достаточно включить в осмотр представителей разных типов гейзеров, ограничив смотровую тропу в Долине гейзеров полутора-двумя километрами. Более детальное и полное изучение всех гейзеров Долины и других проявлений вулканизма в этой зоне нужно предоставить учёным специалистам.

Больших трудностей управлению заповедника стоит комплектование штата охраны, особенно основного её звена — лесников. Если в Жупанове для Семьячического лесничества должности лесников всегда заняты, то в отдалённых лесничествах — Кроноцком и Чажминском обычно работают по одному-два лесника. Причём, как правило, долго они не задерживаются и уезжают, отработав сезон или неполный год. Так, в последнее время вместо 12 лесников, положенных по штату, в заповеднике работало шесть-семь.

Большие претензии работники заповедника имеют к Халактырскому аэропорту, обслуживающему местные авиалинии. Государство отпускает заповеднику достаточно средств, чтобы, используя авиацию

(вертолёты), регулярно производить облёты территории в порядке авиатрулирования (противопожарные мероприятия), а также для завоза на отдалённые кордоны продовольствия и почты. Несмотря на то, что заповедник ежегодно заключает с Халактырским аэропортом соглашение о периодическом авиационном обслуживании, последний плохо выполняет это соглашение. Так, в 1972 году заповеднику по плану лесохозяйственных мероприятий было выделено средств на 130 часов работы вертолёта Ми-4, фактически же было выработано 82 часа.

Бывали случаи, особенно в летний пожароопасный период, когда заявки заповедника аэропорт не выполнял по полтора-два месяца. Работники, проживающие в Кроноцком и Чажминском лесничествах, не могли получить продовольствие, почту и т.д.

Вполне понятно, что при таком отношении аэропорта к выполнению принятых на себя соглашений заповедник не может жить нормальной жизнью, это не способствует закреплению кадров, создаёт ненужную нервозность в работе.

В функции заповедника входит не только охрана природного комплекса, но и изучение его. Как уже указывалось выше, труды заповедника издавались всего один раз, в 1941 году, в виде работы зоолога Ю. В. Аверина «Позвоночные Восточной Камчатки». Второй период существования заповедника (1959–1961 годы) дал несколько небольших статей зоологов заповедника, опубликованных в разное время в специальных журналах и «Летописи природы» за 1960 год.

В настоящее время научный отдел заповедника по штату должен состоять из шести научных сотрудников и зам. директора по науке. Фактически в заповеднике работают четыре научных сотрудника — три зоолога и один ботаник. Не укомплектованы должности двух научных сотрудников — одного геоботаника и одного геолога. Заповеднику утверждены три перспективных темы на 1972–1975 годы: «Геоботаническое описание и картирование территории Семьячикского лесничества», «Изучение экологии пихты грациозной с целью её сохранения и воспроизводства» и общая обязательная для всех заповедников тема «Наблюдение явлений и процессов в природном комплексе территории заповедника и их изучение».

В настоящее время в заповеднике разрабатываются две последние темы, а работа над темой «Геоботаническое описание и картирование территории Семьячикского лесничества» в связи с отъездом из заповедника исполнителя темы временно приостановлена.

Все накопленные научные наблюдения обобщаются и фиксируются в основном документе научного отдела заповедника — «Летописи природы», которая составляется ежегодно. С момента последней своей организации (1967 год) заповедником выпущено четыре книги «Летописи природы» (1968–1971 гг.) и подготовлена пятая, за 1972 год.

Кроноцкий государственный заповедник предоставляет возможность и другим научно-исследовательским организациям в порядке договоров научного сотрудничества проводить исследования на своей территории. Подобные договоры заключены с Институтом вулканологии Дальневосточного научного центра Академии наук СССР и с Камчатским отделением Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО).

В «Летописях природы» за 1970–1971 годы давалась тематика и краткие результаты исследовательских работ указанных организаций. Начиная с 1972 года в «Летописи природы» будут помещаться статьи научных работников исследовательских организаций, работающих в заповеднике по договорам научного сотрудничества.

Со времени работы в заповеднике зоолога Ю. В. Аверина прошло три десятка лет, срок достаточно большой для сравнительного анализа современных исследований с данными начала 40-х годов текущего столетия. При сравнении новых данных с прошлыми следует учитывать и то обстоятельство, что Аверин проводил большую часть исследований в центральной части современной территории заповедника (п. Кроноки — бухта р. Ольги), а в настоящее время большим объектом изучения для научных сотрудников заповедника служит южная его часть, ранее не включавшаяся в его границы.

Рассмотрение предварительных итогов поставленной проблемы уже сейчас позволяет сказать, что исследователей в этом вопросе ждёт много новых и интересных открытий. И последние два десятка лет прочно «вписался» в биоценозы заповедника новый для восточной Камчатки крупный хищник — рысь. Орнитологи заповедника зарегистрировали несколько совершенно новых, ранее не отмеченных на Камчатке видов птиц (чиж, сибирская прихвостка).

Установлено гнездование на территории заповедника таких видов птиц, которые считались пролётными и вообще отсутствующими в этой зоне (морянка, варакушка, кулики, плавунчик и др.).

В деле скорейшего проведения инвентаризации фауны заповеднику нужна помощь извне в порядке хорошо организованных

долговременных экспедиционных исследований и работы постоянных стационаров.

Нам думается, что указанные работы могут взять на себя соответствующие институты Дальневосточного научного центра по договорам научного содружества с заповедником. Прямая выгода для обоих участников подобного содружества очевидна.

Кроноцкий государственный заповедник охраняет исключительно интересный и самобытный участок природы на самом восточном рубеже нашей великой Родины. Интерес к стране огнедышащих гор, кипящих гейзеров и стремительных водопадов возрастает год от года.

Задача — сохранить в нетронутом виде для грядущих поколений красоты и чудеса земли Кроноцкой лежит не только на совести небольшого коллектива работников заповедника, — это дело чести всей камчатской общественности.

*В. Савинов, охотовед, директор Кроноцкого государственного заповедника.
Камчатская правда. — 1973. — № 152. — 30 июня.*

ТИХООКЕАНСКИЙ ОРЛАН

В один из солнечных дней, работая в районе Семячикского лимана, я неожиданно обнаружил гнездо орлана. Признаться, лезть в гнездо для его описания было страшновато. Кто знает — на что способна эта крупная птица, тем более что хищники всегда активно защищаются. Но, пока я добирался до гнезда, белоплечий орлан пассивно летал над лесом, не выражая заметного беспокойства.

Замерить и описать гнездо оказалось не так-то просто: оно занимало всю вершину ствола берёзы. Выход оставался один — забраться прямо в гнездо. Там оказался недельного возраста птенец. Моё внезапное появление он принял с явным недовольством и, отковыляв на край своего жилища, принял угрожающую позу: раскрыл свои ещё короткие крылья, поднял голову и издал негромкий клёкот. Я не стал его трогать руками, а поудобнее усевшись в лотке гнезда, принялся рассматривать его и гнездо.

Диаметр всего сооружения оказался равным 120 см! А уж что говорить о прочности, если оно свободно выдерживало вес человека. Между тем птенец освоился с моим соседством и очень скоро задремал на солнце. Возле него лежали два больших гольца до полуметра каждый и мёртвая утка. Не став более тревожить птицу, я слез с дерева.

Среди крупных хищных птиц в фауне Советского Союза белоплечий или тихоокеанский орлан заметно выделяется своей нехитрой красотой. Чёрно-бурая окраска взрослых птиц с характерными белыми пятнами на крыльях и белым клиновидным хвостом всегда невольно привлекает внимание. Наряд молодых птиц заметно тусклее. Местное население чаще всего называет эту птицу орлом. Однако не стоит путать двух совершенно разных по внешнему виду да и по образу жизни хищников. Из орлов на Камчатке обитает только беркут, от которого белоплечий орлан отличается своей окраской и в частности массивным ярко-жёлтым клювом.

В СССР обитает три вида орланов, но тихоокеанский облюбывал себе территорию Дальнего Востока нашей страны. В лесах нашего полуострова это довольно обычная оседлая птица, в особенности на восточном побережье. Зимой, например, по незамерзающим протокам Семьячикского лимана в Кроноцком заповеднике приходилось насчитывать до 20 птиц на 2–3-километровом пути.

Непривычно видеть, как спокойно сидят эти огромные птицы вдоль протоки, точно поделив её между собой на охотничьи участки, подолгу ожидая добычу. В пище этого хищника преобладает рыба. На морском побережье весной в добычу орлана нередко попадают малоподвижные нерпята, в лесу — зайцы. Из птиц — чаще всего кайры, некоторые утки. Самое трудное время для орланов, как впрочем и для всех оседлых птиц — зима. Количество корма резко сокращается, добывать его труднее. В это время орланы часто голодают, нередко гибнут. В прошедшую зиму, например, в лесах у посёлка Жупаново было обнаружено до полутора десятка погибших орланов и ещё больше беркутов.

Раньше всех птиц на Камчатке начинают гнездиться белоплечие орланы. Ещё в феврале-марте подыскивают они для гнезда старую, не обязательно сухую берёзу, обычно недалеко от нерестового водоёма. В апреле в гнезде появляются 1–2 белых яйца, а в мае из них выклёвываются птенцы в белом пуховом наряде.

У нас в стране уже минула пора, когда изогнутый (кривой) клюв птиц неизменно служил поводом для её уничтожения. В настоящее время отношение к хищным птицам иное. Человек хорошо осознал их роль как санитаров. Очень важно и значение этих птиц как украшения природы.

*Е. Лобков, младший научный сотрудник
Кроноцкого государственного заповедника.
Камчатская правда. — 1973. — № 185. — 9 августа.*

КУРИЛЬСКОЕ ОЗЕРО

Дорога, которая ведёт к красивейшему месту Камчатки, — Курильскому озеру, пролегает по довольно широкой долине реки Озерной, окаймлённой с обеих сторон горными увалами. Вплотную к дороге подступает густой травостой вейника, чемерицы, дудника. На некоторых участках пути встречаются заросли шиповника.

Приблизительно в 10 километрах от озера долина сужается и к дороге подступают заросли ольховника, тальника, рябинника, а трава становится выше. Здесь и на всём протяжении до озера почти сплошной стеной растёт удивительное однолетнее растение — шеломайник, скрывающее с головой не только пешехода, но и всадника.

Чем ближе к озеру, тем долина становится уже, а дорога труднее: то поднимается на увалы, то спускается в глубокие пади. Но вот долина снова расширяется. Впереди, между кустарниками и травой, синее Курильское озеро, окружённое тесным кольцом горных кряжей и вулканов.

Курильское озеро — одно из глубочайших озёр Евразии. Оно имеет вулканическое происхождение, представляя собой заполненный водой кальдерообразный провал, какие довольно часто встречаются на Камчатке и на островах Тихого океана. Высота его над уровнем моря около 150 метров, а максимальная глубина — 309 метров.

Курильское озеро и водоёмы бассейна реки Озерной славятся уникальными лососёвыми нерестилищами. Здесь воспроизводится большое стадо красной, нерестится довольно значительное количество горбуши. Встречаются кета, кижуч, чавыча.

На реке и озере в период нереста почти всегда встретишь медведей. Не прочь полакомиться рыбой и лисицы, соболи, шустрые горностаи. На берегу, вблизи уреза воды зачастую можно обнаружить отверстия — ходы жилья выдры.

Из птиц здесь встречаются утки, чайки и гагары разных видов. А зимой прилетают белоснежные лебеди.

В озеро вдаются высокие скалистые мысы, густо поросшие травой и ольховником, обрывающиеся к воде оголёнными утёсами, которые придают ему суровую красоту. К озеру подступают горные хребты с высокими заснеженными вершинами вулканов.

В северной части озера — его «жемчужина» — остров «Сердце Алаида».

Места эти — неповторимой красоты. Местные названия рек, утёсов, озёр, островов и мысов на озере Курильском связаны с очень красивыми легендами камчадалов, их обычаями и обрядами. Например, пемзовые скалы-осыпи «Кутхины Баты» действительно чем-то напоминают опрокинутые и прислонённые к горе, как бы поставленные сушиться баты древнего воинственного бога Кутхи.

Все, кто побывал на Курильском озере хоть раз, считают, что этот уникальный уголок надо сохранить как прекрасное место отдыха. Действительно, красота озера и его окрестностей, хорошие климатические условия являются серьёзным основанием для такого заключения.

Однако значимость водоёма как важнейшего места воспроизводства лососей и района обитания ценнейших пушных зверей и пернатых стоит выше развлечений. Поэтому из заказника, которым было объявлено Курильское озеро в 1965 году Камчатским облисполкомом, его следовало бы перевести на положение заповедника с запрещением рыболовства (кроме экспериментального) и охоты. В охране нуждаются не только фауна и флора бассейна, но и его чистейшая пресная вода,

*Т. Егорова, кандидат биологических наук.
Камчатская правда. — 1973. — № 185. — 9 августа.*

НА ЗАПОВЕДНОЙ ЗЕМЛЕ

Пароход приходит в Жупаново под вечер. Если вам повезёт и небо не затянуто облака, бывавший здесь ранее турист (а такие встречаются часто) ещё с моря покажет вам островерхую Зубчатку, проведёт мысленную линию вдоль океана и, повернув к склонам вулкана Кихпиныч, загадочно скажет: «Там...» И все, кто окажется в эту минуту рядом, будут всматриваться в размытые дымкой хребты, стараясь угадать местонахождение своей мечты.

Горы — на карте. Их не увидишь сразу. Они раскрываются человеку постепенно, шаг за шагом, они требуют упорства и любви. И тогда места диковинные и уникальные откроются взгляду. Своими секретами поделится старый вулкан Бурлящий. Властно и нежно увлекут к себе фумарольные поля Узона. А главная цель путешествия — загадочная Долина гейзеров, струящаяся на солнце тысячью красок, журчащая и поющая на все голоса — останется в памяти как самый удивительный и редкий сон, который не сказать словами и не объяснить фотографиями. Это надо испытать самому.

И так — из года в год. Девять лет назад к волшебным гейзерам устремилась первая группа туристов. Тогда их было немного: чуть больше пятисот человек. В нынешний сезон — а начался он в июле и закончится в сентябре — с путёвками областного совета по туризму гейзеры увидят две с половиной тысячи туристов.

Крепнут, благоустраиваются приюты. Растёт туристическая база в Жупанове. Накапливается опыт обслуживания туристов. Но сложности маршрута в Долину гейзеров разрешены далеко не полностью. О них — наш разговор.

ТРОПА

Когда Татьяна Ивановна Устинова в сорок первом году в верховьях реки Шумной натолкнулась на гейзер, там не было человеческих троп. Гигантские скалы преграждали путь. Каждый шаг приходилось отвоевывать у диких гор. Близилась зима. Экспедиция повернула назад. И Долина гейзеров, лёжа рядом, за ещё одним поворотом реки, осталась неизвестной людям ещё на полгода.

Сейчас сбиться с 180-километровой кольцевой тропы, проходящей через Долину гейзеров, весьма сложно. Тысячи туристических башмаков создали себе такой твёрдый, похожий на широкий жёлоб настил, что по нему можно двигаться наощупь даже в темноте. Тропа является по сути единственным местом, с которого человек наблюдает окружающий мир. Так ли красива и удобна сама тропа?

Было время, чтобы разжечь костер, люди устремлялись в лес, окружающий их путь. Искали сушняк, рубили живые ветки. По справедливому требованию работников Кроноцкого заповедника — весь маршрут к гейзерам лежит на его территории — на приюты стали завозить дрова. Дороговато, конечно, вертолётном снабжать туристские костры. Но забота о заповедных лесах — общегосударственное дело. Об этом нам напоминает недавний закон партии и правительства об охране природы.

Дрова завозят на приюты, где туристы ночуют. А днём, когда группы обедают? К огорчению, места дневных стоянок на маршруте ещё не определены. Группы останавливаются там, где захотелось инструктору. И повторяется картина, с которой на приютах удалось покончить: горят новые костры, гибнут деревья...

— Оставь стоянку в том виде, в каком сам хотел бы её увидеть, — эта мысль, которую внушает туристам заведующий приютом на Узоне

Михаил Симонов, должна стать заповедью для каждого путешественника. Думать о тех, кто идёт следом, не оставлять за собой банок и бумажек... Красота тропы — воспитание туриста. Путь к чуткой бережливости природы.

Особый разговор — о тропах в кальдере Узон и в самой Долине. Каждая экскурсия по fumarольным полям Узона наносит не только зримый вред хрупкой поверхности кальдеры, но и с точки зрения безопасности не выдерживает никакой критики. Представьте, вас ведут по засохшей корке глины, под которой бушует кипяток!..

Если в Долине гейзеров предприняты первые попытки создать минимальные условия безопасности — построены, пусть примитивно, лестницы, настилы — то на Узоне сделано пока единственное: горячее Банное озеро делит на две части натянутая над ним верёвка — здесь купаться нельзя, там можно.

Но самое печальное, что Долину гейзеров с каждым годом показывают туристам всё хуже и хуже. Закрыт Первенец (история открытия Долины!). Знаменитый тридцатиметровый водопад, гейзеры Тройной и Сахарный в плохую погоду становятся недосягаемыми. Причина одна — не решена, не оборудована тропа.

Обидно за людей, которые, преодолев долгий и нелёгкий путь к камчатским гейзерам, не имеют возможности полноценно осуществить свои надежды: увидеть их во всей красе.

В областной совет пришла бумага из Центрального совета по туризму. В ней говорится, что строить тропу в Долине гейзеров должен заповедник. Странная мысль! Заповедник может и должен, основываясь на мнении специалистов, определить путь туристов по Долине (тропы, сделанные без учёта местности, часто превращаются в овраги). Провести и содержать тропу в качественном виде — обязанность работников туризма. Не заповедник же приглашает в Долину людей!..

Умная и щедрая тропа остро необходима. Она во всей красе покажет людям жизнь гейзеров, обезопасит их путь и, наконец, будет служить охране уникального комплекса как от умышленного, так и случайного вреда.

ЭККУРСИИ

В Долине гейзеров — два экскурсовода: учительницы из Петропавловска Лилия Сахно и Лидия Пушкарёва. По Узону туристов ведёт Нонна Фролова («Нонна с Узона», как ласково прозвали её люди), тоже педагог.

Все они горячо влюблены в природу, стремятся передать свои чувства экскурсантам. Часто путешествие по гейзерам проводит Виталий Николаенко, начальник кордона, «аккредитованный» на постоянное жительство в Долину. Его рассказ особенно впечатляет. Обширные знания сочетаются у Николаенко с умением профессионально преподнести нрав каждого гейзера. «Когда я провёл экскурсию и увидел, что все буквально живут Долиной, чувствую себя счастливым», — признался он.

И всё же знакомство туристов с Долиной происходит в основном поверхностно. И не экскурсоводы в этом повинны. Неделю у гейзеров никого нет. Неделю «загорает» обслуживающий персонал. Но вот ранним утром над ущельем раздаются голоса — и начинается очередное столпотворение. Группы подходят с Плато. Группы спешат с Сестрёнки. В два дня паломничества к гейзерам совершают от 300 до 400 человек. Люди сталкиваются на узкой опасной тропе. Экскурсовод спешит завершить свой рассказ, так как на пригорке сидит новая группа. Добавьте сюда типичную для этих мест слякотную погоду — картина будет полноценной.

Сильный перегруз в отдельные дни испытывает не только Долина, но и Узон, Бурлящий, Ключи. И вся эта резкая цикличность туристского потока в общем-то заранее predetermined, ни для кого не является неожиданностью, потому что исходит из крайне неудачного расписания паромов. Два рейса подряд и затем десятидневный интервал не дают возможности выпускать группы на маршрут равномерно. Совету по туризму совместно с управлением морского пароходства нужно уже сейчас думать о будущем лете. От этого зависит качество обслуживания будущих туристских групп.

Камчатская правда. — 1973. — № 205. — 1 сентября.

ЗАГАДКА КРОНОЦКОГО ОЗЕРА

Это необычное озеро расположено в горах Камчатки, на четырёхсотметровой высоте над уровнем океана. Стенками его огромной чаши, вмещающей 12.400.000.000 кубометров воды, служат вулканы; дно сложено из отходов просыпающихся время от времени земных великанов.

Ительменская легенда гласит: давным-давно, в седую древность на месте озера стояла огромная-преогромная гора, которая однажды, устав от печального однообразия окружающего ландшафта, устав от назойливых евражек, что щекотали подножье, зашевелилась, загрохотала скалами и пошагала в иные места...

Но не было никакой горы на месте озера. Была долина, а может, залив со множеством рек и речушек. И в образовании высокогорного водоёма, полагают геологи, повинны вулканы Кроноцкий и Крашенинникова, вздымающиеся по обе стороны реки Кроноцкой. Извергаясь, эти исполины перегородили когда-то её валунами, засыпали пеплом, шлаком, забетонировали лавой и образовали мощную плотину. Долина же заполнилась водой.

С самолёта озеро напоминает треугольник, из одного угла которого вытекает белая лента реки Кроноцкой. Тихой и безобидной кажется река сверху, но когда стоишь рядом и видишь бешено мчащуюся в узком каменном каньоне массу воды, что низвергается с двухметровых водопадов, грохоча и пенясь, становится не по себе. И диву даёшься гольцам, что умудряются преодолевать эти препятствия с завидной лёгкостью, когда голос природы заставляет их вспомнить о продолжении рода.

Эти сильные и стремительные рыбы поднимаются в озеро. А вот нерке не под силу мощные водопады. Но каждый год приплывают они из моря к плотине, надеясь втайне, что река наконец размоет недоступную стену и поможет ей разводить потомство на нерестилищах своих предков...

Да, до образования плотины нерка постоянно посещала обитель долины среди вулканов. Там было немало озёрков, речушек, заводей с ключами и хорошим галечным грунтом. Это благоприятствовало размножению. Но сейчас красная влачит жалкое существование, поскольку в небольшой реке Кроноцкой нет условий для умножения популяции.

С той стороны плотины, в озере, её собратья оказались не в лучшем положении. Начисто оторванные катастрофой от мира, их окружающего, они вынуждены были приспособливаться к новому бытию ценой многих лишений. Рыбы научились питаться озёрным планктоном, стали много короче, потеряли в весе. Самки теперь мечут икринок в 5–7 раз меньше, чем их предки.

Биология тихоокеанских лососей ещё не до конца выяснена. Но уже то, что известно науке, выделяет их из других пород рыб ярким своеобразием — не очень много найдётся рыб, способных, как лососи, быстро приспособливаться к резким изменениям условий обитания, то есть нести в себе биологическую программу, учитывающую возможные катаклизмы.

Предполагается, что нерка когда-то вообще предпочитала жить в озёрах. Но потом стала расширять свой ареал, вышла в море, где обилие корма позволило ей успешно нагуливаться.

Короче, открыв океан, нерка быстро процветала. И непредвиденные обстоятельства могли отбросить её назад, в древность.

Так случилось на Камчатке в долине среди вулканов многие сотни лет назад.

Учитывая историческое развитие нерки, сомневаясь в устойчивой наследственности этих рыб, биологи надеются, что при благоприятных кормовых условиях кокани (нерка) Кроноцкого озера может со временем опять превратиться в полновесного лосося.

— Для этого, — говорит молодой учёный Камчатского отделения ТИНРО Святослав Куренков, — кокани надо дать возможность выходить в море.

Исследования учёного имеют не просто биологический интерес. Они преследуют и чисто практическую цель — превратить озеро в нерестилище для проходной красной. И это возможно, нужно только построить рыбоход, чтобы могла подниматься в озеро и красная, нерестующая в реке Кроноцкой, и скатившаяся в море кокань.

В освоении нерестилищ озера учёные видят огромные перспективы для рыбной промышленности.

Предполагается, что лет через десять после постройки рыбохода и дополнительных мероприятий, включающих в первую очередь инкубацию икры в озере, появится кроноцкое стадо, не уступающее озерновскому, а, возможно и превосходящее его по численности, способное дать промышленности десятки тысяч центнеров ценной рыбы.

Пока же лососи приходят каждое лето к высоким порогам и, так и не одолев их, откладывают золотистые зёрнышки жизни в скромных заводях реки Кроноцкой, а их собратья в озере вынуждены оставаться в древности.

Л. Пищев.

За высокие уловы. — 1973. — № 105. — 5 сентября.

НУЖДЫ ТУРБАЗЫ

Глава о нуждах могла бы быть очень большой. Потому что камчатский туризм молод. И ему, как и всему новому, ещё расти и расти. Но...

Турбазе нужны люди. Знающие, опытные. Инструктор туризма — тот же учитель. В группу попадают и школьник, и профессор. Руководить ими на природе должны настоящие специалисты.

Совет по туризму не первый год организует весной курсы подготовки инструкторов. Но мало кто из них выходит на маршрут: лето — пора

отпусков, кто-то едет на материк, а тех, кто остаётся на Камчатке, не отпускают с работы их руководители. Нынче на маршруте гейзеров работало пятнадцать инструкторов из Ленинграда. Ребята энергичные, мыслящие. Спасибо им. Но нам всё же необходимы свои мастера туристского дела, камчатские.

Вопрос кадров — это и вопрос жилья. Совет по туризму не имеет жилищной площади ни в городе, ни в Жупаново.

Не всё чётко в снабжении туристов питанием. Рыбкооп зачастую несвоевременно снабжает базу туристов продуктами. Беден ассортимент. Катастрофически не хватает сухарей и галет.

Медленно строится центральный приют в посёлке. Совсем нет пиломатериалов. С прошлого года стоят два дома, которые осталось лишь отделать, но за всё лето строители не прибили к ним ни одной доски. К тому же деревянное строительство — не самое дешёвое и долговечное — далеко не отвечает современным требованиям...

Как ни странно, но знаменитая Долина гейзеров нуждается в рекламе. И не просто в броских цветастых плакатах, призывающих всё бросить и бежать к гейзерам, а в содержательных проспектах, призванных заранее подготовить человека к походу. Нередки случаи, когда появляется на турбазе этакая дама в сапожках и с зонтиком, которая после первого же перехода отказывается от дальнейшего пути и остаётся на горячих водопадах (благо, они недалеко от Жупанова!) до возвращения своей группы.

У нас нет серьёзной методической разработки маршрута, нет описания тропы для инструктора. Отсутствует хорошая карта.

Туристу нужен сувенир. Вопрос этот отнюдь не праздный, так как с одной стороны сувенирным мастерским города предоставится ещё одна тема для поисков и фантазии, а с другой — броский сувенир, ставший неотъемлемой частью Долины, поубавит жажду у охотников за гейзеритом и прочими запретными плодами заповедной земли.

Турбазе пора искать и вводить свои традиции. Необходимо иметь своё лицо не только за счёт уникальных творений природы, но и благодаря творчески разработанному плану всего путешествия.

Камчатскому туризму, наконец, нужно иметь перспективный план, направленный на совершенствование существующего маршрута.

Видимо, есть смысл пересмотреть местонахождение отдельных приютов: расстояния в 30 и более километров, разделяющие их, под силу далеко не всем. Пора подумать о более стационарном облике приютов,

места непрочных палаток постепенно занимать удобными домиками. Пришло время сделать камчатский туризм профессиональным.

ТУРИСТЫ И ЗАПОВЕДНИК

13 августа этого года в лагере туристов на Шумной застрелили медведицу. Согласно акту, подписанному среди прочих старшим научным сотрудником заповедника В. С. Каляевым, «медведица совершила несколько нападений на людей и отбирала продукты у готовивших обед. По ночам постоянно делала попытки залезть в палатки и рвала их».

Трагедия на Шумной — случай исключительный (хотя и не первый), но остро объясняющий, к чему ведут неумные контакты с природой.

Медведицу привело к туристам любопытство. Те, в свою очередь удивлённые доверчивостью зверя, стали кидать ему хлеб, сахар. День за днём люди сознательно приручали медведицу, а когда та переступила границу дозволенного, убили её.

Экзюпери в светлой и мудрой сказке «Маленький принц» сказал: «Ты в ответе за того, кого приручил». Пройдёт время, и новый медведь придёт к людям. И если руководители походов вновь допустят легкомыслие и не станут запрещать туристам подкармливать диких зверей, всё повторится сначала.

Об этом случае надо рассказывать всем, кто собирается путешествовать. Туристов знакомят на базе с правилами поведения на природе. Но хорошо известно: прописные истины редко оставляют в душе человека след. Рассказ о жизни заповедника, его истории, экскурсия по музею (он пока в стадии организации), наконец, личные контакты туристов с учёными, без сомнения, принесут обоюдную пользу.

Подобрело отношение людей к уникальным явлениям природы. Всё реже совершается нападение на гейзерит, всё меньше ран на теле пихты грациозной. Но нет-нет да и случится «ЧП» на тропе туристов. Как же наказывается нарушитель заповедного режима? А никак. Акт за браконьерский поступок туриста составляется на... инструктора группы. Истинный же виновник отделяется ничего не значащим испугом. А не лучше ли заповеднику ввести систему штрафов и наказывать на месте каждого, кто посягнёт на неприкосновенность природы?!

Развитие туризма — это и количественный рост людей с рюкзаком. Но Долина гейзеров у нас одна, и она-то не увеличивается в размерах. Директор Кроноцкого государственного заповедника Владимир

Николаевич Савинов считает, что 3 тысячи туристов за лето — цифра максимальная для Долины и на ней нужно остановиться. Виталий Николаенко поддерживает эту мысль: «Необходимо создать в заповеднике такой режим, чтобы природа могла сама себя лечить».

Когда идёшь в Долину гейзеров и знакомишься на тропе с работниками турбазы и заповедника, чувствуешь, что живут они в дружбе. Да и что им делить, когда забота у всех одна: растить любовь к природе, беречь её во имя людей. Тех, кто вышел на тропу сегодня. Тех, кто увидит гейзеры завтра.

*В. Кравченко, наш спец. корр.
Камчатская правда. — 1973. — № 211. — 8 сентября.*

В СТРАНЕ ЧУДЕС

«Когда-то говорили, что стоит жить, чтобы посмотреть Рим. А мы хотим сказать: стоит жить, чтобы увидеть Долину гейзеров». Такую восторженную запись оставили в книге отзывов туристы из Латвии, побывавшие в неповторимом уголке Камчатки. Здесь всё поражает воображение, и кипящие грязевые котлы, водопады, под которыми можно искупаться, горячие источники, склоны сопки, покрытые буйной растительностью, и суровые скалы. Но особая прелесть Долины — это гейзеры. Впечатление, которое производит уникальный уголок природы, невозможно выразить ни в словах, ни в фотографиях, ни в кинофильмах. Звуки, краски, запахи Долины надо услышать, увидеть и прочувствовать самому. В сказочной Долине каждый поневоле как бы становится участником грандиозного фантастического спектакля.

Лидия Пушкарёва по профессии учительница английского языка. Она решила провести свой отпуск в Долине гейзеров, работает экскурсоводом. Готова часами рассказывать о красотах маршрута, о «характере» гейзеров и горячих источников. И как рассказывать!

Основная профессия Лилии Сахно — учительница географии. Она преподаёт свой предмет в городской вечерней школе № 8. Интересные лекции о природе Камчатки экскурсовода Л. Сахно прослушало за два месяца около тысячи туристов со всех концов страны. Недавно она была гидом студентов из Эстонии, которые провели трудовой семестр на стройках полуострова.

Камчатская правда. — 1973. — № 222. — 21 сентября.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДОЛИНУ ГЕЙЗЕРОВ

Долго горели костры в ту ночь, пожирая запасы дров, доставленных сюда на вертолёте, который арендовала турбаза «Долина гейзеров» на весь сезон. Дорого обошлась эта нерасторопность руководителям.

А какое дело до этого туристу? Его накорми и обогрей. К тому же в палатках было тепло, кто пожалуется? Вместо восьми человек лежало двенадцать, а детей можно было бы втиснуть ещё больше. Да жаль, дети по маршруту Жупаново — Долина гейзеров обычно не ходят, всё-таки маршрут второй категории сложности. Туристы, в большинстве своём впервые надевшие рюкзаки, должны пройти за 12 дней сто восемьдесят километров. Пройти, не вытянув по дороге ноги. А потом им выделяют три дня отдыха.

Такая вот днёвка и предстояла нашей пятидесятой группе. Сходили к фумарольным полям, по тропкам, лишённым даже в самых опасных местах элементарных дощатых настилов, побывали на Дальнем озере, а потом — и делать нечего. Полдня слонялись кто где. Были и недовольные. «Какой же это культурный отдых? Рыбу ловить нельзя: заповедник! К фумаролам снова пойти, получше рассмотреть — одному нельзя: опасно». «Ничего, — успокаивали их бывалые туристы, — чуть стемнеет, инструкторы пойдут чай пить или купаться на озеро, а ты иди куда хочешь... Терпение, брат, терпение».

Долго ждать не пришлось. Словом, каждый сам себе и инструктор, и экскурсовод. Да ведь людей и понять можно: попробуй-ка уследи, что делают двести человек! А какое кому дело, что кальдера вулкана Узон — место, требующее полной заповедности, что водить сюда туристов можно только на экскурсии? Пока же приют стоит в самом центре Узона и «украшает» его своими примитивными строениями из досок и толя, помойками и свежими порубками кедрача.

— Речи о переносе приюта ещё и быть не может, — считает и руководство турбазы, и руководство областного совета по туризму и экскурсиям.

— Перенос нашего приюта из Долины в другое место нам уже обошёлся в копеечку, — говорит председатель областного совета Н. Г. Крамаренко. — В ближайшее время это решать не будем. Есть другие задачи...

Под «копеечкой» Н. Г. Крамаренко подразумевал, видимо, переброску досок от разобранных настилов на Узон, где они два года валяются на тундре бросовым материалом.

Пока решаются другие задачи, нет спору, нужные и важные, уникальное место уничтожается изо дня в день.

Быть может, и Долину гейзеров постигла бы такая мрачная судьба, если бы в своё время Кроноцкий заповедник не настоял на выносе туристского приюта из неё. Настаивать пришлось долго — два года.

Но всё же Долина гейзеров, как и Узон, где вырыто уже пять помойных ям и вскоре появится шестая, заполняется мусором. Как бы помойные ямы ни закапывались здесь, они постоянно вскрываются медведями. Захламлённость мусором всех приютов и промежуточных стоянок постоянно растёт.

Один из пунктов договора между турбазой и заповедником не выполняется из года в год. Тот самый пункт, в котором говорится об обязательстве турбазы вывозить со всех приютов тару из-под продуктов и отходы...

Но давайте пройдем теперь в Долину гейзеров, раз мы уже с вами начали этот маршрут, так красиво рекламируемый. Проскочим, как и пятидесятая группа, приют «Сестрѐнка», где стоят всего семь дырявых палаток без пола, где нет заведующего приютом, роль которого выполняет медведь по кличке Мишка, время от времени появляющийся из тундры, и спустимся в Долину гейзеров.

Не продохнуть здесь от туристов. Экскурсоводы Лилия Сахно и Лидия Пушкарёва нарасхват. Два экскурсовода на двести человек. Пока одна группа, растянувшаяся на полкилометра, поднимается вверх по некоему сооружению из досок, по недоразумению называемому лестницей, другая ожидает извержения «Великана». На смотровой площадке остаётся сто шестьдесят один турист, включая старшего инструктора турбазы Юрия Красильникова. Юрий профессионально чешет затылок: что-то многовато собралось людей на этом месте.

Без благоустройства Долину гейзеров нельзя показывать туристам. И хотя для этого требуются огромные средства, их необходимо изыскать.

На всё, конечно, есть свои причины. На то, что не был доставлен хлеб — нелётная погода. На то, что нет запаса галет, нет свежих качественных продуктов — недобросовестность поставщика. На то, что не организован досуг туристов — непродуманность, на то, что нарушаются правила заповедности — халатность работников турбазы. Быть может, это всё от спешки, от нервного, нездорового ритма, в котором работает турбаза «Долина гейзеров»? Не хватает инструкторов, на тропу часто выходят неподготовленные люди, имеющие инструкторские звания, но весьма далёкие от того, чтобы строго следить за исполнением режима заповедника.

Вот и получается, что на всём протяжении маршрута от Шумной до Жупанова варится в вёдрах уха с лёгкой руки старшего инструктора турбазы Юрия Красильникова, хотя лов рыбы категорически запрещён. Вот и получается, что всё наглее становятся медведи, которых туристы (вопреки правилам!) подкармливают. Кончается это плохо (для медведей). 13 августа на Шумной работникам заповедника пришлось застрелить двухгодовалую медведицу, бывшую любимицу туристов, ставшую вдруг нападать на своих «кормильцев».

Вот и получается, что рубятся деревья, потому что не хватает перекладин для костров.

А правил заповедника туристам не читают. Да и знают ли их все инструкторы?

Короче говоря, пришло время навести порядок.

Маршрут в Долину — не центральный, а областной. Но по популярности он может поспорить с любым всесоюзным. И пусть же он будет во всём под стать красоте, неповторимости, уникальности камчатской земли.

*Константин Подыма, студент
Всесоюзного государственного института кинематографии.
Камчатский комсомолец. — 1973. — № 121. — 9 октября.*

ЗАРОЖДАЕТСЯ ИНДУСТРИЯ ТУРИЗМА

— Мы бесплатно ничего не делаем, — сказал директор турбазы «Долина гейзеров» Альберт Березин и щёлкнул костяшками бухгалтерских счётов, словно поставил точку.

— Но я же не турист, — робко возразил я и протянул собеседнику командировочное удостоверение.

— А нам всё равно, откуда вы и кто вы, — продолжал директор базы. — Вас одного не отправишь по маршруту, значит, надо включать в группу, прикрепить к инструктору. А за это надо платить. В Долине гейзеров вы будете слушать лекции экскурсоводов — за что тоже полагается плата.

Выходило, что здесь, на безлюдном берегу Тихого океана, деньги человеку нужнее, чем в городе. Директор с карандашом в руках подсчитал, если пойти в десятидневный маршрут, это будет стоить свыше семидесяти рублей. Моя командировка была кратковременной, поэтому этот вариант не устраивал.

— Тогда платите за вертолёт, — предложил директор. — Завтра начнём завозить в приюты продукты, попутно и вас подбросим.

Другого выхода не было.

...В Долине гейзеров белокуроый лесник Станислав Тырлышкин немигающими глазами долго изучал мои документы, а затем составил протокол за нарушение заповедного режима. Этот факт пришлось подтвердить собственноручной подписью...

Два факта, свидетелем и участником которых невольно стал автор этих строк. Казалось бы, что между ними нет никакой связи. Мало ли встречается в жизни курьёзов. Я тоже долго пытался убедить себя в том, что эти эпизоды — чистая случайность, очередное невезение и т.д. Но сопоставление их с другими явлениями и фактами неумолимо доказывало, что существует между приведёнными фактами тесная связь, если хотите, они даже выражают одно явление. Какое?

Директор турбазы Березин и лесник Тырлышкин смотрят на туризм и на людей, вовлечённых в орбиту увлекательнейшей и интереснейшей отрасли зарождающейся индустрии, «разноведомственными» глазами. Для одного турист — это источник изымания средств, для другого турист — объект борьбы. Приезжающие в Долину гейзеров, особенно неорганизованные туристы, невольно вовлекаются в орбиту нездоровых отношений, вызванных ведомственным подходом, доведённым до крайности.

Помнится, примерно час увещевал я старшего инструктора Юрия Красильникова, чтобы он разрешил присоединиться к какой-нибудь группе четырём студентам-«дикарям» из Вильнюса. У студентов, как известно, во все времена были карманы и желудки пусты, зато головы полны всяких, порой невероятных идей. Молодые литовцы, имея на каждого по 200 рублей, сумели добраться до Петропавловска и затем до Жупанова. У них оставалось денег только на билет третьего класса до Владивостока. Целый год готовились они к этому путешествию. Целый год мечтали о Долине гейзеров. Казалось, вот она, рядом сказочная земля! Неужели рухнут их планы и мечты? Об этом и о многом другом говорил я старшему инструктору. Но он был непоколебим, как скала.

— Пусть возьмут разрешение в заповеднике, — говорил он.

— Заповедник не даст им бумагу без вашего разрешения.

— Пусть покупают туристскую путёвку.

Получался заколдованный круг, самостоятельно выйти из которого не мог ни старший инструктор турбазы, ни директор заповедника. Не

спешите обвинять их в бюрократизме или в других грехах. Они лишь добросовестно выполняют предписания и инструкции. Вот почему нам важно рассмотреть прежде всего основы новой для Камчатки отрасли индустрии.

Как известно, туризм как самостоятельная область производственной деятельности на полуострове существует с 1965 года. Тогда был создан областной совет по туризму. Заметный толчок развитию отрасли дало второе научное совещание по развитию производительных сил Камчатки, которое состоялось в 1968 году. Крупные советские учёные-экономисты убедительно доказали и закономерность развития туризма, и его экономическую эффективность. Третье научное совещание, определившее пути развития экономики и культуры Камчатки до 1990 года, снова подтвердило верность взятого курса на создание индустрии туризма. Достаточно сказать, что через каких-нибудь 15 лет в нашей области будет свыше 80 тысяч путешественников. Если учесть, что сегодня в области за год около двадцати тысяч человек выходят на маршруты, нетрудно представить темпы развития туризма.

Во многих случаях тропы путешественников пролегают через уникальные уголки природы, например, Верхне-Паратунские горячие источники, Узон. Долина гейзеров по общему признанию является жемчужиной Камчатки. Вот что написали туристы в книгу отзывов, которую ведёт техник-лесовод В. Николаенко. «Убедились воочию, что восьмое чудо света существует. И оно именно здесь, в Долине гейзеров, на Камчатке». Через некоторое время в эти уголки хлынут тысячные толпы людей.

Совместимы ли массовый туризм и уникальная природа? Это не праздный вопрос, а, в конечном итоге, главный, без научного ответа на который немислимо само развитие индустрии туризма. В самом деле, без научной защиты запасов каменного угля, например, нельзя строить шахту. Должны быть достаточно великими запасы руд, чтобы построить металлургический комбинат. Индустрия туризма Камчатки предполагает эксплуатацию красот природы. Чтобы они сохранились на неопределённо долгое время в первозданном виде, необходимо научно установить, какой уровень развития туризма не окажет резкого влияния на окружающую природу.

К сожалению, этими вопросами наука только начинает заниматься. Студент из Иркутска Александр Куликов во время преддипломной практики в Кроноцком заповеднике специально занимался выяснением

влияния туризма на природу. Насколько нам известно, он одним из первых поставил вопрос в этом плане.

Заместитель директора Кроноцкого заповедника по научной части А. Т. Науменко также весьма обеспокоен быстрым развитием туризма на территории заповедника.

— Непонятно, почему туристская тропа должна проходить через реликтовую рощу пихты грациозной? — спрашивал он. — Неспециалист всё равно не отличит её от обыкновенной сосны. Эта роща представляет огромную ценность для науки, но большинству туристов пихта грациозная — обыкновенное дерево, каких в тайге много. Отсюда и отношение к уникальным растениям. Многие стремятся обломить веточку на память. Кроме того, тысячи туристских крепких ботинок за короткий сезон вытаптывают растительность, обнажают почву. Это открывает путь к ветровой и водной эрозии.

Такие же опасения и у техника-лесоведа в Долине гейзеров В. А. Николаенко. Он показывал мне тропы, достигающие в ширину нескольких метров. Здесь не обустроены смотровые площадки, тропы. В некоторых местах уже налицо следы неумелой эксплуатации жемчужины Камчатки. Её вторая часть — наиболее интересная — закрыта для туристов, поскольку опасно водить по такой тропе не обученных альпинизму людей. Что же будет через несколько лет, когда хлынут сюда потоки туристов?

Сотрудники Кроноцкого заповедника требуют от работников турбазы принять срочные меры. Ежегодно заключаются совместные договоры о благоустройстве троп, смотровых площадок. Каждый год они не выполняются. Кое-где Николаенко сам проложил доски, сделал лесенки, чтобы не протаптывались крутые склоны, на которых легко могут образоваться овраги. Но это не выход из положения. Проблему надо решать серьёзно и навсегда.

Состоянием Долины гейзеров обеспокоены и сами туристы. Вот что пишет группа крупных советских учёных. «Для сохранения этой природы и вместе с тем обеспечения её осмотра следует, по нашему мнению, осуществить следующие мероприятия:

1. Узаконить правила пользования природой района.
2. Выбрать, зафиксировать и оборудовать тропы и площадки для осмотра.

Для дальнейшего развития туризма в этом районе следует составить план, а затем и проект оснащения Долины техническими средствами, используемыми для этой цели в Советском Союзе и за рубежом».

Но это лишь одна сторона проблемы — охрана природы и туризм. Факты свидетельствуют о том, что массовый туризм в иных случаях оказывает пагубное влияние и на животный мир района. В этом году на приюте, кажется, Шумный, пришлось застрелить медведицу по кличке Маша. Она рвала палатки, утаскивала рюкзаки с продуктами и вообще вела себя агрессивно. Забавный эпизод, случай? К сожалению, нет.

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 5 за этот год напечатана статья доктора географических наук А. Насимовича. Она называется «В национальных парках Америки: медведи и люди». В ней автор пишет, что обилие пищи в виде отходов, сконцентрированных в нескольких местах, привлекает туда различных зверей. Создалась особая существующая за счёт человека популяция медведей. В национальных парках Америки участились так называемые «конфликтные ситуации» между косолапыми и людьми. Ни к чему не привела и ликвидация свалок. Медведи начали чаще появляться около кемпингов. Часть зверей вышла за пределы парка в населённую местность. Создалась ещё более опасная ситуация, чем раньше: резко повысилась вероятность встречи медведя с человеком. И вот так неожиданно против человека оборачивается природа, если необдуманно её эксплуатировать.

Научный подход в строительстве новой отрасли индустрии в хозяйстве полуострова позволит уменьшить неизбежные в новом деле ошибки и упущения, сохранить сказочную природу полуострова не только нашим детям и внукам, но и более далёким потомкам. Нечёткость инструкций различных ведомств, их несогласованность, кроме отсебятины, ничего породить не могут.

Камчатская правда. — 1973. — № 239. — 11 октября.

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

В первой статье мы коснулись одного из главных вопросов развития новой, зарождающейся отрасли индустрии полуострова, а именно: массового туризма и охраны уникальной природы. Однако для успешного развития любой отрасли хозяйства недостаточно наличие лишь благоприятных природных условий. Нужны ещё средства и квалифицированные кадры. Кто создаёт новую отрасль народного хозяйства? Где и как готовят специалистов? Вот об этом мы с вами поговорим.

Комнаты для инструкторов турбазы «Долина гейзеров» расположены на чердаках деревянных барачных бараков. В одной из них мне пару раз пришлось

переночевать. Убранство комнат, можно сказать — походное. Четыре солдатских койки. Самодельный столик, шестиструнная гитара на некрашенной фанерной стене. У изголовья возле каждой кровати — огромные рюкзаки. Одни парни только что вернутся с маршрута, другие завтра спозаранку поведут группы по туристской тропе.

Мои соседи по комнате — инструкторы, были, как на подбор: рослые и загорелые. От них так и веяло молодостью, силой и удачью. Один из них был родом из Краснодара, другой из Ленинграда. На тяготы и лишения походной жизни они не жаловались и по всему было видать, переносили их легко и привычно. Хотя им приходилось месяцами работать без выходных. Интересные беседы у костра, первозданная и неопиcуемая по красоте природа с лихвой восполняли недостаток житейских благ. Эти ребята познакомили меня с Марией Фёдоровной Смирновой. Она была сухощавая, в поношенных кедах и выцветшей штормовке. На груди у неё был приколот большой значок. Оказалось, что Мария Фёдоровна — крупный специалист в своём деле. Она обходила, без преувеличения, полмира, участвовала во многих сложнейших восхождениях на высочайшие пики Советского Союза. Кроме того, она была участницей международных сборов альпинистов в Австрии, где и получила титул «Королева скал».

По её словам, это почётное звание даёт право работать проводником (по нашей терминологии — инструктором) в любой стране мира. Мария Фёдоровна несколько лет назад работала уже на маршруте Долины гейзеров. Да вот снова решила посмотреть на сказочный уголок природы.

Специалистов, по профессиональному уровню равных М.Ф. Смирновой, не так уж много. Поэтому рассчитывать приходится на молодёжь, которая ещё мечтает и о высоких спортивных разрядах по туризму, и о прочих почётных титулах.

Инструкторы горячо уверяли меня в том, что получить звание мастера спорта по туризму так же тяжело, как слетать на Луну. Сначала надо пройти все ступени, то есть поработать с группой и без неё на различных по трудности маршрутах. Таким образом, если инструктор хочет расти как спортсмен, он не может работать только на одном маршруте. Следовательно, он вынужден кочевать из одной области в другую. В своё время, когда туризм был самодеятельностью, с этим можно было согласиться. Но теперь, когда он превращается в одну из высокоэффективных отраслей экономики, «обязательная» текучесть кадров приходит в противоречие с действительностью. К сожалению, в камчатском туризме пока дело обстоит именно так.

С другой стороны, сейчас уже в оценке профессионального уровня того или иного специалиста по туризму недостаточно учитывать только его спортивные качества. Они необходимы, важны, но вряд ли могут быть основополагающими. Сегодня особое значение приобретает культурный и общеобразовательный уровень инструктора. Образно говоря, инструктор, подобно мастеру на заводе, должен стать организатором производства.

Предстоит ещё и создать стройную систему подготовки кадров для новой отрасли индустрии полуострова. В настоящее время некоторые инструкторы ставят перед собой задачу односложную или даже элементарную: быстрее пройти дневной маршрут. Его мало волнуют такие «тонкие» вещи, как желание некоторых полюбоваться лесной тишиной, насладиться ароматом цветов и т.д. Многих туристов, естественно, это не устраивает, поскольку они меньше всего мечтают достичь спортивных вершин. Им важно всё увидеть, прочувствовать. Тем более, что значительная часть группы далеко не в спортивном возрасте. Мне рассказывали, что в этом году одному из туристов было ровно семьдесят лет, и он успешно преодолел довольно сложный маршрут длиной в 180 километров. Правда, желающих пуститься в длительное путешествие с рюкзаком за плечами среди семидесятилетних — считанные единицы. Основную массу туристов составляют люди средних лет.

Предстоит ещё создать систему подготовки таких кадров для развивающейся отрасли индустрии полуострова, которые бы могли с размахом и на научной основе организовать дело. Где и как сегодня учат инструкторов? При областном совете по туризму зимой работают семинары. Туда могут поступать по рекомендации профсоюзных комитетов все, кто достиг совершеннолетия. Ежегодно в нашей области квалификацию инструктора по туризму получают более тридцати человек. В то же время летом только на маршруте Долина гейзеров требуется шестьдесят специалистов. Около половины окончивших курсы по различным причинам на маршруты не выходят. Это ещё более обостряет проблему кадров.

Молодой специалист любого профиля, окончивший вуз или техникум, обязан отработать по месту распределения определённое законом время. На выпускников курсов инструкторов это положение не распространяется. Отпустят человека с основной работы, он при желании будет работать инструктором. Если нет, то, как говорится, на нет и суда нет. Вот почему областной совет по туризму вынужден приглашать

из разных концов страны ежегодно десятки инструкторов. Некоторые из них недостаточно хорошо знают правила туризма на заповедных территориях. Это одна из причин возникновения конфликтных ситуаций с сотрудниками заповедника.

Техник-лесовод В. Николаенко, которого за особое усердие в защите природы туристы называли — «королём» Долины гейзеров, рассказывал о многих фактах, когда туристы рубят лес, самовольно прокладывают новые тропы.

— И наказать я виновника не могу, потому что его надо поймать за руку, — говорил он с горечью.

Тут мы должны остановиться на одной проблеме, без решения которой вряд ли возможно развитие массового туризма. Это благоустройство маршрута. Все знают, что несмотря на свои богатейшие природные особенности, Камчатка всё-таки остаётся малонаселённым и суровым краем земли. Летом часто идут холодные дожди. Плотная завеса тумана нередко укрывает сопки и распадки. Промокшим до ниточки путникам надо обсушиться, согреться. Что им предлагается на маршруте? В лучшем случае палатки и костёр в приютах. Но они расположены друг от друга в тридцати километрах и больше. Что делать инструктору? Он вопреки своему желанию идёт на нарушение правил заповедника.

Правда, за последние годы лёд тронулся. По требованию Кроноцкого заповедника областной совет по туризму начал завозить дрова на приюты... вертолётom. Это очень дорого (250 рублей за кубометр), но пока других путей нет. «Дрова нужно заготавливать и на привалах», — требуют сотрудники заповедника. «Это очень дорого», — возражают руководители турбазы. В конечном итоге из-за тяжбы двух организаций разных ведомств страдают туристы. Необходимо отметить и тот факт, что областной совет по туризму получает немало дохода за эксплуатацию маршрута — 11 тысяч 600 рублей. Свыше 150 тысяч рублей прибыли — таков итог деятельности камчатской индустрии туризма за прошедший год. Следовательно, есть и средства, и смысл вкладывать деньги в развитие этой отрасли. Следует, по нашему мнению, научно определить также стоимость путёвки для развития массового туризма.

Правда, и при нынешних довольно высоких ценах (72 рубля) количество туристов на турбазе «Долина гейзеров» неуклонно увеличивается. В прошлом году на этом маршруте побывало 1.000 человек, в этом более двух тысяч. Но до каких пределов будет увеличиваться количество туристов?

Надо отметить и тот факт, что планы обслуживания туристов из года в год не выполняются. Каковы причины этого явления? Видимо, этот вопрос задавали руководителям областного совета и работники Центрального совета по туризму. В объяснительных записках к годовым отчётам наши земляки написали, что недостаточно использовалась реклама. Трудно с этим согласиться. За два последних месяца «Камчатская правда», например, о Долине гейзеров рассказывала раз десять. Неплохие материалы передало в эфир о развитии туризма и Камчатское телевидение. Следовательно, причины невыполнения планов куда сложнее. Немаловажные из них заключаются в плохом обустройстве турбазы и приютов, недостаточно чёткой организации туризма и многом другом.

Словом, проблем развития индустрии туризма много. Решать их надо комплексно, но выделив при этом самую главную — подготовку кадров для новой быстро растущей отрасли хозяйства.

А. Галимов.

Камчатская правда. — 1973. — № 248. — 21 октября.

В КАЛЬДЕРЕ УЗОНА — СТРАНЕ ЧУДЕС

Имя Владимира Супрычева, кандидата геолого-минералогических наук, старшего научного сотрудника Института минеральных ресурсов Министерства геологии Украинской ССР, читателям «Камчатской правды» знакомо. Это лето он провёл на Камчатке, занимаясь изучением самоцветов полуострова. В нашей газете были опубликованы две его статьи «Камчатские самоцветы», и «Иолиты — "кипящие камни"». Сегодня начинаем публиковать ещё одну статью, специально написанную им для нашей газеты.

17 АВГУСТА 1973 ГОДА

Уже полмесяца наш геологический отряд работает на Камчатке. За прошлую неделю мы изучили Долину гейзеров и её окрестности. Теперь у нас намечен маршрут в вулканическую впадину — кальдеру Узона. Палатки и снаряжение оставляем в Долине на попечение нашего рабочего Володи, русоволосого бородатого парня из Петропавловска.

В маршрут выходим четвером. Моими спутниками являются научные сотрудники Всесоюзного института геологии нерудного сырья из Казани — кандидат наук Игорь Гузиев и Сергей Маслов, а также местный опытный геолог Узонской геологосъёмочной партии Зинаида Соколова.

Игорь более 10 лет работал геологом на Камчатке и уже бывал во многих уголках этого красивого и сурового края. Сергей в прошлом году со своим «шефом» доктором наук А. С. Михайловым проходил Узон. Зинаида и я впервые готовимся к встрече с этим уникальным уголком камчатской земли. Здесь столько чудес, что, кажется, наступит момент — и перестанешь удивляться. Неужели может быть что-либо красивее и волшебнее Долины гейзеров?

Тропа круто идёт в гору, петляя между корявых берёз. Удивительно светел камчатский берёзовый лес. Яркостью красок поражает подлесок: красные чашечки цветущего шиповника, лазуритовые и фиолетовые ирисы, жёлтые цветочки курильского чая, лиловые заросли герани луговой, белые цветочки-рюмочки кастении, даже цветущий чертополох повыбросил свои головки, чтобы показать всем, что и он хорош. Без конца пересекаем речку Сестрёнку, приток Гейзерной. В лесу много грибов, но на них нам просто некогда обращать внимание. Вот нашли выход интересных горных пород, сложенных чёрным и зеленоватым вулканическим стеклом. Справа и слева белеют пятна снега, кое-где он просто не успевает стаять за короткое камчатское лето. На безлесье целые заросли вечнозелёных рододендронов. Это реликты неогенового периода, которые пережили и эпохи оледенений, и катастрофические извержения вулканов. Ровно год назад я собирал рододендроны на склонах Эльбруса, а теперь беру на память камчатские.

Вышли на перевал, где туристы сложили тур из камней. Впереди открылся во всём величии грандиозный вулкан Тауншиц, видны уже скалистые склоны Узона. Справа подступает прямо к тропе гора Останец, внешне похожая на руины крымского древнего вулкана Карадага и на развалины закарпатского Хустского замка. По каменным осыпям спустились к ручью, берега которого поросли непроходимым кедрачом. На привале Сергей в консервных банках варит чай (у него есть свои секреты приготовления этого напитка). Зинаида разложила топографическую карту, аэрофотоснимки и описывает маршрут. Игорь разделся, радуется солнцу и делает зарядку по системе йогов, а я собираю полевые цветы для походного «стола».

Накрапывает дождь. Вброд переходим одну речку, потом вторую. По горам — по долам вверх, вниз — и вот открылся легендарный Узон. Масса зеркальных озёр, струи пара поднимаются к небу. Хлюпаем по холодному болоту, проваливаясь почти до колен в коричневой жиже. Подходим к приюту туристов. Нас встречает Нонна Фролова, местный

экскурсовод на время летних школьных каникул, она учительница географии из Петропавловска. Придирчиво проверяет наши документы, пропуска и указывает на палатку с деревянным полом, где мы можем разместиться.

Вечером бежим купаться в Банное озеро. Вокруг клокочет горячая вода, булькает, вырываясь на волю, сероводород. У озера табличка с надписью, что вода здесь 35–40 градусов, нырять и плавать нельзя. Погружаемся по горло в горячую воду, кислотоватую на вкус. Светит луна, на звёздном небосводе плывут редкие облака. Если смотреть через горячие испарения на луну, то виден вокруг неё радужный ореол, огромное гало. Поистине волшебство. Слов нет — всё изумляет своей совершенной необыкновенностью. Кажется, будто слышно жужжание планет в мировом пространстве, о котором писали древние эллины.

18 АВГУСТА

Рано утром, пока не подошла очередная группа туристов с приюта «Вулкан Бурлящий», Нонна Фролова ведёт нас, а также работающий здесь отряд из Института вулканологии и группу биологов из Владивостока на экскурсию по фумарольным полям Узона. Вокруг струится пар и газ, окутывая нас своей пеленой. Идём по раскалённому илу, кругом взрываются грязевые микровулканчики, похожие на те, что есть на Керченском полуострове. Они поражают правильностью пирамидальных очертаний. Потресканная, в шрамах земля. Кипят грязевые котлы. Вот один из них ритмично выбрасывает из чрева грязевые «цветы», похожие на розы, каллы, маки. На озерах и лужицах бирюзово-жёлтые пятна и плёнки серы и сульфидов. Дно фумарольного поля покрыто новообразованиями различных минералов: игольчатые кристаллики серы, алюмокалиевые белоснежные квасцы, «золотая» озёрная галька, окутанная тонкой плёнкой марказита и мельниковита, близких родственников минерала пирита — сульфида железа. Проходим «Колдовское место», «Шабаш ведьм», «Сковородки чертей», где кипит, клокочет вода на мелководье. Заросли папоротников, высокая трава, берёзы, кедрач, и вдруг впереди столб пара, словно джинн вырывается из бутылки. Пейзаж чем-то напоминает волынское Полесье: кажется, что из озера сейчас выйдут русалки и начнут свои чародейские игры и танцы. А что это за чудо такое? Струящиеся, нежные, как девичьи локоны,

водоросли — термофилы из семейства сине-зелёных. Правда, по цвету они желтовато-оливковые, белёдые и лимонно-жёлтые. Живут они до температуры кипения воды, колышутся от течения ручейка, удивляя прохожего своим необычным видом и красотой.

Вся эта местность, как и Долина гейзеров, издавна считалась у коренного населения гиблым, колдовским местом. Горячая земля, клубы пара, бурлящие грязевые котлы с горячей засасывающей глиной... Конечно же, это обиталище злых духов и нечистых сил. Охотники стороной обходили эти опасные и пугающие неприветливые места. Иногда коряки и ительмены, охотясь за снежными баранами, соболями или на проснувшегося от зимней спячки медведя, случайно оказывались в здешних краях. Снежный наст, достигающий здесь в результате надува ветра толщины 20 метров, неожиданно проваливался, и гибли под снегом и в грязевых котлах собаки упряжки. Клубы пара, клочкотанье земли, подземный гул, фыркающие источники, горячие воды и страшные запахи пугали охотников, и они мчались прочь от колдовского места. На корякских стойбищах передавалась из уст в уста такая легенда. Нонна узнала её от одного учителя из посёлка Козыревска, а тот слышал её от старого охотника-коряка. Вот эта легенда, которую я передаю по памяти.

...Среди скалистых гор, поднимающихся до туч, в тёплой долине на берегу озера жил всемогущий и грозный Узон. На скале стоял его каменный дворец. Узон не делал зла ни зверям, ни людям, которых всегда сторонился. Он могучей рукой останавливал стадо оленей на полном скаку, которое вожак тащил за собой в пропасть во время метели. Когда из трещин скал вырывался наружу огонь, Узон прикрывал его своими ладонями, чтобы не сгорел лес. Надоело Узону жить отшельником со своими безропотными слугами. Рассказал ему как-то горный орёл, что видел в одном стойбище рыбаков и охотников на берегу океана девушку-красавицу. Превратился старый Узон в стройного рослого юношу и отправился искать девушку. Много обошёл он рек, озёр, гор и лесов, пока в одном из стойбищ не приметил красавицу. Из юрты вышла девушка, перед красотой которой меркли все камни-самоцветы и яркие цветы владений Узона. Глаза у неё были чёрно-синие, как ягоды голубики, брови вразлёт — два пушистых соболя, а губы — две красные сочные клюквы. Вся одежда её колыхалась от дыхания и лёгкого движения юного тела. Незаметно похитил Узон корякскую девушку Ноюн и привёл в свои чертоги. Ноюн, как и все красавицы, была не только ослепительно хороша, но и капризна. Скоро ей захотелось уйти назад к людям.

Долго уговаривал её Узон остаться, но вынужден был отступить — разве переспоришь женщину? Простёр свои могучие руки Узон — и раздвинулись высокие горы, а Ноюн превратилась в извивающуюся, бурную и красивую речку Шумную с ледяной водой. Как только она домчалась до людей, тут же рассказала им о своём повелителе и его колдовских владениях. А этого как раз и нельзя было делать. Сразу задрожала земля, взметнулись к небу языки пламени, потекли огненные реки, образовались трещины и провалы в земле. Все владения Узона погибли, провалившись в земную пучину. Остались только руины бывшего «дворца» да застыли вокруг окаменевшие слуги. В подземелье ослепший садовник-скульптор до сих пор делает чёрно-серые цветы и непрерывно выбрасывает их на поверхность. Плещется озеро Дальнее — невыплаканные слёзы Узона. Над всем погибшим скорбит горный пик Бараний Лоб...

Вот и прикоснулись мы к легенде. Вечером на лошадях к нашему приюту прискакала Маргарита Фролова — геолог Кроноцкого заповедника вместе со студентом-практикантом Сашей из Владивостока. Мы с ними уже были знакомы, встречались на базе Узонской партии неподалеку от посёлка Жупанова на берегу океана. Отряд этой геологической партии сейчас работает на склонах вулкана Бурлящего. Завтра Зинаида Соколова отправится туда, чтобы достать нам лошадей.

Камчатская правда. — 1973. — № 287. — 9 декабря.

С восходом солнца уходим с Игорем и Сергеем в маршрут. Солнце подрумянило кольцо гор, обступивших кальдеру. Идём по настоящей тундре: карликовые берёзки, жёлтый и белый ягель — олений мох, красная кровохлёбка, кустики голубики и шикши. А вот и росянка — насекомоядное растение. Но комаров и мошек здесь столько, что росянки просто не успевают их «пожирать».

Продираемся сквозь кедрач. И вдруг внизу открывается очередное чудо — кратерное озеро Дальнее. Огромная чаша, представляющая собой воронку взрыва вулкана, заполнена прозрачной, как на Байкале, водой. Посредине — лесистый остров, где гнездятся чайки. Зелёные берега и вершины окрестных гор отражаются в зеркальной воде. На плёсе валяются куски ноздреватой, как пчелиные соты, пемзы чёрного цвета. Бросишь кусок в воду — сразу не тонет. В лучах солнца искрятся снежинки. Слушаем тишину. Пелена тумана быстро уходит вверх, открывая нам озёрную красу. Вдали видим двух плавающих лебедей. Игорь стрекочет,

как кузнечик, кинокамерой, а у меня замирает сердце от невиданной красоты и от встречи с белыми гордыми птицами.

Наш путь лежит на гребень гор, где надо обследовать породы отрогов вулкана Узона. По распадку поднимаемся всё выше. Трава доходит до груди. Роса ещё не сошла, и мы бредём совершенно мокрые. Вот и вышли на холмистое плато, напоминающее крымскую яйлу. Здесь все деревья какие-то миниатюрные. Мы, как великаны из сказки, перешагиваем через ряды карликовых берёз, ольшаника и кедрача. Почему-то они растут рядами, хотя их никто здесь не сажал, видимо, это ветры выстроили деревца в правильные ряды.

Отобрали образцы пород. На снежнике видели чёрную пугливую росомаху, это зверь из семейства куньих. Неожиданно наткнулись на дикого оленя. Но не успели его как следует рассмотреть и сфотографировать: лесной красавец мигом умчался прочь.

Поднялись на вершину Бараньего пика, взметнувшегося на высоту 1.540 метров. На скале камнями привалены оленьи рога. Над нами высоко в небе парит ворон. Открывается, как из иллюминатора самолёта, дивная картина. Вдали виднеются огромное Кроноцкое озеро, снежная сопка гиганта вулкана Кроноцкого, весь горизонт обступили громады вулканов Тауншица, Кихпиныча... А вон конус Карымского вулкана и гряда Зубчатки, рукой подать до развалин Узона. В морщинах гор ослепительно белеют снежники. Видно километров на пятьдесят в округе. Над Тихим океаном стелется целое море облаков. Некоторые из них зацепились за остроконечные пики вулканов, создавая впечатление настоящего извержения. Далеко внизу фумарольные поля кальдеры Узона. Кальдера (в переводе с испанского — котёл) — это огромная чаша-впадина, образовавшаяся в результате обрушения кровли над магматическим очагом, который истощился и опорожнился во время извержения и излияния лавы на поверхность.

Вдруг неподалёку на лесной поляне мы увидели девушку с огромным сачком. Мы уже так привыкли к чудесам, но здесь просто ахнули. Если бы встретили снова медведя или россыпь самоцветов — удивились бы меньше. Подходим ближе. Сероглазая красавица спокойно себе ловит бабочек и складывает их в какие-то колбочки, нисколько не обращая на нас внимание. Познакомились. Это энтомолог Кроноцкого заповедника Людмила Лобкова. Спрашиваем, откуда взялась в этих краях? Оказывается, она сегодня прилетела сюда на вертолёте, уговорив знакомых лётчиков. Решила сделать сюрприз своему мужу. Её Евгений уже больше

месяца на берегах Кроноцкого озера вместе с рабочим отстреливает разных птиц, снимает с них шкурки. Потом отправят их в зоологический музей Московского университета, где из них сделают чучела. Евгений Лобков — орнитолог заповедника. Два года назад эта молодая семья закончила биофак Горьковского университета и по направлению приехала работать в Кроноцкий заповедник, самый большой в Советском Союзе. У Евгения днями должны кончиться продукты, и он непременно выйдет к приюту «Узон», где и встречается его жена. А дальше в Жупаново они пойдут своим маршрутом, изучая птиц и насекомых. Раньше я как-то не очень замечал бабочек, а благодаря Людмиле встречаю чуть ли не на каждом шагу. Я ей рассказываю о камнях, а она мне — о цветах, травах, бабочках и птицах. От неё узнал, что на Камчатке, оказывается, нет вовсе змей и ящериц, нет и привычных нам воробьёв. Людмила рассказывает больше не о себе (занимается она изучением насекомых каменных березняков), а всё о Евгении и его делах. Женя как-то подстрелил сокола-кречета, который был окольцован в Америке. Неужели эта птица могла перелететь Тихий океан, а может быть, её путь на Камчатку лежал через Аляску, Берингов пролив и Чукотку?

Вместе возвращаемся в приют. Вечером были грибной суп, кисель из голубики, крепкий чай, костёр, рассказы и песня под гитару, на которой виртуозно играл наш Сергей.

20 АВГУСТА

Утром обследовали гору Белую. Её назвали так по цвету горных пород, которые обелились под действием фумарол. (Здесь я слышал вопрос одного туриста: «Где тут у вас сольфатары и фурункулы?». Имелись в виду фумаролы — выделения горячих паров из недр). Гора сложена дацитовыми породами, белыми от новообразований каолина, а этот минерал и цеолиты — антиподы, они просто «терпеть» не могут рядом друг друга, образуются при разных условиях и поэтому не встречаются совместно.

С Игорем и Сергеем отправились по фумарольным полям собирать минералы. Шагаем среди разноцветных источников. Между кипящих и бурлящих фумарол бегают юркие кулики. Нам сейчас не до птиц и бабочек. Здесь просто рай для минералога и геохимика. Я не успеваю удивляться. Рюкзак становится всё тяжелее от образцов. Но всего не отберёшь. Стараюсь больше фотографировать и главное, запоминать.

Обжигая пальцы, собираю чечевичные и гольчатые кристаллики серы у выхода фумарол. В сере, как в подсолнухе или росистом лютике, вся желтизна света. Я ничего не знаю желтее серы. Всевозможные кристаллики и корки алюмокалиевых квасцов. Такие хрупкие, что не унесёшь. Надо бы здесь иметь микроскоп, ведь тут наверняка немало есть новых минералов и минеральных диковин. Отбираем пробы горячего ила, кругом булькает кипятик. Рентгеновский анализ покажет, есть ли в иле цеолиты. Они должны здесь быть.

Решили искупаться в одном тёплом озере. Игорь руками нащупал на дне шершавую глыбу, вытаскивает — гейзерит. Значит, совсем недавно здесь извергались гейзеры. Ноздреватые гейзериты очень красивы и напоминают кальцитовые цветы и травертины крымских карстовых пещер. Я нырнул и вытащил глину с оранжево-жёлтыми и киноварно-красными подтеками. Вот чудо! Да, это же реальгар и аурипигмент — редчайшие сульфиды мышьяка. Я их прежде видел на месторождениях Армении и Якутии, а тут эти минералы образуются прямо сейчас. Из глубин земли горячие растворы выносят не только капельки нефти, но и мышьяк, сурьму, ртуть и другие элементы, которые соединяются с сероводородом и выпадают на дне озера в виде плёнок и корок сульфидов. Здесь сейчас образуются барит, гипс, алунит, опал, натролит, стильбит и многие другие минералы. Естественная лаборатория минералообразования, где царствуют законы геохимии. От сероводорода и горячей воды немного кружится голова и щиплет сердце, но радостно, что мы бывали в лаборатории природы.

Камчатская правда. — 1973. — № 293. — 16 декабря.

Через бурелом, валежник, заросли папоротников и зонтичной пучки пробрались к озеру «Восьмёрка», по очертаниям похожему на цифру 8. Озеро сильно усохло, обнажив фиолетовые и розово-жёлтые глинистые берега. Кругом полно следов медведей. Вот здесь только что прошла медведица с медвежонком. След одной лапы по длине почти равняется половине ручки геологического молотка — это 60 сантиметров.

Фотографируем грязевые котлы и вулканы. На берегу озера я заметил странное сооружение, похожее на печь, какую можно увидеть в любом русском или украинском сельском дворе. Даже из «трубы» валит «дым». Подхожу ближе — это грязевой действующий вулкан такой странной формы. Чудеса просто на каждом шагу.

Вдали показалась всадница на белом коне, за ней бежит ещё лошадь с пегим жеребцом. В бинокль видим — это скачет наш геолог Зинаида Соколова. Значит нам сегодня возвращаться в Долину гейзеров. Упаковываем образцы, купаемся на прощание в «Банном» озере и выючим лошадей.

Нонна Фролова подходит ко мне с «Книгой отзывов». Этого экскурсовода, влюблённого в Узон, туристы давно дружески называют «Нонна с Узона». В книге ей пишут не только благодарности за интересные живые рассказы и экскурсии в Узонию — страну чудес, но и оставляют свои стихи и рисунки. Я пишу в книгу Нонны своё «Слово к Узону».

— Я знаком с тобой всего четыре дня, я разглядываю тебя в утренней дымке, в солнечном радужном сиянии летнего дня и в звёздную полночь. Красота у тебя особенная, не броская, как у Долины гейзеров, не приметная сразу, а какая-то тихая, прикрытая тенями облаков, тяжёлыми жёлтыми парами, морщинами холмов, рощами лесов, пятнами тундры и разливами озёр и болот. Но стоит присмотреться к тебе, Узон, повнимательнее, и ты надолго очаруешь и покоришь путника.

Если меня спросит, какой ты, Узон? Я отвечу — ты очень разный. Узон — это чёрная редкая жемчужина в сверкающем ожерелье зелёных, скалистых и заснеженных гор. Красавица Нююн, умчавшаяся к людям холодной речкой, оставила здесь своё горячее сердце. Оно до сих пор бьётся, пульсирует в преисподней, согревая землю и воды. Земля стонет, клокочет, выпотевая белыми квасцами, кровавым реальгаром, жёлтой серой и налётами пирита.

Мне нравятся твои мягкие краски, Узон: оранжевые берега озёр, пронзительно-зелёный изумрудный мох, певуче-синие ирисы и голубоглазые незабудки, бирюзовая вода твоих озёр и хрустальная чистота ручьёв и речек. Мне приятны и радуют слух названия твоих трав и цветов, словно пришедшие из русских былин, — василисник и княженика, кастения и золотарник.

Почему твоё самое прекрасное озеро называется Дальним? Какое же оно Дальнее, если до него рукой подать — это же Хрустальное озеро! Почему ручей твой с зелёной плесенью водорослей и отдалённо не напоминающий радостный, луговой, шелковистый малахит-самоцвет, называется Малахитовым? А волшебное озеро с горячей водой, разве оно «Банное», это же настоящая «Христианская купель»! А «Бараний лоб» вовсе не лоб, а красивая вершина «Кругозор», откуда видны сам океан и цепь вулканов, взметнувших свои головы до самых небес.

Я узнал кое-какие твои тайны, Узон, я подслушал твою тишину, я умылся твоей росой, ладонями собирал твою дымку. Частицу тебя я уношу не только в своём рюкзаке, но и в своём сердце. Тебе повезло, Узон, что у тебя есть верная поклонница твоей красоты Нонна, похожая на твою Ноюн. Я запомню её яркие рассказы, полные эмоций, восторга и любви к тебе.

Ну, до новых встреч, страна из сказки — Узония! Пусть днём и ночью, зимой и летом кипят твои котлы, пусть снова пробудятся твои уснувшие гейзеры, пусть вовремя распускаются красивые цветы на твоих склонах и порхают бабочки, пусть всегда прилетают к тебе в гости белые лебеди и пусть люди не перестают радоваться твоим чудесам и удивляться твоему величию и красе, открывая постепенно все твои вековечные чародейские тайны...

*В. Супрычев, старший научный сотрудник Института минеральных ресурсов МГУ СССР, кандидат геолого-минералогических наук.
Камчатская правда. — 1973. — № 298. — 22 декабря.*

1974

МИШКА НА КОРДОНЕ

Возвращаясь с полевых работ, я остановился на кордоне «Горячие Ключи», где живут лесники Кроноцкого государственного заповедника И. Г. Кириленко и Т. Б. Раимов. Кордон построен в глубокой балке с крутыми склонами, по дну которой и бежит горячий ручей. Рядом с кордоном расположена гостиница, где отдыхают жители посёлка Жупанова. В это время в гостинице находился лесник заповедника В. Н. Рыжкин, направляющийся на туристический приют «Река Шумная».

Я знал, что на кордон приходил небольшой медведь в возрасте полутора лет и лазил там по ямам с отбросами. На мой вопрос о медведе Рыжкин засмеялся и рассказал мне такую историю:

— Последнее время медведь повадился забираться на кухню, где оставались продукты и приготовленный завтрак. Окно на кухне выставлено, но дверь закрывалась. Вот через окно медведь и проникал на кухню. Своими визитами он так надоел отдыхающим, что кто-то предложил посыпать перцем подоконник. Следующим вечером мы насыпали перца и стали ждать медвежонка. Около полуночи появилась тень, которая уверенно проследовала к кухне. Затаив дыхание, мы наблюдали. К нашему удивлению, медведь никак не прореагировал на перец и влез в окно. Несколько минут было слышно сопенье медведя, и вот в проёме окна показалась морда зверя, который медленно обнюхивал подоконник. Вдруг, по-видимому хватив перца, медведь резко тряхнул головой и отпрянул назад. Затем он как пуля вылетел через окно, но и тут его ожидала неприятность. Под окном стояли носилки с пищевыми отбросами

и пустыми банками. Выпрыгнув, медведь наступил на край носилок, отчего противоположный конец поднялся и больно ударил его по спине. Медведь взревел и в считанные секунды оказался на вершине балки, откуда долго слышалось его жалобное ворчание.

— А сейчас он ходит? — спросил я.

— Да нет, уже две ночи спим спокойно, — ответил лесник, улыбаясь.

В эту ночь медведь не приходил, но, по рассказу Ирины Кириленко, через несколько дней он появился в расположении туристического приюта, наверху балки; на кухню больше не заглядывал.

*В. Каляев, старший научный сотрудник
Кроноцкого государственного заповедника.
Камчатская правда. — 1974. — № 16. — 19 января.*

ЕЁ ОХРАНЯЛА ЛЕГЕНДА...

«...Оной лес у камчадалов как заповедной хранится...» Так писал С. П. Крашенинников о пихте более 200 лет назад. В то время пихтовый лес располагался на южном берегу Семячикской губы по низменным холмикам. Спустя 100 лет К. Дитмар, исследовавший восточное побережье Камчатки, пишет, что «фитогеографическая достопримечательность Камчатки — замкнутый лесок прекрасных высоких хвойных деревьев безо всякой примеси других — стоит на берегу западного залива небольшого озера и не превосходит 2–3 вёрст в окружности».

Более 100 лет прошло со времени путешествия К. Дитмара. Изменился рельеф местности, значительная часть озера-лимана превратилась в болотистую пойму, «заливчик с хвойным лесом обособился в озеро с зеркалом воды не более двух гектаров, носящее имя Пихтовое», с топкими берегами и «окнами», жаждущими поглотить неосторожную жертву.

Много воды утекло в океан через соседствующий с западной стороны рощи ручей Пихтовый, много информации о роще растеклось и растекается по многочисленным каньонам печати. Однако до сих пор само её существование остаётся загадкой.

Как смогла природа на протяжении по меньшей мере тысячелетий сохранить в незыблемости зелёную жемчужину края?

Сколько поколений пихтовых собратьев сменили друг друга, формируя свой особый, отличный от окружающего микромир, претерпевая невзгоды стихии, приводя в восторг, а в былые времена — в трепетное

поклонение местных жителей и путешественников! Немногие старожилы по рассказам знают, что камчадалы не «только рубить пихтовый лес, но и прикоснуться к нему не смели; ибо уверены они преданием стариков своих... что всяк, кто б не дерзнул им прикоснуться, бедственной смертью скончается». Сколько мудрости было в человеке, изложившем эту легенду, сколько прозорливости и ответственности перед потомками. Возможно, не знал он, что этот участок через века послужит эталоном природы, заставит задуматься над вопросом воспроизводства хвойных лесов на восточном побережье Камчатки, станет образцом саморегулирования компонентов растительных сообществ. Скорее интуитивно, чем сознательно люди чувствовали — рощу надо хранить. И хранили её веками.

Особой заботой и вниманием окружена пихтовая роща в наши дни. Строгий режим заповедности, полная неприкосновенность и стремление «выспросить» о тайнах истёкших веков, живыми свидетелями которых были многие ныне здравствующие деревья-исполины. Мало кому из них удалось «лицезреть» С. П. Крашенинникова — только единичные отмирающие стволы имеют возраст 250 лет. Но К. Дитмара пережило большинство. Именно к моменту посещения Камчатки К. Дитмаром можно отнести период рождения современной рощи, т.к. средний возраст её близок к полутора столетиям. Но так же, как хвоинки на отдельных деревьях, так и деревья на всей площади сменяют друг друга постепенно и незаметно. И как столетие назад люди любовались грациозностью хвойных исполинов, так и сейчас тысячи туристов не устают восхищаться красотой рощи. И, конечно же, не случайно впервые описавший пихту камчатскую как самостоятельный вид ботаник В. Л. Комаров дал ей название грациозная, изящная.

Впрочем, знакомые с 45-метровыми исполинами пихты цельнолистной, тридцатиметровой пихтой белокорой и сибирской, или даже с 25-метровыми пихтами Майра, Вильсона и сахалинской недоумевают, чем покорила знаменитого ботаника наша в общем-то низкорослая красавица. Ведь её высота редко превышает 16 метров. Но В. Комаров тонко подметил восторженность, с какой местные охотники характеризовали ему неведомое дерево. Самому учёному не довелось побывать в роще, и описал он вид по образцам, доставленным охотниками.

Сейчас научные работники решают вопрос о том, сколь велики различия между двумя близкими видами — пихтой сахалинской и

грациозной, изыскивают возможности расширения границ рощи методами посевов и посадок.

Как же может существовать этот остров тайги среди снегов?

Необоснованными оказались предположения о подтоке тёплых вод, создающем особый микроклимат; неоправданны заявляемые о теплолюбии пихты грациозной; требуют тщательного анализа гипотезы о завозе пихты аборигенами и тысячелетнем возрасте самой рощи. Столь сложный по структуре и устойчивый по состоянию биогеоценоз с двухвековым периодом обновления не мог сформироваться за время пяти поколений, тем более что свидетелями двух последних были, по существу, наши предшественники и современники. И уже в те времена хвойный массив представлялся как идеал совершенства природы.

Достоин удивления, с какой целесообразностью и расчётом выкладывает природа отжившие стволы, затем в течение десятилетий «готовит» их к приёму нежных зелёных младенцев. И вот стройным рядком под прикрытием старших собратьев шагают в жизнь молодые деревца. Природе-матери нужно успеть «разложить» валёж, чтобы деревца укоренились, сжились с землёй.

Немногим удастся безбедно преодолеть трудный период взросления. Именно поэтому скупы «матери-пихты», стремящиеся в считанные дни рассеять свои плоды вокруг себя. Даже человек с его удивительной способностью покорять с трудом отвоёвывает семена. Ведь шишки пихты не сбрасываются, как у других хвойных, а рассыпаются на дереве после созревания на тысячи крылатых основателей рода лесного. До созревания шишку можно снять, только обломив ветвь; созрев же, она при малейшем прикосновении или ветре оставляет после себя лишь стержень — свидетель плодоношения дерева.

Благодаря этому даже кедровки — страстные любители лесных даров, мастера по накоплению и укрытию своих запасов — не в состоянии причинить урон семенному фонду рощи. Поэтому же столь труден естественный разнос семян на большие расстояния, и самосев встречается только в самой роще и вблизи неё.

Не менее удивительна способность деревьев регенерировать (восстанавливать) утраченные части стволов. Все деревья в возрасте от 90 лет и выше подвергались снеголому. И достаточно было в кроне сохранить одной ветви, чтобы дерево зажило новой жизнью, нередко превращаясь в многоствольный, вполне жизнеспособный древесный организм. Треть деревьев рощи имеет по 2–6 сломов ствола и, несмотря на

это, растут и плодоносят. Снеголомы — одна из основных причин низкорослости красавицы пихты.

Немало ещё интересного и полезного предстоит узнать у безмолвных свидетелей седой старины, многому можно научиться у природы. Наша задача — неукоснительно блюсти традиции тех, кто в давние времена в качестве табу избрал действенную легенду.

*А. Науменко, зам. директора Кроноцкого заповедника по науке,
кандидат сельскохозяйственных наук.*

Камчатская правда. — 1974. — № 30. — 3 февраля.

ВОЛШЕБНАЯ ПЕРВОЗДАННОСТЬ

Кроноцкий край — царство каменноберёзников, перемежающихся с непроходимыми зарослями ольхового и кедрового стланика. Леса занимают половину площади заповедника. Особый режим хозяйствования предусматривает неприкосновенность растительных сообществ, сохранение их первозданности.

Каменная берёза, или берёза Эрмана встречается только на Камчатке и прилегающих островах. И в непосредственной близости к побережью Тихого океана, и вблизи вершин горной гряды на высоте до 800 метров над уровнем моря берёза господствует над растительностью, превращаясь нередко в криволесье.

Высокая холодостойкость и нетребовательность к плодородию и влажности почвы позволяют ей расти высоко в горах, на каменистых осыпях и скелетных почвах горных склонов. А удивительная ажурность крон деревьев и прочность древесины обеспечивают устойчивость к снеголому и ветровалу.

Нередко, встретив молодой березняк с густым кустарниковым подлесом, невольно переносишься мысленно в подмосковные березняки. Только ёлочек у нас не увидишь. Чудом уцелевшие хвойные — лиственница и пихта — составляют лишь 0,09 процента лесной площади заповедника. Столь же редки на восточном побережье и такие обычные для запада виды древесной растительности, как боярышник, чозения и другие. Чаше вдоль рек встречаются ольха, тополь или ива.

Природа без леса невообразима. Именно поэтому сотрудники государственной лесной охраны заповедника с особой любовью и усердием берегут лесные угодья, следят за малейшими проявлениями неблагополучия, обеспечивают гарантированную противопожарную обстановку.

А лес сторицей оплачивает их внимание, защищая почву от эрозии, регулируя водный режим, выполняя функции фильтра и ассимилятора воздушной среды.

Г. Мамчур, главный лесничий.

Камчатская правда. — 1974. — № 30. — 3 февраля.

ПТИЧЬЕ ЦАРСТВО

Фауна нашего полуострова заметно обеднела в сравнении с соседними материковым районами. Сказались почти островное положение Камчатки и её геологическая история. В пределах территории заповедника к настоящему времени зарегистрировано 177 видов птиц, из которых 42 отмечены только за последние 5 лет. Это не значит, что раньше этих птиц не было в наших районах. Чаще их просто не замечали из-за малой численности или скрытного образа жизни.

Но есть виды, действительно появившиеся здесь только в последнее время. Например, чиж, варакушка, сибирская горихвостка. Сейчас в заповеднике встречаются почти все птицы Камчатки, хотя площадь его составляет лишь малую часть всего полуострова.

Поистине украшение суровой природы заповедника — белоснежные лебеди-кликуны. Летом их здесь немного. В заповеднике едва ли гнездится более десятка пар этих птиц, причём 1–2 пары — неизменные обитатели озёр Узона.

Но каково увидеть лебедей зимой! Представить стайку этих грациозных птиц среди снегов трудно, но наяву увидеть их на крошечной полынье среди сплошного льда и сугробов удивительно.

А между тем в заповеднике ежегодно остаётся зимовать до сотни (иногда даже более) лебедей. Места их обитания в это время — незамерзающие устья крупных рек и термальные водоёмы. Питаются лебеди водорослями, доставая их со дна через толщу воды. Так и живут они всю зиму небольшими стаями.

А с первым теплом, ещё в марте лебеди заметно оживляются. Всё чаще и чаще теперь услышишь их звонкие трубные голоса, сопровождаемые своеобразными позами так называемого демонстративного поведения. Если в это время спрятаться где-либо в укромном месте, удаётся подсмотреть самый удивительный период в жизни этих птиц — формирование пар. Они то и дело приветствуют друг друга изящными поклонами, не уставая повторять их несколько раз. А то вдруг с шумом

устремляются друг к другу по воде, распутив крылья. Многие пары формируются у лебедей всего один раз на всю жизнь.

На тех же незамерзающих водоёмах всю зиму живут и утки — кряк-ва, чирок-свистун, большой крохаль, гоголь, иногда остаются шило-вость и морская чернеть. Пожалуй, не много найдётся у нас в стране мест, где бы на такой же географической широте зимовали водоплавающие птицы. А вот в заповеднике, как, впрочем, и на всём Камчатском полуострове, они зимуют регулярно. Только на Семячикском лимане, где к середине зимы протоки составляют не более 8–10 гектаров, собирается до 500 зимующих птиц. Многие зимовавшие на лимане утки остаются тут же и гнездятся, приступая весной к размножению гораздо раньше прилетевших с юга птиц. Порой у самой кромки снега находишь их гнёзда, представляющие собой небольшое углубление в почве, устланное тёплым пухом.

Водоплавающие — одна из наиболее многочисленных групп птиц в нашем заповеднике. Их можно встретить на всех озёрах, по рекам, на болотах. Есть среди них и особенно интересные виды. Например, в прошлом году мы впервые на Камчатке отыскали гнездо морянки (кальдера Узона), а на самой северной границе заповедника, у реки Большой Чажмы встречены американская свиязь и нырок Бэра — очень редкие гости Камчатского полуострова.

Всестороннее изучение биологии водоплавающих птиц как важного охотничье-промыслового объекта — одна из задач орнитологических исследований в заповеднике.

Вдоль Камчатки проходят важнейшие миграционные пути осеннего и весеннего пролетов птиц. Ежегодно в апреле-мае и в августе-октябре по территории заповедника волна за волной летят утки и кулики, останавливаясь на отдых вдоль морского побережья и в прибрежной зоне моря. Только куликов встречается более 30 видов. Летят крупными стаями дальневосточный и средний кроншнепы, пепельный улит, чернозобик. В дни пика вдоль побережья ежедневно пролетает до 1.000 птиц каждого из этих видов. А вот на гнездовье кулики немногочисленны, да и гнездится их у нас всего 10 видов. Пожалуй, лишь в кальдере Узона можно увидеть их в большом числе. Здесь на 1 гектар территории гнездится до 12 пар круглоногого плавунчика.

В негнездовое время могут быть и неожиданные встречи. Например, в прошлом году в посёлке Жупанове был пойман бурый кречет, крупный сокол, с кольцом на лапе. Оказалось, хищник был помечен

на американском континенте орнитологами США. В этом году вновь в посёлке Жупанове нашли сизого голубя, на этот раз с двумя кольцами из Японии. Сведения об окольцованных птицах дают исключительно важный материал о межконтинентальных связях птиц, их возрасте и продолжительности жизни.

Весьма разнообразно птичье население лесов и гор заповедника. Среди них каменный глухарь, тихоокеанский орлан, белая куропатка и множество мелких воробьиных птиц. У каждого вида свой специфический образ жизни, своеобразные черты биологии, поведения. Но все они подчиняются единым биологическим законам сожителства и исторического развития. Познание этих законов — главная цель в работе биологов заповедника.

*Е. Лобков, младший научный сотрудник.
Камчатская правда. — 1974. — № 30. — 3 февраля.*

ЗАПОВЕДНИК И ТУРИЗМ

Если обратиться к Толковому словарю живого русского языка В. Даля, то слово «заповедный» в применении к природе объясняется как запретный. «Помни праотцов — заповедного не тронь», — говорили раньше.

Из истории развития заповедного дела как в нашей стране, так и за рубежом нетрудно проследить, что перед заповедниками в разные времена ставились далеко не одинаковые задачи. Ещё каких-нибудь 30–40 лет тому назад заповедники организовывались и создавались с целью охраны и увеличения каких-либо ценных природных объектов, чаще всего представителей животного мира. Так, Кроноцкий государственный заповедник основной своей задачей имел сохранение и максимальное увеличение численности соболя, запасы которого к этому времени резко были подорваны.

С этих позиций в те времена, да и несколько позже, когда были в моде лозунги о «наступлении на природу» и т.д., достоинство того или иного заповедника, его полезность определялись количеством ценных для человека животных, накопленных в нём, а конечная цель подчас сводилась к изменениям природных комплексов в нужном для человека направлении. Такого типа заповедники носят название резерватов, и некоторые из них сохранили своё значение и безусловную необходимость до настоящего времени. Роль их в общем комплексе природоохранительных мероприятий по-прежнему велика.

Вставшая в наши дни перед всем человечеством проблема «Человек и окружающая среда» настолько колоссальна и важна для живущих на Земле в настоящее время, и особенно — для будущих поколений, что заставляет уже сегодня в корне пересмотреть ранее казавшиеся незыблемыми истины в сфере природопользования, приостановить процессы, влекущие за собой глобальные, необратимые изменения среды, бережно относиться к природным ресурсам.

В этих условиях заповедные территории, полностью изымаемые из хозяйственного использования и сохраняемые в полной неприкосновенности, приобретают новое качество как эталоны первозданной природы. Вместе с тем заповедник — громадная природная лаборатория и научно-исследовательская организация, где повседневно и кропотливо изучаются процессы, происходящие в природе во всей их совокупности.

Поскольку статус заповедников-эталонов предусматривает запрещение всякой хозяйственной деятельности на их территории, возникает вопрос: как же совместить эти требования с интересами туристских организаций, раскинувших на сегодня сети своих баз и маршрутов по заповедникам нашей страны? Вопрос этот, наш взгляд, требует немедленного решения, так как ряду заповедников туризм нанёс уже непоправимый урон.

Кроноцкий государственный заповедник в силу своей отдалённости и малодоступности для массовых посещений, а также благодаря сравнительно большой площади своей территории находится в несколько лучших условиях. Но и ему туризм наносил и продолжает наносить довольно ощутимый урон. Ежегодно по территории заповедника по кольцевому маршруту проходит около 3.500 туристов. Тропа проходит через наиболее ценные и интересные природные объекты — такие как Нижне-Семячикские горячие ключи, вулкан Бурлящий, вулкан Узон, Долина гейзеров, Горное плато, устье реки Шумной. Некоторые из них представляют исключительный интерес для науки.

В чём же выражается ущерб, наносимый туристами Кроноцкому заповеднику? Мягкие почвы, образованные вулканическими породами, вытаптываются. Глубокие тропы размываются внешними водами и дождями, образуют трещины и овраги, а на крутых склонах происходит оползание грунта.

Территория туристского маршрута с каждым годом всё более засоряется и замусоривается. Закапывание мусора в землю эффекта не даёт, так как ямы почти повсеместно разрываются медведями. Несмотря

на то, что турбаза завозит топливо на приюты, случаи порубок леса и кустарника на дрова и подстилку продолжают иметь место: немало среди туристов находится охотников половить нерестующую рыбу, унести на память «сувенир» — кусочек гейзерита, зелёную веточку пихты грациозной и т.д.

Постоянное пребывание в заповеднике в течение трёх месяцев туристского сезона большой массы людей отпугивает зверей и птиц. Молодые медведи подкармливаются туристами — это «развращает» их, приучает к паразитизму. Когда их перестают кормить, они зачастую превращаются в агрессивных, опасных для человека зверей.

Особенно невосполнимый урон наносят туристы Долине гейзеров и вулкану Узон. Эти ценнейшие природные объекты могут посещаться и осматриваться туристами только при условии предварительной подготовки их к подобному осмотру. Осмотр должен производиться со специальных смотровых площадок, должны быть построены переходные мостики; проходная тропа должна иметь твёрдое покрытие, исключающее возможность порчи грунта, вытаптывания гейзеритов и фумарольных полей.

Заповедник в течение ряда лет ставит эти вопросы перед администрацией турбазы «Долина гейзеров» и областным советом по туризму. Но дальше разговоров, подписания договоров и заверений дело пока не идёт. Научный совет Кроноцкого государственного заповедника признал недопустимым дальнейшее разрушение туристами ценнейших природных объектов заповедника и принял решение о запрещении с сезона 1974 года прохождения туристов по маршруту впредь до выполнения туристскими организациями всех требований заповедника, гарантирующих полное сохранение природных объектов.

Из всего сказанного следует вывод: туризм как одна из активных форм природопользования должен быть запрещён в заповедниках. А там, где заповедники в силу ряда причин не могут сохранить себя как эталоны природы, их следует реорганизовать в национальные или природные парки.

Конкретное рассмотрение вопроса по каждому отдельному заповеднику должно привести к оптимальному решению этой серьёзной проблемы. Важно одно — заповедники должны сохранить красоту природы Земли в её первозданном, нетронutom виде, дать возможность любоваться ею грядущим поколениям.

*В. Савинов, директор Кроноцкого государственного заповедника.
Камчатская правда. — 1974. — № 30. — 3 февраля.*

ЗАГАДКИ КРОНОЦКОГО ОЗЕРА

Это необычное озеро расположено в горах Камчатки на четырёхсотметровой высоте над уровнем моря. Стенками его огромной чаши, вмещающей более двадцати миллиардов кубометров воды, служат вулканические лавы. Дно выложено выбросами пепла просыпающихся время от времени земных исполинов.

С самолёта озеро напоминает треугольник, из одного угла которого вытекает белая лента реки Кроноцкой. Тихой и безобидной кажется река сверху. А вблизи даже бывалым ихтиологам становится не по себе: грохоча и пенясь, бешено мчится в узком каменном ущелье...

Вулканологи и геологи высказывают такую гипотезу происхождения Кроноцкого озера. В результате извержений соседних вулканов — Кроноцкого и Крашенинникова — лавовыми потоками была перекрыта долина реки Кроноцкой. Так и образовалось, предполагают они, это загадочное озеро.

Кроноки сейчас — объект изучения многих учёных. Недавно оттуда вернулся и Святослав Куренков, младший научный сотрудник КО ТИНРО. Он провёл там целое лето. И сейчас лаборатория института — куда ни глянь — полна образцов рыбы разных размеров и пород, тщательно собранные и упакованные чешуйки, в общем, то самое обычное для ихтиологов, без чего немислима их работа. Нелёгкая, кропотливая.

Святослав Куренков занимался изучением воспроизводства и динамики численности лососёвых рыб.

Почему молодой учёный выбрал для изучения Кроноцкое озеро? На этот вопрос нельзя ответить односложно. Первое, что могло привлечь Святослава к этому загадочному озеру, — это может быть, желание продолжить дело, начатое отцом, сотрудником этого же института, кандидатом биологических наук Игорем Ивановичем Куренковым. Это он вместе с другим камчатским учёным, ныне лауреатом Государственной премии доктором наук Крохиным два десятка лет тому назад выдвинул проблему Кронок.

Второе? Здесь, пожалуй, сказала слава озера. Ведь оно имеет такое же значение для Камчатки, утверждает Святослав, как, допустим, Севан для Армении.

— Лососи, существовавшие до извержения в бассейне реки Кроноцкой, были отрезаны от моря, — говорит Святослав. — Лавовые потоки перекрыли им путь. В озере со временем они как бы переродились и

обрели другую форму — так называемую пресноводную. Жизненный цикл таких лососей целиком протекает в пресной воде. А вы знаете, «проходные» лососи лишь нерестятся в реках, а нагуливаться уходят в море.

Вот на столе один из таких пресноводных лососей. Это нерка. Вся её жизнь протекает в Кроноцком озере. Каждый житель Камчатки знает, что обычный лосось этого вида достигает довольно крупных размеров. Он имеет более 60 сантиметров в длину и до четырёх килограммов веса.

А эта рыбка совсем небольшая. Длина её не больше 25 сантиметров, а вес — около 200 граммов.

На первый взгляд, появление подобной формы с точки зрения рыбохозяйственных нужд кажется не очень благоприятным. Она меньше, и численность её ниже. Но это только на первый взгляд. Как я уже говорил, эта форма лососей весь свой жизненный цикл проводит в пресной воде. Следовательно, ею можно заселить многочисленные водоёмы не только Дальнего Востока и Сибири, но и европейской части нашей страны, где имеются условия для её воспроизводства.

Эта рыба — пресноводная нерка — обладает очень ценными гастрономическими качествами. В Японии, например, подобная форма красной называется «форель-принцесса». Так же высоко она ценится в США, Канаде. Здесь она — объект спортивного рыболовства.

Таким образом, заселение водоёмов пресноводной неркой, а также использование её в форелевых хозяйствах видится нам весьма перспективным делом.

Но это — одна сторона проблемы, изучением которой я занимаюсь. Другая — выяснение причин появления подобных форм. В настоящее время вообще замечена тенденция лососей образовывать пресноводные формы. А вот от чего зависит их появление, что является определяющим в данном случае — или это имеет какую-то генетическую основу, или диктуется лишь изменениями внешних условий — эти вопросы сейчас стоят остро. Мы пытаемся по мере возможности найти на них ответы.

Одним из этапов решения данной проблемы является изучение структуры стада в Кроноцком озере. Известно, что большие стада лососей, особенно обитающих в водоёмах с разнообразными условиями, как правило, не бывают однотипными, монолитными, а состоят из нескольких групп, порой существенно изолированных друг от друга. Обнаружить различия между группировками, как мы говорим, субизолятами —

наша задача на сегодняшний день. Надо сказать, что эти работы представляют большой теоретический и практический интерес.

И ещё одна проблема, о которой я немного хочу рассказать — это создание в Кроноцком озере стада проходной красной. Резкое сокращение лососей в настоящее время заставляет нас изыскивать различные пути для ликвидации этого явления. Здесь и улучшение естественных условий воспроизводства, мелиорация рек, строительство искусственных рыбозаводов и создание новых стад. Последнее можно разделить на два направления: первое — создание стад в принципиально новых районах, не привычных для обитания тихоокеанских лососей (к примеру, перевозка кеты и горбуши на Кольский полуостров). Второе — создание стад в пределах обычных районов: в тех водоёмах, где по каким-либо причинам они не могли сформироваться сами. Кроноцкое озеро — один из таких водоёмов, где стадо проходных лососей не сложилось, поскольку характер реки — большая скорость течения, пороги — не позволяет проходным лососям подниматься из моря в озеро.

Более двадцати лет назад сотрудниками нашего института была выдвинута идея о создании в Кроноцком озере стада проходной красной. Вкратце эта идея заключалась в следующем. Перевезти в Кроноцкое озеро икру проходной красной, а реку мелиорировать таким образом, чтобы открыть путь рыбе из моря в озеро.

Надо заметить что условия нагула и воспроизводства в озере очень благоприятны. И если всё это задуманное удастся осуществить, то этот водоём может дать такое стадо, которое обеспечило бы вылов более ста тысяч центнеров. Для сравнения могу сказать: сегодня общий вылов красной в СССР и Японии составляет лишь двадцать тысяч центнеров.

Основные трудности сейчас заключаются в том, что стада, где мы могли бы взять икру, находятся в очень угнетённом состоянии. Поэтому основной упор создания этого проходного стада мы решили перенести на пресноводную форму. В принципе такие работы делались в Японии и США, но в очень небольших размерах и носили чисто экспериментальный характер.

Трудности заключаются и в разработке методов постановки подобных экспериментов. А на них мы возлагаем большие надежды: они должны нам показать возможность превращения пресноводной формы в проходную.

Путь в неведомое — трудный путь. Не всегда он изобилует успехами, радостями открытий. Но это не пугает молодого учёного.

У Кроноцкого озера, как видите, много загадок. Но день ото дня их становится меньше. И наверняка недалёк тот день, когда Святослав Куренков и его друзья из Камчатского отделения Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии заставят Кроноцкое озеро трудиться на благо человека в полную силу.

А. Чучаев.

Камчатская правда. — 1974. — № 35. — 9 февраля.

УЗОН — ЗЕМЛЯ ГОРЯЧАЯ

Автор этой статьи — Геннадий Александрович Карпов, кандидат геолого-минералогических наук, младший научный сотрудник лаборатории постмагматических процессов Института вулканологии Дальневосточного научного центра Академии наук СССР. Кальдера Узона — одно из удивительнейших мест на полуострове — у него и его коллег вызывает интерес прежде всего тем, что Узон — это химическая лаборатория природы, таящая в себе много неразгаданных тайн. Вулканологи работают там и зимой и летом. Об одной поездке — в декабре прошлого года — он и рассказывает в этой статье.

Тяжёлый «Ми-4» завис над поляной с редкими ветвями выбивающегося из сугроба кедрача. Снег рыхлый, глубокий, и командир вертолёта решил произвести выгрузку без остановки двигателя.

Под свист лопастей бортмеханик открывает заднюю створку, и мы, увязая выше колен в снегу, как можно быстрее сбрасываем снаряжение. Операция длится считанные минуты. Вот задраена дверь, мы падаем на свои тюки, ящики, прикрываем головы от снежного вихря, и огромная «стрекоза» уносится вверх.

Как-то сразу становится удивительно тихо. Немного оглушённые, мы поднимаемся на ноги и осматриваемся. Да, зимний Узон не менее прекрасен, чем летний. Какая-то первозданная белизна снега, величественное спокойствие, мягкость и плавность контуров.

Мы высадились почти рядом с нашим базовым домиком. Отсюда метров триста до термального поля, и не слышно его могучего дыхания. Солнце уже готовится перевалить за западную гряду Узонских скал. Надо торопиться устраиваться на ночь. Откапываем полузанесённую дверь. В тамбуре — поленница дров, оставшаяся от туристов.

Узон входит в район Кроноцкого заповедника, и здесь нельзя рубить деревья. Поэтому мы привезли с собой уголь и керосин. Быстро

спускаются сумерки, но у нас уже весело потрескивает огонь в печи, варится ужин, по нам разложены спальники.

Завтра с утра — работа на термальном поле. Почему-то очень хочется сходить туда немедленно. Как оно изменилось по сравнению с летним временем? Идёт ли отложение рудных минералов, каковы температура и состав растворов? Вопросов

много. Позволит ли только погода осуществить намеченную программу исследований?

Утром просыпаемся от холода. Печка прогорела, и домик изрядно выхолодился. Дежурные принимаются за приготовление завтрака, а я решил провести рекогносцировку. Термометр, несколько бутылок для проб, зарядку для сероводорода — в рюкзак, и вот уже первая лыжня бежит к термальному полю.

Ещё сумрачно. Медленно подсвечивается восток. В провале между горой Белой и далёкой Зубчаткой тонкие плоские льдинки облаков уже подкрашены розовым. Снежные вершины на западе — пики Узона — блестят, как бело-розовая амальгама, а восточное обрамление кальдеры погружено в фиолетовый сумрак. Резкий контраст теней, полутонов розового с синим, белым, фиолетовым.

Очень тихо. Долина белого безмолвия. И над всем этим снежным царством величественно, как сказочные джинны, вздымаются 20–30-метровые столбы пара над крупными термальными котлами. Невольно испытываешь благоговение и восторг.

Но вот откуда-то с запада налетел резкий порыв ветра. Как кинжалом резанул холод. Мгновенно зябнут руки. Из глаз буквально выдавливаются слёзы. Крутящиеся смерчи внезапной пляской то здесь, то там взвихривают снег и уносят вверх фонтанчики снежной пыли и мелкие ледяные крошки. Становится неуютно и одиноко. Чувствуется сразу, что это зима и Дед Мороз здесь настоящий. Но порыв ветра длится минут две. Постепенно снова согреваешься и начинаешь видеть мир розовым.

Действительно, уже ледяные пики западной части кальдеры искрятся в розовом свете. Чёрные отвесные базальтовые скалы не покрыты снежной бронёй и резко контрастируют со снежными ложбинами. На востоке льдистые облака делаются ноздреватыми, как-то рассасываются, тают в холодной голубизне, и небо постепенно становится бездонно-аквамариновым. Грани гор настолько резки, что кольцо кальдеры кажется острым гигантским обручем. Но нет. Это только на западе, под лучами солнца. Восточные затенённые вершины кажутся, наоборот,

плавными и округлёнными. Так вот как играет тенями природа! Чёрное с бело-розовым создаёт видимость плоского, а красное с белым — остро-го, резко угловатого.

Вулкан Зубчатка на юге, как айсберг. Чёткие грани пиков доминируют над окрестностью и плывут навстречу лёгким восточным облакам. Цвета меняются непрерывно. Три куропатки белыми комочками застыли в редких кустах ольшаника. Бусинки глаз следят за мной. Но, видимо, холод сильнее страха. Сидят.

Вдруг как-то стремительно, сразу из-за южного борта Белой горы поднимается солнце. Просто выпрыгивает. Я не в силах следить за ним глазами. Ещё минуту назад были видны его длинные тонкие лучи, а сейчас оно висит над вершиной, как раскалённый бубен, и слепит немилосердно.

Гора Белая стала совсем чёрной, а Узон наоборот — ослепительно белым. Даже чёрные базальты стали светлей. Солнечная дорожка прорезала гладь Хлоридного озера, поверхность которого блестит, как каток. Хочется прокатиться по этой золотой тропе. Но это не лёд. Вода в озере, несмотря на мороз, имеет плюс 19 градусов Цельсия.

С полным восходом солнца сразу сникли паровые столбы. Только что прямые и внушительные, они приобрели расплывчатые очертания, приникли к земле и стелются бесформенными белёсыми тенями. Солнце властвует над всем. Стало заметно теплее. А небо уже безумно синее, и белые лёгкие облака парашютиками парят в его нереальной огромности.

Спускаюсь на термальное поле. Вода в тёплых котлах и лужицах отликает изумрудной зеленью. Всем известные грязевые вулканчики выглядывают своими парящими кратерами из ледяных проталин, как из преисподней. Снег вокруг забросан серой глинистой массой. Беззаботно и деловито шкворчит «Сковородка». Здесь царство пара, и мороз не в силах с ним справиться.

А вот в мелких грифонах температура понизилась. Над некоторыми нависают ледяные козырьки. Вода большей частью мутная. Так широко развитые здесь летом шлейфы сине-зелёных термофильных водорослей безжизненными серыми рваными пластами лежат вокруг. В то же время бахромистые и нитевидные водоросли белого цвета сохранились, хоть и развиты гораздо слабее, чем летом. Видимо, изменились физико-химические условия растворов. Жёлтых аурипигментных плёнок очень мало. Поле фактически залито водой. Оно ещё не успело избавиться

от последствий длительной пурги. Что ж, эти изменения надо исследовать. Предстоит интересная работа.

*Г. Карпов, кандидат геолого-минералогических наук.
Камчатская правда. — 1974. — № 61. — 13 марта.*

ОСТРАЯ НУЖДА ЗАПОВЕДНИКА

Кроноцкий заповедник пользуется большой популярностью среди туристов. В туристический сезон 1973 года были налажены даже авиарейсы в Долину гейзеров. И везде в печати в центре внимания — красота этого удивительного уголка Камчатки. И как исключение — упоминание о тех, кто охраняет эту красоту.

Мне пришлось самому побывать, как говорится, в шкуре лесника и испытать все трудности его жизни. Достаточно привести один из многочисленных примеров, чтобы понять, каковы нужды лесной охраны.

Случилось это в начале минувшего декабря, когда камчатская зима вступала в свои права: метели, обильные снегопады... Наша радиостанция уловила сигналы о помощи с Кроноцкого кордона, где находился лесник В. Николаенко. Сигналы были очень слабыми, но ясно было — нужны медикаменты и продукты.

Неизвестно, по каким причинам халактырские авиаторы затаили до непогоды ещё месяц назад заказанные рейсы для облёта территории заповедника.

И вот «ЧП»: чуть слышимые сигналы о помощи, а никто не может помочь. Кстати, за последние годы это не первый случай.

И сейчас, когда испортилась погода, леснику В. Николаенко тоже неоткуда ждать помощи...

Я и лесник В. Тырмышкин собрали медикаменты, взяли продуктов и с вездеходом отправились на помощь. С большим трудом машина пробиралась сквозь снежные заносы. Не однажды приходилось вытаптывать колею, чтобы прошла машина. Николаенко не знал, как и благодарить нас.

Прошла неделя. Мы ждали вертолёта, который, казалось, вот-вот появится.

Я решил возвращаться на лыжах на свой кордон и по радиации сообщить в управление заповедника о срочном вызове вертолёта. Путь мне показался не таким уж и трудным. Какая-то сотня километров, да и то спуск к океану. Взял продуктов на пару дней, олений кукуль, сумку с фотоаппаратурой и — в путь.

Всё шло хорошо, пока не пошёл мокрый снег и не начался буран.

Четыре дня шёл мокрый снег. Выбиваясь из последних сил, под ударами бесновавшейся непогоды, изголодавшийся, я добрался до спасительной избушки.

Для читателя это, конечно, романтика, а для лесника — борьба за жизнь. Этого не должно быть. Авиаторы обязаны вовремя выполнять заказы заповедника на облёты территории. Из года в год всё повторяется, и никто не ставит на повестку дня этот давно наболевший вопрос.

*А. Стенченко, сотрудник Кроноцкого заповедника.
Камчатская правда. — 1974. — № 73. — 27 марта.*

КАК РАСТУТ КАМНИ

*Здесь, если их попробовать надрезать,
Ещё земные корки горячи.
Горячими солями и железом
Пропитаны подземные ключи.
Ещё печёт и варит — не потухла
Вулканов циклоническая кухня.*

Вера Инбер

Людей издавна интересовал вопрос: как растут камни, где образуются те или иные руды. Древние философы, которые, по существу, были естествоиспытателями, посвящали этим вопросам свои трактаты. Так, глубокие наблюдения позволили выдающемуся учёному Средней Азии Абу Али Ибн Сине (Авиценне) ещё в X веке составить классификацию минеральных тел, которой пользовались до середины XVIII века. Он подразделил природные образования на четыре группы: 1. Камни. 2. Плавкие тела (металлы). 3. Серные (горючие вещества) и 4. Соли. Его соотечественник знаменитый Бируни на основе часто наблюдавшихся находок жидких включений в кристаллах кварца сделал вывод о том, что минералы образуются из водных растворов.

Действительно, согласно современным представлениям, многие руды возникли из горячих водных растворов, поступающих из глубины Земли, хотя эти взгляды принимаются не всеми учёными. Нет полного единогласия и в том, откуда в растворах берутся металлы. Переносятся ли они с больших глубин, из так называемой мантии, или заимствуются

горячими водами при их движении к поверхности из боковых пород? Кроме того, важно решить, в какой форме переносятся рудные компоненты: медь, свинец, цинк, олово, мышьяк, сурьма и другие, при каких условиях они отлагаются и образуют месторождения. Ответы на эти вопросы смогли бы значительно облегчить поисковые и разведочные работы геологов. Такой природной лабораторией и является Узонское термальное поле.

Узон — крупная кольцеобразная вулканическая впадина, так называемая кальдера, возникновение которой большинство вулканологов объясняет провалом, вызванным извержением огромной массы лавы. В чаше кальдеры длительное время было озеро, в котором отлагались тонкие слои пепла и пемзы, приносимых сюда при извержениях окрестных вулканов. Таким образом здесь образовалась толща белых туфов, которые наблюдаются в разрезе fumarольного озера. Затем наступило обледенение. Свидетелями и рассказчиками этих событий являются морены — хаотическое нагромождение камней в виде холмов, собранных при движении ледника. Они хорошо просматриваются в западном борту кальдеры.

По представлениям В. В. Аверьева и других учёных, около десяти тысяч лет назад описываемый участок земной коры вновь стал ареной интенсивных тектонических движений. Возникли крупные разломы и трещины, по которым из глубины стали поступать парогазовые струи высокой температуры. Так начала формироваться гидротермальная система. Узонская впадина оказалась почти идеально замкнутой структурой, чрезвычайно благоприятной для накопления подземных вод. Здесь выпадает до 3.000 мм атмосферных осадков в год. Благодаря рыхлости и обилию трещин приповерхностных пород вода хорошо проникает на глубину и, смешиваясь с глубинными высокотемпературными растворами, формирует водонапорную систему. По глубинному разлому растворы, имеющие высокую температуру (до 96°C) и несущие высокую общую минерализацию (до 5 г/л), поступают на поверхность. Эти хлоридно-натриевые воды обогащены кремнезёмом, бором, калием, литием, а также содержат мышьяк, сурьму, свинец, цинк и другие элементы. В составе газов, выделяющихся в местах выходов этих вод, обнаружены углекислый газ, азот, метан, сероводород, водород. Такие растворы выходят в районе Хлоридного и в северном заливе Фумарольного озёр. Интересно, что на Узонском термальном поле наблюдаются почти все известные в вулканических областях типы горячих вод вплоть до нарзанов.

С открытием здесь в 1969 году доктором С. И. Набоко и младшим научным сотрудником Института вулканологии С. Ф. Главатских современного образования рудных минералов — сульфидов мышьяка, сурьмы, ртути, меди, железа, самородных серебра, золота, меди, ртути и других, в тесной связи с проявлением нефти, научный интерес к Узону ещё более возрос. До них десятки исследователей проходили мимо этих проявлений. Действительно, очень уж необычно встретить рудные минералы, образующиеся буквально в свежих следах от сапог на залитом горячей водой поле. А уже о нефти в этих местах тем более никто и не думал. Все привыкли к нефти чёрного цвета, а здесь она бесцветная или... зелёная. Зелёная нефть не имеет запаха и наблюдается в местах проявления высокотемпературных источников. Бесцветная нефть с сильным керосиновым запахом локализуется вблизи грязевых котлов с температурой 40–60° С. По заключению специалистов-нефтяников из Ленинграда, узонская нефть является тяжёлой, смолистой, сернистой, малопарафинистой. По физико-химическим показателям она близка к нефти, высачивающейся в районе Богачёвки. Химический анализ Узонских горячих вод, выходящих на поверхность в местах проявления нефти, показал наличие в них значительных содержаний различных органических веществ. Эти обстоятельства, а также поразительная ассоциация проявления нефти с различными рудными минералами, компоненты которых имеют заведомо глубинное происхождение, натолкнули кандидата геолого-минералогических наук Н. Г. Бескровного на мысль об общих процессах в образовании нефти и некоторых руд. Не исключено, что нефть так же, как и рудоносные растворы, зарождается на большой глубине в результате глубинного синтеза углеводородов.

Комплексное изучение термального поля Узона позволяет использовать его в качестве модели рудообразующей системы в тесной связи с современным вулканизмом. В этом году выходит в свет коллективная монография под редакцией С. И. Набоко, посвящённая вулканизму, гидротермальным процессам и рудообразованию на примере кальдеры Узона.

Благоприятные сочетания геологического строения и тектонической характеристики обусловили уникальность Узонской гидротермальной аномалии. Здесь очаг нагрева растворов располагается на глубине непосредственно под кальдерой. То есть область разгрузки горячих вод связана с очагом кратчайшим расстоянием — по вертикали. Поэтому есть основания считать, что выходящие по разломам перегретые воды,

несущие высокое содержание таких компонентов, как мышьяк, сурьма, ртуть, цинк, свинец, не теряют их по пути, а доносят до поверхности в близком к исходному состоянию. При резком спаде температуры в боковых породах, а в некоторых случаях и на самой поверхности, происходит отложение рудных минералов: скородита, аурипигмента, реальгара, пирита, марказита, киновари и других. Особая ценность этого процесса в том, что на Узоне осаждение минералов происходит на глазах исследователя. Туристы наверняка замечали, что после сильного дождя, когда термальное поле мокрое, во многих грифонах прежде прозрачная чистая горячая вода становилась мутной. В ней плавают тончайшие зёрна самородной серы белого цвета. Осаждение серы произошло в результате окисления сероводорода, поступающего из глубины, кислородом, насыщающим дождевые и талые воды. Само поле в это время приобретает серый цвет. Однако стоит постоять один-два дня солнечной погоде, и поверхностные воды скатываются, поле подсыхает и меняет свой облик. Сначала в некоторых, особенно в небольших бессточных котлах с температурой 15–40° С в воде возникает масса мельчайших зёрен зелёного цвета. Вода как бы «цветёт». Постепенно взвесь оседает на дно, в котле формируется осадок. Это окисел мышьяка и железа — скородит. Затем с повышением температуры и когда подсыхают термальные поля вода в котлах начинает приобретать желтоватый оттенок, а вокруг многочисленных мелких проколов с выходом газифицированных горячих растворов, до этого залитых поверхностными водами, начинает быстро отлагаться корочка минерала жёлтого и оранжевого цвета — аурипигмента. В некоторых грифонах с прозрачной водой удаётся наблюдать, как на дне, вокруг отверстий с выходом газов отлагается сульфид железа красного цвета — реальгар. В разрезе термального поля наблюдается такая же закономерная картина: сверху вниз залегают слои скородита, аурипигмента, реальгара, а на глубине около метра отлагаются игольчатые кристаллы свинцово-чёрного цвета — антимонита.

На южном берегу тёплого Хлоридного озера внимание привлекает пляж, сложенный вместо привычного песка зёрнами самородной серы.

Детальные наблюдения за режимом температуры, общей минерализацией, содержанием рудных элементов и газовым составом растворов в тесной связи с характером минерального осадка позволяют расшифровать природный код образования руд.

*Г. Карпов, кандидат геолого-минералогических наук.
Камчатская правда. — 1974. — № 89. — 14 апреля.*

ПРАВО НА МАРШРУТ

Один из экскурсоводов на маршруте в Долине гейзеров справедливо отметил, что Долина — народное достояние, её можно поставить в ряд с Третьяковской галереей и Пушкинским музеем. Только создана она не человеком, а самой природой. С этим вряд ли кто-нибудь станет спорить. Но всё ли сделано, чтобы она обладала истинно непреходящей ценностью, чтобы и в будущем могла привлекать внимание всех, кому дорога природа?

Впервые я прошёл маршрут по Кроноцкому заповеднику в 1968 году. Тогда 25 человек шли по кольцевому маршруту. 27 человек — в Долину и обратно. В заповеднике было ещё 10–15 «диких» туристов. В прошлом году в один лишь августовский заезд на тропе находилось одновременно 540 только плановых туристов. Группы шли одна за другой. По многолюдности тропа вполне могла бы сравниться с центральной улицей города в часы пик. На переправах скапливалось по три-четыре группы. Со стороны подобные биваки производили впечатление буйных цыганских таборов.

Хотя времена землепроходцев миновали, мы не устаём стремиться открывать что-то новое, хотя бы для самих себя. Пять лет назад это было ещё возможно. А ныне турист видит главным образом плечи идущих впереди. На то, чтобы смотреть по сторонам, времени не остаётся.

Рассредоточить поток туристов по времени, видимо, невозможно. Слишком зависит он от расписания летней навигации. Но, может быть, стоит правильной рекламировать маршрут, давать более точную информацию? Это позволит исключить появление на тропах людей, считавших, что едут в дом отдыха. Необходимо тщательней проводить медосмотр, и, может быть, стоит задуматься над... «возрастным цензом». Маршрут вполне посилен и четырнадцатилетним, но смогут ли они после многокилометрового перехода оценить увиденное?

С другой стороны, не следует превращать заповедник в курортную местность. Проще и целесообразнее укрепить палатки, чем строить домики на маршрутах.

Инструкторы довольно чутко регулируют темпы переходов. Группы, как правило, приходят к местам ночлегов засветло. С одной стороны, сокращение дневных переходов, за которое многие выступают, дало бы туристу больше свободного времени. С другой стороны, острее станет вопрос — как временем распорядиться? Заповедник резонно

запрещает выходить за пределы лагеря. Хорошо на Узоне, на Бурлящем — поведут на экскурсию. На ключах можно принять термальную ванну. А на других приютах? Уместнее будет проходить то же расстояние, но не так спешить. И больше смотреть, ведь затем и едут издалека, чтобы увидеть новое.

Маршрут начинается в Жупанове. Но центральный приют не в состоянии должным образом принять туристов. Это доказал шторм 28 апреля 1973 года. Палаткам шторм не по плечу, здесь-то домики необходимы. А пока их нет, можно как-то организовать пребывание туристов в Жупанове, когда непогода превзойдёт возможности палаточного городка.

Сейчас тропы заповедника открыты всем желающим. Но разве даст что-либо маршрут человеку, падающему от усталости в конце перехода? Пусть маршрут останется настоящим туристам, а желающим посмотреть на гейзеры вполне подойдёт вертолётная экскурсия. Их, вероятно, нужно множить и активней пропагандировать.

Наконец ещё один аспект. Турбаза, приюты находятся на территории заповедника. Заповеднику, кроме беспокойства, ничего они не приносят. Вся прибыль получает экскурсионное бюро, облсовет по туризму, пароходство. Кстати, в американских национальных парках доходы от эксплуатации дорог, мотелей, кемпингов, доходы от проведения экскурсий поступают и в фонд парка, расходуются на его нужды. Возможно, имеет смысл направлять какую-то часть доходов, приносимых Кроноцким заповедником, на охрану заповедника, хотя бы на восстановление природы, на сведение к нулю некоторых неизбежных последствий потока туристов.

Ф. Скрыль, архитектор.

Камчатская правда. — 1974. — № 101. — 28 апреля.

СКАЗКИ УЗОНА

Однажды в один из августовских вечеров, когда на Узоне особенно хороши закаты, я услышал здесь старинную легенду о могучем властелине этих мест Узоне и красавице девушке по имени Наюн. Преподаватель географии городской школы № 3 Нонна Васильевна Фролова, работающая на Узоне в летний период экскурсоводом, рассказывала группе туристов:

«Давным-давно на этом месте стояла высокая сопка-вулкан. На самой вершине его жил могучий добрый дух по имени Узон. По своей доброте

он нередко помогал людям. Могучими руками закрывал он жерла вулканов, когда те грозили людям извержением огня и раскалённого камня, умирал громадных диких быков-олений, когда они в бешеной гонке носились по земле, вызывая её сотрясение. Много добрых дел сделал он, а жил одиноко и скрытно, ибо нельзя было открывать людям своё местонахождение, потому что злые духи могли за это разрушить сопку.

Грустил в одиночестве могучий Узон. И совет добрых духов решил, чтобы он сам выбрал себе жену в любом окрестном стойбище. Долго невидимкою бродил Узон по юртам и наконец увидел свою избранницу. Красавицу звали Наюн. Стройная, крепкая была девушка. Глаза — как две звёздочки, губы — красная клюква, а брови — что два чёрных соболя. Полюбил её Узон, и она полюбила доброго богатыря. Увёз Узон красавицу Наюн на свою сопку, и долго жили они там в добром согласии и счастье.

Прошли годы: затосковала Наюн по людям. И стала просить мужа отпустить её повидаться с роднёй. Не смог отказать ей в просьбе добрый Узон. Раздвинул своими мощными руками горы, и образовалась ровная дорога, по которой ушла Наюн в прибрежное стойбище. А вскоре услышал Узон сильный шум. Это любопытные люди шли по дороге Наюн посмотреть чудесную сопку, где она жила. Нарушен запрет!..

Вздрогнули окрестные горы. Со страшным грохотом разверзлась земля, поглотив огромную гору, а могучий Узон навечно окаменел.

В горестной позе — наклонив голову и бессильно раскинув некогда могучие руки — застыл он. Льются живые слёзы из окаменелых глаз скалы-богатыря и полноводной шумной рекой уносятся к океану, к стойбищу Наюн по дороге, уведшей её к людям. Прежде горячее доброе сердце Узона злые духи заточили на дне холодного озера, и лишь лебеди, в которых вселились немногие из оставшихся в живых добрых духов, с печальными криками часто летают туда, сохраняя светлую память о собрате.

А на дне образовавшейся гигантской чаши поселились злые духи. Они жгут над землёй серу и стремятся кипятком и удушливыми газами уничтожить всё живое. Но слёзы Узона охлаждают кипяток, и он превращается в целебные минеральные воды. Так добрый дух Узон и после своей смерти служит людям...»

Теперь, когда мы бываем на Узоне, я ловлю себя на мысли о том, что ищу подтверждения этой прекрасной легенды... И постоянно нахожу их.

Когда подлетаешь к Узону с юга, испытываешь ощущение, что на встречу тебе раскрываются могучие объятия великана. Кольцо гор

упруго разжимается, отодвигается, принимает тебя в своё лоно, но, ступив на землю, ты оказываешься прямо перед чёрными утёсами Узонского массива. И всегда первый взгляд обращается к этим утёсам. Они притягивают к себе своей гордой неприступностью, каким-то мрачным отчуждением и величавой горделивостью.

Это великан Узон застыл неподвижно, и жизнь больше не интересуется его.

А внизу, в огромной долине она звучит тысячами голосов и каждый из них — песня. Здесь неустанно поют крошечные парогазовые проколы. Из них по тонким трещинкам и каналам пар и глубинные газы со свистом и шипением вырываются в атмосферу. Там, где парогазовые струи попадают в воду, в мелких блюдцеобразных выходах слышится бульканье и хлюпанье непрерывно бурлящего кипятка, а в крупных проточных горячих источниках, имеющих, как правило, большую глубину, периодически наблюдаются мощные всплески невысоких фонтанов горячей воды. Таковы источники Центральный, Бурлящий, Пульсирующий. Температура воды в их жерле достигает 96 градусов Цельсия, и султаны пара, как сказочные джинны, поднимаются над ними до 30–40 метров. Особенно интенсивно парят источники перед закатом солнца и перед плохой погодой, предваряющей резким понижением атмосферного давления.

На этот раз мы прилетели на Узон в конце апреля. В городе уже пахло весной. Влажный асфальт парил, как после летней поливки. Снег на обочинах интенсивно таял, и кое-где в скверах уже обнажалась земля с едва заметными лучинками зелёной травы. А здесь, на Узоне снега было так много, что мы с большим трудом обнаружили и откопали русло небольшого пресного ручья Комариного, протекающего в 15 метрах от базового домика вулканологов.

Узон зимой прекрасен, как сказка. А сказка эта начинается в октябре и кончается в июне... Здесь мирно уживаются одновременно зима и лето, огненный «пар» и заледенелый снег. Заиндевелые каменные берёзы, как робкие девушки в тончайшей белоснежной фате, застенчиво прячут свои голые сучья под серебро морозного инея, а рядом на тёплом термальном поле весело зеленеет травка, поднимая к солнцу островерхние листочки.

В незамерзающих тёплых озёрах — Утином, Фумарольном — привольно плещутся стаи зимующих здесь уток. Чернять, кряквы, чирки находят здесь обильную пищу в виде термофильных водорослей и массы микроорганизмов.

И царственно-важные белые лебеди величественно проплывают в узонском небе по своему обычному маршруту: истоки реки Шумной — озеро Дальнее. Я ни разу не видел, чтобы лебеди садились на замёрзшее озеро Дальнее, но летают они туда и делают круги над ним регулярно. Как тут не вспомнить красивую легенду об Узоне!..

Камчатский комсомолец. — 1974. — № 61. — 18 мая.

В отзывах туристов об Узоне и Долине гейзеров есть такие строчки: «Мы восхищены красотами этого великолепного уголка, земли. Это поистине восьмое чудо света». Действительно, горячие источники и гейзеры, бьющие из-под земли феерическими фонтанами, жемчужная россыпь гейзерита, симфония красок разноцветных глин, сказочные сочетания первозданно-белого снега (не стаивающего здесь за короткое лето) с изумрудной зеленью многочисленных ягодников и зарослей кедрача на фоне парящей и клокочущей земли оставляют потрясающее впечатление.

Первыми заинтересовались этими местами геологи. После разведки Паужетского и Больше-Банного месторождений горячих вод они уже знали, какая сила может скрываться на участке выхода кипящих растворов. Сотрудники Института вулканологии В. В. Аверьев, Е. А. Вакин, Г. Е. Богоявленская, Г. Н. Ковалёв в 1963–1963 годах тщательно изучили тепловую мощность Узон-Гейзерской гидротермальной системы. Она оказалась равной 164 тысячам килокалорий в секунду и значительно превосходит мощность паужетского месторождения.

Затем в 1968 году Г. Ф. Пилипенко сообщила научной общественности об открытии на Узоне вертикальной и горизонтальной гидрохимической зональности горячих вод.

Здесь обнаружены фактически все типы природных растворов, включая и минеральные «нарзаны».

В следующем, 1969 году на Узон прибыла группа учёных под руководством доктора геолого-минералогических наук С. И. Набоко. Их интересовала минералогия пород, изменённых под воздействием горячих растворов. Незадолго перед этим С. И. Набоко с сотрудниками завершила большую работу по минералогии паужетского месторождения, где обнаружила и описала свыше 40 специфических гидротермальных минералов, что позволяет по-новому осмыслить механизм современного гидротермального процесса. Нашли они много интересного в этом плане и на Узоне.

Но подлинным их открытием было обнаружение на Узонском термальном поле современного отложения рудных минералов-сульфидов мышьяка, сурьмы и ртути — аурипигмента, реальгара, антимонита киновари и др. Фактически Узон является местом современного формирования месторождения перечисленных руд. Таким путём, как сейчас, на Узоне миллионы лет назад образовались многие месторождения, которые разрабатываются в настоящее время.

Об условиях формирования этих месторождений геологи до сих пор могли получать сведения только из экспериментов и теоретических расчётов, основанных на наблюдениях чисто геологического плана. Теперь появилась возможность непосредственных замеров многих физико-химических параметров минерало-рудообразования в реальных природных условиях.

В том же 1969 году на Узоне было сделано ещё одно прямо-таки сенсационное открытие. При минералогических исследованиях на Центральном участке термального поля почти во всех мелких «закопушках» вблизи грязевых котлов на поверхность горячей воды всплывали топкие маслянистые плёнки нефти. По данным одного из первооткрывателей узонской нефти Н. С. Бескровного, нефть концентрируется только в определённых температурных условиях, там, где создаётся своеобразный застойный режим вод. В удалении от котлов, где температура не превышает 35 градусов, нефть не обнаружена.

Интересно, что проявления нефти тесно ассоциируются с минеральными осадками — аурипигментом, реальгаром, самородной серой. Создается впечатление, что нефть участвует в транспортировке и локализации некоторых металлов в высокотемпературных гидротермальных системах.

С другой стороны, факты обнаружения нефти на современном термальном поле наряду с многочисленными находками битумов вокруг высокотемпературных fumarol на действующих вулканах Везувий, Этна, Билюкай, Заварицкого и других наводят на мысль о возможности неорганического происхождения нефти. Исследования в этом направлении могут дать ценный материал как для решения теоретических вопросов происхождения нефти и гидротермальных руд, так и в прогнозировании перспективных месторождений.

Немалый интерес представляет Узон и для специалистов-природоведов. Орнитологов влечёт сюда обилие водоплавающих птиц.

Автор этих строк был очевидцем стаи из 20 белых лебедей, кормящихся в декабре 1973 года на тёплых проталинах Тростникового термального участка вблизи Фумарольного озера.

Не раз наблюдали вулканологи лебедей и в верховьях реки Шумной, которая вытекает из кальдеры Узона. Большие стаи уток зимуют на Фумарольном, Утином — тёплых озёрах — и в верховьях реки Шумной.

Вероятно, термофильные водоросли, растущие в тёплых источниках и озёрах, а также обильная микрофауна, требующая, кстати, своих исследователей, пришлось по вкусу птицам и вполне обеспечивают их потребности в зимнем питании.

Выпускник биологического факультета МГУ А. Стенченко ведёт на Узоне интересные наблюдения за условиями гнездования, периодом высиживания яиц, режимом питания птенцов уток, куропаток, трясогузок, куликов, в изобилии обитающих здесь.

Много работы на Узоне энтомологам, ихтиологам (например, в высокогорном озере Дальнем, не имеющем водостока, живёт крупная форма речного гольца), ботаникам и работникам лесного хозяйства.

*Геннадий Карпов, кандидат геолого-минералогических наук.
Камчатский комсомолец. — 1974. — № 63. — 23 мая.*

ЗАПОВЕДНИК И ТУРИЗМ

В последнее время часто публикуются статьи об уникальных природных сокровищах Камчатки — Долине гейзеров, Узоне, роще пихты грациозной и т.д. Пишут геологи, работники Кроноцкого заповедника, но больше всего — туристы. Как правило, основное место в статьях занимает восхищение красотой этих мест, неповторимостью, первозданностью увиденного. Конечно, мало кто остаётся равнодушным после прохождения кольцевого маршрута — Жупаново — Семячинские тёплые источники — вулкан Бурлящий — кальдера Узона — Долина гейзеров — р. Шумная — Жупаново. Помимо запланированных турбазой — прогулки в реликтовую рощу пихты грациозной (которая устояла в период оледенения и, хочется верить, выдержит натиск туризма), купания в тёплых Семячинских источниках, ошеломляющей встречи с парящей Долиной и ревущими сольфатарами вулкана Бурлящего, сурового, почти 30-километрового перехода через овраг Безымянный и волнующей панорамы кальдеры Узона, буйства красок и движения Долины гейзеров и ощущения могучего дыхания Тихого океана, почти всегда случаются и встречи с полуручными медведями, а если повезёт, то можно отведать и заправской костровой ухи из полузапретного лосося, идущего на нерест в р. Шумную. Ещё недавно весело горели туристские костры

на Узоне и Бурлящем, на которых сжигался значительно поредевший уже кедровый стланик. В общем, впечатлений для людей, впервые попадающих сюда — более чем достаточно.

Специалисты разного профиля от геологов до ботаников, бальнеологов и художников-фотографов после посещения Узона и Долины гейзеров, как правило, по-хорошему «заболевают» ими. То есть эти места вызывают к себе высокий профессиональный интерес. И в этом случае начинается переоценка ценностей. Действительно, туризм как массовое оздоровительное мероприятие приносит много пользы. Но так ли уж необходимо прокладывать туристские тропы непосредственно по «живым» объектам науки? Мне могут возразить в том смысле, что надо показывать людям красоту природы, ибо общение с прекрасным делает самого человека более совершенным, гармоничным. Да, это так. Сотни тысяч людей, прошедших через Эрмитаж и другие сокровищницы искусств, приобщились к прекрасному, обогатили свои знания. Но разве могли бы люди так долго любоваться шедеврами искусства, если бы каждый посетитель музея трогал руками или отламывал себе на память кусочек понравившейся вещи. Это кажется кощунственным. А вот на лоне природы это почему-то допускается.

Мне кажется, дело здесь в том, что мы привыкли смотреть на природу как на саморазвивающуюся систему, которая сама себя защищает, воспроизводит, лечит. Это действительно так. Природа чутко реагирует на всякого рода воздействия, но тем не менее не всегда в состоянии справиться с наносимыми ей ранами.

Например, в Долине гейзеров в последнее время всё более и более заметным становится урон, наносимый людьми волшебному гейзериту. На прекрасных, загадочных замках — гейзеритовых постройках гейзеров Жемчужного, Тройного, Сахарного и др. появились рваные раны. Ежегодно десятки сколов гейзерита разного размера похищаются «любителями» сувениров. Они совершенно не задумываются над тем, что природе в таких случаях очень непросто справиться с насилием.

По геологическим данным, гейзерная гидротермальная система существует около 10 тыс. лет. И за это время образовались гейзеритовые постройки, самые мощные из которых имеют толщину от 10 до 20 сантиметров. То есть нарастание гейзерита происходит очень медленно. Значит, ещё долго наши потомки будут видеть следы варварского отношения нашего поколения к уникальным творениям природы. В этой связи громадная ответственность лежит на организаторах маршрутов, на инструкторах

и дирекции приютов. В их обязанности непременно должна входить квалифицированная информация о наблюдаемых явлениях природы.

Мне кажется, мало кто решится выламывать гейзерит или бросать обиходные предметы в источники после прослушивания интересной лекции об уникальности этих образований, о том, что Узон представляет собой своеобразную минералогическую лабораторию, работа которой чрезвычайно важна для науки. Ну, а для тех, кто глух и непробиваем, чья сознательность находится на стадии ихтиозавра, должны приниматься более действенные административные меры. Форма их может быть самая разнообразная. От серьёзных денежных штрафов, для чего, кстати, должны принять специальное решение об охране природы в заповедниках, до уведомлений по месту работы о неблаговидном поступке туриста.

Но эти меры всё же не могут решить всей проблемы в целом. Долина гейзеров катастрофически быстро разрушается в местах прохождения туристских троп. По условиям рельефа тропы идут по островерхим гребням или в основании крутых склонов, с которых летом случаются обвалы, а зимой сходят лавины. Разбитые, никак не укрепленные тропы облегчают размыв склонов.

Для предотвращения этих явлений необходимо уже сейчас укрепить и забетонировать тропинки и смотровые площадки непосредственно на участке активного движения в Долине гейзеров. В дальнейшем, если всерьёз говорить об «индустрии» туризма на Камчатке, как будто бы имеющей тенденцию к росту, следует пойти на организацию в районе Долины гейзеров достаточно мощной электростанции. Она может стоять на Горном Плато и обеспечивать работу фуникулёров, доставляющих туристов к смотровым площадкам и местам для фотографирования. Кстати, решена была бы и проблема топлива.

Пора бы уже подумать об организации в Петропавловске или Жупанове фото- и камнерезной мастерской для изготовления сувениров для туристов. Получив такой подарок, наверное, многие отказались бы от затеи выламывания «сувениров» из сердца природы.

*Геннадий Карпов, кандидат геолого-минералогических наук.
Камчатский комсомолец. — 1974. — № 66. — 30 мая.*

КРАСОТЫ В РЮКЗАКАХ

Гейзеры! Уникальные природные фонтаны. Они как своеобразные клапаны, сбрасывающие высокое давление в подземных паровых котлах.

Но в этих котлах кипит не пресная вода, а раствор, содержащий до нескольких граммов на литр всевозможных солей, в том числе кремнезём. А, как известно, растворимость большинства солей падает с понижением температуры. По этой причине вокруг жерла гейзеров и многих высокотемпературных источников формируется постройка из гейзерита.

Гейзерит представляет собой аморфное, т.е. ещё не раскристаллизованное вещество, состоящее из кремнезёма и молекул воды. Обычно он белого цвета, но иногда окрашен примесями солей в красивые тона коричневого, голубовато-серого, красноватого и других цветов.

Долина гейзеров — уникальное место образования гейзерита. Другая такая же сокровищница есть ещё только в Калифорнии — это Йеллоунстонский национальный парк. По площади он превосходит Долину гейзеров. Открытый в 1972 г., он, по решению Конгресса США, предназначен для «развлечения, отдыха и удовольствия всех людей». Здесь свыше 1,5 тысячи пешеходных дорожек и троп, асфальтированные автомобильные дороги, специальные смотровые площадки. Ежегодно до двух миллионов посетителей любят здесь волшебным царством горячей воды, пара и камня.

По роду своей работы я ежегодно бываю на Узоне и в Долине гейзеров. Мы проводим здесь режимные наблюдения за температурой, составом горячих растворов, характером минеральных осадков и т.д. Следовательно, всегда обращаем внимание на состояние гейзеритовых построек. И как бывает больно видеть следы варварского отношения к природе — ободранные гейзеритовые постройки, выломанные куски гейзерита. За три последних года интенсивного туризма Долина гейзеров понесла серьёзные потери. В прежде совершенных, изумительных по красоте творениях — гейзеритовых постройках зияют рваные дыры, а в шлейфе жемчужной чешуи гейзеров Жемчужного, Сахарного, Тройного образовались заплаты, превратившие роскошную мантию в ветхий дырявый плащ.

Раны, нанесённые гейзеритовым сооружениям, очень серьёзные. Ведь полностью залечить их Природа сможет очень и очень не скоро. Посудите сами. Гейзеры работают уже порядка 10 тысяч лет, а самые мощные постройки гейзерита имеют толщину не более первых десятков сантиметров. Следовательно, отложение вещества происходит очень медленно. Так что же останется от этой красоты, если люди будут позволять себе отламывать кусочки гейзерита на память о посещении Долины? Ведь в год через нее проходит около 4 тысяч человек. Я думаю

арифметика здесь сверхпростая — через несколько лет Долину гейзеров унесут в рюкзаках.

И это ещё только одна сторона проблемы. Другая заключается в том, что интенсификация туризма приводит к быстрому разрушению Бортов Долины, по которым проходят туристские тропы. Служащие заповедника и в первую очередь смотритель Долины гейзеров Виталий Николаенко имеют материалы многолетних наблюдений, показывающие, как по этим тропам после дождя устремляются потоки воды, быстро превращающие тропу в овраг.

По условиям рельефа Долина вообще трудно проходима. Многие тропы идут по гребням островерхих уступов или в основании крутых склонов, с которых летом можно ожидать обвалы и оползни, а зимой постоянно сходят лавины. Кроме того, к некоторым гейзерам туристская тропа проходит прямо по гейзеритовому плащу других гейзеров. Например, к гейзеру Первенец — по гейзериту Тройного. В других местах при фотографировании гейзерита топчут его постройку.

В то же время туризм, естественно, остановить нельзя. Он будет год от года всё более расширяться. В таком случае нужно искать пути разумного соответствия потребностей туризма и пропускной способности Долины гейзеров. На наш взгляд, в этом серьёзном вопросе не может быть половинчатых решений. Необходима коренная перестройка всей системы обслуживания туристов в этом районе. Вот её приблизительные масштабы.

В районе Долины гейзеров, скажем, на Горном плато в летне-осенний период должна работать электростанция. Её мощность должна быть достаточной для работы фуникулёров, обеспечивающих провоз туристов к смотровым площадкам и местам фотографирования. Смотровые площадки и немногочисленные пешеходные тропинки должны быть бетонированы. Развитием этого комплекса могут стать организация в посёлке Жупаново сувенирных фотомастерской и камнерезной мастерской для производства изделий из местного поделочного камня — игнимбрита, пемзы, базальта.

Нам представляется, что только такие радикальные меры, позволяющие до минимума снизить уровень самодельного туризма, дадут возможность предотвратить разрушение сокровищницы Камчатки — Долины гейзеров.

*Г. Карпов, кандидат геолого-минералогических наук.
Камчатская правда. — 1974. — № 147. — 23 июня.*

«КОРОЛЬ» ЗАБАВЛЯЕТСЯ

Среди журналистов есть негласный закон — читателю нет никакого дела до того, каким трудом тебе достался материал. Верное правило, но я нарушу его. Признаюсь, ни одна работа не давалась мне таким напряжением, как эта. Я, кажется, испробовал все жанры, имеющие хождение в газете. Но мои ухищрения заканчивались именно тогда, когда я зримо представлял, что же, собственно, произошло. И в который раз убеждался, что это событие не втиснуть ни в какие газетные жанры. Поэтому расскажу обо всём, не мудрствуя лукаво.

* * *

Группа туристов — 135 человек (из них более половины составляли подростки в возрасте 14–16 лет) попала в циклон, который нарушил снабжение приютов продуктами и дровами. Ни одна из существующих палаток не выдержит напора дождя и шквального ветра больше суток, поэтому люди, преодолевшие тридцатикилометровый участок маршрута от приюта Бурлящий до Узона — путь достаточно трудный и в хорошую погоду, — оказались в мокрых палатках. Просушить одежду, спальные мешки было негде и нечем; из продуктов остались только галеты и сахар.

Люди были измучены, обувь размокла. Старший инструктор по маршруту доктор медицинских наук Н. И. Моисеева и её коллега врач из Петропавловска проверили состояние здоровья туристов и выявили 59 больных. Созвали экстренное совещание инструкторов и старост групп. Пригласили для консультации работника Кроноцкого заповедника младшего научного сотрудника Маргариту Фролову.

Никакого решения, кроме как срочно добираться до приюта «Горное плато», на котором имелись продукты и топливо, быть не могло. Но к приюту ведут две тропы — новая (обходная — вокруг Долины гейзеров) и старая (через неё). Новая тропа значительно длиннее, труднее и опаснее, потому что проходит распадками, подножьем вулкана Кихпинич, фумарольными полями и, наконец, плохо просматривается, так как проложена в этом году. Помножьте эти условия на непрекращающийся дождь, плохую видимость и вы поймёте, что в данной ситуации вести по ней группу было бы преступлением...

Старая тропа во всех отношениях удобнее, но она закрыта по обоюдному согласию турбазы и заповедника. Идти по ней — означает

нарушить режим заповедности. Поэтому с самого начала это вынужденное нарушение режима решили оформить официально с соблюдением всех правил: составили протокол, на котором стояло заключение представителей заповедника — научного сотрудника Маргариты Фроловой и лесника кордона «Узон» Александра Стенченко. Более того — Маргарита Фролова пошла вместе с группами.

И вот 11 августа в 15 часов у переправы через реку Гейзерная произошла эта знаменательная история. Шёл дождь, порядком измученные туристы стояли на правом берегу, а на левом — лесотехник заповедника Виталий Николаенко, «король» Долины гейзеров, как его в шутку прозвали несколько лет назад гости и туристы Долины.

Давайте на минуту отвлечёмся. Что вправе (по закону) сделать Николаенко?.. Проверить документы, вписать в маршрутные листы отметку о нарушении, составить акт и отправить в дирекцию заповедника, которая совместно с турбазой рассмотрит его.

Что должен сделать любой человек в создавшейся ситуации? Очевидно, выполнив все формальности, предложить посильную помощь — этот неписанный закон непререкаем для любого человека, особенно в тайге. Пусть домик, в котором живут вулканологи и представители заповедника, невелик, но наиболее нуждающихся в помощи он вместит, пусть съестные припасы не бесконечны, но на время можно и поделиться чем-то.

Итак... Руководитель группы Наталья Ивановна Моисеева, подождав, когда последние люди спустятся (вернее, съедут по раскисшему крутому откосу), направляется к мосту. За ней — Фролова. Николаенко ждёт их у переправы. Далее следует такая беседа:

Н. И. Моисеева: — Здравствуй, Виталий.

В ответ — молчание.

Моисеева: — Дело в том, что у нас не было другого выхода. В группе...

В. Николаенко: — Можете поворачивать, вы здесь не пройдёте.

Моисеева: — Послушай, Виталий, у нас нет продуктов, в группе 59 больных, посмотри сам — здесь же в основном дети!..

Николаенко: — Это не моё дело. Вы здесь не пройдёте.

Фролова: — Слушай, Виталий — это дело, в конце концов, согласовано со мной и со Стенченко. Пойми, у них не было другого выхода...

Николаенко: — Вы пройдёте только через мой труп!

Моисеева: — Мы по трупам не ходим. — С этими словами Наталья Ивановна идёт к инструкторам посоветоваться. Николаенко перебегает

через мост и... обрубают канаты, на которых держится мост. Затем расшвыривает бревна, а доски сбрасывает в реку...

Все ошарашены (представьте себе глаза ребят в этот миг). Новое экстренное совещание, на котором решается один вопрос: — Что делать?.. Возвращаться обратно — значит преступно рисковать жизнью и здоровьем людей. Выход один — переправляться. Решили послать Фролову и двух инструкторов к вулканологам за помощью. С большим трудом и немалым риском все

трое переправились через буйную Гейзерную. Тут же на их пути вырос Николаенко. Последовал грозный оклик: назад!

Маргарита вышла вперёд.

— Ну, мне-то ты приказывать не можешь.

И двинулась было дальше, но Николаенко вцепился в неё мёртвой хваткой. — Послушай, Рита, — зашептал он, — оставь ты этих подонков. Что у тебя с ними общего? Ты устроишься в доме, а они пусть топают назад...

— Перестань, Виталий! Насчёт подонков мы поговорим в другом месте, а сейчас немедленно отпусти меня, или я попрошу ребят о помощи.

Ребята не стали ждать просьбы и двинулись к ним. Николаенко разжал хватку и прошипел в лицо:

— Ну ладно, тебе это выйдет боком, товарищ бывший старший научный сотрудник... — И, повернувшись к инструкторам, заговорил тоном раздумывающего человека. — Так вы говорите, что у вас больные? Ну что ж, проверим. Истинных больных оставлю здесь, окажу помощь, а остальные отправятся обратно.

Отобрав документы у инструкторов, «король» приказал выстроить всех больных и начал детальный опрос каждого. Он, не имеющий специального образования (кстати, и среднего тоже), не верил заключению доктора медицинских наук и врачу с десятилетним стажем!.. Два часа шёл «опрос». Лил дождь, дул пронизывающий ветер. У многих парней сжимались кулаки, кто-то предлагал связать лесотехника и немедленно договориться о вывозе его из Долины... Инструкторы с трудом сдерживали их...

Наконец после долгих споров Николаенко смилостивился и разрешил всем пройти через Долину на приют «Горное плато».

Наладили переправу. Она выглядела так: пятеро ребят крепче держали трапы и канаты, стоя в ледяной воде, несколько других помогали перебираться по этому шаткому сооружению. Во время полуторачасовой

переправы инструкторы постарели лет на десять каждый. «Король» сидел неподалеку в позе роденовского «Мыслителя». В 19-30 последние перебрались на другой берег. Оставалось пройти десять километров и одолеть подъём по крутому снежнику. Совсем стемнело; дождь и ветер усилились, но никто, даже девочка, которая могла передвигаться только с помощью товарищей, не согласился остаться в «гостеприимном» домике «короля».

Лишь в 22 часа пришли группы на приют. На следующий день погода улучшилась, но всего 30 человек пошли на экскурсию в Долину гейзеров — остальные болели.

Инструктор, который вел эту группу экскурсантов, ознакомил Виталия Николаенко с актом, написанным инструкторами, туристами и сотрудником заповедника Фроловой. Николаенко не снизошёл до беседы с просто инструктором и потребовал, чтобы явилась старшая по маршруту. Он отлично знал, что у Натальи Ивановны болит нога, и рассчитывал, что она не осилит путь в оба конца. Но она пришла. По её собственному признанию, ей очень нужно было просто заглянуть ему в глаза...

Разговор лесотехнику Николаенко не понравился. В отместку он решил не отдавать маршрутные листы и пропуска инструктору, выданные пограничниками...

* * *

Впервые я услышал эту историю из уст Маргариты Фроловой, с которой встретился в кальдере Узона.

До того были у меня две-три мимолётные встречи с Николаенко в городе, были распросы о «короле» Долины. Из всего этого я так и не вынес ясного суждения о человеке... Рассказ Маргариты поставил всё на свои места. Я, честно говоря, не удивился поступку Виталия — он был в его стиле. Удивился я ему после того, как увидел Долину гейзеров, ощутил тревожную её красоту и притяжение.

Неужели здесь могло произойти такое?!

Но, поговорив с вулканологами, понял, что здесь происходит и не такое...

Сейчас стараниям Николаенко для осмотра закрыто три четверти Долины гейзеров. Именно, прежде всего — его стараниями. Вот где он выказал всю свою энергию! В наступлении на туризм все средства шли в ход — от самовольного закрытия троп с последующим официальным утверждением действий до широкой кампании в прессе, в

государственных инстанциях против турбазы. Война эта длится, а её жертвами являются — Долина и туристы. (Знаете, мелькнула у меня мысль: а что, если подсчитать, сколько человеко-часов серьёзные мужчины затратили на бесплодные споры, собрать этих «воинов», отправить в Долину, вооружить плотницким инструментом, лопатами и заставить отработать эти убитые часы? Уверен — на будущий год туристы ходили бы идеальными тропами и пользовались бы подъёмниками. Я лично с удовольствием отработал бы то время, что затратил на этот материал.)

Ну, а пока... Вот выдержка из письма в редакцию преподавателя Петропавловской средней школы № 7 Ольги Александровны Салатко — человека, страстно влюблённого в Камчатку, опытного инструктора по туризму:

«Везде запрещено ходить. Сидим ещё час. Почитываем проспект-затравку, и такая обида полыхает в нас... Люди, где вы? За что вы украли у ребят Долину гейзеров? Ведь нам ничего не рассказали и никуда не разрешили пройти».

К письму могу добавить ещё один важный штришок. Находясь в Долине (15–18 августа), я наблюдал такие картины — группы плановых туристов бродили по той малой территории, что отведена им для осмотра, потрясали перед экскурсоводом описаниями маршрута, требуя, чтобы им было показано то, что обещано, но в ответ слышали: — А что я могу сделать? Сами видите: закрыто! — и следовал красноречивый жест в сторону запретных знаков, усеявших местность вокруг. А неподалёку, в полосе недоступности, плещутся в горячих источниках какие-то люди, поглядывают на туристов, посмеиваются. И видны ещё малые группы по два-три человека, которые бродят по запретным тропам, фотографируют, рисуют, разглядывают. На недоумённый вопрос: Это кто? — экскурсовод, потупясь, отвечает: «Учёные...»

Когда я знакомился с работой вулканологов и, разобравшись, сколько их здесь, спросил у Владимира Нечаева: А это кто? — он ответил коротко и ясно: «Друзья короля»... Друзей было шестеро.

— Владимир, — пытаю я учёного дальше, — и часто они здесь появляются?..

Нечаев ухмыляется: «Хватает, весь сезон толкутся, не сосчитать. Друзей и подруг у него тьма, со всего света съезжаются. Про визиты высококо начальства я уж молчу — не Долина, а театр»...

Может быть, именно в этом нужно искать причины объявления «королём» Долины войны туристам и даже вулканологам, в доме которых он живёт сам и где живут его многочисленные друзья?.. Ведь до чего уже дело дошло — на учёных составляются акты за то, что они бродят со своими приборами там, где нет троп. Аргументация таких «документов» просто смехотворна, но Николаенко не смущается, он отлично знает — пусть вздорный, но акт. А, как известно — актик к актику, глядишь, и появится соответствующее мнение.

Если с вулканологами он вынужден считаться потому, что от них зависит (да и организация, как ни говори, солидная), то с туристами он не церемонится. Например, с группой инструктора Владимира Карочина он поступил так: завёл в запретную зону и... составил акт о «нарушении».

Вернёмся к нашей истории. Мнения, мнения, мнения... Случай приобрёл самую широкую огласку, можно сказать — всесоюзную, ибо на центральном приюте, где собралось до шестисот туристов со всех концов страны, она обсуждалась всеми без исключения. Не позавидовал бы я Николаенко, попадись он в руки ребят, которые помогали инструкторам переправлять людей через Гейзерную! У всех пятерых сжимались кулаки, когда вспоминали они эту историю. Студент Дальрыбвтуза Владимир Мартемьянов, электрик ТЭЦ-1 Владимир Зеленов, Борис Лукин, Искандер Мухаметзянов — все страстно убеждали меня не оставлять этой истории без внимания.

— Он же камчадалов опозорил перед страной! — возмущались они.

Заместитель директора по науке государственного Кроноцкого заповедника А. Т. Науменко был сдержан, но чётко в оценке действий своего подчинённого: это явное превышение служебных полномочий, граничащее с преступлением. С чисто человеческой точки зрения — неприкрытое хамство. О мерах воздействия, правда, Анатолий Тихонович говорить не стал, лишь сказал: «Обсудим»...

Но об этой истории создаётся и другая версия — создаётся явно усилиями Виталия Николаенко, который не считается ни со временем, ни с расходами на поездки в Петропавловск. Создаётся на заседании «За круглым столом» в редакции, посвящённом охране природы, создаётся в личных беседах и, наконец, письмами друзей, в которых если не полностью, то хоть в малости, в детальке, опровергается акт инструкторов и рапорт старшей по маршруту Н. И. Моисеевой. Николаенковская версия истории выглядит так: в данной ситуации виновны только

туристы. Николаенко — молодец, а Моисеева повела группу по старой тропе только потому, что ей самой трудно было идти...

И, наконец, в одной из последних бесед с Натальей Ивановной Моисеевой промелькнули весьма интересные нотки.

— Вы знаете, — грустно сказала она. — пять лет подряд я езжу на Камчатку, пять лет с радостью жду встречи с Камчаткой. Эта радость всегда оправдывалась. И вдруг — этот случай!.. Я совершенно не располагаю временем, но решила, что не улечу до тех пор, пока не добьюсь какого-то результата. Думалось, что это достаточно просто — если даже оставить чисто человеческую сторону истории, то Николаенко совершил нарушение закона. Да не одно. Смотрите: во-первых, он уничтожил мост, сооружённый турбазой; во-вторых, создал ситуацию, предрасполагающую к возникновению несчастных случаев; в-третьих, провёл незаконный опрос больных; в-четвёртых, он изъял выходные документы и отправил группы без них. И это последнее — грубейшее нарушение пограничного режима.

Любого, считает Моисеева, из этих пунктов достаточно для того, чтобы понять — Николаенко опасен, ему не место в Долине, через которую проходят тысячи туристов, в которой постоянно работают учёные!

— Так мне казалось, — говорит она. — А теперь у меня такое ощущение, будто я ступила в болото... К кому бы ни обращалась, в ответ слышу: «Николаенко — отличный специалист, герой, пострадавший при задержании браконьеров. Он предан Долине. Его знают во всей стране...» А по сути дела — какой из него специалист?! Карта Долины до сих пор не составлена, обходы ведутся от случая к случаю. В общем, когда «король» занят собой, королевство приходит в упадок.

* * *

Что можно добавить к словам учёной? Будем надеяться, что каждый понимает: Долина гейзеров — понятие не тождественное «королю» Долины.

Виталий Николаенко не выдержал испытания известностью. А славу он ценит, умеет вовремя напомнить о себе, быть в центре внимания. Ну, что ж — поможем ему, надеюсь, в последний раз...

*Владимир Ткаченко, наш спец. корр.
Камчатский комсомолец. — 1974. — № 112. — 17 сентября.*

ЗАПОВЕДНЫЕ ЗЕМЛИ КРОНОЦКОГО

I. Когда мир был юн

«Для взошедших всё видно внизу...»

Бальмонт

Мы летим над кальдерой вулкана Узон. Под нами — гигантская котлообразная впадина, расположенная на высоте 600–700 метров над уровнем моря. Дикие рваные скалистые стены окружают её со всех сторон. Лишь в юго-восточном углу исполинского кратера река Шумная, выбегающая из озера, прорезает в левом плато узкий каньон.

Стоит солнечный сентябрьский день, и нам сверху хорошо видны Центральное озеро, блюдца небольших озёр в северо-западной части кальдеры, жёлтое пятно берёзовой рощи, багровая тундра и лысые участки, от которых поднимаются столбы белого пара. На севере отливают свинцом воды кратерного озера Дальнего, окружённые шлаковым кольцом.

Вертолёт садится на тундровую площадку. Мы выходим прямо в заросли голубицы. Это её багровые кусты были так отчётливо видны сверху.

Наша экскурсия в кальдеру Узон и в Долину гейзеров началась...

Группу участников IV Всесоюзного вулканологического совещания построили на площадке перед палатками, и лесник Александр Стенченко произнёс перед нами такую речь:

— Вы находитесь на территории Кроноцкого заповедника. Чтобы не нарушать биоценоз (совокупность растений и животных, населяющих участок среды обитания с более или менее однородными условиями жизни. — *Е. С.*), вам необходимо знать следующее. В кальдере можно ходить только по существующим тропинкам, удаляясь от них не более метра. Ягод не рвать ни в коем случае, так как может не хватить корма обитающим здесь птицам. В реке Шумной и озере Дальнем живёт голец, но ловить его категорически запрещается: можно нарушить экологическое равновесие района (экология — одна из биологических дисциплин, изучающая взаимоотношения организма с окружающей средой — *Е. С.*).

— А что, и вы не ловите? — спросил кто-то.

— Мне можно, — сказал, как отрезал.

И вот мы, выстроившись гуськом, идём по тропинке, «удаляясь от нее не более метра». Идем смотреть fumaroles и горячие источники — последние проявления активности вулкана Узон.

Сто с лишним лет назад кальдере посетил Карл Дитмар — русский учёный, одним из первых описавший деятельность здешних термальных источников. Предоставим ему слово.

В своей книге «Поездка и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг.» К. Дитмар пишет: «Посреди зелени растительности здесь находилось место, около 1/4 версты в поперечнике, совершенно лишённое всяких признаков растений. Множество плоских обнажённых глинистых и песчаных холмиков, с лежащими между ними такими же плоскими домиками, образуют почву этого места, из которого всюду... поднимаются многочисленные маленькие струи пара...

На этих холмах и между ними всюду в большом количестве видны конусообразно вырытые отверстия, в которых при высокой температуре кипит и бьёт бурным ключом жидкая и очень тонкая светло-голубовато-серая глина... Каждый из этих маленьких конусов имел в середине своей маленький кратер, в котором кипела глина; в некоторых она переливалась через край наподобие потоков лавы... У подножья этих замечательных глиняных кратеров находится умеренно-тёплый пруд, на котором я видел плавающих уток».

С тех пор прошло 120 лет. Но по-прежнему кипят в кальдере грязевые котлы, по-прежнему изливается из миниатюрных кратеров горячая глина, и так же, как столетие с лишним назад, парит кальдере, вознося к небу сотни туманных столбов и распространяя вокруг густой запах сероводорода. И в озерах по-прежнему плавают утки.

Туристский лагерь разбит в северной части кальдере. Неподалёку от него высокими колоннами стоит над безжизненной площадкой пар, растекаясь вверху в грибовидное облако. Термальные поля... Земля под ногами дышит жаром, в бесчисленных воронках кипит вода, булькает жидкая розоватая глина, тут и там текут в небольшие озёра горячие и холодные ручейки. Из многочисленных щелей со свистом вырываются струи пара.

— Как в преисподней, — мрачно пошутил кто-то.

Не знаю, не бывал. Мне эти термальные поля представились той уходящей в глубь веков первозданностью, когда Земля, постепенно остывая и успокаиваясь после катастрофических извержений, начинала создавать жизнь. И мы, люди двадцатого века, стоя на термальных полях,

словно переносимся «машиной времени» к началу начал, к бесконечно далёким временам, когда мир был юн. Вот это и есть главное чудо кальдеры Узона. Забегая вперёд, скажу, что на меня (да и на многих других участников нашей группы) Долина гейзеров в этом смысле произвела меньшее впечатление. Там хочется смотреть, здесь — размышлять о жизни.

Разнообразен животный мир Узона. Мы в своих походах по кальдере то и дело вспугивали стаи диких уток и куропаток, видели лебедей, которые круглый год живут на тёплых озёрах. Лесник Стенченко рассказывал, что водятся здесь горные бараны, лисица, соболь, горноста́й, заяц, евражка.

А однажды к нам в лагерь пришёл медведь. Пришёл средь бела дня, ничуть не смущаясь тем обстоятельством, что более тридцати взрослых дядей и тётей, возбуждённо крича и толкаясь, торопливо щёлкали затворами фотоаппаратов, стремясь подойти к нему как можно ближе. Он спокойно стоял на противоположном берегу ручья — огромный, мощный, с белёсой мордой и густой тёмно-коричневой шерстью на спине и груди. Каких-то шесть-семь метров разделяли его и нас. Вернее, его и кашу, которая варилась на костре. Медведь задира́л морду, жадно нюхал воздух, идущий к нему от костра, и хмуро поглядывал на нас — назойливых и шумных. Потом повернулся и неторопливо пошёл к мусорной яме. Не дают, мол, попробовать свежей каши, так полакомлюсь объедками...

Профессиональный охотник Хантер, долгие годы живший в Африке, в своей книге «Охотник» рассказывает об экспедиции в кальдере вулкана Нгоро-Нгоро. Там он и его спутники видели большие стада диких животных, пасущихся в котловине кальдеры. У нас на Камчатке Узон, пожалуй, — единственное место, где в течение одного дня можно встретить самых различных представителей животного мира. Увидеть их в естественном состоянии, сосуществующих рядом с человеком и в то же время совершенно независимо от него. Это — ещё одно чудо кальдеры вулкана Узон. Чудо, которое необходимо всячески сохранять, не нарушая того экологического равновесия, о котором мы уже говорили.

II. Отступление о кальдере Узон

Так что же собой представляет кальдера Узон? Как образовалась эта гигантская котловина, в результате каких геологических потрясений? Что происходит в ней сейчас?

Исследования в этом районе ведутся давно. Первым из учёных побывал на Узоне Карл Дитмар. Затем научную работу вели здесь известные русские и советские учёные — В. Л. Комаров (1909 г.), Б. И. Пийп (1937), С. И. Набоко (1954). В середине шестидесятых годов в кальдере работала большая группа вулканологов — В. В. Аверьев, Г. Е. Богоявленская, О. А. Брайцева, Е. А. Вакин, С. Ф. Главатских, С. И. Набоко, Г. Ф. Пилипенко. Сейчас здесь ведёт исследования отряд Института вулканологии под руководством кандидата геолого-минералогических наук Г. А. Карпова.

Б. И. Пийп объясняет образование кальдеры следующим образом. Когда-то Узон был коническим стратовулканом с конусом высотой порядка 3.000 метров над уровнем моря. В период между 80–50 тысячами лет до нашей эры происходила серия крупных извержений вулкана, вследствие чего конус обрушился и образовалась колоссальная вулканическая депрессия — кальдера размером 9 x 12 километров. Более поздние исследования показали, что в районе нынешней кальдеры было несколько вулканов (в том числе и Узон), извержения которых и привели к образованию этой гигантской воронки. В результате извержений было выброшено 150–200 кубических километров вулканического материала. Для сравнения: объём выброшенного материала во время катастрофического извержения вулкана Кракатау составил 18 кубических километров.

Последним актом этого геологического катаклизма было образование в северо-восточном углу кальдеры маара — кратерной воронки диаметром около одного километра, заполненной водой. Это — озеро Дальнее. Кольцевая стена кратера представляет собой обрывы высотой 60 метров.

Вулканическая деятельность на Камчатке в силу «традиционной» малозаселённости полуострова практически не отражалась на жизни и деятельности народностей, её населяющих. Но известно немало примеров того, как геологические катастрофы становились катастрофами человеческими, трагедиями целых народов.

Знакомясь с материалами по вопросам образования кальдеры Узон, я невольно вспомнил недавно прочитанную мною историю взрыва другого вулкана, уничтожившего высокоразвитую древнюю цивилизацию. Эхо этого гигантского извержения отразилось в Ветхом завете, в легендах и мифах древних греков, египтян, евреев.

Зарубежные учёные Д. Нинкович и Б. Хейзен, выступая с докладом на Кольстонском симпозиуме (Англия) в 1965 году, рассказали

об извержении вулкана Санторин. Он находится в 120 километрах к северу от острова Крит, располагаясь в пределах дуги потухших вулканов Эгейского моря. Катастрофическое извержение около 1400 года до н.э. разрушило остров. Облако, образовавшееся из выбросов газов, паров и пепла, покрыло весь Крит, многие районы Пелопоннеса и Малой Азии. Волны цунами, которые неслись со скоростью 350 км/час, обрушились на северный берег Крита. Через три часа после извержения огромные волны затопили прибрежные земли Северной Африки и Аравийского полуострова от Туниса до Сирии. Катастрофа сопровождалась сильными землетрясениями и воздушными волнами.

В то время на островах Эгейского моря существовала так называемая минойская цивилизация — первая доэллинская цивилизация с политическим и культурным центром на о. Крит (её ещё называют критской). После одновременного разрушения всех минойских городов критская цивилизация перестала существовать. На смену ей приходит микенская цивилизация материковой Греции, возникновение которой учёные относят к 1400 году до н.э.

События, связанные с извержением Санторина — тучи пепла, вызвавшие солнечное затмение, разрушительные волны цунами, затопившие огромные территории суши, адский грохот взрывов, землетрясения, пожары — всё это нашло отражение в египетских священных книгах, устных сказаниях, песнях и легендах той эпохи. Историки отмечали сходство между событиями, изложенными в египетской письменной и устной литературе, и бедствиями, описанными в Ветхом завете. Учёные считают, что именно в результате катастрофы острова Санторин родились в древние времена мифы и легенды, дошедшие до нашего времени: о всемирном потопе, исходе израильтян из Египта, предсказания о приходе Мессии и многие другие. Д. Нинкович и Б. Хейзен считают, что и сказание о гибели легендарной Атлантиды — это отголоски минойской цивилизации, разрушенной катастрофическим извержением Санторина...

А теперь вернёмся в кальдеру Узон. Сегодня она привлекает внимание вулканологов как район интенсивной гидротермальной деятельности. Естественная тепловая мощность термопроявлений узонско-гейзерной депрессии, по данным специалистов («Вулканы и геотермы Камчатки». Петропавловск-Камчатский, 1974) составляет 140 тысяч ккал/сек. Чтобы читатель мог зримо представить себе,

сколько тепла выделяется в этом районе, скажу, что на этом тепле могла б работать электростанция мощностью порядка 100 тысяч киловатт.

В кальдере «собраны» все формы гидротермальной деятельности — и в этом её уникальность! Бурлящие и кипящие воронки, грязевые котлы и вулканчики, парящие площадки с выходами воды, газа и пара... Главные участки термопроявлений находятся севернее озера Центрального, располагаясь на полосе длиной три километра и шириной 200–400 метров.

Таковы основные сведения об узонской кальдере — уникальнейшем уголке Камчатки. И прежде чем покинуть её, напомним читателю, что в кальдере уже несколько лет функционирует турбаза. Со всех концов страны едут сюда туристы — от школьника до академика. За 17 дней пути они многое успевают увидеть на вулкане Бурлящем, в кальдере Узон, в Долине гейзеров. Но многое ли успевают узнать?

Инструкторы, которые ведут группы по маршруту, — как правило, не специалисты. Сведения, доведённые ими до туристов, сводятся лишь к параграфам запретительного характера: чего нельзя делать в заповеднике. И откуда туристы могут почерпнуть сведения познавательные, без чего семнадцатидневный поход по этим удивительно интересным местам превращается в бездумную развлекательную прогулку? Кто, где, когда популярно описал, к примеру, историю возникновения кальдеры или Долины гейзеров, их научную ценность? Кто объяснил нам условия биоценоза, при котором лесник имеет право ловить рыбу в реке Шумной и озере Дальнем, а любой появившийся здесь турист или учёный позволить себе не может?..

Ни популярных книг, ни брошюр о Кроноцком заповеднике на Камчатке нет. Зато есть научные сотрудники заповедника, которые, к сожалению, вряд ли в состоянии утолить читательский голод (когда дело касается вулканической деятельности), ибо среди них нет ни одного специалиста-вулканолога. Но отсутствие информации, как известно, порождает слухи. И вот уже пронёсся слух, что в недрах научных лабораторий заповедника создаётся многотомный труд о флоре и фауне этих мест. Труд выйдет, видимо, не скоро. А что делать сегодня? Изучать инструкции о правилах поведения в заповеднике? Замечу: бесперспективное это занятие.

Камчатская правда. — 1974. — № 236. — 5 октября.

*«Повсюду и вдоль русла, и по скатам
Я увидал неисчислимый ряд
Округлых скважин в камне сероватом».
Данте. «Божественная комедия»*

ДОЛИНА ТЫСЯЧИ ДЫМОВ

Наша группа покинула кальдеру Узона в 10 часов утра. Накануне руководители экскурсии планировали выход на три часа раньше, но густой туман, накрывший котловину ночью, задержал нас.

И вот, наконец, мы идём, вытянувшись прерывистой цепочкой, по восточному склону кальдеры, держа направление туда, где река Шумная убегает в сторону Долины гейзеров. Узкий клинообразный каньон, по дну которого течёт река, образован прорывом вод некогда гигантского озера, расположенного в западной части кальдеры.

Как совершаются такие прорывы? В течение длительного времени небольшой поток воды долбит и долбит себе дорогу в скальном грунте, упорно выискивая наиболее рыхлые, податливые породы; методично «пропиливая» их, он постепенно расширяет русло, готовя дорогу для основных масс воды. Всё это время озеро находится в напряжённом состоянии, готовое излиться, как только поток пробьёт ему путь в горах. И когда этот момент наступает, огромные массы воды устремляются вниз, разрушая стены каньона и расширяя их.

Именно поэтому мы нередко встречаем на Камчатке некие внешние парадоксы; долины рек, текущих в горах, бывают неизмеримо шире самих речек. Примером такого несоответствия может служить Долина гейзеров и речка Гейзерная, текущая по ней. Долина ниже водопадов расширяется до 3,5 километра и в глубину уходит на полкилометра. А речка — её можно преодолеть в три прыжка...

Мы проходим невысокий увал, где тропинка вьётся в кедраче, и спускаемся вниз, к левому берегу реки Шумной. Она течёт здесь неторопливо, плавно, делая причудливые петли по дну каньона. Идём по крутому берегу, мимо белых пемзовых озёрных отложений. Специалисты считают, что в пределах Узонско-Гейзерной депрессии существовал не один озерной бассейн, а система озёр. По берегу реки, вдоль тропы обнажаются сложения второго, более молодого озера. Его уже нет — река унесла его воды в океан. Но геологи, читая книгу береговых отложений, уверенно прослеживают и возраст водоёма, и его бывшее местоположение.

На крутых белых осыпях группа неожиданно замирает. Стоим, зачарованные картиной, открывшейся у нас под ногами: в прозрачных водах Шумной, у самого берега неторопливо плавают большие рыбыны. Это — горный голец. Рыб много, они то и дело собираются в стаи по 10–15 штук и плывут вдоль берега, словно демонстрируя себя. Прямо как в аквариуме...

Шумная уходит вправо, а группа, обойдя высокую сопку, удаляется в широкую долину с золотистым дном. Осенние краски полыхают на крутых склонах, чавкает под ногами вода, неистовствует солнце в прозрачном горном воздухе, и стоит та оглушительная тишина, которую мы, горожане, с непривычки воспринимаем чисто физически: она давит на барабанные перепонки, и невольно оглядываешься в поисках источника раздражения. А источник — тишина...

Начался затяжной подъём на перевал, за которым нас ждёт Долина гейзеров. Мы взяли его сравнительно легко и потом, «форсировав» речку Сестрёнку, стали углубляться в Долину. Туда вёл узкий каньон, по которому тропа стремительно петляет, как заяц, убегающий от погони.

Гейзеры, как и положено чуду, открываются неожиданно. Крутой, дух захватывающий спуск в глубокое ущелье. Сползаем почти на четвереньках, цепляясь за корни деревьев, буквально выбитых из-под земли ногами бесчисленных туристов, прошедших здесь до нас. Вспоминаются слова поэта: «Обнажённые нервы земли...» Но об этом потом, потом, а сейчас мы катимся вниз, думая о том, чтобы удержаться, устоять на этом неверном крутом склоне. Мы уже чувствуем, догадываемся, мы уже наверняка знаем, что вот-вот что-то должно произойти, что-то должно совершиться. И ноги, уставшие от затяжного спуска, в последнем усилии цепляются за эти бесчисленные обнажённые корни, тормозят, скользят, нащупывают тропу, словно чувствуют, что скоро финиш, конец (или начало?) нашего путешествия.

И вот — свершилось! Мы стоим на плоском выступе, а под нами, спрессованная, зажатая чудовищной силой в узком каньоне, дымит, клочечет, изливается и фонтанирует Долина гейзеров. От противоположного крутого склона тут и там поднимается пар, белые облака которого висят над каньоном. Тишина...

Встретивший нас сотрудник заповедника сказал, что гейзер Великан будет работать примерно минут через сорок, и увёл группу вверх по ущелью. Успеем, мол, вернуться... А я остался. Видимо, потому, что просто устал. Сидел на рюкзаке, смотрел вниз, где с грохотом неслась

речка Гейзерная и клокотала в каменных воронках горячая вода, стекая по крутым уступам небольшими водопадами.

И мне повезло. Грифон Великана стал быстро наполняться; вода кипела, выплёскивалась через край, текла вниз, к речке... И вдруг раздался грохот, из грифона вырвался огромный столб воды и пара и устремился вверх, заполняя собой ущелье. Сколько это длилось — минуту, две? Не помню. Клубы белого пара достигли верхних краёв каньона, а потом стали медленно оседать, растворяться в воздухе. Земля вздохнула...

Долину гейзеров открыла в апреле 1941 года геолог, сотрудник Кроноцкого заповедника Татьяна Ивановна Устинова. Вот как она сама пишет об этом: «Весной 1941 г. при обследовании долины р. Шумной, впадающей в Кроноцкий залив, в удалённой и с моря труднодоступной части этой долины нами был обнаружен активно действующий источник — гейзер, впоследствии получивший название Первенец, и близ него ранее неизвестный крупный приток Шумной с тёплой водой.

Летом того же года заповедник организовал специальный выезд для обследования этой тёплой речки. Достичь её удалось со стороны верховий. В результате рекогносцировочного осмотра в долине было обнаружено несколько крупных гейзеров и много активно пульсирующих горячих источников разной величины, в том числе весьма мощных; река была названа нами Гейзерной».

Так скромно, в стиле истинного учёного рассказала Татьяна Ивановна нам, будущим посетителям этих мест, о своём уникальном открытии.

Сейчас всё просто. Вертолёт доставит вас в любую точку полуострова — и вы с воздуха сможете увидеть то, что недоступно человеку, с трудом пробирающемуся сквозь горные ущелья, бесконечные заросли кедрача, через хаотические нагромождения каменных глыб, через пороги и водопады горных рек. И тем удивительней открытие Т. И. Устиновой, которая вдвоём с проводником поднялась вверх по Шумной — коварной и опасной горной реке. И не просто поднялась — открыла гейзеры Камчатки, собрание которых с тех пор стало одним из лучших в мировой коллекции этих источников.

История любого открытия полна внутреннего драматизма. Вспомним, с каким нетерпением, преодолевая бесчисленные опасности, стремился к Южному полюсу английский исследователь капитан Скотт. А когда достиг заветной цели, его ждало жестокое разочарование: незадолго до него на Южном полюсе побывала норвежская экспедиция. И, быть может, именно сознание бесцельности тех нечеловеческих усилий, которые

пришлось приложить Скотту, чтобы достичь самой южной точки планеты, ускорило драматическую развязку: он и его товарищи погибли на обратном пути, были погребены в белом безмолвии Антарктики.

С Долиной гейзеров дело обстояло иначе. Её никто не стремился открывать. Больше того — до Устиновой ни один человек просто не знал о её существовании. А проходили мимо многие. Прошёл в 1853 году Карл Дитмар, стремясь до первого снега достичь устья реки Шумной. Почти по самому борту каньона шёл и академик Комаров — и даже видел облака пара, поднимавшиеся из ущелья. Но принял их за уже знакомые ему по другим местам фумаролы. Ходил в этих местах и Б. И. Пийп. Но никто не спустился в долину.

В чём дело? Почему так долго оставалась «тайной за семью печатями» Долина гейзеров? Ответ прост: гейзеры на речке с тем же названием находились в стороне от традиционных троп. А тот, кто путешествовал по заповедным местам Камчатки, отлично знает, что значит свернуть в сторону от нехоженой тропы... Правда, сегодня дорога в Долину так «накатана», такие бесчисленные массы туристов прошли по ней, что просто не верится, что ещё совсем недавно гейзеры были труднодоступными. Но ведь это сегодня...

Ущелье, где расположены гейзеры, называют Долиной тысячи дымов, Полем битвы титанов, Серебряным каньоном, Долиной утренних рос... Но эти поэтические образы, прекрасные сами по себе, мало что рассказывают об уникальном творении природы, о причинах его зарождения и механизме действия.

А действительно, кто они — гейзеры?

ОТСТУПЛЕНИЕ О ГЕЙЗЕРАХ

Гейзеры — это периодически бьющие горячие источники. Названы они по имени исландского Большого Гейзера, изучение режима работы которого положило основу для научного объяснения деятельности подобных источников.

Давно уже в географической науке существует понятие «самый». Самый активный вулкан мира... Самая большая река... Самое низменное место на Земле... Самая высокая вершина планеты... Но вынужден разочаровать читателя: самый мощный гейзер находится не на Камчатке. Обидно? Что поделать — природа капризна, она располагает эти «самые» по карте мира вне зависимости от нашего желания.

Итак, самый мощный гейзер находится в Новой Зеландии. Его зовут Вайманг; во время извержения он выбрасывает струю воды на высоту 450 метров, выливая в этот момент 800 тысяч литров воды. Я видел, как фонтанирует камчатский Великан — это потрясает. У него струя воды вылетает на высоту 25–30 метров, а столб пара поднимается до 300 метров. Представляю, какое фантастическое зрелище являет собой извержение Вайманга...

Гейзеры известны людям с древнейших времён. Первые были обнаружены в Исландии — стране, по своим климатическим условиям во многом сходной с Камчаткой. Гейзеров здесь много, расположены они в основном у края огромной ледяной пустыни, которая образует возвышенное плоскогорье острова.

Кроме Исландии и Новой Зеландии, гейзеры обнаружены в Америке (Йеллоунстонский национальный парк), Японии, Новой Гвинее, на Тибете, в Чили, Гватемале, Коста-Рике. Как считают специалисты, камчатские гейзеры по силе извержений не уступают гейзерам Америки и Исландии.

Гейзеры известны давно — и так же давно их изучают. Но вот что хочется подчеркнуть особо: теорий о механизме действия гейзеров существует много, но самое точное объяснение дали сравнительно недавно советские учёные. Внешние проявления деятельности гейзеров может проследить каждый — для этого совсем не обязательно обладать специальной подготовкой. После извержения (или фонтанирования, выброса воды — называйте, как хотите) гейзер какое-то время находится в состоянии покоя. Потом начинается стадия наполнения воронки горячей водой, которую подпирают новые порции, более нагретые — и в результате мы видим стадию излива. Вода пока имеет температуру ниже точки кипения. Но мы уже ждём: вот-вот состояние относительного покоя закончится и гейзер начнёт извергаться... Все эти стадии у разных гейзеров (по времени) различны, зависят они от многих причин. Принципиально важно главное — в любом случае достигается один, необходимый для действия гейзера эффект: наступает такой момент, когда очередной выплеск перерастает в мощный выброс воды и пара, который, собственно, и наблюдает каждый, кто бывает в Долине гейзеров.

Но что же происходит там, в глубине канала? Какие силы заставляют гейзер периодически извергаться?

На Паужетских термальных источниках давно ведут исследования камчатские вулканологи. Сотрудники Института вулканологии В. В. Аверьев и В. М. Сугробов в 1966 году блестяще провели оригиналь-

ный научный эксперимент. Они создали гейзерный режим на пробуренной скважине. Это позволило им с максимальной достоверностью объяснить механизм действия гейзеров. В книге «Паужетские горячие воды на Камчатке» Аверьев и Сугробов пишут: «Гейзеры представляют собой разновидность пароводяных, кипящих источников. Обязательным условием существования гейзеров является питание их термальными водами с температурой значительно выше 100 градусов: только в таком случае вода при приближении к поверхности может вскипеть, а упругость пара будет достаточной для преодоления давления и выброса водяного столба...

В отличие от непрерывно действующих пароводяных источников образовавшийся в канале гейзера пар в своём движении намного опережает породившую его воду». Именно эффект опережающего движения пара в канале гейзера и является основой формирования гейзерного режима в термальных источниках.

Вот, пожалуй, и всё о гейзерах. Но я отлично понимаю, что (волью или неволью) своим очерком о Долине создаю ей некую рекламу. А этого делать мне не хочется ни в коем случае. И не потому, что автор эгоист. Просто сегодня дела в Долине обстоят таким образом, что её впору закрывать от любознательных и, заметим, не всегда корректных туристов. Заповедные земли Кроноцкого требуют сегодня к себе самого пристального внимания нашей общественности. Об этом мы и поговорим в следующей статье.

Камчатская правда. — 1974. — № 242. — 12 октября.

После того, как был опубликован мой первый очерк (о кальдере Узон), в редакцию позвонила женщина, не назвавшая себя. Она была взволнованна, говорила запальчиво и сердито:

— Вы отказываете леснику в праве ловить гольца. Это антигуманно. Вас бы на его место! Он в заповеднике круглый год живёт, а витаминов нет. Человек, может быть, цингой болеет, а вам для него гольца жалко... Нет, вы не гуманист...

Такой получился разговор. Я ещё раз внимательно просмотрел очерк — и не нашёл там ни слова о каком-либо «отказе леснику в праве ловить гольца». О том, что леснику можно ловить, действительно писал. А вот о том, что мне якобы для него гольца жалко — извините, ничего подобного в очерке нет. Но тем не менее обвинение в антигуманизме брошено, и тут необходимо разобраться, что к чему.

Договоримся сразу: проблема «лесник и голец», когда речь идёт о Кроноцком заповеднике, настолько мала, что в разговоре об экологических системах (кальдера Узон, Долина гейзеров и т.д.), об их охране и изучении мы её просто опустим. Пусть лесник ест своего гольца, а сердитой читательнице следовало бы уяснить себе, что гуманизм — это слишком большое и серьёзное понятие, чтобы сводить его к гастрономическим потребностям отдельного человека.

Сегодня учёные многих стран мира, занимающиеся изучением экологических проблем, приходят к безусловному выводу, что человек всё более активно влияет на природные процессы, причём влияет отрицательно, нарушая экологическое равновесие, разрывая естественные связи между растительным и животным миром, созданные тысячами эволюционного развития.

Несколько хрестоматийных примеров. Когда-то Сахара была плодородным краем. Но чрезмерное стравливание пастбищ и примитивное земледелие способствовали образованию пустыни. Учёные с горькой иронией говорят о том, что древнегреческую цивилизацию уничтожили козы: интенсивно поедая кустарники и травы на склонах гор, они разрушали биологическую систему, ускоряли эрозию почв. Французский учёный Жан Дорст в своей книге «До того, как умрёт природа» пишет о том, что в результате варварского уничтожения совершенно исчезли с лица земли 310 видов млекопитающих, 320 видов птиц и более 90 видов рыб. По данным комиссии ЮНЕСКО, в 1969 году от морских перевозок и добычи нефти в прибрежных водах в океан попало нефти в 20 раз больше, чем от естественного загрязнения.

Этот печальный перечень можно продолжить. Но суть не в количестве примеров. Важно понять главное: любое вмешательство человека в природные процессы не остаётся без последствий. Причём последствия нередко оказываются трагическими.

Общеизвестно, что природа Камчатки уникальна. Мы, жители полуострова, с законной гордостью говорим и о сказочной красоте окрестностей Эссо, и о целебных свойствах начикинских и паратунских источников, и о неповторимости Долины гейзеров, и о величественной панораме кальдеры вулкана Узон... Да, нам есть чем гордиться, есть что прославлять. Но, как гласит восточная мудрость, если новорожденного подержат 100 рук, пусть даже самых нежных, он заболит. Так и с нашими камчатскими красотами. Сегодня приходится не прославлять их, а защищать. И прежде всего защищать Кроноцкий заповедник.

У него сложная, запутанная судьба. Создан он был ещё в 1882 году как соболиный заказник.

Но шло время. И о заказнике постепенно забыли, уникальные земли оказались безнадзорными. Лишь в 1936 году, после работы на Камчатке комплексной экспедиции Академии наук СССР, Кроноки были объявлены соболиным заповедником. Тогда же здесь начались первые научные исследования, в частности, геологические (вспомним открытие Долины гейзеров Т. И. Устиновой весной 1941 года). Но в 1951 году Кроноцкий заповедник по необъяснимой причине ликвидировали... А через шесть лет создали вновь. Наступил 1963 год — и опять не стало заповедника. Прошло четыре года. Кроноцкие земли снова (надолго ли?) объявлены заповедными...

Закрыли — открыли... Создали — ликвидировали... Эти непонятные манипуляции не пошли на пользу уникальному уголку нашего полуострова. Научные исследования в этих местах проводились урывками. И не случайно, что до сих пор не проведена инвентаризация (описание) фауны и флоры Кроноцкого заповедника. А ведь это — начало начал любой научной работы в заповедных землях. Прежде чем охранять, надо точно знать, кого и что охранять.

В начале шестидесятых годов беспризорные земли «захватил» областной совет по туризму. И начал напористо, деловито и абсолютно безграмотно эксплуатировать их. Приведу выдержки из рекламного проспекта о Долине гейзеров, выпущенного в Москве по заказу Камчатского областного совета по туризму: «Что может быть лучше сувениров, добытых самим путешественником! Привезённые домой ракушки, крабы, морские звёзды, прекрасная ветка кораллов долго будут напоминать о чудесной земле камчатской... А вот рыболовам на привале у реки Новый Семячик можно блеснуть мастерством. В ручьях в изобилии водится голец, ничем не уступающий форели... День туристов заканчивается конкурсом на лучшее приготовление блюд из даров природы... В пути встречаются нерестилища лососей: кеты, горбуши, кижуча».

Это напечатано в 1972 году, через пять лет после объявления кроноцких земель заповедными. Щедрый у нас областной совет по туризму. Взял и объявил на всю страну: приезжайте, дорогие туристы, и владейте! Ловите рыбу, готовьте блюда из даров природы, не обходите стороной нерестилища лососёвых! Увозите с собой сувениры!..

И всё это происходит в заповеднике, в местах уникальных, неповторимых и, заметим, невозстановливаемых. Просто диву даёшься: откуда идёт эта дремучая безграмотность, это непонимание элементарных

азбучных истин? Кто, где, когда внушил работникам областного совета по туризму, что им всё позволено? Кто дал им право так бесконтрольно и безответственно распоряжаться в заповедных землях?

А никто не давал. Сами взяли. Взяли ещё в то время, когда не было заповедника. С тех пор и орудуют, как бог на душу положит.

Сколько писалось за последние годы о Кроноцком заповеднике! С каким пафосом, гневом, сарказмом говорили многочисленные авторы о беспорядках в Долине гейзеров, на вулкане Бурлящем, в кальдере Узона! Нет пешеходных дорожек, мостов, не оборудованы смотровые площадки... уничтожаются деревья, кустарники, гейзериты... какой-то прохвост бросил камень в жерло гейзера... туристские лагеря примитивны, в них негде обсушиться и согреться в непогоду... туристы уничтожают флору и фауну заповедника... Общественность негодует, уговаривает, просит. А областной совет по туризму и в ус не дует. И так — год за годом.

В чём причина? Неужели действительно нет на него никакой управы?

Есть. В бесчисленных спорах мы как-то забыли, упустили из виду, что Кроноцкий заповедник подчиняется не областному совету по туризму, а Главному управлению охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР. В «Положении» о государственных заповедниках говорится, что они создаются с целью охраны редких или ценных животных и растений, а также для изучения процессов, протекающих в природе. Любая хозяйственная деятельность, отрицательно влияющая на флору и фауну, в заповедниках категорически запрещается.

Так что Кроноцкий заповедник находится под охраной закона. Вот с этих позиций, на мой взгляд, и нужно сегодня говорить об этом уникальном уголке нашего полуострова, нашей республики, нашей страны.

Туристский маршрут в том виде, в каком он находится сейчас, наносит непоправимый вред заповеднику. Это аксиома. И пора бы уже нам опустить полемические копыя, открыть забрала и применить закон об охране заповедника. На Камчатке существует организация, которая правомочна это сделать. Я имею в виду дирекцию Кроноцкого заповедника.

К сожалению, эта организация ведёт себя на удивление пассивно. В Долине гейзеров и кальдере Узон, правда, на свой страх и риск что-то пытаются делать лесники. Можно спорить по поводу методов, которые они применяют, охраняя природу от бесчисленных туристов, но нужно отдать должное их искреннему желанию сохранить Долину и кальдеру в первозданном виде. В других местах заповедника нет и этого контроля.

Автору приходилось бывать в различных заповедниках страны: Беловежской пуще, Аскании-Нова, Воронежском, Ильменском. Там туризм введён в очень жёсткие рамки, посетители имеют право осматривать строго определённые места (все они прекрасно оборудованы) и обязательно в присутствии сотрудника заповедника. Отлично поставлена в них и научная работа. Этого, к сожалению, не скажешь о Кроноцком заповеднике. А он представляет собой «одну из немногих и самую крупную в стране природную лабораторию для изучения процессов термальной деятельности, и в частности термального рудообразования», как сказал о нем академик А. Л. Яншин.

Среди научных сотрудников заповедника нет ни одного специалиста-вулканолога. Правда, в кальдере Узон и в Долине гейзеров ведут исследования учёные Института вулканологии. Но работники заповедника вместо того, чтобы установить с институтом тесные научные контакты, нередко мешают вулканологам работать, ставя всевозможные ограничительные условия. Это не я выдумал. О подобных «контактах» мне рассказывал начальник гидротермального отряда на Узоне кандидат геолого-минералогических наук Геннадий Карпов.

Тут есть над чем задуматься. С одной стороны, заповедник отдан на откуп туристам, с другой — изучается слабо, научные работы продвигаются медленно (я уже говорил о том, что до сих пор не проведена инвентаризация фауны и флоры). И выходит, что «Положение» о государственных заповедниках в нашем примере не выполняется.

Научные сотрудники заповедника — в основном биологи. Есть, правда, и один геолог — Маргарита Фролова. Но вот что она сама говорит о своей работе:

— В заповеднике у нас никто не знает, чем должен заниматься единственный геолог, но каждый знает, что я занимаюсь не тем, чем надо.

Грустное признание... Геологу нужна лабораторная база. Она есть в Институте вулканологии. Но Фролову туда не пускают. «В заповеднике это не принято», — ответил заместитель директора по науке Науменко на её недоумённый вопрос. Нет, видите ли, у них традиции научных контактов. Выходит, и не нужны они?

А где же труды научных сотрудников заповедника? Есть ежегодный рукописный журнал «Летопись природы». Есть ежегодные отчёты заповеднику сотрудников Института вулканологии (а для чего они неспециалистам?). Есть ведущая тема — «Изучение экологии пихты грациозной». А вот печатной продукции по фундаментальным проблемам биогеоценоза — этого пока нет.

Но будем надеяться, что труды скоро появятся. И не теряем надежды, что дирекция Кроноцкого заповедника наконец-то разберётся с туризмом в своих владениях и вынесет по этому поводу принципиальное решение.

Общественность ждёт.

*Е. Сьтников, наш спец. корр.
Камчатская правда. — 1974. — № 273. — 20 ноября.*

ЛЮБИТЬ — ЗНАЧИТ БЕРЕЧЬ

Газета «Камчатский комсомолец» не раз писала о том, что уникальная природа Камчатки находится под угрозой, что самодеятельные туристы и плохая организация плановых туристских маршрутов наносят непоправимый вред флоре и фауне Камчатки и, в частности, Кроноцкого государственного заповедника.

На днях Камчатский областной Совет депутатов трудящихся и Камчатский облсовпроф приняли решение «О мерах по благоустройству туристского маршрута и охране природы на территории Кроноцкого государственного заповедника».

Решено считать сохранение природных объектов Долины гейзеров и Узона основной задачей областного совета по туризму и экскурсиям, Кроноцкого заповедника и турбазы «Долина гейзеров».

Для улучшения охраны природы в этот заповедный уголок Камчатки будут направлены специалисты (геологи, вулканологи, ботаники, почвоведы) для изучения возможности благоустройства тропы Долины гейзеров и кальдеры вулкана Узон.

Устройство смотровых площадок, переходных мостов, очистка территории заповедника, обеспечение дровами, заготовленными на прибойной полосе, перенесение до начала туристского сезона приюта из кальдеры вулкана Узон — всё это предусмотрит план проведения благоустроительных работ.

Туристский маршрут в Долину гейзеров откроется только после проведения благоустроительных работ.

Дирекция Кроноцкого государственного заповедника обязана наладить контроль за соблюдением заповедного режима на территории, пропагандировать среди населения области и приезжающих туристов идеи охраны природы.

Камчатский комсомолец. — 1974. — № 144. — 3 декабря.

ЛЕБЕДИ НА УЗОНЕ

Сказочен Узон в зимнее время. Белоснежные борта кальдеры, голубые озёра, по берегам которых стоят одетые в белую бахрому инея деревья, и бесконечные столбы сероватого пара. Вокруг тишина, только с термopлощадок доносится чуть слышное шипение кипящих грифончиков. Но вдруг высоко в синеве зимнего неба раздаются птичьи голоса. Утки и гуси уже пролетели, кто бы это мог быть? Голоса всё ближе и ближе. И вот становится всё ясно — на фоне голубого неба появляются силуэты белых, словно вылепленных из снега лебедей. Со стороны Центрального озера доносятся ответные голоса. Это кричат лебеди, которые постоянно зимуют на Узоне. Здесь ежегодно зимует до 20 лебедей-кликунов. Но на пролёте их бывает значительно больше. Осенью 1974 года через кальдеру вулкана Узон пролетело около 60 лебедей. Здесь они делали кратковременную остановку, кормились, отдыхали и летели дальше. Вопреки ранее существовавшим представлениям о незамерзающем Центральном озере, на его месте остаются только до десяти небольших по площади и мелких озёрец в местах выходов высокотемпературных вод. Температура воды в этих озерцах плюс 10–15 градусов. Зимующие птицы кормятся растущими на дне водорослями. Но Центральное озеро имеет плохую защиту от непогоды. Пурги с сильными ветрами вынуждают лебедей и уток покидать озеро. Утки скапливаются на Утинном озере кальдеры, а лебеди находят укрытие по незамерзающей реке Шумной.

Оседлый образ жизни ведут узонские лебеди. Несколько лет назад в кальдере гнездились две-три пары этих редких птиц. Но с интенсивным развитием туризма в этом районе осталась только одна пара. Да и она летом 1974 года не смогла вывести птенцов. Их то и дело пугали вертолёт, обслуживающие приют «Узон» турбазы «Долина гейзеров».

Лебеди гнёзда делают на Центральном озере. Это — довольно большое сооружение из водорослей, расположенное на мелководье недалеко от берега. Начинает строить гнездо самка в мае. А в июне появляется 3–5 больших (13–14 см) жёлто-серых яиц. Насиживают кладку самец и самка больше 30 дней.

Молодые лебеди, очень невзрачные на вид по сравнению со своими родителями, в течение всего лета кормятся на мелководьях озера. Птицы очень осторожны и человека близко не подпускают. Уже к концу лета они хорошо летают и достигают размеров взрослых птиц, но цвет по-прежнему остаётся серым, издали кажущимся чёрным. Во многих

путеводителях пишется, что на озерах в кальдере вулкана Узон живут чёрные лебеди. На самом деле это молодые лебеди-кликуны.

На следующий год молодые, уже перелинявшие и ставшие такими же белыми, как и их родители, лебеди вместе с зимовавшими птицами улетают из кальдеры. А старые остаются на Центральном озере и принимаются за строительство нового гнезда, так как старое гнездо разрушается льдами.

В Кроноцком заповеднике сейчас решается вопрос о сохранении и увеличении численности этой редкой грациозной птицы в кальдере вулкана Узон.

А. Стенченко.

Камчатская правда. — 1974. — № 303. — 28 декабря.

1975

ВУЛКАНОЛОГИ В ДОЛИНЕ ГЕЙЗЕРОВ

До сих пор знаменитая Долина гейзеров была объектом внимания главным образом учёных — биологов и туристов. В этом году она станет одной из рабочих площадок сотрудников Института вулканологии Дальневосточного научного центра Академии наук СССР. Здесь начала действовать научная станция института. Круглогодичное наблюдение за режимом гейзеров и условиями, вызывающими изменение их активности, помогли организовать учёным автоматические приборы уровня воды типа «Валдай» и ГР-38. Они размещены возле грифонов (кратеров) крупных гейзеров, таких как Большой, Малый, Вундеркинд, Жемчужный, на реке Гейзерной. Приборы чутко реагируют на изменения уровня воды, и самописцы на бумажной ленте создают кардиограмму жизни гейзера. Автоматическая запись даёт возможность наблюдать за режимом фонтанов в любое время суток и с большой точностью. Данные о гейзерах и условиях изменения активности позволили учёным Камчатки получить новые сведения о жизни гидротермальных систем, их связи с вулканологическими процессами.

Камчатская правда. — 1975. — № 50. — 28 февраля.

МЕЛОДИЯ ЗИМНЕГО ЛЕСА...

Над мысом Ольги светлеет восток. Угасает зеленоватый свет последних предутренних звёздочек. Заря всё больше и больше сквозит через чащу леса, отодвигая сумрачные тени морозной ночи. Полоска нового

дня становится всё шире. Кудрявое, словно барашек, облачко торопливо пробегает, освобождая дорогу где-то ещё далеко идущему солнечному величию. В лесу стоит такая звенящая тишина, словно лес ожидает долгожданного гостя, продрогнув за длинную холодную ночь. Всё шире розовая пелена на востоке. Всё больше красок смешиваются и переливаются друг в друга, отчего горизонт становится ещё ярче, ещё красивее.

И... Между далёкими холмами, как с блюдечка, поднимается медленно и величественно огненное дерево. За считанные минуты весь мир изменил свой лик. Солнце всю округу объяло своими ласковыми лучами. Заискрились, засверкали деревья и кустарники, окаймлённые инеем. Ласкает солнце зимний лес холодной лаской. Над миром безмятежно синее небо. Сквозь густой частокол деревьев и кустарников далеко видно, как в бухте, на водной глади солнце чеканит за бликом блик. И по бухте торопливо побежала солнечная дорожка в ослепительном сиянии. Из распадка еле заметно тянет прохладой. Застыли неподвижно чёрные гирлянды ольховых шишек. И кроваво-красными капельками вкрапливаются в белизну искрящегося снега рябиновые гроздья. Кроны деревьев, как флюгеры, «причёсанные» злыми ветрами, устремили свой взгляд в одну сторону.

Радуются новому дню и яркому солнцу птицы. Задорно постукивает по сухим стволам дятел. Винтом взвивается к вершине непоседливый поползень. Здесь же неподалёку снуют синички-пухлячки. И вся эта говорливая компания движется по лесу, роняя серебристые снежинки на землю. Кем-то потревоженная пёстрогрудая кедровка разразится вдруг неистовым криком, и... снова всё смолкает в этом неподвижном белом царстве.

А это что за чудо? Красные рябиновые гроздья начинают двигаться самопроизвольно в такой тиши. Да ведь это снегири лакомятся подмёрзшей ягодой и потом, усевшись поудобнее на веточке, устраивают такой концерт, что невольно вспоминаешь весну со звонкими ручьями и голосистыми пернатыми.

Но короток зимний день. Солнце клонится к горизонту и обдаёт лес красными лучами. Вдали горы оцепенели, боясь расплескать густой настой неописуемых красок, разлившихся по всей бухте. Убывающий день догорает. Гаснут краски неба над далёким горизонтом. Умолкает и зимняя мелодия леса.

*А. Стенченко, лесничий Кроноцкого заповедника.
Камчатская правда. — 1975. — № 55. — 6 марта.*

В те далёкие времена, когда на буровых стояли неуклюжие деревянные копры и слабосильные нефтяные двигатели А-22, Богачёвская партия по выполнению плановых заданий обычно шла впереди. По-видимому, потому что имела прекрасных организаторов работ, каждый из которых не мог минуту сидеть без дела и не давал покоя другим. Но и они не имели бы успеха без своих помощников, под неустанным вниманием которых находились отдельные составляющие работы каждого участка. Одним из таких помощников был Николай Никифорович Зверев.

Старшим буровым мастерам и начальнику партии, очень беспокойному в то же время «канительному» Борису Кондратьевнчу Корнилову, казалось: для исключения простоев бригад и организации скоростного бурения сделано всё — по минутам расписана работа вахт, отработаны сроки перевозок буровых на новые точки и снабжение их материалами, тщательно продумана и утверждена жизнью технология бурения. Но так казалось руководителям. У сменного мастера Зверева, ежедневно отстаивающего восьмичасовую вахту за рычагами управления бурового станка, на этот счёт были свои соображения.

Низкие деревянные копры на буровых позволяли составлять свечу всего из двух штанг. Для бурового инструмента на скважину глубиной 500 метров требовалось 100 штанг, то есть 50 свечей. На подъём из скважины каждой свечи, её отсоединение, постановку в среднем уходило около минуты. На подъём всего инструмента — около 50 минут. Простой подсчёт говорил: если свечу составлять из трёх штанг, их количество сократится до 33 и на подъём всего инструмента будет уходить около 10 минут. 10 минут выигрыша на одной операции, за смену — полчаса,

за сутки — полтора часа. Полтора часа — 3–4 метра проходки. За месяц... Но чтобы составить свечу из трёх штанг, надо на пять метров наращивать буровой копёр.

— Дорогое время теряем, — поясняя прямую выгоду, постоянно при случае и без случая говорил Зверев начальству.

Начальство отмалчиваюсь. И причины на то были: копёр выглядел бы не слишком эффективно, так как и-за отсутствия в партии подходящего длинномера Николай Никифорович предлагал каждую ногу копра сращивать из 4–5 брёвен, и для тех времен восемнадцатиметровый деревянный копёр на колонковом бурении даже в воображении представлялся слишком высоким.

Ранней осенью, когда прилётные кулики и местный гусь, сбившись в плотные стаи, откармливались на богатых кронуцких тундрах, Николай Никифорович неожиданно прекратил разговоры о наращивании копра.

В устье реки Тихой за глиной уходила колонна тракторов и, выпросив неделю отпуска в счёт очередного, он выехал на охоту. Дней через пять, в полдень, когда вся бригада обедала в столовой, к буровой подошёл трактор с санями глины. Сзади на тросу тянулись три прогонистых бревна, которые Зверев выбрал из плавника на безлюдной приливной полосе в ста километрах от посёлка.

Бригада высыпала из столовой. Старший мастер обошёл бревна, удивлённо покачал головой.

— Да-а, добрые ноги...

Когда при очередном монтаже вместо старых ног копра поставили «зверевские» и впервые в истории Богачёвской партии подняли из скважины свечу из трёх штанг, кто-то из сменных мастеров с удовольствием заметил:

— И где ты, Николай, раньше был? Сколько дурной работы переделали! Может, ещё что-нибудь предложишь?

И он предложил.

Каким-то непонятным для нас, сменных мастеров, чутьём буровика он очень часто и почти безошибочно определял породы на 10–20 метров ниже забоя. Перед сменой, бегло просмотрев в ящиках последний керн, Николай Никифорович уверенно заявлял товарищу, который перед ним мучился на раздробленных и перемятых аргелитах.

— А я сегодня буду бурить песчаники.

Песчаники с горизонтальным залеганием пластов все ждали с терпением, так как бурились они слишком хорошо — за один рейс

проходили по 14–16 метров. Этим же рейсом можно было бурить ещё 8–10 метров (коронка едва притуплялась), но колонковая труба была полна керна. Подъём инструмента из скважины необходим. И Николай Никифорович, выждав песчаники, опускал в скважине колонковую трубу длиной до 25 метров. Так как она не выходила из скважины при восемнадцатиметровом копре, он собирал её на хомутах, где и терял минут двадцать. Но, исключив один подъём и спуск инструмента, он выигрывал не менее двух часок. За эти-то часы, как правило, и обгонял нас по проходке.

Почти вся жизнь Зверева прошла на Камчатке — в суровых молчаливых предгорьях, на просторных тундрах, в таинственной таёжной глухомани. Он основательно изучил тайны и закономерности природы — в глухой тайге для него совершенно не составляло труда найти нору с выводком волчат, над заболоченной и до надоедливости однообразной тундрой определить невидимые пути перелёта гусей с дневной кормёжки на ночлег. Любитель спортивной охоты, он не признавал охоту на медведя или оленя и отзывался о ней с явным пренебрежением.

— Мясозаготовки...

Для него, человека полного, грузного, страдающего одышкой, было настоящим удовольствием бродить по топким болотам в поисках крохотного чирка, часами терпеливо выжидать в скрадке гусей, чтобы сделать по ним один-единственный выстрел, месяцами готовиться с товарищами к весенней охоте. И на охоте увлекался так, что забывал буквально обо всём. До сих пор с некоторым смущением вспоминает он о случае, происшедшем в Богачёвке.

Весенней ночью, когда тёплые южники уже основательно подсадили снега, неожиданно выпала пороша. На глянцеvато-твёрдый наст пушистый снег лёг мягким покрывалом. К утру прижал хороший мороз. Николай Никифорович стоял ночную вахту, с нетерпением дождался смены и, схватив ружьё, не переодевшись, бросился на лыжах в тайгу.

На небольшой поляне сразу же за буровой он «захватил тёплый» заячий след. Заяц прошёл перед самым рассветом. Николай Никифорович пересёк ручей и затычным подъёмом пошёл на гребень увала.

Раннее весеннее солнце, хлынув лавиной жарких лучей, пригрело тихую безветренную тайгу. По стволам берёз осторожно поползли холодные ледяные струйки. Николай Никифорович основательно взмок. Впереди крутой безлесый подъём на водораздел. Значит, заяц, перемахнув его, ушёл на днёvку в глубокую долину Татьяны. Гонка по следу

затягивалась. Но оставить «горячий» след Николай Никифорович уже не мог. Сбросив тяжёлые ватные брюки, он повесил их на сук и в белом нижнем белье продолжал погоню.

Чуть позже Зверева вышел на охоту и каротажник Евгений Хавротин. Кто-то из буровиков посоветовал ему спуститься ниже по долине, в старые березняки. По зверевской лыжне Женя покатил вниз и вдруг увидел на кусту ватные штаны. По размерам он определил их хозяина. Женя был страстный и заядлый охотник, но желание подшутить над товарищем взяло верх. Сняв с куста штаны, он осторожно развернулся и по лыжне пришёл в посёлок.

Часа через четыре на лыжне появился Зверев. Бригада высыпала из балков на торжественную встречу, кто-то даже пристукивал по дну тазика.

Николай Никифорович честно признался — около часа искал штаны и никак не мог понять, куда же они испарились. След-то на лыжне был только один. Исследовать же лыжню более детально ему просто не пришлось в голову.

В глухих уголках камчатской геологии жизнь идёт со своими особенными трудностями и заботами. В прошлом году Николаю Никифоровичу было предложено переехать в Мильково. Поблагодарив, он усмехнулся.

— Стоит ли? Конечно, в Милькове жизнь веселее и лучше. Но привык я к этим проклятым тундрам на западном побережье. Кустика порядочного не увидишь, а тянут...

В. Попов, геолог.

Камчатская правда. — 1975. — № 74. — 29 марта.

НА СТРАЖЕ ЗАПОВЕДНОЙ ТИШИНЫ

Светает. На востоке полыхает багряное зарево. Звёзды одна за другой меркнут и расплываются в светлеющей синеве утреннего неба. Оцепенели и застыли от холода деревья. На их ветках пушистая бахрома свежевывапавшего снега. Иногда взлетит, с шумом разрывая тишину, стая розовых от восходящего солнца куропаток.

Между неподвижно стоящих кустарников и деревьев тянется широкая лыжня. Это идёт на обход своего участка лесник Кроноцкого заповедника. Внимательно прислушиваясь к тишине леса, всматриваясь в следы зверей, он часто останавливается и что-то записывает в свой дневник. Потом осматривает окрестности в бинокль — нарушений нет, тихо и безмолвно в заповедном лесу — можно идти дальше.

Всегда, когда смотришь на этих сильных людей, проникаешься к ним глубоким уважением.

Николай Пименович и Прасковья Александровна Киселёвы — старейшие лесники заповедника. Они работают в нём с самого начала его организации. Николай Пименович — человек преклонных лет, большой знаток природы. Его участок Семячикский лиман. Он охраняет тихие заводи лимана, кишашие тысячными стаями уток и куликов. Спросишь у него, что это за птицы там? Взглянув на водную даль лимана в бинокль, он без промедления ответит: «Морянки это, вчера прибыли».

Его жена Прасковья Александровна или, как её все называют в заповеднике, тетя Паша, неутомимая хранительница пихты грациозной. Зимой на лыжах, а летом пешком она каждый день навещает камчатскую красавицу. Особенно беспокойная пора летом, когда наступают пожароопасный период и разгар туристического сезона. Раз в день, а то и по два раза приходится наведываться туда, следить, не сломал бы кто бесценную веточку, не бросил бы зажжённую спичку или непотухшую папиросу. От пихтовой рощи до кордона пять километров, и вот так каждый день по 10 километров проходит Прасковья Александровна.

С глубоким уважением отзываются сотрудники заповедника о леснике Валерии Карбышеве. Строгость и непримиримость к нарушителям заповедной тишины — вот, пожалуй, главная черта его характера. Этот человек словно родился в лесу. Туда его словно магнитом тянет. Ни дождь, ни метель ему не преграда.

На самом дальнем кордоне заповедника на реке Чажма живёт и работает уже много лет энтузиаст своего дела Евгений Кузнецов. Окончив Ленинградский университет, он приехал в заповедник и стал участковым лесничим. Люди, живущие на дальних кордонах (их всего четыре), находятся в чрезвычайно трудных условиях. По два-три года иной раз не покидают они свои леса.

Самый молодой лесник заповедника Валерий Тырлышкин. Этот юноша с лёгкостью променял тёплое, уютное побережье Крыма на беспокойную суровую жизнь в заповеднике.

Большое, важное дело делают лесники Кроноцкого заповедника, они не только охраняют первозданность природы, но и ведут круглогодичные научные наблюдения за четвероногими обитателями своих угодий.

*А. Стенченко, лесник Кроноцкого заповедника.
Камчатская правда. — 1975. — № 105. — 5 мая.*

МАРШРУТЫ ПО ЗЕМЛЕ ЗАПОВЕДНОЙ

Вот и остались позади месяцы длинных ночей, тысячи километров лыжни, десятки тысяч следов — всё то, что теперь обстоятельно, в процессе камеральной обработки будет анализироваться, приводиться в систему, обобщаться и сравниваться. Время подводить итоги.

Трудной оказалась для нас зима 1974–1975 гг. Трудной, но плодотворной. Освоены новые районы, изучены всевозможные варианты зимних проходов по территории заповедника, выполнен в полном объёме план зимних учётов фауны. А это значит, что сегодня мы имеем достоверные сведения о численности зимующих лебедей, о численности каменного глухаря и куропатки, волка и россомахи, лисицы и зайца, ласки и горноста, снежного барана и северного оленя. Мы знаем о количестве соболя — этого ценнейшего представителя камчатской фауны, которому по праву принадлежат лавры зачинателя заповедного дела России. Именно он, камчатский соболь, был виновником организации соболиного заказника в Кроноках в 1882 году. И хотя потребовалось ещё столетия, чтобы Кроноцкий край стал истинно заповедным, и ещё почти столько же, чтобы несколько раз испытать его судьбу на прочность неоднократно «закрытиями», сейчас заповедник встал «на ноги». Недалёк тот день, когда после двадцатилетнего перерыва выйдет в свет второй выпуск научных трудов его коллектива.

Трудно сопоставлять современную плотность соболя с плотностью периода организации заказника. Не одно поколение охотников явно и тайно осваивало камчатские угодья, и редко кто обращался с ними похозяйски. Большинство, обуреваемое жадой наживы, истребляло всё поголовье, отстреливая зверя даже в запрещённые сроки. Не случайно в своё время потребовались особые меры по восстановлению численности соболя, а в 40-х годах были организованы крупнейшие соболиные заповедники — Печоро-Илычский, Кондо-Сосьвинский, Алтайский, Саянский, Сихотэ-Алиньский и Кроноцкий (в 1934 году).

О том, сколь эффективно заповедывание соболя, судим мы по результатам ежегодных зимних учётов и путём сопоставления с численностью зверя на сопредельной территории. Сейчас с уверенностью можно утверждать, что ежегодное увеличение плотности соболя на заповедной территории — 10–15 процентов, а потенциальный прирост от основного запаса стада около 120 процентов. Значительная часть прироста расселяется за пределы заповедника и обогащает сопредельные угодья.

Сравнительная оценка численности зверька на осваиваемых и закрытых угодьях подтверждает высокую эффективность заповедывания больших территорий. Количество соболя в центральных угодьях Кронок в 2–3 раза больше, чем в удалённых идентичных угодьях госпромхозов. Кроме количественного увеличения, налицо и качественный эффект — улучшается состав популяций, их возрастная структура, уменьшаются отпад молодняка и смертность взрослых особей.

Нет, не зря отмерены сотни километров, не зря установлены прочные заслоны по границе заповедника. И пусть малозаметен труд коллектива, а итог работы познаётся нередко много лет спустя, мы уверены — доброе дело охраны природы окупится сторицею, а потомки будут благодарны за заботу, которую проявляет советский народ о природе грядущего.

*А. Науменко, зам. директора по науке Кроноцкого госзаповедника.
Камчатская правда. — 1975. — № 135. — 8 июня.*

СВЯЩЕННАЯ РОЩА

Этот запретный, украшенный древним поверьем редчайший пихтовый лес на Камчатке — в своём роде великий уникам. Сгори он или выверни его землетрясением, люди больше не увидят вечнозелёную пихту, которой учёные дали определение «грацилис» — стройная, тонкая, хрупкая, изящная. Образно говоря, камчатский пихтовый лес — это такая же редкость, как исчезнувшие морские коровы.

Мысленно перенесёмся на восточный берег Камчатки, где высятся два полуторакилометровых вулкана — Большой и Малый Семячки. С их крутых склонов, покрытых каменной пеной и кое-где землёй, сбегает быстрая короткая речка Старый Семячик. Сливаясь с Новым Семячиком, она бежит в Кроноцкий залив.

Роща неприкасаемых пихт, издревле окружённая народным «табу», стоит близ прозрачного, каньонного Нового Семячика. Пихтовая долина заросла могучей травой. А вокруг редчайшего перелеска поднялся парковый лес пугающе-необычной каменной берёзы. Её толстые серокорые ветви-змеи, идущие почти от земли и усыпанные большими овальными листьями, словно упитанные живые питоны, тянутся из стволов, напоминая многоголовых и многошеих чудовищ.

Каменные берёзы хороводом заботливых нянюшек берегут реликвию Дальнего Востока — священные пихты Камчатки. Заповедный

островок полон весёлых чирикающих птиц. Тянется он узкой лентой почти на километр.

В начале 1744 года этот пихтовый остров увидел соратник Беринга учёный Георг Стеллер и подробно описал его. Российский академик Степан Крашенинников, кочевавший по полуострову четыре года, сообщает в своей знаменитой книге «Описание земли Камчатки»:

«На южном берегу объявленной губы по низменным холмикам растёт малое число пихтовника, которого дерева нигде на Камчатке более не примечено. Оной лес у камчадалов как заповедной хранится, так что никто из них не токмо рубить его, но и прикоснуться не смеет: ибо уверены они преданием стариков своих, что всяк, кто б ни дерзнул им прикоснуться, бедственной смертью скончается». Далее путешественник добавляет, что по легенде заповедный пихтовый бор вырос над телами погибших от голода камчадалов.

Мы можем представить картину, как 250 лет назад русские землепроходцы подолгу стояли у священных серых пихт, покрытых фиолетовыми смоляными желваками; как они растирали в руках их жёсткую душистую хвою, а по стволам вверх-вниз рывками сновали трясогузки и непревзойдённые древолазы — поползни.

В начале нашего века ботаник В. Л. Комаров детально изучил зелёный мир Камчатки. Он установил, что стройная пихта — эндем и что Семячиковая роща — великое сокровище русской флоры. Поэтому пихте-уникуму присвоено имя первоисследователя Комарова. Академик считает пихту «грацилис» древнейшим лесным аборигеном Камчатки и полагает, что она — «вероятный памятник древних лесов, погубленных извержениями вулканов в доисторическое время».

После открытия Комарова из ботанических садов мира посыпались просьбы выслать семена реликта. Но камчатская реликтовая пихта не каждый год даёт семена, хотя плодоносит с 70 лет.

Эндемическая плоскохвойная пихта Камчатки — прямое, стройное дерево 12–20 метров высоты, с тонкой, гладкой серой корой. Её крона начинается низко от земли, она густа и похожа на острое яйцо. В ней весело живут миролюбивые серые гаички и непугливые рыжие кушки — мастера копировать птичьи голоса.

Пихта нашей страны — красивое долгоживущее дерево. Амурская пихта вырастает до 25 метров, приморская цельнолистная — до 55. На Кавказе пихта — могучий исполин в 60 метров. Камчатская же «грацилис» из-за сурового климата поднимается максимум на 20 метров.

Диаметр её всего 20–35 сантиметров. Поэтому при большой высоте полуостровная пихта имеет изящный вид обхвоенной зелёной мачты. Очень красивы её чёрно-фиолетовые, почти лиловые шишки-свечи длиною со спичку и толщиной с крупную свечу. Хороши её двухсантиметровые плоские, как пластинки, большие хвоинки. Ботаник Хультен считает камчатскую пихту видом, близким к сахалинской.

Много учёных и краеведов изучали эндемическую красавицу Семячика — Новограбленов, Арсеньев, Кабанов, Крохин, Воскобойников, Турков, Маценко, Шамшин. Но первыми были Крашенинников, Стеллер и Комаров. Ценно подробное и авторитетное описание камчатской пихты у славного дальневосточного ботаника Д. П. Воробьёва, чьи книги и труды — настольная книга каждого, кто любит флору Дальнего Востока.

*Г. Пермяков, действительный член Географического общества СССР.
Камчатская правда. — 1975. — № 135. — 8 июня.*

ЧОЗЕНИЯ

Это таинственное поэтическое название принадлежит одной из представительниц многочисленного семейства ивовых, красавице «корейнке», как называют ее на Дальнем Востоке. Изумительно стройное, очень красивое дерево, достигающее 37 метров высоты и 75 сантиметров в диаметре, широко распространено в Приамурье и Приморье.

У нас на полуострове чозения весьма редка и встречается лишь по узким долинам верховий рек в горных районах. Ещё реже удаётся любоваться этой спутницей тополя жителям восточного побережья. Можно пройти сотни километров и не встретить ни одного дерева. От мыса Шипунского до мыса Кроноцкого изолированные колонии чозении можно встретить лишь на реках Шумной, Богачёвке и Лиственничной.

Островной характер её размещения объясняется привязанностью

к галечниковым косам, к хорошо дренированным крупноразмерным почвам. Не переносит чозения ни застойного переувлажнения, ни иссушенных береговых террас. И только на наносных косах стоят её рощицы. Здесь, пустив глубоко мощный стержневой корень и широко раскинув цепкие боковые ответвления, дерево, подобно спруту, присасывается к земле-кормилице, обеспечивая себе обильное питание и защиту против жестоких ветров.

Земля и вода балуют «корейнку», выращивая за четыре десятилетия шестнадцатиметровую красу. По энергии роста на Камчатке нет ей равных. Более 450 кубических метров отличной древесины с гектара можно получить от неё к периоду старения. А стареет дерево быстро — к 60-ти годам чозению поражают недуги. Однако растение успеваает оставить после себя потомство.

Раскрыв в августе многочисленные плодовые коробочки, отправляет дерево своих ещё не родившихся потомков, словно гонцов, на освоение новых территорий, предоставив их в распоряжение вездесущего ветра. Но далеко ли улетишь за два-три дня? Если не нашли семена за этот период приюта — значит, погибли. Уже на пятый-шестой день всхожесть их теряется. Из-за такой специфики возобновления нет возможности виду распространиться широко, оторваться от материнской опеки. В то же время родители не позволяют поселиться в «своей квартире», возобновления под пологом, как правило, не бывает.

А как же, спросите вы, оказались на столь далёком расстоянии от основных мест обитания совершенно изолированные, незначительные по площади чозениевые леса? Как сохраняют они себя от натиска и засилья древесных сородичей, более широко распространившихся в этих местах? Почему не вытесняют чозению тополь и ольха, осина и другие виды ив?

Вряд ли можно сейчас дать ответ на поставленные вопросы. Ясно одно: не случайный занос семян послужил началом чозениевых лесов на Камчатке и уж, конечно, не искусственное переселение дерева человеком. Скорее, это остатки лесов прошлого, сохранившиеся благодаря лучшей приспособленности к местам, на которые не претендовали ни повсеместно прогрессирующие каменноберезняки, ни ольховники, ни прочие представители семейства ивовых.

А тополь, ставший спутником чозении, нередко защищает подругу свою от непогоды — от ветров и снегов камчатских. Будучи

недолговечным, тополь не пытался вытеснить чозению, а находил целесообразным совместное существование. Он небескорыстен — ведь его спутница, получая защиту, благодаря мощной мочковатой корневой системе сама дренировала почву и предохраняла корни тополя от вымокания. Так формировались сложные насаждения, и поныне сохранившиеся высокую устойчивость и производительность.

Недолог век чозении. Редкому дереву удастся дожить до 80–90 лет, но за этот короткий срок ствол у основания обычно не бывает менее полуметра, и, стало быть, толщина годичных колец, то есть величина ежегодно нарастаемого слоя древесины, оказывается близкой к сантиметру. Не потребуется даже лупы, чтобы достаточно хорошо рассмотреть и проанализировать годичные кольца.

Оказывается, они вовсе не одинаковые. Есть кольца толщиной до 1,5 сантиметра и есть 2–3 миллиметра. Неодинакова и структура рассеянососудистой, ядровой древесины, различно соотношение ранней и поздней древесины по годам.

Богатейшую информацию дают нам кольца дерева. В них, как в запоминающем устройстве кибернетических машин, сосредоточены сведения о погоде и климате всего периода жизни, о сейсмопроявлениях и режиме влажности, о случаях натиска вредителей и болезней.

Недалёк день, когда человек в совершенстве овладеет методами создания устойчивых, высокопроизводительных лесов. А первыми помощниками ему уже сейчас могут быть исстари сохранившиеся девственные участки тайги, в том числе и массивы чозении. И несмотря на то, что её ценная древесина пригодна для авиастроения, машиностроения и является лучшим материалом для изготовления долблёных лодок-батов, рубки её ограничены.

Берегут чозению лесоводы. Заслуженно берегут и пытаются расселить на более обширной территории. Не случайно плотно закупоренные в бутылки семена чозении совершали авиаперелёт в Москву. И в первый же год в питомниках зазеленели крохотные сеянцы, пробивая дорогу в будущее.

*А. Науменко, зам. директора по науке Кроноцкого заповедника.
Камчатская правда. — 1975. — № 144. — 19 июня.*

СТРАННЫЕ ДЕЛА

Глава 1. «Сюжет для плохого романа»

Передо мной две стопки документов. Одна — плотна не только по количеству бумаги, но и по деловитости, серьёзности тем, поднимающихся в них; вторая — мала по всем показателям. И тем не менее последняя оказалась куда весомее в определении на какое-то время судьбы человека.

Обратимся к первой стопе. Приведу цитату:

«Центральная лаборатория охраны природы МСХ СССР получила письмо сотрудника Кроноцкого государственного заповедника А. М. Стенченко, в котором он пишет о возможной гибели уникального природного участка. Речь идёт о крайне интересном с научной точки зрения и пока ещё слабо исследованном локальном термобиоценозе Узон-Гейзерного термального района Кроноцкого заповедника в кальдере Узон. Для нас нет сомнения в том, что научные интересы в данном случае должны быть поставлены на первое место, тем более что (судя по письму тов. Стенченко) без ущерба для интересов туристов можно направить их поток к другим, в общем, значительно более привлекательным объектам (Долина гейзеров, вулкан Бурлящий)... Было бы целесообразным организовать действительно комплексные исследования этого района силами также и учёных Дальневосточного научного центра АН СССР».

Письмо это адресовано Главному управлению охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров СССР, Камчатскому облисполкому, члену-корреспонденту АН СССР А. П. Капице — председателю президиума ДВНЦ, в Кроноцкий заповедник и лично А. М. Стенченко.

Документов такого ранга несколько, и только размеры газетных полос удерживают меня от дальнейшего цитирования. И всё же перечислю некоторые из них.

Это письма, содержащие конкретные предложения по организации исследований в Узон-Гейзерном термальном районе, в институт «Вулканологии», в Дальневосточный научный центр, учёному совету Кроноцкого государственного заповедника, Главному управлению охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров СССР. Письма от А. М. Стенченко и ответы на них (подобные процитированному).

Налицо оживлённая переписка с видными учёными: биологами и орнитологами страны; налицо также шесть приглашений принять участие в научных конференциях (всесоюзных и международных, с последующим опубликованием статей в материалах конференций).

И это не всё. Передо мной восемь публикаций в научных журналах.

Несколько выступлений в прессе, на радио и телевидении с научно-популярными статьями.

Договоры с издательствами на выпуск научно-популярных книг о животных и птицах Камчатки.

Прочитав все эти документы, невольно рисуешь себе образ молодого и, судя по отношению к нему известных учёных, талантливого исследователя, фанатично преданного науке, и мечтателя.

Однако, если прочитать документы из другой стопки бумаг, узнаешь о А. М. Стенченко следующее: рядовой лесник Кроноцкого заповедника, не очень дисциплинированный, грешен не в одном — многих грехах.

Леснику Стенченко объявлено два выговора за нарушение трудовой дисциплины. Первый — за то, что в день прилёта заместителя директора по науке Кроноцкого заповедника А. Т. Науменко в Долину гейзеров Стенченко оказался не на Узоне, а в Долине (на расстоянии трёхчасового перехода). Второй за то, что Стенченко задержался в Петропавловске на один день для выступления по областному телевидению (эта передача об Узоне, богато иллюстрированная отличными фотографиями, признана специалистами и зрителями лучшей на эту тему). Соответствующие отзывы были присланы в заповедник, но во внимание приняты не были. Более того — в Жупанове Стенченко ожидал ещё один приказ, где было сказано: «Ввиду необеспеченности средствами для нормальной жизни кордона Узон, а также средствами связи, что противоречит правилам техники безопасности, перевести лесников А. М. Стенченко и Т. М. Чеботарь (жена) в Кроноцкое лесничество на должность лесников».

Вторая часть приказа не вошла в окончательный вариант. А она гласила, что в случае отказа от перехода оба будут уволены по соответствующей статье КЗОТа.

На время оставляю без комментариев все приказы. Вернусь к документам этой серии. Маленькая цитата из заявления небезызвестного на Камчатке «короля» Долины гейзеров Виталия Николаенко (да простят меня знатоки русского языка за дословное цитирование) в уголовный розыск Елизовского РОВД: «...В дополнение к заявлению о пропаже вещей от 31 декабря 1975 года (в нём он обвиняет вулканологов В. Н. Нечаева и А. И. Самойленко в краже его вещей). Мне хочется дополнить некоторые сведения о присвоении вещей Александром Стенченко. Александра Стенченко я знаю с 1970 г., когда он проходил практику в Кроноцком заповеднике. Первое время он производил впечатление романтика-энтузиаста. При более близком знакомстве выяснилось, что у него болезненное желание к присвоению чужих вещей...»

Если к этим документам прибавить слухи, что роятся вокруг личности Александра Стенченко в «столице» земли Кроноцкой — посёлке Жупаново, то получается всё как в плохом романе, где молодому главному герою приходится доказывать вполне очевидные истины, а его почему-то никак не хотят понять. Такая схема романа сейчас вызывает скептическую ухмылку читателя, но жизнь позволяет себе и не такие перебивы во времени...

Глава 2. «Покинутые гнёзда»

За восточной стеной кальдеры вовсю полыхает заря, на глазах набухая густо-алым соком. А сюда, на озеро Центральное, донесли только две капли зари. Упали в центре тёмного блюда, высветили оконца до самого дна, и чернота вокруг них стала ещё гуще, словно спрессовалась. Из стылой этой тьмы выскользнули два белых лебедя. Выскользнули и замерли в светлых оконцах. Вокруг тишина, и только изредка доносится откуда-то тоненькое (тише комариного звона): тлинь-тлинь...

тлинь. Самец грациозным поворотом головы оглядел всё вокруг и, словно разрешая, кивнул подруге. Та быстрым скольльзящим движением опустила голову в воду, беззвучно вынесла её на поверхность и встрепенулась, рванувшись навстречу солнцу. Капли воды, поднятые движением и густо усеявшие её шею, заиграли всеми цветами радуги, словно надела царь-птица к белому своему платью алмазное ожерелье. Капли-брильянты срывались с её розового клюва, падали, блеснув сразу алыми и синими всполохами, и до нас доносилось всё то же серебристое: тлинь-тлинь...

Мы не смотрели, мы впитывали в себя это чудное видение. Даже собака Майга зачарованно глядела на лебедей, и не было в её позе ничего хищного, она — любовалась...

Вдруг Майга насторожилась и повернула голову на юго-запад. Я тоже прислушался. Через некоторое время до нас донеслось прерывистое рычание мотора. С каждым мгновением оно становилось всё громче, надсаднее. Птицы замерли, насторожились. Самец издал тревожный клич и ринулся на взлёт. Несколько мгновений — и лебеди скрылись. А озеро Центральное вновь почернело, хоть и заглядывало уже солнце в долину, вычерчивало графически чёткий абрис западной стены кальдеры Узона.

Только на один миг я встретился взглядом с Александром — в них плескалась боль. А вертолёт рычал и рычал, всё никак не появляясь. Саша заметил, как я недоумённо оглядываюсь, сказал грустно: «Эхо. Кальдера похожа на чашу. Когда над нами появится, то ли ещё будет!» Мы помолчали. Наконец, взглянув прямо, он произнёс, видимо, то, что давно уже рвалось с языка, но сдерживалось до поры: «Сами ведь губим уникальнейший научный полигон! Через год-два локти будем кусать. Вот это последняя постоянно живущая в кальдере пара. Да и те гнездовые покинули. И что самое обидное — яички были уже почти насижены. Не будет потомства. Улетят, наверное, найдут места поспокойнее...»

Над нами пролетел вертолёт, сделал круг, другой, третий и завис над посадочной площадкой. Двигатель, работающий в форсированном режиме, грохотал. Наконец машина затихла, и только эхо долго ещё перекатывалось над кальдерой.

— Весной тут черным-черно от птиц, — снова заговорил Стенченко. — Многие виды останавливаются здесь для отдыха во время перелётов. В принципе, это единственное в радиусе 500 километров место, где птицы могут отдохнуть и прокормиться некоторое время.

Всего я пока зарегистрировал 90 видов птиц. Пятьдесят видов гнездуются в кальдере, — Александр внезапно замолк, потом добавил тише, — вернее, гнездовались. Как только начинаются полёты турбазовских и прочих вертолётчиков, птицы снимаются с гнёзд, оставляют почти насиженные яички... То же самое и со зверями — весной я насчитал 20 видов, в том числе и очень редких теперь на Камчатке волков и леммингов. А сейчас... — Александр махнул рукой и отвернулся. Тишайшая лайка Майга, словно поняв переживания хозяина, вдруг заскулила и тявкнула.

— Спокойно, Майга, — приказал Саша по-английски. Я невольно улыбнулся: сколько разных разностей говорится о Стенченко. И верно: подавать команды собаке на английском! Ездить на детском самокате, который тянет лайка!

А нужно сказать, что этот способ передвижения для Александра — настоящее спасение. Стенченко — совсем небольшого роста, лёгкий, очень подвижный и ловкий — где отталкивается ногой, помогая собаке, где просто сидит. И вот таким образом за день проходит до 80 километров. А что такое таёжный километр, может понять даже непосвящённый человек. Только и невероятная эта цифра — 80 км никак не может удовлетворять Александра. Ему нужно побывать ещё в десятках точек кальдеры, понаблюдать, посчитать, промерить и проверить... В принципе, с такими конкретными наблюдениями и подсчётами справился бы, немного подучившись, любой. Дело Александра — обобщить результаты, сравнить, нащупать тенденции, поставить опыт — но он всего-навсего лесник, его тема не стоит в плане научных работ заповедника... Был, правда, любопытный выход из положения, но... Впрочем, об этом позже. Вернёмся к «чуждачествам». В первый же день знакомства я отметил, что в разговоре с женой он частенько переходил то на английский, то на немецкий. Но, как говорит Саша, он «обкатывает» так дневную норму новых слов. Я хорошо запомнил его фразу: «Сейчас культурному человеку нельзя быть безъязыким, а учёному тем более! В изучении же главное — система и... постоянное прополаскивание горла чужим словом».

Майга снова подала голос и рванулась в сторону туристического приюта. Александр вгляделся.

— Извини, там жена с туристами воюет, поспешу, — проговорил он и укатил на своём «собачьем таксомоторе». Когда я подошёл, оба лесника сердито выговаривали трём здоровым парням за то, что забрели в запретную зону фумарольного поля, да ещё босиком. Почти одновременно со мной подошёл инструктор. Немного послушал и гаркнул на ребят: «Ну сколько раз можно говорить?! Или до тех пор, пока кто-то не сварится живьём? А ну — марш в лагерь! Останетесь без экскурсии». Подождав, пока ребята не отошли, добавил зло: «Замотали... аксельрашечки!» Взглянув исподлобья на Александра, спросил: «Ну что — опять акт писать будешь?» Стенченко ответил спокойно, но твёрдо: «Непременно. Сейчас же», — и быстро двинулся по прихотливо извивающейся среди кочкарника и бурлящих фумарол тропинке. Его появление в приюте вызвало переполох. Туристы ринулись за кинокамерами

и фотоаппаратами, потом плотной толпой окружили Александра, топясь заснять его на свои пленки, чтобы потом там, на своей обжитой земле, в приличном обществе, с известной долей снисходительности рассказать о чуде-леснике. Они много знают о нём по рассказам жителей Жупанова, по строгим нотациям инструкторов (на Узоне — ни шагу без его разрешения!) Они уже задолго до встречи знали о стенченковском «собачьем таксомоторе», о своеобразной его одежде, о командах на английском; о том, что в кальдере и ягоды не сорвать и, конечно, о том, как прогнал Стенченко с приюта двух расхулиганившихся медведей, от которых здоровенные мужчины заперлись в домик... Он-то бросился на них с энтомологическим сачком.

Фотобум стихает довольно быстро (ведь впереди Долина гейзеров). Александр, кивнув в сторону уходящих туристов, говорит с грустноватой улыбкой: «Поначалу это казалось мне диким. Теперь я уже и внимания не обращаю. Ну ладно, я немного задержусь, а ты ещё раз посмотри лабораторию, покопайся в материалах».

Иду за Тамарой по тропинке и снова невольно улыбаюсь — уж очень не подходит к хатёнке, где живут лесники, наименование: лаборатория. Пока думал об этом, не заметил, что Тамара довольно далеко оторвалась от меня и уже оглядывается. С невольным уважением посматриваю на неё — хоть я почти вдвое длиннее её, а не угнаться. Тамара Чеботарь (в то время, о котором идёт речь, она ещё не успела сменить паспорт и именовалась «лесник Чеботарь») закончила Благовещенский педагогический институт по факультету биологии и попросила направление в Кроноцкий заповедник, о чём они с Сашей договорились заранее. После того как Тамара, а затем Александр ввели меня в курс проблем, стоящих перед ними, а ещё позже, когда и сам я окунулся в хитросплетение всяческих «за» и «против», я начал подумывать, что неизвестно чему следует отдать предпочтение: научному результату или человеческим отношениям.

Глава 3. «Как находят клады»

Стать врагом Стенченко очень просто: сорви веточку в кальдере и — нет тебе прощения. Он и Узон — неотделимы... Вернее, он просто чувствует себя одной из составляющих этого уникама природы.

Об уникальности Узона много говорят геологи и вулканологи, но ещё интереснее кальдера для биолога. Я был свидетелем разговора

Стенченко с московским биологом, доктором наук, который, просматривая материалы Александра, то и дело восклицал: «Боже мой! Да это же клад!»...

Зимой, когда Камчатка утопает в снегах, когда по краям кальдеры свирепствуют многодневные бури, в ней стоит тишина, а на многочисленных участках тёплой земли зеленеют травы. Ну, а если есть травы — значит, есть насекомые — питание для множества видов птиц, есть и пища для млекопитающих. В общем, получается круглогодичный замкнутый на кальдере термальный биоценоз.

Начал искать этот клад Александр Стенченко ещё в 14 лет, когда раз и навсегда решил посвятить себя изучению животных и птиц. На это решение в немалой степени повлияли публикации его материалов в журналах «Юный натуралист» и «Охота и охотничье хозяйство». Потом у него установилась переписка с учёными ряда заповедников и кафедрой орнитологии Горьковского университета, куда он и пришёл учиться.

Пять лет учёбы в университете — это пять летних экспедиций, пять лет постоянной работы в лабораториях кафедры, десятки выступлений на научных студенческих конференциях, публикации в вестнике СНО и в серьёзных специальных журналах, это, наконец, общественная работа и активное сотрудничество с горьковскими газетами в качестве фотокора.

После окончания университета Александра приглашали на должность старшего научного сотрудника в Ленкоранский заповедник. Но он рвался на Камчатку, где раньше побывал с орнитологической экспедицией.

В Кроноцком заповеднике штат научных сотрудников был заполнен. Имея диплом, он мог занять должность лесничего (зарплата по сравнению с лесником почти вдвое выше, условия жизни неизмеримо лучше), но Стенченко нужен был только Узон. Его не слишком интересовала материальная сторона дела — была бы возможность поработать всерьёз в кальдере Узона. Он чувствовал громадную научную ценность обетованного местечка. Он думал, что стоит ему собрать достаточно фактов для доказательства ценности этого природой созданного научного полигона, как тут же за изучение кальдеры возьмутся всерьёз.

Итак, три года назад в доме вулканологов появился Александр Стенченко, которого через некоторое время люди, понимающие толк в научной работе, окрестили фанатиком. Он позволяет себе спать не больше пяти-шести часов в сутки. Весь день расписан по минутам. Ну, а если расшифровать стенографические записи его дел за день, то за строчками

встанут десятки километров пути, короткие и длительные наблюдения, подсчёты, обмеры, плюс к тому фотографирование. А по вечерам составление карточек, вычерчивание всевозможных схем и диаграмм, работа с микроскопом, доступные для него химические анализы.

За первый год исследований в кальдере Узона Стенченко накопил массу интересного материала. Его было достаточно, чтобы определить свою конкретную тему: «Существование наземных позвоночных Кроноцкого заповедника в условиях действующего вулканизма». Материала было столько, что уже можно было оценить, как мало сделано из того, что нужно сделать только ему самому, не говоря о других специальностях. И Стенченко был счастлив, был горд — он нашёл клад для биологов: естественную лабораторию для доброго штата НИИ. Для того, чтобы убедиться ещё раз, он отослал материалы учёным, под руководством которых работал когда-то. Написал и одному из первооткрывателей Узон-Гейзерного термального района доктору биологических наук Ю. В. Аверину. Ответы учёных, особенно тёплое и обстоятельное письмо Аверина, окрылили молодого исследователя. Все поздравляли его с удачей, подтверждали необходимость создания орнитологической станции и даже биоценологической лаборатории. Единственного он не мог понять — почему они считали, что при благоприятном стечении обстоятельств такие лаборатории можно будет создать лет этак через семь. Ему всё казалось таким ясным...

НЕ ОЧЕНЬ ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Для кого Узон — клад, а для кого — ненужные хлопоты. Давайте поставим себя на место администрации Кроноцкого государственного заповедника. Она является властительницей площади в миллион гектаров. Здесь непочатый край работы, хоть и существует (с большими перерывами) заповедник давным-давно. Ещё местные народности объявили эти места священными (тоже, кстати, непочатый край работы для историков). Это самый крупный в СССР, самый интересный и... самый бедный (по финансированию) заповедник. У официальных хозяев этих просторов нет и одной сотой того, что есть у гостей — научных экспедиций, постоянных станций гидрометеослужбы и вулканологов. У заповедника есть штат научных сотрудников, но нет ни лабораторий, ни оборудования (даже элементарного!), ни средств передвижения, кроме редких возможностей заполучить вертолёт.

Здравомыслящего человека удивит это несоответствие — есть штат квалифицированных специалистов, но нет возможности плодотворно работать! Впрочем, научный руководитель заповедника, кандидат сельскохозяйственных наук Анатолий Тихонович Науменко к такому положению дел, кажется, даже привык. По крайней мере, когда я обратился к нему за разъяснениями, он ответил, что так и положено в организациях подобного типа. Научная работа идёт очень просто — лесники ведут дневники, научные сотрудники обрабатывают эти записи, ходят в маршруты сами. Когда материалов и образцов собирается достаточно, кто-то едет в центр (как говорят здесь: «на материк»), делает анализы и сравнивает свои данные с теми, что накоплены в институтах. Правда, большая часть таких поездок осуществляется за счёт личных отпусков, а исследования проводят благодаря доброму отношению знакомых учёных (только малая часть исследований оплачивается заповедником). И тем не менее эти условия конкретно Науменко, я думаю, вполне устраивают. Попробую расшифровать это «я думаю». В 1973 году Анатолий Тихонович прибыл в заповедник на должность заместителя директора по научной работе. Вначале он поселился в двухкомнатной квартире своего предшественника (что по жупановским нормам — весьма приличная жилплощадь для трёх человек). Через некоторое время в его распоряжении был уже дом из пяти комнат. Это здание строилось как общежитие для сотрудников заповедника.

Сейчас у научного руководителя отличное хозяйство. Кроме того, объект его исследований (наверное, точнее будет сказать — тема докторской диссертации) — роща пихты грациозной находится рядом с домом. Работы не требуют особых инструментов, анализы можно сделать во время командировок на материк. В общем — условия, может, и не идеальные, но вполне приличные. Научные сотрудники тоже заняты делом — собирают материалы для «Летописи Кроноцкого государственного заповедника», все более или менее обжились в посёлке. Ну зачем же, в таком случае, слишком настойчиво требовать у высшего руководства новых ассигнований, оборудования?.. Куда выигрышнее положение, когда при минимуме средств будет сделана солидная (хоть и описательного плана) работа... А тут вдруг появляется нетерпеливый Стенченко, который пишет всяческие «экстренные предложения» по организации орнитологической станции и биоценологической лаборатории, требует немедленного закрытия туристской тропы в кальдере, превозносит свой Узон до небес... Ему в вежливой форме объяснили,

что материалы, которые он представил в качестве аргументации своих идей, научные сотрудники заповедника используют в своей работе, но не более... Стенченко не оценил вежливости — он настаивал, требовал. Более того — написал в Москву, в радиостанцию «Юность». Это уже было явной дерзостью.

ГЛАВА 4. «ДОЛЖНОСТЬ АДРЕСАТА».

О передаче на радиостанции «Юность» в заповеднике узнали только тогда, когда сюда хлынул поток писем. Но (о боже!) что за надписи стояли на конвертах... «Главному биологу», «Главному орнитологу», «Заведующему орнитологической лабораторией» и даже — «Директору Кроноцкого государственного заповедника Стенченко» (Стенченко, Степняку, Степанченко и т. д.). С каждой новой партией писем возрастало негодование сотрудников заповедника.

Дирекция решила положить конец этому безобразию. Полетело письмо в редакцию. Ответ «Юности», казалось, должен был всё разъяснить — редакция сожалела о том, что такие серьезные люди, даже не выслушав передачу, обвиняют своего же сотрудника во всех смертных грехах, хотя тот не заслужил этого ни в коей мере. Но, видно, ответ был прочитан в слишком узком круге лиц, поэтому мнение об авантюризме и карьеризме Стенченко никак не поколебалось. А между тем те пятьсот с лишним писем, что пришли в адрес Александра Стенченко, на мой взгляд — клад. Они дают богатейшую пищу для размышлений о прекрасных чертах нашего современника — о жажде помочь человеку в трудном, но важном деле, о бескорыстии и о романтике. Выслушав поэтический рассказ о кальдере Узона, о возможностях научного поиска здесь, люди засыпали автора просьбами дать им возможность поработать во время отпусков в кальдере. Причём почти не было писем с вопросами об оплате дороги и работы. Подавляющее большинство просило только пропуск в заповедник. Много было писем от специалистов, которые откровенно завидовали Александру, давали ему советы, присылали статьи, спрашивали, чем помочь. А сотрудники института «Киевгражданпроект» даже обещали прислать свою разработку оригинального дома-лаборатории, приспособленного к камчатским условиям. В общем, бери и печатай эти письма как ценный человеческий документ нашего времени!

Слова, слова!.. Вы можете быть одновременно и весомыми и такими беспомощными... Как радовала последняя фраза из письма редакции:

«Редакция "Юности" с тобой, а за нею вся юность страны!» И в подтверждение — кипы писем.

В награду за настоящий труд — статьи и приглашения на конференции. А с другой стороны — слухи о карьеризме, даже версия о помешательстве, явно ощутимое раздражение на каждое справедливое требование в рамках занимаемой должности, задержка почты на такое время, когда любое из присланных приглашений на конференцию приходило уже после её окончания... И, наконец, совершенно неотразимый удар — разрешение эксплуатировать туристическую тропу и приют в самом сердце Узона ещё на один сезон, затем ещё... А кроме этого перевод под благовидным предлогом в Кроноцкое лесничество. Самое интересное в том, что перевели учёную чету уже после того, как она пережила зиму и когда НИИ Вулканологии выделил им рацию и совершенно официально гарантировал всемерную помощь кордону Узон.

Продолжение следует.

[Обещанное продолжение опубликовано не было. — *сост.*]

Владимир Ткаченко.

Камчатский комсомолец. — 1975. — № 77. — 1 июля.

ЭКСПЕДИЦИЯ В ЛЕСНИЧЕСТВО

Геоботаническое описание и картирование территории Семячского лесничества Кроноцкого заповедника проводит экспедиция Ленинградского государственного университета. Работа необходима для составления карты растительности лесничества. В этом районе сосредоточены наиболее интересные объекты заповедника — роща пихты грациозной, вулкан Бурлящий, кальдера вулкана Узон. Экспедицию возглавляет доцент кафедры геоботаники ЛГУ кандидат биологических наук Ю. И. Нешатаев.

В. Кулибин.

Камчатская правда. — 1975. — № 169. — 19 июля.

ДОЛИНА БЕЗ СРАВНЕНИЙ

Турист нынче пошёл опытный. Редко-редко в группе попадаете новичок, впервые решившийся одеть рюкзак и махнуть в места неизведанные. Вот и из нашей группы москвичи побывали и в Средней Азии,

и на Кавказе, и по Кольскому полуострову ходили. Ещё с большим стажем оказались ленинградцы: те и Памир облазили, и с Байкалом знакомы. Камчатцев тоже «на мякине» не проведёшь — ведь по всему нашему необъятному полуострову есть и горячие источники, и вулканы — всё есть. Многие видели наши земляки.

Маршрут этот принято называть походом в Долину гейзеров. Слов нет, с Ущельем сказок, Долиной горячих фонтанов трудно сравниться другим местам по популярности. Но приходят новые отряды туристов, кольцо за кольцом кружит по этим местам наш брат-инструктор, и убеждаемся, что Долина гейзеров многое потеряла бы, не будь у неё под боком красавца Узона с его микровулканизмом и горячими озёрами, не будь рядом неповторимых вулканов Бурлящего и Центрального Семячика, берегов Тихого.

Пусть Долина гейзеров — чудо номер один, но тем-то и прекрасен этот поход, что турист на каждом переходе открывает для себя новое, ранее неизвестное.

В нынешнем году начало туристского сезона по Кроноцкому заповеднику совпало с погожими деньками. А в хорошую погоду турист всегда идёт весёлый, гордый на выдумку. Уже в основном лагере все наперебой обменивались своими умениями. Следовали: то тур игр, то тур впечатлений, то тур песен. А надо сказать: у этого «народа» всё своё — и песни про рюкзаки и палатки, ночи и дороги, и игры не очень быстрые, но эмоциональные. Названия этим играм ни в одной спортивной классификации не найдёшь.

Много километров мне уже довелось пройти, не раз была и на этом маршруте, но вот таких приятных походов раньше как-то не случалось. А когда настроение хорошее, тогда и природа во сто раз краше.

*Людмила Лукьяненко, инструктор по туризму.
Камчатский комсомолец. — 1975. — № 94. — 9 августа.*

В ДОЛИНЕ ГЕЙЗЕРОВ

НА МАЛЫЙ СЕМЯЧИК

Лёгкий туман закрыл от нас панораму гор, оставляя лишь палатки, дёрвья и кусок тёмного, притихшего моря.

Порой, будто призрак, из белой завесы вылетала бесшумно большая тихоокеанская чайка, затем вновь растворялась в белёсом воздухе.

Вся наша группа туристов, прибывших со всех концов страны, делала последние приготовления: сдавали личные вещи, получали спальные мешки, палатки.

Через сутки нам предстояло, в отличие от основной массы туристов, восхождение на вулкан Малый Семьячик. Это был наиболее трудный маршрут из всех имеющихся здесь. Готовились мы на совесть.

Ещё в пути, на теплоходе, мне повезло: я сдружился с десятиклассниками из Рыбачьего. У ребят были гитары, и пели они очень хорошо. Так что когда было объявлено, что вечером у костра будет проходить смотр на лучший концертный номер среди групп, то наша группа решила выйти на первое место. Свои надежды возлагали на ребят, которые, взяв гитары, ушли в свободную палатку на репетицию.

Костёр собрал всех жителей палаточного городка. Выступления следовали одно за другим. Особенно старались туристы из Комсомольска-на-Амуре. Они показали снаряжение туриста XX века, чем вызвали всеобщий смех. Читали стихи, родившиеся час назад, а под конец спели дружно:

*«Держи равнение, моё поколение,
на Комсомольск, на Комсомольск».*

Но выступление наших артистов собрало самую большую долю аплодисментов. Их вызывали даже на «бис».

Было предложено дать ансамблю хорошее название. Посыпались предложения: «Камчадалы», «Тройной гейзер», «Шеломайник», «Гейзериты» и ещё разные, подчас самые невероятные. Приняли «Гейзериты». Тут же им вручили памятные подарки.

Долго не уходили от потрескивающего огня, пели песни, слушали легенду о Хиве, различные туристические истории.

В роще пихты грациозной были на следующий день. Стройные деревца, уцелевшие здесь со времени ледникового периода, ничем вроде бы не отличались от своих сестёр, растущих на материке, но это первое впечатление. Когда побродишь среди этих пушистых красавиц, полюбуешься своеобразным голубоватым оттенком, поймёшь — пихта грациозная — это нечто иное.

Вечером играли в волейбол, затем стали укладываться на ночь. Требовались на завтра сила и бодрость.

Маршрут с самого начала шёл вдоль левого берега Бондаренкенной реки.

Рифлёная подошва ботинок порой скользила по размокшей глинистой почве. Давил от непривычки объёмистый рюкзак. Двухметровый шеломайник орошал дождём мелких брызг, скопившихся на его шершавых листьях после дождя. Всё внимание сосредоточено на малозаметной ленте тропы.

Краткие отдыхи, переходы и снова привалы, красота пейзажей и ночь. Она пришла незаметно, вместе с усталостью, вместе с мелким морозящим дождём.

И всё же было очень здорово развести костёр, разбить брезентовый домик, одеть сохранившееся сухое бельё и выпить горячего, вкусного чая, который быстро согрел продрогшее насквозь тело.

После непродолжительной возни в палатках заснули сном здоровых, чуть усталых людей.

Наступило второе серое утро нашего путешествия. Дождь поражал своей монотонностью. Будто кто-то забыл на небе прикрыть кран, и мелкий холодный душ не утихал и не усиливался, поливал довольно-таки уже напоенную землю, зелень, наши спины.

Часть пути шли вдоль той же речки, затем, отдохнув прямо под душем дождя, не разводя костра, тронулись дальше, через перевал.

Крупные камни, по которым продвигалась вся наша группа, прыгая с одного на другой, сменились снежником. Снег был чуть грязноватый сверху и розоватый от растущих, как нам объяснил инструктор, водорослей. По нему идти стало легче.

Перевал занял много времени и сил. Настроение, несмотря на нудную погоду и трудный подъём, было отличное. Шутки не смолкали. Фотографы, а ими были почти все, то и дело сходили с тропы, чтобы запечатлеть понравившийся вид.

Ночевать остановились в ольховнике. Костёр, несмотря на сырость, разгорелся на сей раз куда быстрее, чем вчера, и палатки встали более ровно. Сразу же готовили и обед, и ужин.

Ещё было светло. Неподалёку от нашего лагеря в камнях во множестве жили красивые, с длинными гибкими телами зверьки — ласки. Чтобы сделать снимок, мне пришлось отложить сушку одежды и около часу просидеть на мокрых камнях в окружении их любопытных мордочек.

Полностью обсушиться в этот вечер нам не удалось. Поели. Залезли в палатки. Ребята пытались играть, не получилось: гитары отсырели.

Дождь ритмично барабанил по натянутому верху палатки, убаюкивал.

По-видимому на небе что-то изменилось. «Кран» был закрыт. Утро заглянуло к нам весёлым щебетом птиц, лучом летнего солнца.

Дорога всё ещё шла вверх. Пейзаж стал совершенно иной. Снег искристый, отдающий голубизной и всё тем же розовым оттенком. Окружающая зелень эффективно выделялась на его фоне. Омытая, изумрудная, с поблёскивающим жемчугом водяных капель от прошедшего дождя.

Эту картину дополняло бездонно голубое небо, к которому поднимались мы по сверкающему снежнику.

Вся эта красота была бы неполной без того, что открылось нам на вершине перевала.

Далеко в голубом воздухе искрились сахарные конусы Карымского и Кроноцкого вулканов. Между нами виднелось множество мелких, одетых в зелень сопок, сливавшихся в единый сплошной массив.

Рядом мерцала вершина Малого Семячика, куда нам предстояло взобраться.

Спуск с перевала прошёл успешно. До захода солнца было ещё далеко, и мы решили просушить все вещи.

Морьяк Камчатки. — 1975. — № 37. — 9 сентября.

Когда-то на этом месте был зелёный лес, была жизнь, но в 1800 году произошло вулканическое извержение. В результате вся долина покрылась десятиметровым слоем лавы, шлака, пепла и вулканических бомб. Извержение 1852 года дополнило этот слой своими выбросами.

Пейзаж, по нашим представлениям, был как на луне. Местами попадались вулканические бомбы высотой с двухэтажный дом. Некоторые из них ноздреватые, другие кремнистые, поблёскивающие в солнечных лучах. Удивительна их форма. Отдельные напоминали людей и животных.

Перед ужином неожиданно раздался чей-то крик: «Смотрите! Смотрите! Вулкан!»

В это время из конуса Карымского высоко взметнулась серая пепловая туча. Лихорадочно похватили фотоаппараты. Ждали следующего выброса, но над кратером было чисто. Зато на нас сыпался пепел — туча пронеслась над нашим зелёным островком.

Взошла луна. Третья ночь застала нас в пути перед громадой Малого Семячика. Долго не спалось под впечатлением пережитого за эти дни. Но, засыпая, почувствовали лёгкую дрожь земли.

Оставив палатки и двоих товарищей, утром начали восхождение к кратеру Малого Семячика, где было неестественно голубое озеро.

Не отставали и две собаки, увязавшиеся за нами, «Волчья пасть» — умный, бывалый пёс, и «Чёрное ухо» — не в меру резвый, как и все молодые.

Однако нам не суждено было посмотреть на это диковинное озеро. Когда поднялись на вершину, хлынул белый густой туман, как вода через преграду, закрыл долину, подошёл к подножью нашего вулкана и, не спеша, плотной стеной дошёл до нас. И в пяти шагах уже невозможно было различить друг друга.

— На спуск! — подал команду инструктор.

Разочарованные мы пошли обратной дорогой.

День закончился всё в том же густом тумане. Наступала четвёртая ночь нашего предварительного, пятидневного путешествия перед основным маршрутом в Долину гейзеров.

Утро вновь встретило нас дождём, мелким, всюду проникающим.

Путь назад был знаком. Тот же перевал, спуск вдоль горного шумного ручья в расщелине, где шла своя жизнь. Выскочил серый заяц, осторожно откидывая задние лапы. Таял снег, открывая участки земли. С гулом и шумом упал в холодные воды ручья огромный серый валун.

К исходу пятых суток вернулись на турбазу. Пятидневный маршрут был закончен. Он проверил нас, многому научил, показал немало интересного, подготовил к основному участку пути.

Дождливая погода ушла, и, как мы поняли, надолго.

По заповеднику

Утро началось с переправы через лиман на территории Кроноцкого заповедника. Переправившись, пошли по зелёной косе между океаном и тихими водами лимана. Шагалось легко, солнце светило жарко, и с океана дул прохладный, солоноватый ветерок. Вокруг всё покрыто толстым, пушистым ковром зелёных трав.

Под шум прибоя вошли в лес.

— Гриб! — извлёк из травы тёмно-коричневую шляпку на толстой ножке мой новый товарищ Игорь.

Бдительность повысилась, стали всматриваться все. И вскоре дело запахло грибным супом. И действительно в приюте «Ключи» вечером дежурные накормили нас вкусным грибным супом.

До наступления темноты было ещё время, и мы побежали к парящему, шумному ручью.

Это знаменитый родоновый ключ. Ручей в одном месте перегорожен плотиной, отчего образовался вместительный бассейн, мы и погрузились в него.

Вода горячая и светлая, как слеза. В ней отражались заросли шеломайника и бездонное голубое небо. После купания поднялись чуть вверх и напились из источника минеральной воды, похожей на «Малкинскую».

Утром снова купание в целебном ручье. Затем с фотоаппаратами устремились вниз, к океану. По пути задержались у хрустального водопада, нёсшегося по серо-зелёным камням.

Вода в нём тоже горячая. Если встанешь под его струи, то через минуту выйдешь с таким чувством, будто тебя обработали опытные массажисты. Хорошо!

Долго бродили по сверкающему мокрому берегу океана, купались в волнах прибоя.

Солнце искрило океанскую ширь, нагревало песок, и он начал парить.

Маршрут следующего дня шёл по берегу океана. Подбирали сувениры, выброшенные прибоем: ракушки, морских ежей, отполированные цветные камешки, панцири крабов.

Поодаль виден небольшой серый островок, занятый морскими птицами. Это — птичий базар. Иной раз оттуда прилетала парочка уток и, не обращая на нас внимания, булькала поблизости. Нас окружали причудливые скалы. Здесь вот ветер просверлил круглое, похожее на кольцо отверстие, а там оставил двоих остановившихся поболтать людей.

До приюта на реке Шумная шли по пьяному лесу. Стволы деревьев были так изогнуты, перекручены, отчего казалось деревья захмелели.

Моряк Камчатки. — 1975. — № 38. — 16 сентября.

Сама река Шумная очень интересная. Река полна жизни. Всплеск тяжёлых рыбин свидетельствовал о ходе лососей на нерест. Над рекой десятками кружились белокрылые чайки. Мелкие звери в обилии исписали её илистые берега.

На Горном плато повстречались с зайцем. На сей раз с нами не было собак, да и заяц чувствовал себя так, как и полагалось жителю заповедника — без боязни.

Наконец тропа вывела нас к приюту «Горное плато». Здесь чувствовалась высота. Было холодновато и туманно.

Вечером у костра все туристы с интересом прослушали рассказ о бабочках. Рассказывал Кирилл Фёдорович Седых, человек, многие годы посвятивший изучению их жизни. В заключение увидели медведицу Светку, пришедшую к лагерю с маленьким медвежонком. А утром разглядывали следы её посещения — две порванные палатки.

В конце пути случилось происшествие, закончившееся благополучно. Одна из девушек провалилась под снег, в пустоту. Ей подали руки и стали вытаскивать. Шедший позади фотолюбитель, увидев это, во всю прыть помчался по сверкающему снежнику с криком: «Не вытаскивайте!» Но подтаявший наст не выдержал и его.

Наконец мы в Долине. Нужно быть поистине большим художником, чтобы описать этот диковинный уголок земли.

Склоны сопок, казалось, были живые. Они выкидывали в небо фонтаны воды, облака белого пара. Весь склон был раскалён подземным теплом.

Долина как-то не подходила к этому месту, это скорее глубокое ущелье, по дну которого с бешеной скоростью течёт голубоватая, с зелёным оттенком река Гейзерная. Река холодная, свежая, сильная.

Сидя на горячей площадке, ждали, когда оживёт гейзер Великан. Взведённые фотоаппараты наготове. И всё же он ожил внезапно, поразил нас своим величием. Зрелище чрезвычайно захватывающее.

После Долины, казалось, всё интересное кончилось, но в этом была глубокая ошибка. В кальдере Узон нас ждали новые впечатления. В пути мы неоднократно встречали «инопланетные места», но здесь была планета-сказка. Земля, где стоят палатки, дышала. Долина окаймлена синими горами. Всюду поблёскивали небольшие озёра, поднимался пар. Мы стояли, поражённые увиденным.

В нескольких метрах от палаток — горячее озеро Банное. Искупавшись в нём, поняли — лучшей бани и желать не надо.

На следующий день — основательное знакомство. Узон покорила нас. Булькали «сковородки», грязевые котлы. В воздухе стоял сухой жар.

Побывали на озере Дальнем, на середине которого небольшой зелёный островок, согласно легенде, под ним находится любящее девушку Нююнг сердце Узона.

Время текло быстро. И вот уже ранним утром раздаётся команда: «Под рюкзак!»

Прощай Узон! Долго будем помнить твою красоту.

До вулкана Бурлящий шли вдоль отвесной стены Большого Семячика. Зубчатая сопка — второе название этого вулкана. Чем-то он напоминал средневековый замок.

На нас смотрели голубыми глазками незабудки, цвёл всюду шиповник, всюду примулы, анемоны, арктоусы, горделивый рододендрон.

Не боясь нашего присутствия, мирно шагала серенькая куропатка со своим пушистым потомством.

Бурлящий встретил нас бульканьем грязевых котлов, шипением фумарольных полей. Особенно была интересна Пасть дракона, из отверстия её со свистом вырывалась плотная струя горячего воздуха. Как и на Узоне, до головокружения пахло серой.

Во время ужина, когда я отошёл от костра с миской каши, ко мне робко приблизилась евражка и что-то застрекотала на своём языке.

— Хочешь каши? — спросил я.

Зверёк перестал стрекотать, встал на задние лапки и свистнул, как бы спрашивая:

— А не обидишь?

Я протянул ложку с кашей, и Черноглазик, как я его окрестил, не заставил упрашивать. Каша, по-видимому, понравилась, зверёк ел, быстро шевеля пухлыми щеками, изредка помогая себе короткими лапками.

Узнал меня зверёк и на следующий день, во время завтрака и обеда.

Когда утром наша группа, взвалив рюкзаки, пошла своим путём, Черноглазик провожал нас.

— Держи! — положил я ему белый сухарь. Не дотронувшись до него, он быстро, быстро что-то застрекотал.

— Счастливо и тебе Черноглазик! — сказал я ему в ответ.

Вернувшись на судно, к своей работе, я часто вспоминал дни, проведённые в туристском походе, и мне захотелось рассказать о нём. Может быть, кто из вас пожелает побывать в Долине гейзеров. Сходите. Не пожалеете.

Е.Кен.

Моряк Камчатки. — 1975. — № 39. — 23 сентября.

ЗАБРОШЕННАЯ «ЖЕМЧУЖИНА»

В этом году в начале лета я в который раз побывал в знаменитой Долине гейзеров. Был великолепный солнечный день. Белое ожерелье

ещё покрытых снегом вершин сопок сверкало, как глазурь. Но уже появились чёрные проплешины скал, от которых в бинокль хорошо просматривались пунктиры медвежьих следов.

Впрочем, в этот день мне удалось увидеть не только следы. На ручье Водопадном у тёплой ванны как-то уж очень по-домашнему копошился медведище великолепной чёрной масти. На правом берегу реки Гейзерной, напротив гейзера Большой, мышковала уже начавшая линять лиса. Моё появление ничуть не смутило её. Ловко сцапав вылезшую полёвку, рыжая красавица на виду у меня справила трапезу и деловито побежала вдоль берега. По речке несколько раз взлетали крупные утки, а на тёплом болотце кувыркалась стайка чирков.

В общем, Долина производила впечатление действительно первозданного, нетронутого уголка природы. Фонтаны кипятка буйствовали настолько фантастически грандиозно, что вспомнилась кинокартина «Земля Санникова». Поистине, лучшего объекта для съёмок необыкновенной земли вряд ли можно найти.

Особенно поражало сосуществование двух противоборствующих субстанций — льда и кипятка. Любые эпитеты не могли передать восторга от увиденного. Феерия красок! Мощь грохочущих гейзеров, каскады изумрудных брызг и пенных потоков, шлейфы многоцветных водорослей. И повсюду белые султаны пара!

В сердце вошла радость — как хорошо, что это чудо природы находится у нас, на Камчатке, и есть возможность увидеть его!

Налюбовавшись и пофотографировав, я пошёл к мостику через реку Гейзерную по туристской тропе. И тут моё радужное настроение стало постепенно спадать.

Спуск к мосту оказался крутым и небезопасным. Ступени, выбитые тысячами ног, за зиму оползли и осыпались. А верёвок или лееров здесь вообще никогда не было. Сам мост оказался крайне ненадёжным сооружением. Порубленный в конце прошлого сезона лесником Кривоноговым заповедника В. Николаенко во время широко известного инцидента с группой туристов, он так и остался висеть «на честном слове», являя собой жалкое зрелище и пример абсолютного безразличия к людям. Повидимому, ни турбаза, ни заповедник не считали себя ответственными за него.

С замиранием сердца, пробалансировав на «живых» досках над белопенным потоком (может быть, это специально запланировано и входит в разряд сервиса?), я удачно спрыгнул на левый берег. Предстоял

крутой подъём в гору. Я знал, что летом здесь была деревянная лестница. Сейчас она представляла собой не менее жалкое зрелище, чем мост. Оказывается, этот склон находится в зоне интенсивной эрозии и оползней. По-видимому, зимой здесь сходят лавины. Лестница сдвинута с места, полузасыпана, поломана. Ясно, что каждый год, восстанавливая её, строители ещё более нарушают целостность склона, ускоряют его разрушение.

Анализ всей туристской тропы в Долине гейзеров показал, что большая её часть проходит в зоне намечающейся овражной сети, по вершинам островерхих перемычек и в лавиноопасных участках. Тропа до ручья Водопадного идёт по узкому гребню, поросшему берёзой. Во многих местах она уже выбита до корней. Берёзы погибают и скоро свалятся со склона, ведь зимой постоянно сходят лавины в сторону реки. Совершенно очевидно, что этот участок тропы необходимо изменить и как можно скорее.

Я прошёл по туристской тропе до гейзера Тройного, до которого нынче не доводят туристов в плановом маршруте. Далее вниз по течению реки тропа идёт по живописным местам к одному из красивейших гейзеров Долины — Первенцу. Но под гейзером Тройным тропа 8–10 метров проходила непосредственно по гейзеритовому плацу. По-видимому, строить настил руководству турбазы показалось дорогим удовольствием. Тропу попросту закрыли.

И вот, стоя у экспансивного гейзера Сахарного, любуясь неповторимым каскадом жемчужного гейзерита Тройного, я вдруг поймал себя на мысли, что слово «плановый» к маршруту в Долину гейзеров подходит так же мало, как к рейсам самолётов по местным авиалиниям, скажем, в декабре... Правда, в авиации коррективы в план вносит погода, над коей люди пока ещё не властны. А вот планирование маршрута в Долину гейзеров осуществляют люди. Из каких соображений? Очень просто. Интересный объект. Привлекает тысячи любителей природы со всего Союза. Благодаря ему ширится слава о камчатских достопримечательностях.

Ну, а как этот «плановый» объект подготовлен к приёму тысяч туристов? И вообще действительно ли существует план рациональной эксплуатации уникального уголка камчатской природы? Были ли разработки хотя бы проекта, в котором, наряду с потребительской стороной, учитывалась необходимость проведения научных исследований с целью определения наиболее рационального режима посещения

Долины? Заботит ли кого-нибудь по-настоящему будущее Долины гейзеров, волнует ли перспектива её?

Ведь если ещё вчера Долина гейзеров привлекала своей первозданностью, богатством красок, в какой-то степени нетронутостью цивилизацией, то уже сегодня разбитые тропы, вытопанные склоны господствующих высоток, отмирающие деревья создают отнюдь не радужный фон природным фонтанам.

Плановый маршрут по Долине утомителен, так как туристам придется делать «холостой ход», возвращаясь после осмотра пройденной тропой. Фактически нет оборудованных смотровых площадок, зон отдыха, отсутствуют соответствующие указатели с информацией о названии гейзеров, их характеристикой. То есть по существу весь маршрут подготовлен некачественно.

И это очень обидно: ведь такой важности объекты должны и могут быть подготовлены для туризма наиболее тщательно. В Долине гейзеров ведутся круглогодичные режимные наблюдения сотрудниками Института вулканологии и Кронцового заповедника. Собран большой научный материал по геологии, гидрогеологии, минералогии, фауне и флоре этого района. Есть возможность наметить наиболее разумный и рациональный маршрут для осмотра Долины, который без повторения прошёл бы по наиболее интересным местам и в то же время позволил свести до минимума урон, наносимый людьми первозданности природы.

Эта задача вполне разрешима.

Как взяться за её выполнение?

Прежде всего, нам, камчатцам, надо проникнуться гордостью за свои уникальные объекты. Ведь Долине гейзеров находится у нас, на Камчатке! Её показывают в кино, по ней защищает диссертации и выступают с научными докладами. К ней стремятся любознательные люди и природолюбцы со всей страны. Эпитеты — «жемчужина Камчатки», «великолепная», «грандиозная», «уникальная» — стали непременным сопровождением всех публикаций о ней. Так пусть же станет делом чести камчатцев сделать маршрут по этой «жемчужине» Камчатки образцовым не только в союзном масштабе. Трудящиеся Камчатки и в первую очередь комсомол, я уверен, могут взять шефство над Долиной гейзеров, объявить её ударной областной стройкой.

Мне кажется, реальную материальную помощь «жемчужине» могли бы оказать 2–3 субботника, проведённые молодежью Камчатки,

с отчислением заработанных средств в фонд Долины гейзеров. Да что молодежь, я, да и многие люди старшего возраста с удовольствием приняли бы участие в таких субботниках!

Хотелось бы, чтобы это предложение нашло широкий отклик среди всех, кому дороги красоты нашего края, кто гордится камчатской сокровищницей — Долиной гейзеров. Ведь мы хотим, чтобы она стала ещё краше.

*Геннадий Карпов, кандидат геолого-минералогических наук.
Камчатский комсомолец. — 1975. — № 108. — 11 сентября.*

ГЕЙЗЕРЫ... В САДАХ И ПАРКАХ

Государственный комитет Совета Министров по делам изобретений и открытий выдал авторское свидетельство за № 461700 доктору физико-математических наук А. Г. Мержанову, кандидату геолого-минералогических наук Г. С. Штейнбсргу и кандидату физико-математических наук А. С. Штейнбергу на изобретение «Способа имитации работы природного гейзера».

Наблюдения и эксперименты, проведённые авторами в 1964–1974 годах в Долине гейзеров, позволили им понять физический механизм, обеспечивающий самоподдерживающуюся периодичность работы гейзера.

В Институте вулканологии в настоящее время работает собранная А. А. Разиной под руководством авторов изобретения модель гейзера.

В Институте химической физики Академии наук СССР сейчас проектируется и в ближайшем будущем будет создан первый в мире искусственный гейзер.

В будущем искусственные гейзеры украсят сады, парки, архитектурные ансамбли.

*Б. Листова.
Камчатская правда. — 1975. — № 217. — 13 сентября.*

ОТКРЫТИЯ В ДОЛИНЕ ГЕЙЗЕРОВ

Давайте отправимся в путь по одному из самых интересных маршрутов Камчатки. По знаменитой Долине гейзеров, к кальдере Узон. Словом «кальдера» учёные называют гигантские кольцеобразные впадины, оставшиеся там, где некогда извергались вулканы.

Давно исчезла с лика Земли огнедышащая гора, породившая кальде-ру Узон. Наследство вулкана — необычный ландшафт. Он напоминает кадры из научно-фантастических кинофильмов о далёких планетах. Тёплые и горячие озёра, фыркают родники обжигающей минеральной воды, пузырится ил в ямах, а над пятнами бурой и серой почвы клубятся облака паров и газов. Характерная картина термальных полей — участки, где глубинное тепло планеты вырывается на поверхность.

Природа устроила тут как бы демонстрационную лабораторию, в которой можно наблюдать, как образуются рудные минералы и месторождения.

Быстро работает на Узоне природная «фабрика» минералов. И какое разнообразие «продукции». Соединения мышьяка, сурьмы, ртути, железа, самородное серебро, золото, сера, медь. И самая неожиданная находка — нефть. Правда, не совсем обычная — зелёного цвета либо прозрачная. Однако по составу она близка той, какую дают скважины Баку, Башкирии, Западной Сибири.

Пузырьки нефти, всплывающие со дна луж горячей минеральной воды, вызвали научную сенсацию. Напомним: давно идёт спор о том, как образуется в земных недрах нефть. Существуют на этот счёт две гипотезы — биогенная (утверждающая, что нефть возникает из органических остатков) и абиогенная, неорганическая. Большинство специалистов придерживается первой гипотезы. Одним из веских аргументов в её пользу считается оптическая активность нефти, например, способность поляризовать луч проходящего света. Это характерно для веществ органического происхождения.

Напрашивается вывод: между нефтяными углеводородами и органическими веществами возможна, так сказать, генетическая связь. Но какого рода? Не логичней ли предположить, что не нефть ведёт своё происхождение от органики, а наоборот, живое — от нефтяных углеводородов? Задавая такой вопрос, известный советский вулканолог Евгений Мархинин подчёркивает: узонская нефть, родившаяся, вне всякого сомнения, в раскалённых земных недрах, обладает весьма высокой оптической активностью. Этот факт лишает сторонников биогенной гипотезы важного козыря: оптическая активность свойственна и нефти явно неорганического происхождения.

Знать, в каких условиях образуется нефть, очень важно. Ведь тогда легче решать вопрос о том, где в первую очередь следует искать новые месторождения.

Впрочем, только ли в нефти мы нуждаемся? А другие полезные ископаемые, запасы которых на планете вызывают беспокойство?

Проведённые в кальдере Узон исследования позволили составить представление о технологии, с помощью которой природа создаёт залежи некоторых минералов. Как оказалось, решающую роль играют горячие водные растворы, поднимающиеся из земных глубин. Выходы их известны во многих районах земного шара, но Узон уникален: очаг нагрева находится там на небольшой глубине, а породы над ним рыхлые, растрескавшиеся. И поэтому глубинные растворы поднимаются по трещинам вверх довольно быстро, почти не изменяя при этом своей концентрации. Только у самой поверхности, где температура раствора резко падает, содержащиеся в нем соединения выпадают в осадок, образуя те или иные минералы. Какие именно — зависит от состава глубинных вод.

После дождя вода во многих узонских ключах, обычно прозрачных, мутнеет. Это из-за того, что в ней появляются мельчайшие зёрна серы. Она возникает как продукт несложной химической реакции: сероводород в растворе, поступающем из глубин, окисляется кислородом, который растворён в дождевой воде. Есть в кальдере озеро, окаймлённое прекрасным пляжем. Но это — не обычный песок, а горошинки и чешуйки серы. После дождей пляж разрастается. Может, вернее называть это не пляжем, а месторождением серы?

Интересные закономерности обнаруживаются, если на термальном поле вырыть траншею. Сверху — слои минералов, содержащих мышьяк и серу, ниже — жёлто-оранжевые, красные прослойки — железо, а на глубине около метра блестящие свинцово-чёрные иглы — соединения сурьмы. На каждом «этаже» — свой хозяин-элемент.

Руды, рождающиеся сегодня... Наблюдая за этими явлениями, учёные задаются вопросом: можно ли считать, что месторождения полезных ископаемых, которые мы разрабатываем, образовались таким же образом?

Доктор минералогических наук Софья Набоко, работающая в Институте вулканологии Академии наук СССР, давно занимающаяся изучением газотермальных процессов в земной коре, отвечает на этот вопрос утвердительно.

«Подсказками» кальдеры Узон пользуются уже не только теоретики, но и геологи-практики. Стало, например, понятно, как возникли миллионы лет назад рудные месторождения в таких вулканических областях, какими были сегодняшние Урал, Кавказ, Карпаты. Поиск новых

подземных кладовых ведётся теперь более целенаправленно и, самое главное, там, где раньше не вёлся вовсе. Долгое время считалось, что в породах вулканического происхождения искать руды бесперспективно. Сейчас точка зрения многих геологов переменялась в корне.

Вот одна смелая идея учёных, обязанная своим рождением откровениям кальдеры Узон. Рудоносные растворы поднимаются наверх там, где в земной коре есть трещины и разломы. А не в состоянии ли человек, пользуясь могуществом сегодняшней техники, создать условия для того, чтобы природа форсировала образование залежей ценных минералов? Исследователи уже приступили к бурению сверхглубоких скважин, которые должны «прошить» насквозь кору и достичь глубин, где земное вещество находится в расплавленном состоянии. Быть может, с помощью таких скважин удастся извлекать на поверхность металлоносные растворы? Тогда человечество получило бы доступ к колоссальным источникам сырьевых ресурсов.

В. Ковалевский. (АПН).

Камчатская правда. — 1975. — № 220. — 17 сентября.

УЗОНСКИЙ ДНЕВНИК

Когда у человека есть любимое дело, мечта, когда у него всё хорошо на работе и он счастлив от того, что нашёл своё место в жизни, ему всегда хочется рассказать об этом своим друзьям и знакомым. Сегодня мы познакомим тебя, читатель, с дневниковыми записями Александра Стенченко, работника Кроноцкого заповедника.

КРАЙ МОЕЙ МЕЧТЫ

В детстве мы все любим читать книги об отважных путешественниках, об их жизни, полной опасностей и приключений. Я, как и все, тоже зачитывался летописью великих открытий и дневниками первопроходцев. Особенно привлекал меня Дальний Восток. Родившись в бескрайних степных просторах Украины, среди весенней пены цветущих садов, я бредил глухими чащобами Уссурийского края и мыслями уже бродил по сопкам Камчатки. Эта мечта не давала мне покоя.

И вот когда я учился в университете на биологическом факультете кафедры зоологии, мне посчастливилось побывать на полевой практике в Кроноцком заповеднике на Камчатке. То, что я увидел, превзошло

все мои ожидания! Я был ошеломлён этой природой, поражающей взор человеческий своими огнедышащими сопками, зловеще клокочущими котлами и стремительно выплёскивающимися из глубин земли горячими струями воды с султанами пара.

Но я смотрел на Узон-Гейзерный район Камчатки — и как зоолог. Биологические исследования здесь проводились очень мало, и они носили самый поверхностный характер. В специальной научной литературе я не находил ответа на интересующие меня вопросы. Как живут звери, птицы, насекомые, растения в этом природном комплексе? Какое влияние оказывает активный вулканизм на жизнь животных?

Всё для меня было загадкой. Приехав в университет после практики, я по крохам собирал сведения о животных в термальных районах мира. Но это не так просто... И я решил после окончания университета ехать на Камчатку, чтобы заняться изучением неизученных проблем.

Когда, наконец, приехал в заповедник, оказалось, что научные штаты были уже укомплектованы и места как молодому специалисту не было. Неужели это конец и нужно будет отступить от намеченной цели, когда позади осталось столько трудностей?

Когда человек теряет надежду, он превращается в плохого пловца, переплывающего широкую бурную реку без спасательного круга.

Для биолога важно наблюдать всю сезонную жизнь природы в течение нескольких лет. И должность лесника для этого вполне подходила. Постоянная жизнь на Узоне, рядом с Долиной гейзеров, круглогодичные наблюдения — это как раз то, что надо. Ну, а когда ты всё время занят и увлечён работой, то комариный вой, затяжные дожди, прерванные сны, жестокие морозы и метели остаются незамеченными. Человек на то и создан, чтобы бороться с трудностями.

Вскоре нас стало двое — ко мне в горы приехала жена Тамара. Она специалист-пауковед. Жила в Амурской области, занималась изучением интереснейшей и полезной группы животных Дальнего Востока — пауков. А здесь на Узоне их предостаточно. Вот и всё о себе. Главное — цель, к которой я стремился, — жить и работать в удивительном крае — сбывалась.

Нам предстоит жить в грядущем веке и беречь ту природу, в которой живём сейчас. Я буду рад, если мои записки помогут глубже понять ту красоту, на которую мы часто смотрим поверхностным взглядом. Чтобы, выехав за город, на лоно камчатской природы, мы бережнее относились к её богатствам и были самыми первыми её защитниками.

НЕРАСКРЫТЫЕ ТАЙНЫ

Термальный биогеоценоз — уникальное явление природы. Но прежде расшифрую. Биогеоценозы представляют собой целостные системы живой и неживой природы, находящиеся в неразрывной связи и зависимости друг с другом. На земном шаре так много самых разнообразных подобных сочетаний, что их невозможно все перечислить. Но очень редким, а потому уникальным является термальный биогеоценоз Долины гейзеров и кальдеры вулкана Узон.

Камчатка, пожалуй, осталась одним из последних уголков земного шара, где термальные районы находятся в относительно первозданном виде. В Исландии, Новой Зеландии, Италии, Калифорнии (США) и других странах под влиянием деятельности человека термальные биогеоценозы разрушены до того, когда ими серьёзно заинтересовались учёные.

Основными факторами, влияющими на жизнь в Узон-Гейзерном районе, являются всевозможные проявления вулканизма: горячие источники, гейзеры, фумаролы, грязевые котлы, сольфатары...

По предположениям учёных, возраст кальдеры вулкана Узон — 50–60 тысяч лет, а Долины гейзеров — 10 тысяч. До настоящего времени в них происходят активные поствулканические процессы. Вынос подземного тепла на поверхность земли с разгрузочными водами громаден. Например, по подсчётам советского вулканолога В. В. Аверьева, в Долине гейзеров на поверхность земли выносятся от 2.000 до 2.500 килокалорий в секунду на 1 кубический километр. Это в сотни раз превышает средний тепловой поток земли, который равен всего 12 килокалориям в секунду на 1 кубический километр. В силу этого эффекта Долина гейзеров и вулкан Узон образуют зоны с особым микроклиматом.

Когда в начале зимы в горах пурга и идёт сильный снег, на центральном поле в кальдере Узона и на площадке у гейзера Великана в Долине гейзеров идёт дождь. В Долине всю зиму термальные склоны зеленеют мхами и осоками. В кальдере Узона зимой не замерзают многие тёплые озёра, и на них зимуют утки и лебеди. Ранней весной термоплощадки переходят на летний режим, и граница снега начинает быстро отодвигаться. На склонах поднимаются травы. Здесь раньше распускаются листья на деревьях и кустарниках.

Ещё по горам и долам лежат глубокие снега, иногда срываются весенние пурги, а в гнёздах некоторых птиц, например, белых трясогузок и бекасов, уже лежат яйца. Задует пурга и заметёт сидящую на гнезде

птичку. Но кончится ненастье, очистит птичка от снега гнездо и снова сядет на яйца.

Ранней весной термоплощадки играют большую роль для пролётных птиц. Они останавливаются здесь, кормятся и отдыхают. Раз есть зелень — появляются комары, мухи, клопы, пауки — то есть пищи вдоволь.

На тёплые площадки идут и проснувшиеся медведи. Вокруг лежат снега, а здесь и сочная зелень, и мышей много с их складиками орешков и корешков. В кальдере Узона можно увидеть 4–5 кормящихся вместе медведей, а в Долине гейзеров их иногда до 20 собирается.

Активные площадки оказывают непосредственное влияние на животный и растительный мир. Особенно интересные факты наблюдаются у птиц. Во-первых, у них сильно растянут период гнездования. Если первые начинают гнездиться в мае, то птенцов-пуховичков чирка-свистунка мы встретили в сентябре. У птиц, гнездящихся на термоплощадках, наблюдаются изменения в размерах яиц и разнос их количества на гнездо. Обычно бывает больше нормы.

Птицы умело используют подземное тепло при насиживании яиц. На термоплощадках им меньше приходится сидеть на гнёздах. Инкубация яиц идёт за счёт подземного тепла. В Долине гейзеров наблюдается более ускоренный, чем обычно, рост птенцов.

Какие же на самом деле взаимосвязи в уникальном Узон-Гейзерном биогеоценозе: временные и случайные или постоянные и закономерные? Каково их прошлое и что ожидает в будущем? Всё это пока остаётся неразгаданным.

Человек научился использовать вулканическое тепло в электростанциях и теплицах, для отопления жилых помещений. Но мы ещё совсем не знаем, что нам может дать, чему научить жизнь терм. Может, появится возможность использовать в практических целях растянутый гнездовой период у птиц, повышенную норму яиц в гнёздах, ускоренный рост птенцов?.. Вполне возможно.

А может быть, знания, полученные в этой природной лаборатории, пригодятся человеку и в далёких космических путешествиях? А вдруг в термальных источниках Узона существуют те самые коацерваты, с которых начала зарождаться жизнь на Земле?..

И всё это — неразгаданные тайны Узона и Долины гейзеров. С каждым годом сюда приходит всё больше и больше туристов, в числе которых бывают многие из читателей «Камчатского комсомольца». Поэтому нашим юношам и девушкам нужно очень бережно относиться к

уникальной природе Камчатки. Следить, чтобы ей не наносились даже самые маленькие и незначительные раны. Природе очень трудно залечивать их.

Не забывайте, что Долина гейзеров и кальдера Узон — неповторимая уникальная лаборатория мира, которую учёные будут ещё очень тщательно изучать.

Камчатский комсомолец. — 1975. — № 117. — 2 октября.

УТРО, РАЗБУЖЕННОЕ СОЛОВЬЯМИ

Когда над кальдерой ещё висит зыбкая прохладная ночь, только светлеющее пятно утренней зари говорит о рождении нового дня. На вершины кустов и деревьев усаживаются серенькие птички с красными манишками на груди — соловьи-красношейки и начинают задорно выводить свои мелодичные песенки. В утреннем мраке «блеют барашки» — это робко пролетают длинноносые бекасы. На озёрах просыпаются утки — их гомон слышно за версту. Резким хохотом разрывают тишину задиры-куропачи.

Со всех сторон несутся птичьи голоса и эхом разливаются по кальдере.

...Утро. Из-за горы Белой, словно из покоев своих, встаёт косматое заспанное солнце, окунается в голубых озёрах и, похорошев от купания, поднимается всё выше и выше.

Птичий хор пополняется новыми голосами: присоединяются скромные овсянки, зеленушки, чечётки, флейтами заливаются трясогузки. Словно расстроенный инструмент, резкие раздирающие крики краснозобых гагар несутся с Центрального озера.

Солнце уже оторвалось от горизонта. Уменьшились клубы над термоплощадками, зато, согретая тёплыми лучами солнца, запарила земля на проталинах.

По ним, приспустив крылья, прыгает с кочки на кочку дрозд Науманна. Вот он взлетел на ветку куста, крылья ещё больше распустил, вздёрнул хвост, пропел свою коротенькую песенку и спрыгнул на землю. Среди побуревшей листвы стал совсем незаметен...

...Кончилось утро, разбуденное соловьями, и начался день, воспетый тысячами голосистых солистов.

НА МЕДВЕЖЬЕЙ ТРОПЕ

В кальдере вулкана Узон и в Долине гейзеров живёт, как и на всей Камчатке, самый крупный а Советском Союзе подвид бурого медведя — берингийский. Истории известны случаи добычи медведей на Камчатке весом в 600–700 килограммов. Но в последние годы крупные медведи стали встречаться редко.

Наш медведь — довольно миролюбивое животное. Но всё-таки тем, кто бывает на территории Кроноцкого заповедника, нужно знать о некоторых особенностях медведей, живущих в Узон-Гейзерном биогеоценозе. И главное: об отношении к ним.

Топтыгин просыпается уже в апреле. Через несколько дней он начинает объедать на термоплощадках первую сочную зелень. Иногда находит погибших зимой птиц и зверей. Раскапывает норки мышевидных грызунов, поедая остатки их зимних запасов, а заодно и самих зверьков.

У некоторых самок весной из берлоги выходят 2–3 медвежонка, которые родились зимой. Целыми днями они с медведицей проводят на зелёных площадках.

Летом, когда в кальдере начинают гнездиться утки, чайки, кулики и другие птицы, мишки пополняют своё меню яйцами птиц, а то и птенцами.

Короткое лето на Узоне сменяется тёплой красочной осенью. Поспевают ягоды, кедровые орехи. У медведей наступает ответственный период в жизни: нужно накопить жир для зимней спячки. И снова они целыми днями по тундре собирают ягоды, едят кедровые орехи у термоплощадок, оставшиеся зелёные травы.

В октябре начинает выпадать снег. Снежная граница всё ниже и ниже спускается к кальдере. И перед первой сильной пургой, когда должен лечь устойчивый снежный покров, медведь залегает в берлогу. Берлога представляет собой яму в огромном кусте кедрача с толстой подстилкой опавшей хвои. Зимой кедровые стланики полегают и заваливаются снегом. Спящего медведя накрывает это тёплое одеяло до самой весны.

Узонские медведи дикие. Они людей не подпускают близко и сами к ним не подходят. Но со стороны Долины гейзеров в кальдере часто приходят животные, прирученные туристами. Они людей не боятся и порой чувствуют себя хозяевами на туристическом приюте.

Когда мишка был маленьким, туристы его подкармливали кашей, сгущённым молоком, мясными консервами.

Но миша подрастает, и подачек ему становится мало. Он лезет в склад, рвёт палатки, отнимает у туристов рюкзаки.

Однажды, когда кончился сезон, один из «хулиганов» — медведь Альфред (так нарекли его туристы), забравшись в пустой приют и ничего там не найдя, стал осаждать уже наш домик. Не боялся он ни собаки, ни окриков человека. Отбегал ночью только от горящего факела.

Однажды Альфред подошёл к дому с подветренной стороны так, что даже собака не слышала его бесшумной поступи. Став на задние лапы, передними выдавил стекла и заглянул внутрь. Медведя, конечно, прогнали, но он стал даже днём делать наскоки.

Тогда мы решили проучить его. Вокруг дома сделали ограду, а все тропки оставили открытыми. Над ними на высоте 2–3 метра были насторожены навесные доски с вбитыми снизу мелкими гвоздями. Подходивший к дому медведь задевал лапой нитку над землёй, срывал сторожок, и доска падала косолапому на спину. Раза два мишка испытал силу этой западни, и уже на следующий день у него отпала охота подходить к дому. Так огромного зверя отучили «хулиганить».

В Кроноцком заповеднике истории с полуручными медведями из года в год повторяются. Правда, были случаи даже нападения медведей на людей. Тех зверей приходилось отстреливать. Конечно, это не выход, нужны другие меры. Необходимо на территории заповедника у туристических приютов уничтожать мусорные свалки и помойные ямы, которые особенно привлекают медведей. Значит, нужны вывозные мусорные контейнеры. Все должны хорошо понимать, что шутки с Топтыгиным опасны. Подошедшего к лагерю нужно не угощать сладостями, а прогонять прочь. Осмелевший медведь может натворить немало бед.

Только при соблюдении этих условий экскурсии по заповеднику будут интересными и приятными. И медведи будут встречаться, и не будет тяжёлых последствий.

Камчатский комсомолец. — 1975. — № 118. — 4 октября.

НЕМНОГО О БУДУЩЕМ

Узон-Гейзерный — уникальнейший район на земном шаре. Это неповторимый памятник природы, это далёкое прошлое земли, это её юность. Этот уникум должен быть сохранён для грядущих поколений.

До недавнего времени массовый туризм наносил ущерб кальдере Узона. Особенно отрицательно сказывалось это на фауне. Поток туристов с каждым годом увеличивался. Птицы и звери кальдеры Узона стали покидать её. На грани исчезновения находятся лебеди, волки, снежные бараны и другие животные, не терпящие массового появления людей. Изменяет свой облик ландшафт кальдеры...

Если двадцать лет назад, по словам очевидцев, кальдере оглашали шумом тысячные стаи уток, то сейчас их стало куда меньше. А ведь изучение кальдеры вулкана Узон по-настоящему начинается только сейчас. Люди понимают важность этого природного объекта. Рекогносцировочные исследования вулканологов и геологов доказали целесообразность более глубокого изучения Узон-Гейзерного термального района.

Хочется надеяться, что в ближайшие годы в кальдере Узона будет построен большой стационар Института вулканологии, оснащённый самой совершенной научно-исследовательской аппаратурой.

Пока ещё не затронут учёными Узон-Гейзерный биоценоз, о котором говорилось в предыдущих очерках. Думаю, здесь очень нужен биологический стационар АН СССР.

Сейчас предпринимаются первые шаги по охране и рациональному использованию этого туристического объекта. В конце прошлого года вышло постановление камчатского облисполкома об оборудовании кальдеры Узона и Долины гейзеров, а также приняты меры по усилению охраны их. Намечается построить смотровые площадки, настилы, мосты и т.д. Это примечательная и приятная новость.

Но мне кажется, что в силу неизученности биологами и вулканологами кальдеры Узона целесообразнее было бы всё же на некоторое время кальдере вулкана Узон оставить в первозданном виде и даже ограничить посещения туристов. Нужно дать разобраться учёным в загадках, вникнуть в тайны, которые веками скрыты от человека и которые такими же неразгаданными могут исчезнуть. Необходимо всесторонне изучить кальдере, извлечь всё то, что полезно для человека, научно обосновать организацию отдыха людей в этом районе, гарантирующую минимальное влияние человека на весь природный комплекс.

По-моему, в Долине гейзеров массовый туризм оказывает незначительное влияние на фауну и флору. Это обусловлено особенностями микрорельефа. И проведение здесь благоустроительных работ даст самый положительный эффект.

С Узоном же труднее.

Но всё-таки давайте попробуем заглянуть в будущее, попытаемся представить Узон-Гейзерный район в XXI веке, пусть даже это будет выглядеть необычно и абстрактно.

Термины «заповедник» и «туризм» имеют свои внутреннюю противоречивость и несоответствие. В конце концов люди придут к выводу, что Узон-Гейзерный район должен быть парком и служить культурному отдыху людей, укреплению их здоровья и связи с природой.

Граница заповедника будет сдвинута за пределы этого района, и государственный заповедник будет выполнять свою первостепенную функцию эталона природы с ценными камчатскими видами животных.

В Долине гейзеров и кальдере вулкана Узон будут уже не дощатые настилы, смотровые площадки, мосты, а лёгкие конструкции из прочного красивого пластика, над Долиной гейзеров в труднодоступных местах будет проходить кольцевая канатная воздушная дорога. На гору Белую пойдёт подъёмник или лестница для обзора кальдеры, которая особенно сказочно выглядит утром. У озера Дальнего вырастет белоснежное 2-этажное здание научно-исследовательской лаборатории ДВНЦ АН СССР, где вулканологические, геологические и биологические отделения будут заниматься изучением этого района. Учёным ещё на долгие столетия хватит материала для изучения в этом районе. Лаборатория останется непосредственным контролёром в охране Узон-Гейзерного уникаума.

Туристам будущего предоставится возможность совершать экскурсии над парком и многими вулканами Камчатки на комфортабельных аэростатах, которые не шумят, как вертолёты, а значит и не пугают зверей и птиц.

А как же дело будет обстоять с животным миром? Обогащение фауны парка будет происходить под активным воздействием человека путём акклиматизации новых видов и сохранения аборигенов.

Турбазы «Долина гейзеров» в том виде, в каком она сейчас существует, и в помине не будет. Рядом с Узон-Гейзерным парком люди построят благоустроенные здравницы, к которым подведут целебные термальные воды.

Но чтобы всё это сбылось, нам сейчас нужно сообща взяться за дело охраны природы нашей уникальной камчатской земли.

Александр Стенченко.

Камчатский комсомолец. — 1975. — № 119. — 7 октября.

«ДЕЛО» МЕДВЕДИЦЫ МАШКИ

До конца туристского сезона оставалось немногим более месяца, когда мы получили телеграмму председателя Камчатского областного совета по туризму, полномочного представителя неутомимых искателей новых маршрутов — В. Семёнова. Суть её: отстраните медведицу с медвежонком, они беспокоят туристов, они грабят приюты, они опасны... Сигнал тревожный и не единственный. Вот докладные научных сотрудников Института вулканологии В. Л. Леонова и В. А. Воронкова с просьбой принять меры; вот докладная научного сотрудника нефтяного геологоразведочного института Н. С. Бескровного с требованием обеспечить охрану работников. У лесотехника Кроноцкого заповедника В. А. Николаенко появляется новая папка, на которой размашистым почерком обозначено: «Дело медведицы Машки». Коль появилось «дело», необходимо следствие, и я решил разобраться в нём.

Медведицу Машку и работники заповедника, и проходившие по маршруту туристы знали ещё безобидным, забавно колченогим медвежонком, который со звериной радостью принимал подачки, вылизывал консервные банки. Запах туристской каши ассоциировался с сытным обедом, и медвежонок шёл на приют, покорно ожидал прихода групп и в благодарность за позирование перед многочисленными фото- и кинообъективами получал конфеты, сахар, галеты. Прошло два года. Трудно было узнать во взрослой медведице маленькую Машку; это был зверь, зверь дикий, но не злобный, реагирующий на кличку, с грустными глазами и туповатой мордой. Всё лето удовлетворяла она любознательность десятков, сотен туристов, позировала и выдавшим виды опытным фотографам, и школьникам, впервые взявшим в поход фотоаппарат. Близилась осень, капризная камчатская погода не позволяла пополнить приют продуктами, туристы стали «экономить». Машке доставалось всё меньше и меньше, это её обижало, озлобляло. Она стала требовать, отбирать. Она считала себя причастной к коллективу и, не получая пищу, забиралась в палатку, извлекала рюкзаки, потрошила продуктовые мешочки и пожирала содержимое. Человек был ущемлён, обижен, начались гонения. Машку стали гнать, отпугивать. Такой оборот ей был вовсе непонятен, и до сих пор мирный зверь оскалил зубы. По требованию туристов медведицу отстрелили. Было это в 1973 году.

А другая Машка в это лето только познавала мир — вела себя тихо и мирно, подачками её особо не баловали, но кличку свою знала

хорошо и от угощений не отказывалась. Звериные грешки водились за ней с детства. То на базу геологов заглянет, то масло у геоботаников утащит, то палатки на приюте «Гейзерный» повалит. Всё это мимоходом, ненароком, напоминая о своих правах на территорию. Весной 1975 года она появилась в Долине гейзеров с малышом. С тех пор, как лесной патруль, курсировала она от приюта «Горное плато» к приюту «Узон» через Долину гейзеров по закрытой для туристов тропе. Нередко она совершала маршруты вместе с В. А. Николаенко, иногда сопровождала труппы научных сотрудников, а следом, неуклюже переваливаясь, постоянно отставая, догонял малыш свою кормилицу.

* * *

В середине августа, после продолжительного перехода я подходил к потоку реки Шумной в кальдере вулкана Узон. На слабо заболоченной пойме паслась медведица, а чуть повыше, на сухой кочковатой тундре, рыча и фыркая, самозабвенно копали землю два медвежонок. Глупые, они пытались достать евражку, не догадываясь, что этот забавный камчатский зверёк давно выскочил через запасной ход и, подёргивая хвостиком, наблюдает за деятельностью двух «сопунов». Бдительная, внешне всегда спокойная мамаша, учуяв людей, фыркнула, переправилась через реку и, косолапо закидывая ноги, подалась к ближайшей сопке. Время от времени она останавливалась, поджидая малышей и проверяя, нет ли погони. Расстояние километров в пять было преодолено минут за пятнадцать, и звери скрылись в зарослях кедрового стланика. Наш маршрут проходил далее мимо озера Дальнего, одного из красивейших озёр Узона, возле которого очарованные туристы нередко простаивают часами.

Никаких непредвиденных встреч у озера мы не ожидали и были наказаны за минутную рассеянность. Спускаясь по одному из распадков к воде, мы «нос к носу» столкнулись с медведицей, которая упрямо шла навстречу, а сзади полукольцом наступали три малыша — один пестун (медвежонок прошлого года) и два сеголетка (рождённые в текущем году). Не осмеливаясь забежать вперёд мамыши, они расширили круг, преграждая нам путь к отступлению. Трудно пришлось бы нам, не оказись сзади небольшой развилки оврага с невысоким увалом. Быстро поднявшись по правой ветви к верхнему борту увала, мы перешли в левый распадок и, спустившись вниз, оказались в тылу у мохнатой семейки. Нашу

дислокацию заметил пестун и, желая удовлетворить своё любопытство, попытался вернуться, но рык мамыши остановил его. Понутив голову, пестун поплёлся за медведицей, шлёпнул отставшего малыша, и все четверо затерялись в травяных джунглях. Замерив следы и обследовав берега озера, мы вышли через противоположный, хотя и более крутой борт и направились к fumarольным полям Узона. Казалось, мы попали в медвежье царство. Здесь у Банного озера разгуливала медведица с медвежонком, а у приюта стоял удивлённый Николаенко и объяснял туристам: три часа назад я её видел в Долине гейзеров, затем попутный вертолёт перебросил меня сюда — на Узон, смотрю и глазам не верю — медведица уже здесь.

В сумерках она подошла к домику вулканологов, всю ночь бродила она по окрестным островкам с каменноберезняками, а утром опять была у приюта.

* * *

Попрошайничество — никак иначе нельзя расценить поведение медведицы в последующие два дня. Она ходила вокруг костров и палаток, обнюхивала случайно обронённые бумажки, выискивала съестное и своим поведением давала понять — дайте поесть! Часами вместе с малышом копалась она в яме с пережжёнными банками, время от времени высовывала из ямы голову и не обращала никакого внимания на туристов с фотоаппаратами, ожидавших её появления. Иногда кто-нибудь из «сердобольных» не выдерживал и незаметно подбрасывал малышу галеты, конфеты, кусочки сахара. Мамаша бдительно следила за такими подачками и, как правило, успевала вырвать лакомство из-под носа своего чада. Медвежонок обидчиво скулил, а Машка нервничала. На третью ночь нервы её не выдержали. Дверь продуктового склада турбазы была взломана, из склада вынесен ящик свежего сливочного масла, а невдалеке от склада оставлены следы ночного пиршества. До полудня мы не видели насытившихся животных, а во второй половине дня заметили их на полпути между Узонем и Долиной. Вечером они были в Долине. Несколько последующих дней, по-видимому, чувствуя себя виноватой, Машка не подходила к приютам, держалась поодаль от тропы. Но «запах каши» не давал ей покоя, к тому же назойливый медвежонок всё чаще тормозил мать и сам пытался приблизиться к манящим ароматам консервных банок. Через две недели медведица опять

вернулась на Узон. Здесь-то и сошлись пути-дороги человека и зверей. Итог встречи — требование отстрелить медведицу.

Медведица пока жива, растёт и медвежонок. Туристский сезон закончился. И перед животными стоит задача — набрать жиру к началу спячки, что сейчас сделать уже довольно трудно. А администрация турбазы беспокоится о сезоне предстоящем — ведь Машка придёт с возмужалым малышом. Работники заповедника решают — что делать? Отстрелять? Но ведь это уже не первый зверь, прирученный человеком. Отпугивать? Но для этого необходимо содержать специальных работников, заводить на приютах собак. Да и к лицу ли такая работа заповеднику? Наконец, усыпить химическими препаратами и вывозить! Но такой возможностью заповедник в настоящее время не располагает. Не случайно поэтому в тематический план научного отдела заповедника на предстоящее пятилетие включена тема «Заповедность и туризм». Быть ли территории поистине заповедной или предоставить её в распоряжение всемогущего туризма? От этого зависит судьба медведицы и прочих представителей мохнатого царства.

*А. Науменко, заместитель директора
Кроноцкого государственного заповедника по научной работе.
Камчатская правда. — 1975. — № 235. — 4 октября.*

ВЕРТОЛЁТ ЛЕТИТ В ЖУПАНОВО

«Знакомство с Камчаткой надо начинать с Жупанова, — посоветовали мне, когда я прилетел на полуостров. — Увидите всю красоту и первозданность природы: Долину гейзеров, рощу пихты грациозной».

Не всякому довелось побывать там. Но мне повезло. Предложили отправиться в командировку. Не раздумывая, я согласился.

— А когда возвращаться?

В ответ неопределённо пожали плечами: на Камчатке таких вопросов не задают. Смотри по обстановке. Как только погода позволит, так и прилетай.

Два пути ведут в Жупаново — морской и воздушный. Я предпочёл последний. Когда вертолёт поднялся со взлётной площадки Халактырского аэропорта, я припал к иллюминатору.

Пока пролетали над Петропавловском, я думал: что может быть лучше среднерусской природы? Спокойные реки и шелковистые заливные луга, ласковое солнце и щедрые дожди, пышная осень и мягкая зима...

Но я не бывал на Камчатке!

И вот она открылась любопытному взору. Вертолёт взял курс на север. Лучшим ориентиром для вертолётчиков служило побережье Тихого океана.

Была середина лета. Стояла на редкость тёплая погода, и лучи полуденного солнца освещали даже укромные уголки безлюдных просторов. Увидеть в это время Камчатку с высоты птичьего полёта заманчиво, и я неотрывно смотрел на бесконечные берёзовые леса, водопады, долины рек, горы. Всё зеленело. Мхи и лишайники подбирались к вершинам вулканов.

Играя светотенью, природа меняла густоту красок и, казалось, старалась понравиться. Бывало, последний луч заходящего солнца выхватывал из темноты сопку, да так её подсвечивал, что она окрашивалась всеми цветами радуги. Но скоро вечерний луч погас, и краски потускнели.

Летим около часа. В ушах такой гул, что не расслышать соседа. Восхищённо переглядываемся и снова смотрим вниз.

Там, на зелёном ковре, змеились бесчисленные ручьи. Берёзы окружили голубые озера, будто собрались искупаться. Над болотами, подёрнутыми ряской, вспархивали и садились на воду утки. Дикая звери, едва заслышав вертолёт, прятались в чащобах.

Я представил себе как шумят леса, звенят горные реки, плещется океан и кричат чайки. И с этими звуками для меня открылся новый, ранее неведомый мир. Мир дерзкой красоты, от которой не отвести взгляда.

Во впадинах и расщелинах гор белыми пятнами ещё лежал снег. Будто кто-то, выстирав белье под водопадом, раскидал его просушить на скалистых отрогах. Сам же затаился в зелёной глухомани.

— Подлетаем! — кричит попутчик. Я понял это лишь по движению его губ.

Внизу, среди бесконечных горных просторов текла полноводная река Жупанова. Бурная на склонах, она плавно несла свои воды по равнине.

Реки дают названия редким в этих местах селениям. За сотни километров от города, на пустынном берегу великого океана видны произвольной планировки улочки. Дома, обитые толью, потонули в зелени. Рыболовные сети, когда-то вмещавшие в себя тонны сельди, теперь небрежно наброшены на изгороди. Они оберегают огороды от нашествия кур.

У пирса — обветшалые постройки бывшего рыбокомбината. Покрылось тёмной ржавчиной постаревшее оборудование. Редкое судно

разрежет звенящую тишину приветливым криком и причалит к некогда говорливой пристани. Редкий вертолёт присядет на месте, сохранившем ещё название «аэропорт».

Это нынешнее Жупаново. Маленький посёлок потомственных рыбаков и охотников. Нетороплива здесь жизнь, как неторопливы рассказы стариков о былой славе посёлка. Когда он основан — никто не знает.

Сказывают, давным-давно места эти были ещё более богаты рыбой и зверем. Вдоль берега океана проходила вьючная тропа, здесь-то, в устье реки, и обосновалось стойбище коренных жителей Камчатки — ительменов. Затем их сменили русские поселенцы. Но чума скосила всех обитателей.

Заново возродился посёлок много лет спустя. Славился он крупной, необычно жирной и вкусной сельдью. В двадцать восьмом году здесь организовали рыболовецкий колхоз «Красный партизан». Затем построили рыбокомбинат. И была жупановская селёдка известна далеко за пределами полуострова.

Но исчезла сельдь. Резко уменьшился вылов лосося. Колхоз ликвидировали. Рыбокомбинат стал нерентабельным. На побережье Камчатки когда-то было много таких рыбокомбинатов. Малые рыболовные сейнеры не могли уходить далеко в океан, и рыбу доставляли для переработки на берег.

Теперь на смену мэрээсам пришли могучие плавучие заводы. Уходя далеко в океан, они вылавливают многие тонны рыбы, перерабатывают её и доставляют в порт уже готовую продукцию. Многие рыбокомбинаты стали ненужными. Так перестал существовать и Жупановский.

Жители его нашли себе другое занятие. На территории Жупановского сельсовета находится один из самых крупных в Советском Союзе Кроноцкий государственный заповедник. Он простирается от устья реки Семячик до Чажмы. Управление заповедником находится в Жупаново.

Заповедник тоже имеет свою биографию. В конце прошлого столетия основным предметом вывоза с Камчатки были шкурки соболя. А запасы его стали истощаться. Чтобы пополнить их, зоолог Б. И. Дыбовский в 1882 году предложил организовать соболиный заказник в одном из наименее заселённых мест полуострова — на побережье Кроноцкого залива.

Сколько заказник просуществовал, неизвестно. Восстановлен Кроноцкий заповедник в шестьдесят седьмом году. На его территории находятся широко известные туристские объекты: Долина гейзеров, роща пихты грациозной, кальдера Узона и другие. А неподалёку от Жупанова

расположилась центральная турбаза Камчатского облсовета по туризму и экскурсиям. Отсюда уходят туристы к заповедным местам.

Побывал там и я. Посетил туристские приюты. Встретился с сотрудниками заповедника и турбазы. Беседовал со старожилами Жупанова.

Об этих встречах я расскажу в следующий раз.

В. Пищулин.

Ленинское знамя. — 1975. — № 133. — 1 ноября.

ТРОПА К ПОДНОЖИЮ ВУЛКАНА

Камчатка влечёт и манит тысячи людей со всех уголков нашей страны. С каждым годом всё большую популярность завоёвывает турбаза «Долина гейзеров». Если в 1969 году по её маршрутам прошло чуть больше тысячи человек, то уже в 1974 число туристов превысило 2.000 человек. Богатейшие природные условия этих мест позволяют открывать всё новые туристские маршруты знаменитого восточно-вулканического района.

На территории района множество вулканов потухших и действующих, о работе которых можно судить по мощности лавовых потоков и каменным глыбам, когда-то в расплавленном состоянии вылетавшим из жерл вулкана.

В 1976 году здесь откроется полный туристский маршрут.

Что же ждёт туристов на новом маршруте? Это прежде всего роща пихты грациозной — уникальный, древнейший лесной абориген Камчатки, тридцатиметровые водопады на реках Карымской и Н. Семячик. Но главными объектами, конечно же, будут вулканы. Например, массив вулкана Малый Семячик с множеством разрушенных кратеров, в одном из которых расположено озеро с разнообразным кислотным составом. К нему туристы смогут совершить восхождение.

Вулкан Карымский один из активнейших на Камчатке. Правильный конус его возвышается на 1.488 метров. За последнее столетие наблюдалось более двадцати извержений с выбросами пепла и изливами лавовых потоков. Последний раз вулкан проснулся в начале этого года, а сейчас отмечается сильная фумарольная деятельность.

Туристы также посетят Карагинское озеро, воды которого заполнили кальдеру древнего разрушенного вулкана, горячие и нарзановые источники. Живописные ландшафты откроются взору с кальдеры вулкана Академии наук.

*Николай Краев, старший инструктор турбазы «Долина гейзеров».
Камчатский комсомолец. — 1975. — № 136. — 15 ноября.*

ХОЗЯЙКА УЗОНА

Давным-давно, как рассказывает легенда, над девственной природой Камчатки возвышался могучий вулкан Узон.

Много лет горячее сердце Узона томилось в одиночестве. И стал он просить богов послать ему жену. И дали ему боги в жёны прекрасную Наюн.

Полюбил её великан любовью неземной. Но от этого Наюн не стала счастливой.

С каждым днём угасала её юная улыбка. Она хотела к людям. А однажды ночью исчезла, оставив Узона в прежнем одиночестве.

Уж как тосковал он по своей возлюбленной — описать невозможно. И не выдержало муки его пылающее сердце. От тоски неизмеримой разорвалось оно, на километры разбросав скалы. И взрыв был подобен громам небесным. И сверкали молнии. И лил дождь — плакала боги...

Кто и когда сложил эту древнюю легенду, никто не знает. Потухло сердце вулкана, а дно образовавшейся огромной кальдеры до сих пор источает тепло и обогревает людей.

Выросли вокруг заповедные леса. Зазеленели луга. Потекли по ним реки. И стал Узон одним из красивейших мест на Камчатке.

Потянулись сюда люди. Тогда приехала на Узон и стала здесь хозяйкой, как сказочная Наюн, ленинградка Рая Симонова, инструктор по туризму.

Она здесь одна-одинёшенька. Узон ей заменил Невский проспект. Ей радостно, что сюда прилетают люди. Она встречает их и ведёт к нехитрой дощатой постройке. Там она живёт, там хранятся продукты. Пока туристов нет, Рая проторённой тропой провела нас по кальдере.

— Идите строго по тропе, а то можете провалиться в горячий котёл, — беспокоилась хозяйка.

И мы убедились, что осторожность не помешает. По обе стороны тропы — многочисленные крупные и мелкие вулканчики. Из них выбрасываются на поверхность жидкая глина, пары, горячие воды. Земля пыхтит, шипит. Вдали поднимаются столбы седого пара, а поднявшись, рушатся порывом ветра и расстилаются дымкой по долине.

Каждому гейзеру дано название: «Горло Дракона», «Большой котёл», «Ванька-встанька». Вот — «Скульптор». Мы заглянули в кратер. В разных его точках булькает зеленоватая густая глина и на какое-то время выриваются глаза, нос, рожица. Так в хочется попросить: изобрази ещё!

А это — «Сковородка». Плоское, горячее озеро. На поверхности его пляшут, как при дожде, фонтанчики, будто масло на горячей сковородке. От больших и малых гейзеров текут тёплые роднички, расцветенные самыми причудливыми водорослями.

Однако повеяло прохладой. Солнце спряталось за тучи. Стал накрапывать дождик, и мы заторопились назад. В пути на дне обмелевшего озера, покрытого желтоватой корочкой самородной серы, увидели свежие следы медведя.

— Медведи здесь частые гости, — говорит Рая Симонова. — Особенно беспокоит медведица с медвежонком. Однажды, когда туристы сидели у костра, она подошла, сняла ведро с горячим супом, вылила его в холодную воду и стала есть. А совсем недавно разорвала палатку и унесла ящик галет. Начнёшь её прогонять, она становится на задние лапы, открывает пасть — тут уже не до шуток.

Страшно, наверное, одной среди этой дикой природы. Но Рая не сдаётся. Она привыкла. Здесь, на Узоне, её супруг написал докторскую диссертацию и теперь уехал на защиту её. А Рая пробудет здесь до окончания туристического сезона.

Неподалёку от приюта — «Банное озеро». Дождик прошёл стороной, и мы босиком по мягкой и тёплой земле Узона направились к озеру. Вода в нём была мыльная. У края, глубиной по грудь — место для купания. Ближе к центру находится горячий источник, бьющий из-под земли, с температурой на выходе около ста градусов. Купаться разрешено только у берега. Вода в озере целебная, но долго находиться в ней не рекомендуется.

Возвратились мы освежённые. Рая усадила за стол и угостила завтраком туриста. Пришлось сидеть на кресле, отличающемся своей выдумкой. На пне был прибит квадрат толстой доски, а спинку заменяла причудливая коряга, напоминающая голову медведя.

— Кто придумал это? — спросил я, не подозревая, что мой вопрос воскресит самую печальную страницу туризма.

Вот что мне рассказали.

Уроженец брянских мест Володя Лобков приезжал сюда как турист. В походах нашёл себе жену и справил свадьбу на Узоне. Для молодой избранницы он и придумал это сиденье. Затем стал инструктором и вёл группы туристов по Долине гейзеров и Узону. Но однажды...

От турбазы его группа отошла километров на тридцать. Уже миновали перевал вулкана «Малый Семячик», но дожди и сильные туманы сделали невозможным продвижение вперёд.

Что делать? Решение должен принять бывалый в походах инструктор, а для этого надо всё взвесить.

«Может, переждать, пока туман рассеется? — рассуждал Володя. — А вдруг солнце так и не проглянет? Идти дальше рискованно. Можно сбиться с тропы или кого-то потерять. Продукты на исходе. Медикаментов нет».

И Володя принял решение идти обратно. Он беспокоился, то и дело напоминал остальным: идти надо след в след, не отставать. Проверял: все ли на месте? Но прошедшие дожди, туманы и почти неощутимые толчки Карымского вулкана уже подготовили ему ловушку.

Перейдя первым реку Бондаренкина в её верховьях, он спустился вниз по течению на несколько метров и следил за переправой остальных туристов.

Наблюдая за другими, Володя забыл о себе, об опасности, которая подстерегала его... Шумела и пенилась среди камней необузданная горная река. И в этом грохоте не понял Володя: что кричат на том берегу? Почему в ужасе размахивают руками туристы?

А они кричали:

— Володя! Берегись!!! Камень!

В этот момент со снежника сползал огромный валун. Он с грохотом катился по крутому склону прямо на Володю.

Володя не успел избежать опасности... Грубая сила безжалостно ударила его, и он потерял сознание. Только когда пришёл в себя — по отрывистым фразам, возможно, догадался о том, какая здесь разыгралась трагедия... Травма была смертельной. Камчатская земля, которую он так полюбил, взяла его к себе навсегда.

Мы молчали, и каждый из нас думал о Володе Лобкове. В наступившей тишине было ясно слышно, как воды реки Бондаренкина бешено бились о камни, грохотали в ущелье, как в тот роковой день.

Да, много неожиданностей подстерегает человека в неизведанных местах. Но, презирая опасность и страх, туристы снова идут по тропе, проторённой Володей Лобковым, чтобы увидеть красоту и подчинить себе эту дикую природу...

Через несколько минут мы заметили под горой людей.

— Идут туристы, — как-то по-обыденному сказала хозяйка Узона и пошла встречать новых гостей.

В. Пищулин.

Ленинское знамя. — 1975. — № 144. — 29 ноября.

ЗАПОВЕДАНИЕ ИЛИ ТУРИЗМ?

В Москве, в павильоне «Охрана природы» на ВДНХ проходил семинар руководителей заповедников страны и их заместителей по лесному хозяйству и по науке. Обсуждались вопросы организации охраны заповедных территорий. На семинаре были представлены сотрудники 59 заповедников из 14 республик, в его работе принимали участие 29 научных и общественных организаций.

Со вступительной речью к участникам семинара обратился вице-президент Международного союза охраны природы профессор А. Г. Банников. Он, в частности, сказал, что идея В. И. Ленина придать заповедникам статус научного учреждения постоянно укрепляется и находит широкое одобрение и поддержку. 12 заповедников СССР включено в Международную программу, расширяется обмен опытом, заключены соглашения с такими государствами, как США, Канада, Япония, а система заповедания территорий Советского Союза приобретает всё больший авторитет.

С большим докладом «О состоянии заповедной системы СССР» на семинаре выступил начальник отдела заповедников Министерства сельского хозяйства СССР В. В. Криницкий.

В ближайшие годы на территории нашей страны, сказал он, организуются ещё шесть заповедников, их площадь возрастёт до 8,5 млн гектаров, а к 1990 г. намечено расширить заповедные территории до 14 млн 200 тысяч гектаров. Общее число заповедников увеличится до 155. К сожалению, до сих пор нередки случаи, когда заповедникам причиняется определённый ущерб, а некоторые из них трансформируются в места отдыха. От натиска всесильного туризма страдают лучшие заповедники страны — Кавказский, Тебердинский, Кроноцкий и другие.

С большим вниманием и с всеобщим одобрением восприняли участники семинара выступление директора Кроноцкого государственного заповедника В. Н. Савинова. Кардинальное решение вопроса «заповедание или туризм» — вот задача, которую поставила перед нами современность. Туризм агрессивен: изыскиваются новые маршруты, растёт число туристов, усиливается «пресс на природу» при минимальных затратах на благоустройство.

Благодаря правильному пониманию проблемы охраны природы полуострова Камчатский облисполком и областное общество охраны природы (председатель П. П. Полуэктов) планомерно осуществляли

мероприятия по упорядочению туризма в Кроноцком заповеднике. Но опыт текущего года показал, что дальнейшая эксплуатация маршрута без ущерба природе не обойдётся. И принята крайняя мера: закрыть доступ туристов в заповедник до выполнения мероприятий по благоустройству маршрута, всех работ, гарантирующих сохранность природного комплекса. Решение с радостью воспринято всеми, кому дороги идеалы природы, кто понимает, что Долина гейзеров и Узон — неповторимы!

Работники заповедника сознают ответственность, возложенную на них по охране экологических систем с саморегулированием без вмешательства человека, и приложат все усилия к их сохранению, попытаются извлечь многоканальную научную информацию, добыть ключи к «сейфам управления природой».

Всего на семинаре заслушано около 40 докладов. Во всех докладах проявляется забота о незыблемом фонде, изъятом из хозяйственного пользования, о том, как рациональнее использовать заповедные территории для научных исследований.

Участники совещания разработали рекомендации, внедрение которых будет служить улучшению заповедного дела всей страны.

*А. Науменко, зам. директора по науке
Кроноцкого государственного заповедника, участник семинара.
Камчатская правда. — 1975. — № 292. — 13 декабря.*

ТУРИСТСКОЙ ТРОПОЙ

Вертолёт кружит. Командир экипажа высматривает место для посадки. Под нами деревянные строения, от которых ниточками тянутся туристские тропы.

Снижаемся. Буйные травы в страхе заволновались и, прилегая к земле, волнами убегают от вертолёта.

В восьми километрах от Жупанова, на отлогом берегу океана построены жилые дома, конторка, складские помещения, столовая. В центре, у дощатого настила — щит с картой маршрутов и надписью: «Долина гейзеров». Но до самой долины отсюда нужно пройти долгий путь. Это лишь турбаза Камчатского облсовета по туризму и экскурсиям.

Отсюда тропы уводят туристов к живописному каменистому берегу океана, через быстрые реки и горные перевалы на Узон, в рощу пихты грациозной, в Долину гейзеров.купаются туристы в горячих ключах

Семячикского вулкана, умываются в целебных водах Банного озера, вдыхают аромат цветущих трав и кустарников.

Туристы называют Камчатку восьмым чудом света. И это не преувеличение, если учесть, что только тут есть гейзеры, каменная берёза и пихта грациозная.

Неповторимые климатические условия создали и неповторимый по своей красоте природный мир Камчатки.

За последние годы возросло паломничество туристов на наш полуостров. С началом туристического сезона сюда едут со всех концов страны. Люди разных национальностей, возраста и звания едут сюда с кинокамерой и фотоаппаратом. А недавно к нам приезжала группа корреспондентов газет, радио и телевидения из Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии, Югославии, Дании и других стран.

Туризм в нашей стране принимает всё больший размах. Красоты полуострова становятся доступными для обозрения всё более широким массам.

— Прекрасное нельзя прятать от людей. Камчатка должна стать краем большого туризма, — говорит председатель облсовета по туризму Владислав Павлович Семёнов. — Это будет полезно не только в эстетическом, но и в экономическом отношении.

И его слова сбываются. Облисполком и облсовпроф приняли совместное решение о благоустройстве туристских маршрутов. В связи с этим была создана комиссия, в которую вошли директор турбазы «Долина гейзеров» Юрий Красильников, заместитель директора Кроноцкого заповедника Анатолий Тихонович Науменко, бесстрашный вулканолог Юрий Трухин, покоритель высочайших вершин Альберт Березин, а также геологи, ботаники, почвоведы. Они обследовали маршруты и дали разумное заключение в интересах будущего туризма и не в ущерб первобытной целостности заповедных мест.

...Вертолёт пришли встречать все обитатели турбазы. Кто приехал и что привезли — интересно знать всем. Какие могут быть секреты? Здесь действуют законы коммуны. Замки на двери не вешают. Доброго человека встречают хлебом и солью.

Знакомимся. Директор турбазы, старший инструктор, инструкторы — вот и всё руководство. Люди молодые, бороды не носят. Опрятно одеты. Словом, горожане. И действительно, они коренные ленинградцы. Однажды побывав в турпоходах, они стали ежегодно приезжать сюда. А потом стали штатными работниками. У каждого — полный рюкзак

кинолент и фотоснимков пройденных дорог по горам Карпат, Кавказа, Памира. Но остались всё же здесь, на Камчатке, наверное, самой красивой земле.

Странные люди — эти туристы. Променили уют городских квартир на необжитую природу, где даже толстокожая лошадь ищет спасение от гнуса в дыму костра. А может, их потянуло сюда, потому что фонтанирующие гейзеры так похожи на фонтаны Петродворца? Или после шедевров мирового искусства, собранных в Эрмитаже, захотелось увидеть шедевры природы. Всё может быть.

...Сегодня у них необычный вечер. На теплоходе «Петропавловск» прибыли новые группы туристов. Многоголосая толпа заполнила турбазу. Заговорили репродукторы. Запели свои популярные песни Булат Окуджава и София Ротару. Засветились огни. Началось знакомство с Камчаткой, первые вопросы и ответы.

Скоро всё стихло. Небо покрылось чёрной плёнкой, как сердце медведя. Лишь у палаточного городка высоко пылал традиционный туристский костёр. Одетые в штормовки, люди пели туристские песни или слушали, как исполняет их старший инструктор Николай Краев.

Поёт Краев под гитару, а океанские волны, словно щётки, отбивают ритмы. Океан рядом, у самых палаток.

Но вот песни смолкают, а туристы долго не расходятся... Потом усталость берёт своё.

Пусть отдохнут. Завтра после обеда все выйдут на маршруты. Навьюченные пудовыми рюкзаками, не спеша, цепочкой потянутся вслед за инструктором по новой тропе, тропе познаний удивительного мира Камчатки.

В. Пищулин.

Ленинское знамя. — 1975. — № 149. — 13 декабря.

1976

ЗА ВРЕМЕНЕМ, УХОДЯЩИМ В ПЕСОК

ОТКРЫТИЕ МИРА

Шумит прибой. Пенистые волны набегают на песчаный берег и откатываются, оставляя белую полосу прибоя. В легкой дымке исчезает серая полоса пляжа. Как будто вырастают из воды силуэты скалистых хребтов. Туда, за хребты, за горизонт лежит маршрут нашего отряда. И ждут нас там, на побережье Кронцого залива, древние стойбища. Наш отряд, если отрекомендоваться официально — небольшая составная часть Северо-Восточно-Азиатской археологической экспедиции, возглавляет которую доктор исторических наук Николай Николаевич Диков.

Мы идём берегом моря, известного русским землепроходцам под названием Бобрового. В далекие времена здесь путешествовал Крашенинников, посещая камча-

дальские острожки. С тех пор прошли века, и нам остались лишь следы древних поселений.

Километр за километром остаются за спиной. Идём широкими прибрежными тундрами. Вдали, до самых подножий вулканов громоздятся сопки, ощетинившиеся густым лесом и непроходимым стлаником.

Несколько дней пути по ровному плотному песку — и мы у устья реки Жупанова. В районе Кронуцкого залива это одна из крупнейших рек. Ительмены называли ее Катангыч. Здесь знакомимся с колхозными рыбаками.

Рыбаки — народ добрый. В их лагере мы получили и уют, и необходимые советы...

Обдумав окончательно дальнейшие действия, уходим в устье Жупановского лимана на разведку скалистого полуострова с несколько прозаическим названием «Копыто». Но в итоге это Копыто — оказалось настоящим археологическим кладом. Достался он, правда, нам нелегко.

Зная губительные последствия цунами, ительмены строили свои жилища как можно выше уровня моря. Поэтому к самым ценным следам древних обитателей мы могли притронуться только с помощью верёвки.

Здесь, на Копыте, нам впервые (но не в последний раз) пришлось сочетать археологию с альпинизмом. Но, глядя на место недавно оборвавшегося «kozyрька», видя почти двухметровый «культурный слой», насыщенный разнообразными отходами производственной деятельности, потерянными или сломанными каменными, костяными изделиями, забываешь, что ты висишь на верёвке, противоположный конец которой сосредоточенно держат ребята.

В напряжённой работе прошло несколько дней.

И хоть сделано не всё — пора уезжать. Стоим на палубе «бегущего по волнам» РБ и смотрим на повёрнутое к морю скалистое лицо ставшего нам родным полуострова с названием Копыто. Малиновое солнце прячется за хребты, в вечерней дымке они кажутся синими. Наше Копыто выглядит особенно великолепно. Но солнце исчезло; катер упорно перебирается с волны на волну, оставляя за кормой уже почерневшие в сумерках громады скалистых берегов, перед которыми чувствуешь себя несколько беспомощным. На смену солнцу с противоположной стороны горизонта из-за моря появилась яркая и очень большая луна. Как будто переключаясь с ней, наше судно тоже вспыхнуло огнями, и скалы, недавно казавшиеся чёрными и угрюмыми, словно просветлели и задремали успокоенно...

Большая Медвежка — это бухта, где будет наша база. Затихает судовый двигатель, грохочет якорная цепь. До утра всё вокруг затихает, окутанный матовым лунным светом.

Утро следующего дня застаёт нас в пути.

Буйные заросли ольхового стланика, летающие снежники, хлюпающая под ногами вода бурных ручьёв в зелёных туннелях, простор морского залива, а кругом — отвесные скалы! Красота и непроходимость, недоступность. В этих местах такие понятия взаимосвязаны. И снова выручают верёвки...

От напряжения и усталости дрожат колени, руки с трудом держатся за едва заметные выступы на плоскости скалы. Ещё немного пути по громадным, окатанным волнами прибрежным валунам, и вот мы бредём в сумерках по сухому песку в сторону устья небольшой речушки. Здесь тихо и уютно. Неслышно скользит по песку вода. А совсем рядом за темными силуэтами сопков свирепствует ветер. Через вершины и седловины переливаются языки тяжёлых низких облаков и бесследно тают на склонах сопков.

Следующий день посвящён разведке. Скалистый фиорд, окружённый громадными цирками с летающими снежниками на дне и каскадами водопадов, оставляет неизгладимое впечатление. К концу тёплого солнечного дня удалось заметить очень интересную и важную деталь, которая заставляет нас двигаться несколько быстрее обычного: чёткая полоса горизонта как будто разбухла и превратилась в толстую серую линию, медленно увеличивающуюся. На Камчатке нетрудно расшифровать финал этого явления — к вечеру резко похолодало, и рваные облака стали заползать в ещё тихую, играющую разноцветными бликами бухту.

...Беспокойная ветреная ночь сменяется не менее беспокойным, ветреным и дождливым утром. По кромкам скал ползут тяжёлые серые облака, и от этого скалы кажутся бесконечно высокими.

Плотный завтрак — с расчётом на мокрый и безостановочный дневной переход. Цепочка из четырёх человек направляется в сторону недавно пройденных прижимов и скал. Мысленно прощаемся с бухтой и по проторённой уже тропе направляемся к ручью, который служит нам дорогой к перевалу. Здесь за озером находится наша база. Там есть всё: и тёплая сухая одежда, и запас дров, и даже навес над головой, который служил когда-то рыбакам, а теперь прекрасно служит археологам.

Горит костёр. В сухой одежде тепло. На верёвках висит одежда. С неё медленно течет вода. В ожидании ужина наводим уют в нашем «доме».

Утро не приносит ничего нового. Дождливый день закрыл горизонты серыми полосами дождя, медленно падающими на фоне зелёных склонов сопков. Но разведку ближайших прибрежных террас мы всё же

сделали. На этот раз удача не заставила себя долго ждать. Рядом с лагерьем, на склоне сопки находим древнее стойбище ительменов. Оно довольно большое. Прекрасная находка!

Идёт время. День за днём проходит в ожидании хорошей погоды, и день за днём юго-восточный ветер дождём смывает наши надежды. Но десять дней бесследно не прошли. Предсказывая погоду (чем мы занимались в основном по вечерам), мы постоянно работали на стоянке. Таяли продуктовые запасы — зато прибавлялись материалы раскопок. Здесь нам впервые за всё время работы удалось встретить керамику, правда, грубую, толстостенную, без следов орнамента. Наконечники стрел, прекрасно обработанные каменные ножи, скребки и заготовки тёсел — такая каменная «индустрия» ительменских охотников, рыболовов, собирателей.

...После десятидневных дождей в сером низком небе вдруг появились голубые «окна». Нельзя терять ни одного часа! Вместо продуктов в рюкзаках в основном камни, пробы и т.д. Снова на бирюзовых волнах играют солнечные лучи. Бурные ручьи водопадами падают с прибрежных скал, лёгкий ветер далеко разносит водяную пыль. Впереди небольшой перевал, который для себя мы назвали именем Археологов. Путь к этому перевалу несколько своеобразен, и начался он с «восхождения» на водопад. Холодный душ действует освежающе. Одолев водопад, мы вышли к руслу ручья, в верховьях которого предполагали найти удобный перевал. Но перевал ошетинился высоким ольховником. С трудом по непомерно узкому коридору он выходит к ручью с обычным для этих мест названием — Дождевой.

К концу дня добрались до моря. Под ногами успокаивающе шуршит галька прибойной полосы. Впереди — разведка ещё в одной бухте и один из самых трудных переходов вдоль скалистых берегов, где хозяйничают приливы и отливы.

В лагерь вернулись уставшие. Крутые склоны, ныряющие в озеро, и заболоченные устья небольших ручьёв не оставили удобных мест для ительменских стойбищ. Однако отрицательный результат — это тоже результат, и он часто бывает так же важен, как и положительный.

Камчатский комсомолец. — 1976. — № 7. — 17 января.

Солнечный день! Лёгкий ветерок скользит по верхушкам трав. У прибрежных скал спокойно плещется море. Своеобразность этого района ещё более подчеркивается водопадами. Идти вдоль этого берега можно

только в сильный отлив, когда почти нет прижимов и передвигаться относительно легко. На скалах птичьи базары. Многоголосый хор дополняет шум прибоя. Любопытные нерпы подплывают поближе, чтобы посмотреть на людей (необычное в этих местах явление). В синеве неба над кромками скал кружат чайки.

Идём по широкому пляжу. Впереди видны люди, это рыбаки. Мы подходим вовремя: идёт косяк селёдки, и, расставшись на время с рюкзаками, мы «активно отдыхаем» — упёршись ногами в песок, изо всех оставшихся сил тянем невод вместе со всеми. Знакомимся только после того, как справляемся с работой.

Вечером в небольшом домике трещат в печке дрова. Пьём крепкий чай, течёт неторопливый разговор. Николай Николаевич Павленко, бригадир рыбаков, рассказывает о нелёгком труде, о здешних местах и людях. Затем он берёт гитару, и избушка наполняется тихой красивой мелодией, немного необычной сейчас для нашего слуха, привыкшего к грохоту воды и крику чаек.

Весь следующий день ждём попутный транспорт. Время работы в первом маршруте давно истекло, надо торопиться.

Вдруг над озером застрекотал вертолёт. Описав над нами круг, он сел неподалёку от домика... Через некоторое время мы уже летели в вертолёте вдоль скалистого берега. Вот и устье реки Жупанова, вот наше Копыто. Приземляемся и сразу встречаем рыбаков — старых знакомых. Здесь нам предстоит снова ждать попутный транспорт, заодно закончить работу на стоянке и разведать низовья реки Жупанова. Не теряя времени, отправляемся на Копыто. Оно обладает какой-то притягательной силой. Снова работаем над обрывом, снова находки и почти сюрприз.

Ещё в первое посещение этой стоянки под обнажением верхних почвенных слоёв мы нашли человеческую челюсть. Стало ясно, что рядом лежит скелет, погребённый слоем земли. При зачистке обнажения лопата упёрлась во «что-то», оказавшееся человеческим ребром. Дальше зачищать опасно.

Делаем фотоснимки и закладываем небольшой шурф. Что скрывает от нас земля?.. Осторожно сантиметр за сантиметром разбираем слой. Наконец у самого края обрыва лопата снова упёрлась в невидимое препятствие — кость. Дальше работа продолжается с помощью ножа и кисточки. Через некоторое время перед нами обнажается картина драматических событий, происшедших здесь много лет назад. Среди

скопления брёвен лежит человеческий череп и несколько трубчатых костей — всё, что осталось от скелета. Всё остальное сорвалось вместе с почвой в океан. Вероятно, человек, останки которого лежали перед нами, умер в юрте, и обветшалое перекрытие, рухнув, завалило труп...

Вскоре разведки на стоянке были закончены. Основная работа здесь ещё предстоит.

Река Шемечь — Семячик — впадает в большой лиман, на берегу её ещё С. П. Крашенинников отметил «две вещи, достойные примечания:

- 1) ...Около вершин её находятся кипячие воды великими колодцами.
- 2) ...На южном берегу объявленной губы (то есть Семячинского лимана) по низменным холмикам растёт малое число пихтовнику, которого дерева нигде на Камчатке более не примечено.

Оной лес у камчадалов как заповедный хранится, так что никто из них не токмо рубить его, но и прикоснуться не смеет, ибо уверены они преданием стариков своих... что всяк, кто б ни дерзнул им прикоснуться, бедственной смертью скончается. Впрочем, сказывают они, что сей лес вырос над телами камчадалов, которые некогда будучи в походе против неприятелей, так оголодали, что несколько времени принуждены были питаться одною лиственничною коркою, а напоследок померли на реченом месте».

Ещё задолго до появления русских землепроходцев берега Семячинского лимана были густо населены. Для нас остались лишь следы древних стойбищ. Это прямоугольные углубления — остатки обвалившихся юрт. Что скрывает от нас земля?.. На этот вопрос можно ответить только после раскопок. Термин же «рекогносцировочная разведка» предусматривает только съёмку территории стоянки, обмеры, фотографирование, зарисовки и т.п., что, однако, не может ещё дать полной картины материальной культуры и общественных отношений обитателей древних поселений.

Дальше наш путь лежит по берегу океана вдоль так называемого Пемзовского пляжа, который во времена С. П. Крашенинникова назывался, видимо, Толоконными горами. Высокие обрывы жёлтого цвета с торчащими причудливыми «пальцами» и «столбами», образовавшимися в результате долгой и кропотливой работы дождей, солнца и ветров. Места эти исключительно живописны. Со склонов гор текут реки по уютным тихим долинам. Но только почему-то эти реки пронумерованы с бухгалтерской скрупулёзностью: первая, вторая, третья и т.д. Таким образом, отсчитав до сумерек ровно две реки, мы остановились на третьей.

Неподалёку от устья ручья в океан выступает довольно своеобразный мыс, где нам и предстояло работать. Ни к югу, ни к северу от стоянки нет большой реки, где можно было бы добывать в достаточном количестве лососёвых. Рыба, как известно, была основным продуктом питания ительменов. Но жители этой стоянки, видимо, промышляли морских животных в тихих заливах: в зимнее время — на льду, а летом — на деревянных байдарах. Охотились на котиков, заходящих от Командорских островов к берегам Камчатки, морских коров, сивучей и т.д. Глядя с обрывистого берега мыса на медленно перекатывающиеся волны залива, сейчас можно видеть только любопытные физиономии нерп.

«...Напоследок знатная река Кемшчь или Камашки, которою каменный берег кончается... Недалеко от устья на южном её берегу есть острожек одного с нею имени», — писал С. П. Крашенинников.

Сейчас эта река называется просто Шумная. В её устье есть не только древняя стоянка, но и современный туристский приют, обитатели которого любят заходить в упомянутые Камашки и, если повезёт, брать «на долгую и добрую память» каменные наконечники, скребки и вообще всё оригинальное, что попадётся в немилосердно разрушаемых геологическими процессами культурных слоях.

Шагая по аккуратно вытопанной тропочке вдоль обнажения культурных слоёв, ничего не остается делать, как теряться в догадках: что мог бы найти здесь современный цивилизованный человек пригодное в качестве сувенира? И вывод только один — несомненно, здесь что-то было! Заканчивая работу на стоянке под конец дня, вдруг вспоминаю грозный запрет Главохоты и управления Кроноцкого государственного заповедника: «Не производить никаких земляных работ!» Почесав с досады затылки, уходим в лагерь, придерживая планшет и бумаги, чтобы их не унёс ветер! Видимо, «земляные работы» по-прежнему останутся «в ведении» геологических процессов, а древние каменные изделия — сувенирной кладовой для туристов.

Спрятав бумаги в полевую сумку и взвалив рюкзаки на спины, направляем свои стопы дальше на север...

К устью реки Тихой идти всего лишь около двух часов. Когда-то эта река впадала в обширный лиман, от которого теперь остались только следы. Геологами давно установлено, что восточное побережье Камчатки медленно поднимается. Лиман исчез. Вероятно, в то время, когда он ещё существовал, на его берегу цепочкой тянулись ительменские юрты. Следы этих юрт мы находим и теперь. Прямоугольные, со слегка

сглаженными углами углубления с поперечным размером до пятнадцати метров. Когда-то это были полуподземные жилища с квадратным отверстием в крыше, которое служило одновременно и дымоходом, и дверью.

Примерно в полутора-двух километрах вверх по течению реки берег вздымается высокой террасой с крутыми, поросшими высокой травой склонами. На террасе находим стоянку со своеобразной планировкой. Две огромных юрты были когда-то убежищем от врагов для жителей стоянки. Они были построены над самым обрывом так, что с трёх сторон имели естественную защиту. С четвёртой стороны сделали искусственную защиту, вырыв глубокий ров. Видимо, не в мирные времена жили обитатели этих юрт...

Наш путь лежит дальше по берегу океана, затем по тундрам и болотам. Река Крода-кыг, сейчас это река Кроноцкая. Поражает великолепие тундры в её низовьях — урочище «Тундра Медвежья». Она густо поросла голубикой. То здесь, то там пасутся медведи.

Камчатские медведи спокойные, хотя это не мешает им быть осторожными. Завидев людей, они предпочитают удалиться, уводя за собой своих детей. Мы только приветствуем подобные поступки, потому что в противном случае пришлось бы удаляться нам, а с тяжёлыми рюкзаками это не совсем удобно.

Так мы шли по прекрасным медвежьим тропам вдоль реки Кроноцкой. Иногда среди деревьев или впереди на тропе мелькали коричневые медвежьи силуэты. Они занимались своими делами, мы — своими, не беспокоя друг друга.

Камчатский комсомолец. — 1976. — № 8. — 20 января.

С гидрометеостанцией на Кроноцком озере у нас были связаны большие надежды. И действительно, встретили нас так, будто давно ждали. Вечерний чай, обмен впечатлениями. Для окончательного «выяснения отношений» на следующий день был назначен... футбольный матч. Итак, наш отряд, а теперь футбольная команда под названием «Лопата», скрестил шпаги с командой — неоднократной победительницей над всеми летающими и передвигающимися своим ходом в районе Кроноцкого озера. Мы оказались не исключением. Проиграв с крупным счётом, мы погрузились в моторные лодки и ребята-победители доставили нас на северное побережье Кроноцкого озера в устье реки Северной.

В сумерках запылал костёр. Над тёмными силуэтами Валагинского хребта висят не менее тёмные тучи. Гул моторных лодок затих где-то

в направлении Кроноцкого вулкана. Завтрашний день будет посвящён разведке в низовьях реки Северной.

Догорает костёр. Темнота всё плотнее подступает к палатке.

Довольно странное утро: всё вокруг покрыто инеем, в котелке замёрзла вода, но идёт дождь. С рассветом всё как будто изменилось, стали заметны кругом растущие могучие лиственницы. Это, пожалуй, единственное место в этом районе, где можно видеть этих красавиц.

Направляемся вдоль берега реки Северной к ближайшим увалам. Болото кажется бесконечным. С хребта наползают языки тяжёлых облаков. Временами идёт дождь. В лагерь вернулись под вечер. Погода крайне изменчивая, в разных концах озера разная погода, там идёт дождь, тут переливается радуга, а над нами сияет солнце.

Кроноцкое озеро чем-то напоминает одну из бухт Шипунского полуострова. Ольховый стланик густо покрывает склоны сопки и, нависая над водой, словно отгоняет нас подальше от берега. Бредём по воде. В дырявых сапогах хлюпает вода. Под конец экспедиции обувь и одежда окончательно выходят из строя.

‘Завтра снова брести по воде вдоль берега. Дырявые сапоги возвращают к неприятным ощущениям прошедшего дня. Но события повернулись по-другому.

Под вечер солнце стало ярко-малинового цвета. С севера ползёт прозрачное голубоватое облако. Почти незаметно падает пепел, покрывая чёрным слоем листья, тундру, хрустит на зубах. Это извергается Толбачик.

Два дня идём к югу, к кальдере Узона. Справа остался острый пик сопки Унана и скалистая вершина Тауншица. По глубокому кулуару поднимаемся на гребень кальдеры, и вот перед нами широчайшая панорама вулканов и фумарольных полей. Осторожно спускаемся в громадную чашу кальдеры. Кулуар зигзагами уходит вниз, то сужаясь, то расширяясь. Неожиданно за одним из поворотов видим перед собой следы снежного барана и неподалёку — мощные рога. Какое-то хитрое животное подстерегло осторожного и чуткого жителя гор.

Кулуар выводит нас на широкое заболоченное дно кальдеры. Ещё немного — и мы на тропе, протоптанной людьми. В домике встречаем старых знакомых — лесничих с реки Шумной. Недалеко от туристского приюта ходит Светка с детёнышем. Это полуручная медведица с маленьким, почти круглым медвежонком. Около неё стоит человек и спокойно жужжит кинокамерой. Мы тоже делаем несколько снимков.

Старый Узон как будто сдерживал непогоду в ожидании нашего прихода. На следующий день, цепляясь за гребень кальдеры, с юго-востока поползли низкие облака. Вскоре от облаков стали отделяться серые космы дождя, и всё вокруг закрылось белёсой пеленой. Подул резкий ветер. Слушаем, как ходит дождь по крыше палатки. Но ждать нет времени и возможности: продукты на исходе, время давно вышло.

* * *

Через день «Николаевск» мчит нас вдоль скалистых утесов Шипуна и чёрных скал «Копыта» домой, в Петропавловск...

*Алексей Пономаренко, студент 4 курса
историко-филологического факультета Камчатского пединститута.
Камчатский комсомолец. — 1976. — № 9. — 22 января.*

ЖИВАЯ ВОДА

Иногда приходится наблюдать, как при поступлении в продажу «Малкинской» или других минеральных вод быстро выстраивается очередь и некоторые покупатели уносят по 20–30 и более бутылок. При беседе с такими покупателями выясняется, что многим из них врачи такую воду не назначали и при каких заболеваниях эту воду нужно пить, они не имеют представления. Многие часто употребляют воду других многочисленных на Камчатке источников, а иногда и специально проводят на них отпуск, также ясно не представляя себе их лечебного действия, а руководствуясь только советами и опытом других людей. Некоторые рассуждают так: «Раз вода минеральная, значит она полезная».

Питьевое лечение минеральными водами с успехом применяется при многих заболеваниях. Эффективным это лечение может быть только при правильной методике его проведения и при правильных показаниях к его назначению, которые в каждом случае индивидуальны. Поэтому лечение минеральными водами должно проводиться под наблюдением врача.

Для повышения эффекта от лечения минеральной водой в домашних условиях нужно постараться перестроить на период лечения свой режим так, чтобы он приближался к санаторному. Для этого надо ложиться спать и вставать в определённое время, регулярно питаться, соблюдать рекомендованную врачом диету, делать гигиеническую гимнастику,

больше находиться на свежем воздухе, исключить употребление спиртных напитков и т.п.

Эффективность лечения минеральными водами зависит в большой степени от того, как, когда и в каких количествах выпивается эта вода. Только при строгом соблюдении режима лечения можно добиться благоприятного результата, в противном случае питьё минеральной воды не только не принесёт пользы больному, но может привести к обострению заболевания. Давно известно, что одна и та же минеральная вода в зависимости от способа её приёма может вызывать в организме совершенно различное и даже противоположное действие.

Курс питьевого лечения минеральными водами длится обычно от трёх до шести недель. Повторные курсы лечения можно проводить не ранее чем через четыре-шесть месяцев. Нужно помнить, что систематический приём минеральной воды в течение более 1,5–2 месяцев опасен для здоровья, так как приводит к нарушению водно-солевого обмена.

Особо следует сказать о разливаемой в бутылки «Малкинской» воде. Эта вода широко употребляется как лечебно-столовая. В ней в больших количествах содержится фтор. В связи с тем, что в обычных питьевых водах на Камчатке наблюдается недостаток фтора, в результате чего развивается заболевание зубов — кариес, «Малкинская» допущена к внутреннему употреблению в лечебных целях. Но при избыточном поступлении фтора в организм развивается заболевание флюроз, поэтому пить эту воду можно только периодически, в дозах, рекомендуемых врачами. Во всяком случае нужно знать, что очень частое употребление «Малкинской» в дозе больше 250 мл в сутки (более одного стакана) в течение длительного времени (более 2–2,5 месяца) опасно для здоровья.

Необходимо остановиться ещё на одном типе минеральных вод, широко распространённых на Камчатке. Это слабоминерализованные азотные кремнистые горячие воды. Соединения кремниевой кислоты входят в состав крови, мышц, кожи, соединительной ткани и участвуют в различных процессах жизнедеятельности организма, могут связывать и обезвреживать ядовитые вещества в тканях, оказывают противовоспалительное действие, нормализуют различные виды обмена веществ при их нарушении, ускоряют заживление различных язв и эрозий на слизистых оболочках и коже. Поэтому эти воды, несмотря на их малую минерализацию, можно отнести к лечебным минеральным водам и применять для питьевого лечения, ориентируясь при этом на основной ионный состав. Так, по тем же показаниям, что и воды типа Ессентуков,

можно пить воды источников Верхне-Чажминских (в среднем течении р. Большая Чажма), Тюшевских (в долине р. Тюшевка в 18 км от устья).

К сожалению, не все минеральные воды на Камчатке в достаточной степени исследованы. Поэтому дать рекомендации по питьевому использованию других источников, известных жителям полуострова, не представляется возможным.

О. Кузьмин, врач.

Камчатская правда. — 1976. — № 51. — 29 февраля.

АВТОМАТЫ В ДОЛИНЕ ГЕЙЗЕРОВ

Год назад Долина гейзеров стала ещё одной рабочей площадкой для сотрудников Института вулканологии. Тогда же там были установлены автоматические приборы для круглосуточного наблюдения за режимом гейзеров.

И вот проанализированы итоги их работы за год. Приборы типа «Валдай» и ГР-38, размещенные возле грифонов-кратеров крупных гейзеров Большого, Малого, Вундеркинда, Жемчужного, на реке Гейзерной, в руслах ручьёв, образующихся при фонтанировании кипящей воды, работают безотказно, чутко реагируют на изменения уровня воды. Самописцы создают «кардиограмму» жизни гейзеров. Автоматическая запись даёт возможность наблюдать за режимом фонтанов в любое время суток.

Полученные данные помогут составить более полную картину «работы» гидротермальных систем, изменения их активности и связи с вулканическими процессами.

Камчатская правда. — 1976. — № 73. — 25 марта.

ДОЛИНА ТУМАНОВ

Особенностью кальдеры вулкана Узон в зимнее время являются густые туманы. Когда стоит над восточной Камчаткой тихая, солнечная погода, котловина Узона заполнена до краёв парами, идущими со дна кальдеры от многочисленных горячих источников. Испарения под давлением холодного воздуха настолько гущаются, что в метре ничего не видно.

Пар оседает пыльным инеем на все предметы. Даже на гладкой поверхности снега образуется толстая шероховатая корка с торчащими в разные стороны кристалликами всевозможных форм.

Все звери и птицы в такие туманные дни уходят из низины в возвышенную часть кальдеры и на гору Белую.

Но стоит потянуть ветерку, и кальдера быстро очищается от тумана. Взору открывается удивительно сказочный мир безмолвия.

Но недолго держится эта красота. Поднимается ветерок, и с веток серебристой вьюгой слетает снежная бахрома. Деревья, словно очнувшись после глубокого сна, начинают махать ветками и сбрасывать свой белый наряд.

Появляются снова звери и птицы. С озера несётся задорное кряканье уток и важное покрякивание лебедей.

Вот летит снежная пыль от порхающих синиц, пухлячков и чечёток, кормящихся на вершинах берёз промёрзшими серёжками. По снежному покрову протянулся робкий след лемминга. На термоплощадках что-то выкрикивает отшельник-ворон. У кустика сидит, похрустывает вкусными берёзовыми веточками заяц-беляк.

Многие птицы и звери жмутся к термоплощадкам. Здесь и теплее, и корма больше. «Долина туманов» начинает жить своей обычной жизнью.

*А. Стенченко, лесничий Кроноцкого заповедника.
Камчатская правда. — 1976. — № 74. — 26 марта.*

ЗАГАДКА ПИХТЫ ГРАЦИОЗНОЙ

Древесная растительность Камчатки, несмотря на некоторую обеднённость в видовом разнообразии, несёт черты самобытности и оригинальности. Наиболее известной достопримечательностью растительного мира полуострова является небольшая, около 22 гектаров, роща пихты стройной или грациозной, находящаяся на территории Кроноцкого заповедника в устье р. Семячик. Её нередко называют реликтовой (остаточной) или эндемичной (сохранившейся в единственном месте в мире).

Встреча с вечнозелёной рощей среди безбрежных и довольно однообразных каменноберёзовых лесов вызвала восхищение у всех, кому довелось побывать в этом уникальном уголке природы. Вполне вероятно, что эмоциональное описание очевидцев нашло отражение в видовом названии «стройная» или «грациозная», данной ей академиком В. Л. Комаровым.

Происхождение рощи до настоящего времени загадочно и гипотетично. Многие учёные считают пихту грациозную реликтом доледниковой

растительности, поскольку сухопутные контакты полуострова с другими географическими районами (Курилы, Сахалин, Приморье и др.) нарушились значительно раньше. В суровую ледниковую эпоху пихта могла сохраниться на этом участке благодаря отепляющему влиянию Тихого океана, а возможно, и термальных источников, которые и сейчас в изобилии встречаются на территории заповедника.

Небезынтересно проверить возможность заноса семян пихты морскими течениями. Роща находится на коренном берегу Кроноцкого залива. После отделения песчаной косой морская лагуна обмелела и постепенно сменяется заболоченной низменностью, насыщенной сетью водотоков и рядом красивых озер. Во время путешествия по Камчатке В. Л. Комаров отмечал на восточном побережье выбросы деревьев лиственницы с корнями и указывал, что они могли быть принесёнными только с Сахалина. Если работники Кроноцкого заповедника установят, что при нахождении в морской воде семена пихты сохраняют всхожесть, то «морской» путь происхождения рощи становится вполне возможным.

В последнее время увеличивается число сторонников теории, согласно которой роща пихты не «загадка природы», а скорее, «тайна истории». В камчадалских легендах, записанных известным географом С. П. Крашенинниковым в середине XVIII века, говорилось, «что сей лес вырос над телами камчадалов, которые некогда, будучи в походах против неприятелей, так оголодали, что несколько времени вынуждены были питаться одною лиственничною коркою, а напоследок померли на реченном месте».

Учёные много раз убеждались, что основой для зарождения многих мифов и легенд служили исторические события. Проведённый пыльцевой анализ почвы в пихтарнике показал, что пыльца пихты встречается только в верхнем слое 20 см, то есть примерно 1000 лет назад на этом месте пихта не росла. Название пихты отсутствует в словарях у ительменов, коряков и чукчей — аборигенов Камчатки. Археологические и этнографические исследования подтверждают, что в конце 1-го тысячелетия между южными камчадалами и айнами, жителями Курильских островов, существовали довольно оживленные связи, которые, надо полагать, не обходились без воинских походов за «получением корысти», сражений и гибели камчадалских воинов. Вполне возможно, что в один из таких неудачных походов случайно или умышленно были завезены семена пихты. Выросшие из них необычные, загадочные деревья

местные жители обожествили с духом умерших камчадалов и на рощу наложили «табу», объявив её священной и неприкосновенной. Ритуальное значение рощи несомненно благоприятствовало сохранению её до наших дней.

Несмотря на длительный заповедный режим, границы рощи расширяются естественным путём очень медленно. Семена пихты имеют исключительно низкую всхожесть и совершенно лишены приспособлений для разноса их ветром. Сотрудники заповедника принимают меры по искусственному расселению пихты за пределами естественного ареала. Любое самое подробное и красочное описание уникальной рощи не даст исчерпывающего представления об этом романтическом и загадочном памятнике живой природы и неписаной истории. Его можно получить, побывав в роще и подышав её таинственным ароматом. Может быть, кому-нибудь и удастся приоткрыть тайну её происхождения.

*В. Шамшин, инженер лесного хозяйства.
Камчатская правда. — 1976. — № 80. — 3 апреля.*

НАПЕРЕКОР ПУРГЕ

В центральных районах восточной Камчатки весна по-настоящему даёт знать о себе только в мае. Происходит бурное таяние снегов. С юга прилетают птицы. На проталинах появляются первые зелёные стебельки растений и распускаются весенние цветы, благоухающие тончайшими ароматами. Но особенно бурная жизнь кипит в термальных районах Камчатки, где вместе с солнечным теплом землю подогревает и подземное тепло. Здесь ещё в апреле сходит снег, а в мае термоплощадки покрываются зелёной травой в 10–20 сантиметров высотой. Начинается раннее гнездование у птиц. На термоплощадках в кальдере вулкана Узон мне пришлось наблюдать интересный случай, о котором я и расскажу.

На берегу тёплого ручья, недалеко от кипящих грифончиков, среди появившейся молодой травы я нашёл гнездо. Иду как-то по термоплощадкам, и вдруг прямо из-под ног выпорхнула птичка и с криком улетила в сторону. Тишина... Наклоняюсь, у ног раздвигаю траву... Батюшки! Да здесь гнездо с полной кладкой яиц! И гнездо, и яички своим цветом полностью сливаются с общим фоном травы. Если бы птичка не слетела с гнезда, то даже при самом внимательном осмотре не удалось бы

его обнаружить. По полёту и характерному крику птицы я сразу узнал, что это куличок-бекас.

Я сделал необходимые измерения и в последующие дни наблюдал за гнездом со стороны, потому что если часто тревожить этого куличка, то самочка может бросить гнездо. Через несколько дней погода нахмурилась, торопливо побежали облака, подул порывистый ветер, а под вечер началась весенняя пурга, да такая сильная, какие бывают только в феврале. Долго ночью не мог я уснуть, думал: «Что с бекасином, что с гнездом?» Наутро пошёл посмотреть. По-прежнему плотной стеной шёл снег и ничего не было видно. Всё занесло снегом, и я даже не стал искать гнездо. Жалко бедную птичку, видно, погибла кладка!..

Два дня продолжалась в горах пурга. Потом тучи развеялись, ветер утих и снегопад прекратился. Снова заблестало солнце, отразившись в свежей белизне снегов. Кальдера стала оживать, слышались птичьи голоса.

Я надел лыжи и поспешил к гнезду бекасика. Не успело солнышко как следует прогреть землю после пурги, а на термоплощадках снег уже сморщился и на зелёных лужайках таяли последние его клочки. Медленно, осторожно стал я подходить к тому месту, где должно быть гнездо куличка. Каково же было моё удивление и неописуемый восторг, когда у меня из-под ног снова, как и в первый раз, вылетела самочка! Уселась в траве за ручьём и беспокойно покрывает.

А я рад: пережила злую пургу! Такое зрелище редко удастся увидеть: рядом с гнездом лежат клочья снега, а в гнёздышке наперекор всем пургам и непогодам теплится птичья жизнь.

Александр Стенченко, зоолог.

Камчатский комсомолец. — 1976. — № 59. — 18 мая.

ИЗУЧАЮТ ДОЛИНУ

Уже месяц работают в Долине гейзеров старший лаборант Института вулканологии Владимир Николаевич Нечаев и лаборант Михаил Фёдоров. Они провели комплекс гидрометеорологических наблюдений, отобрали пробу воды на химический анализ, замерили при помощи самопишущих приборов периодичность работы отдельных гейзеров.

Камчатский комсомолец. — 1976. — № 59. — 18 мая.

ВОЗРОДИТЬ СТАДО ОЗЕРНОВСКОЙ КРАСНОЙ

Вследствие длительного и нерационального лова в открытом море Японией запасы озерновской красной (некогда крупнейшего азиатского стада лососей этого вида) пришли в упадок. Глубокое депрессивное состояние численности стада вызывает тревогу не только за его судьбу. Подорван отечественный вылов лососей, так как озерновское стадо красной давало до семидесяти процентов всего улова этих рыб на Камчатке.

Японский промысел всегда изымал из озерновского стада красной больше половины его величины, а в последние десять лет их вылов составляет 70–90 процентов запасов стада. Оставшиеся 30–10 процентов численности половозрелых рыб, не выловленные японцами и зашедшие в реку Озерную, почти целиком пропускаются на нерест в целях сохранения стада, дальнейшего его воспроизводства. Уловы советских рыбаков (промысел ведётся в устье реки) ничтожно малы, в среднем они в шесть раз ниже японских, а в отдельные годы вылов озерновской красной японцами превышает советский промысел в тридцать и более раз. Получается, что заботу о воспроизводстве стада проявляет только наша сторона.

В результате длительной и чрезмерно интенсивной эксплуатации стада японским промыслом и постоянного необеспечения необходимой нормы пропуска на нерест производителей численность озерновской красной неуклонно снижается, и в последние годы она сократилась почти в десять раз.

Одним из важнейших выводов, полученных научными сотрудниками лаборатории по изучению лососёвых рыб, является то, что величина запасов стада рыб и её колебание определяются главным образом степенью заполнения нерестилищ производителями. Рассчитаны критерии воспроизводства, и установлена норма оптимум количества производителей для поддержания того или иного стада на высоком стабильном уровне. Оптимум количества производителей для озерновской красной составляет не менее двух процентов экземпляров. За весь 24-летний период интенсивного японского промысла в море озерновской красной такое их количество было пропущено только три раза: в 1952, 1959 и в 1961 годах. В среднем же за период с 1952 по 1965 годы проходило на нерест всего лишь 1,1 миллиона производителей, а в последние десять лет эта величина упала до полумиллиона экземпляров. Причём в некоторые

годы последнего десятилетия нерестовало значительно меньше 0,3 миллиона красной.

Другими словами, на протяжении всех лет со дня организации японского морского промысла в открытом океане пропускается на нерестилища в два, четыре, а в некоторые годы почти в десять раз меньше нормы рыб-родителей. Для сравнения отметим, что в годы, когда такого промысла не было, заход на нерестилища составлял в среднем 1,98 миллиона экземпляров, т.е. был оптимальным.

Ведя интенсивный вылов азиатских стад тихоокеанских лососей, японские рыбопромышленники не считают нужным принять предложение, которое удовлетворяло бы обе заинтересованные стороны: вылов из озерновского и других стад лососей равного количества рыб нашими и японскими рыбаками и пропуск на нерест оптимума производителей.

Резкое снижение численности озерновского стада красной в последние годы и всё более слабое заполнение нерестилищ ставит нас перед альтернативой: или продолжать ловить какое-то время ещё озерновскую красную, имея ничтожные уловы, и в скором времени совсем лишиться её, или прекратить совершенно вылов, дать возможность стаду, пока не совсем поздно, набрать силу, целиком пропуская на нерест оставшиеся полтора миллиона рыб, обеспечив в дальнейшем подъём его численности до прежнего уровня.

В целях сохранения озерновской красной лабораторией по изучению лососёвых рыб в 1974 году выполнена работа по обоснованию запрета её лова, который касается в основном японского промысла в открытом океане. Эти предложения направлены в министерство рыбной промышленности. Запрет должен охватить не менее десяти лет — время смены двух поколений (каждое поколение озерновской красной живёт пять полных лет). Установлены сроки и районы лова, в которых японский флот не должен работать.

В случае, если предложение о запрете не будет принято японской стороной, если японские рыбопромышленники и ихтиологи не откликнутся на голос разума и науки, то односторонний запрет вылова озерновской красной отечественным промыслом не решит проблемы восстановления этого стада лососей. Нельзя допустить, чтобы ценнейшее стадо красной было уничтожено и не украсило ихтиофауну наших дальневосточных морей.

*Т. Егорова, кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник Камчатского отделения ТИНРО.
Камчатская правда. — 1976. — № 168. — 16 июля.*

ЗАПИСКИ ИЗ ПТИЧЬЕГО ЦАРСТВА

Здесь ещё не приходилось работать орнитологам. Так уж получилось, что один из самых интересных уголков в северной части Камчатки оставался до последнего времени белым пятном в изучении птиц. Порой учёные вынуждены были предполагать — какие же из птиц могут здесь обитать? Но предположения остаются предположениями, сколь бы тщательно они ни были продуманы. Нужны точные сведения о составе, распределении, численности, биологии птиц, чтобы строить серьёзные гипотезы об истории фауны Камчатки, выяснить тенденции в её развитии на будущее, дать оценку её состояния в настоящем.

В июне 1976 года Кроноцкий государственный заповедник организовал первую рекогносцировочную экспедицию по изучению птиц северной части Камчатского полуострова. И вот Парапольский дол. Вертолёт сходу садится на ровную площадку болотистой тундры вблизи лагеря геологов. Здесь мне предстоит обосноваться. Отсюда буду совершать маршруты. Первые заботы о благоустройстве. Вроде бы некогда думать пока о другом, но взгляд прямо устремляется на запад — туда, где в синеватой дымке высится стена Пенжинского хребта...

Наконец, утро. Наскоро завтракаю — и в путь. Нетерпение нарастает. Прекрасная солнечная погода, к счастью, пока совсем немного комаров. И вот последний перевал среди небольших сопок, покрытых кедрачом, и передо мной открывается панорама Парапольского дола. Насколько хватает глаз, с юго-запада на северо-восток протянулась обширная низина, зажатая с двух сторон горами. Прямо подо мной блестит Таловское озеро. Спокойная гладь воды, берега поросли ивняком. А вот и первые пернатые обитатели. С берега взлетают сразу шесть гусей-гуменников. Настороженно облетают меня вокруг и... садятся прямо в тундре в ста метрах. Видимо, я нахожусь вблизи их гнездовий.

И точно, немного поисков, и на берегу реки нахожу гнездо гуся с кладкой. Для каждого орнитолога гнездо птицы — удача и желанная находка. Для меня эта находка желаннее вдвойне. Каждое гнездо подлежит строгому описанию. Иначе нельзя будет сравнить его с другими гнёздами.

Осматриваю в бинокль окрестности, намечаю цели маршрута. Озеро за озером обхожу по кочковатой болотистой тундре.

Птиц много. Почти на каждом, даже небольшом озере свой пернатый мир. Крошечные круглоносые плавунчики плескаются в воде в трёх метрах от меня, крикливые кулики фифи, незаметные и осторожные

бекасы, красивые с золотистыми бровями малые поганки, гуси, разнообразные утки. В небе то и дело замечаешь длиннохвостых поморников. Тщательно осматривают они берега озёр и тундру. Стоит птице хотя бы на несколько минут покинуть гнездо, как они тут же устремляются вниз и вмиг уничтожают кладку. Виною разбоя в одном из гнёзд стал и я. Пока бродил по болоту, гусь, взлетевший с гнезда, спокойно расхаживал по траве. Но яйца ведь остались без присмотра. И когда я возвращался обратно, чтобы ещё раз взглянуть на гнездо, поморники уже закончили свою хищническую работу.

За одну экскурсию обнаружено более 30 видов птиц. А вот и первая серьёзная находка. С берега небольшого озера, прямо из осоки, взлетает пара небольших куличков, похожих на бекасов. С громким криком выются они поодаль, садясь в траву, встревоженно поглядывая в мою сторону. Ловлю каждое их движение. Ничто нельзя упустить. Это же бекасовидные веретенники — птицы довольно редкие в нашей стране. На Камчатке их присутствие даже не предполагалось.

Солнце стало клониться к западу. Как-то сразу в один момент чувствуешь, что устал. Действительно, попробуй-ка попрыгать весь день по кочкам! Немного отдыхаю — и в обратный путь, к лагерю. Мысленно подвожу итог дня. Неплохо. Три вида впервые будут внесены в список птиц Камчатки. Ну, что ж, Парापольский дол вот и открыты твои первые тайны. Впрочем, сколько интересного ещё впереди. Ведь исследования на севере Камчатского полуострова только начались.

*Е. Лобков, старший научный сотрудник
Кроноцкого госзаповедника, орнитолог.
Камчатская правда. — 1976. — № 169. — 17 июля.*

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ — ЗАПОВЕДНИК

Это письмо пришло из Кроноцкого заповедника.

«Не только 54-я географическая параллель связывает Белоруссию и Камчатку. Наш коллектив лесостроительной партии второй Минской экспедиции ощущает сейчас эту связь особенно сильно. Мы, минчане, стараемся приложить все свои силы, знания, опыт, чтобы вести работы в Кроноцком заповеднике на высоком уровне.

Трудимся в тяжёлых условиях. На целые полгода оторваны от родных и близких, однако не теряем бодрости духа и оптимизма. Нас воодушевляет сознание важности наших исследований.

Хотим рассказать о новых для Камчатки видах работ, которые проводит партия лесоустроителей, о целях этих работ и некоторых результатах».

Предоставляем слово начальнику партии Олегу Ильичу Петренко.

Лесоустройство Кроноцкого заповедника — этого уникального уголка со своеобразной растительностью и фауной, своего рода эталона Северо-Тихоокеанских ландшафтов — назревшая и актуальная задача. Дело в том, что до настоящего времени заповедник не располагает необходимым планово-картографическим материалом, организация его территории не отвечает требованиям и условиям сегодняшнего дня, информация о фауне и флоре не систематизирована и носит порою случайный характер. Это в значительной мере тормозит и затрудняет научно-исследовательскую и культурно-просветительную работу заповедника.

Лесоустройство государственных заповедников вообще и Кроноцкого в частности — сложная и многоплановая задача. Здесь наряду с общепринятыми при обычном лесоустройстве предстоит решить ряд специфических задач. Детальная и достоверная информация о древесно-кустарниковой растительности, травяном и моховолишайниковом покрове, наличии и распространении зверей и птиц, геологии и почвенном покрове территории, целесообразная организация территории и эффективная охрана режима заповедности — вот далеко не полный перечень задач, решение которых поручено ударному отряду Белорусского лесоустроительного предприятия.

И надо отметить, что наш коллектив успешно справляется с заданиями. Считает это делом своей чести. За время полевых работ, проводимых в исключительно тяжёлых горных и таёжных условиях, будет выполнен большой объём работ. Мы получим детальную информацию о растительности и фауне заповедника на общей площади в 964 тысячи гектаров.

При этом особое внимание уделяется выявлению и детальному описанию редких и реликтовых форм флоры и фауны, геологических образований, случаев проявления эрозии и вулканизма.

В результате лесоустройства, которое на территории заповедника проводится впервые, будут получены необходимые планово-картографические материалы, таксационные описания, обзорные почвенные и геоботанические карты, схемы гидрографической сети и типичных ландшафтов, зоологическая карта и другие вспомогательные материалы.

Конечной целью лесоустройства является разработка и составление «Проекта организации и ведения заповедного хозяйства», рассчитанного на 20 лет.

Полевые лесоустроительные работы проводятся в тесном контакте с администрацией и научными сотрудниками заповедника и в настоящее время находятся в стадии завершения.

Скоро мы покинем камчатскую землю, но надолго останутся в нашей памяти яркие и незабываемые впечатления о своеобразной природе и чудесных людях Камчатки. Впереди новый этап работ — камеральная обработка и систематизация многочисленных и разнообразных данных полевого сезона.

Коллектив белорусских лесоустроителей достойно и радостно встречает свой праздник — День работника леса. Сердечно поздравляем всех, кто связал свою жизнь с лесом, бережно его охраняет, рационально использует и приумножает его богатства.

*О. Петренко, начальник лесоустроительной партии
2-й Минской экспедиции.*

Камчатская правда. — 1976. — № 223. — 18 сентября.

ТУРИСТСКАЯ ИНДУСТРИЯ ДОЛЖНА РАСТИ

Бежит тропа к приятной берёзовой роще. Ещё издали слышен мерный гул водопада на реке Новый Семячик. На смену берёзам — стройным, белоствольным — появляются кряжистые, с прижатой к земле кроной. Появляются шлаковые поля с вулканическими бомбами — идёт постепенный подъём к вулкану Малый Семячик.

Пихта «грациозная», кальдера вулкана Узон, Долина гейзеров, вулкан Бурлящий... Трудно, вернее, невозможно найти в стране место, подобное этому — уникальнейший, единственный в СССР туристский маршрут.

Кипящие ключи, родоновые минеральные источники, грязевые котлы, причудливые вулканические вершины, кратерные и лагунные озёра — неповторима и удивительна природа Камчатки. Всё это и привлекает в наш край туристов всей страны.

«Наши внуки уже давно совершили эти восхождения... Сегодня такая возможность предоставилась и нам! Этот день нам вернул молодость и заряд на будущие успехи в альпинизме.

Работники облпрокуратуры и в миру и по возрасту — деды».

Такую запись оставили в книге отзывов турбазы «Авача» туристы, взошедшие на вулкан.

— Какие ещё маршруты вы можете предложить туристам?.. — с таким вопросом наш корреспондент Евгения Корсакова обратилась к председателю областного совета по туризму и экскурсиям Владиславу Павловичу Семёнову.

— Сейчас в распоряжении областного совета по туризму и экскурсиям, к сожалению, небольшой выбор. В этом сезоне основной поток туристов был направлен в сторону Карымского и Малого Семячикского вулканов. Обслуживала их турбаза «Долина гейзеров». Несмотря на трудности с транспортом и «меньший спрос» на этот маршрут, турбаза успешно провела сезон и имеет небольшой доход.

Путешествие по Паратункинскому каскаду горячих источников тоже из-за геологических работ в этом районе претерпело изменения не в лучшую сторону.

Зато поход на Авачинский вулкан стал по-настоящему популярным. Около двух тысяч горожан и приезжих побывали на вершине вулкана, прошли единственным в стране маршрутом к действующему кратеру.

— Владислав Павлович, вы объяснили, что хотя и существуют интересные маршруты, но «ассортимент» их невелик. Каковы же перспективы развития туризма на Камчатке?

— Мы несколько «засиделись» на традиционных маршрутах и вот теперь, когда поход в Долину гейзеров временно закрыт, срочно занимаемся поисками новых туристских троп.

Группа контрольно-спасательной службы во главе с Альбертом Березиным уже обследовала район Налычевских источников. Результаты обнадеживающие, думаем уже в будущем году открыть там базу. Район очень интересный, можно проводить двух-трёхдневные экскурсии и походы до 10–15 дней.

Только что вернулась наша экспедиция, которой я руководил, с Командорских островов. Не на будущий год, а чуть позже и туда тоже можно будет приглашать туристов. Почему не сразу? Дело в том, что этот район требует солидной подготовки для организации нормального отдыха туристов.

В этом же году и в начале 1977 года наши экспедиции будут обследовать долину реки Камчатки, Ключевскую группу вулканов, район Эссо. Кстати, в последнем месте возможно развитие не только летних маршрутов, но и зимних, лыжных.

Недалеко от города на Малкинских горячих источниках мы проектируем строительство пансионата. Он сможет работать круглый год, значит, любители зимних походов будут не в обиде. Кстати, уже сейчас там есть небольшая база.

— Какие трудности в развитии туризма на Камчатке?

— Проблем несколько. Первая — отсутствие туристской гостиницы в Петропавловске. Приезжих мы обязаны разместить, а с гостиницами в городе, сами знаете, трудно. Который год составляется смета, проектируется здание нашей гостиницы, но пока её нет. Тут, конечно, вина и наша, очевидно, мало сил и энергии мы вложили, чтобы сдвинуть строительство с «мёртвой точки».

Вторая — проблема Долины гейзеров. В прошлом году её по решению экспедиции временно закрыли для туристов. Требуется благоустроить маршрут, перенести приюты, оборудовать смотровые и посадочные площадки для вертолётов. Центральный Совет по туризму готов помочь нам деньгами, да вот беда — не решён вопрос с перевозкой туристов в Жупаново.

Областной совет не имеет право содержать транспортные средства — плашкоут, баржи, катер, а ответственные за выгрузку пассажиров — госморпароходство — не хочет в Жупанове держать транспорт. В этом году там работали малые суда Камчатрыбпрома. Кто будет в следующие годы заниматься разгрузкой, до сих пор не решено.

А доставлять туристов в Жупаново можно только морским путём. Если ни госморпароходство, ни Камчатрыбпром не возьмут на себя заботу о разгрузке, турбаза «Долина гейзеров» поневоле перестанет существовать. Это значит, пропадут деньги, затраченные на строительство турбазы и приютов (более 1.000.000 рублей), а жители области и страны не смогут увидеть ни Долины гейзеров, ни Узона, ни вулканов Бурлящего, Карымского, Семячика...

Спору нет, красоты нашей природы нужно оберегать, но и видеть их должны наши современники! Ведь спрятать все драгоценности Оружейной палаты, закрыть Третьяковку — несложно, однако эта мысль и в голову никому не приходит. Так разве можно закрывать самые интересные в стране туристские маршруты!..

Даже в Уставе заповедников — а маршрут в Долину гейзеров проходит по Кроноцкому заповеднику — написано, что первозданность природы сохраняется не для самой себя, а для людей.

Как видно, не всё ладно в камчатской туристской индустрии. Решить все её проблемы и вплотную приблизиться к решению самых сложных из них — задача неотложная: природа не так долготерпима. И, несомненно, в этом требуется участие всех имеющих к туризму отношение организаций.

Камчатский комсомолец. — 1976. — № 117. — 30 сентября.

НАЧАЛО «ЗИМНИХ ДОЖДЕЙ»

Не один раз мне приходилось слышать от вулканологов, что когда в горах идёт снег, то в кальдере вулкана Узон и в Долине гейзеров над термоплощадками идёт дождь. Мне всегда хотелось увидеть это необыкновенное зрелище. Снег покрывал только вершины сопок. С севера дул леденящий ветер. С каждым днём снежная граница всё ниже и ниже спускалась с гор...

С вечера подул сильный восточный ветер, и ночью началась пурга. Наконец я дождался. Выглянув утром в окно, я увидел крутящиеся струи снега над избушкой. Но когда ветер утихал, над избушкой плавно спускались миллионы снежинок.

Мне не терпелось скорее попасть на термоплощадки. Накинув на плечи штормовку, я пошёл по побелевшей тропинке к парящим полям и стал спускаться по тропке к тёмным пятнам земли, откуда к небу вздымались огромные тёмные столбы пара. Когда я спустился на термоплощадки, то обнаружил, что снег перестал идти. Осмотревшись по сторонам, я с удивлением заметил рядом с термоплощадкой стену осыпавшегося снега. Взглянул вверх — там, над кальдерой между клубами пара нависло лохматое белёсое облако. Снег становился всё гуще и гуще. А на меня сыпались многочисленные капли дождя. Когда я отошёл от термоплощадок, мою зеленоватую штормовку начали облепливать пушистые снежинки. Я снова вернулся на термоплощадку... и через минуту по штормовке потекли ручейки воды. Вот, оказывается, он какой, дождь, в начале зимы в горах!

В местах, где особенно интенсивное парение, капли дождя совсем не заметны. В верхних слоях воздуха в клубах пара происходит распыление капель воды от тающего снега. Они перемешиваются с паром и спускаются на землю густым мелким туманом. Отдельные участки земли на термоплощадках прогреты от 80° до 100° С. Поэтому снежинки, не долетая до земли, превращаются в капли дождя, а вокруг термоплощадок стоит плотная стена идущего снега.

Такие удивительные дожди в кальдере вулкана Узон идут в начале зимы и в конце её, майскими пургами. В середине зимы дождь можно наблюдать только на термopлощадке гейзера Великана в Долине гейзеров.

В «зимние дожди» на термopлощадках мне довольно часто приходилось наблюдать ворона, который не улетал до окончания снегопада. По-видимому, ему приятнее быть под зимним дождём, чем под обильным снегопадом. Да это и понятно. Капли дождя довольно легко скатываются с оперения птицы. Под мокрым снегом оперение птицы намокает значительно быстрее.

Александр Стенченко, зоолог.

Камчатский комсомолец. — 1976. — № 119. — 5 октября.

ГЕЙЗЕРЫ, ГЕЙЗЕРЫ, ГЕЙЗЕРЫ!

Первое впечатление от камчатских гейзеров было прямо-таки неожиданным. Я никак не предполагала, что и извержение Великана, и дерзкие выбросы Первенца, и дикая красота долины реки Гейзерной отойдут вдруг на второй план перед... объяснительными записками.

Ранним утром, ясным и прохладным, в домик лесника вошли три посетителя в штормовках, побыли там каждый с минуту и вышли. И стопка белых листков на столе после их ухода стала чуть толще. «Объяснительные», — деловито пояснил лесник и хмуро глянул в мою сторону.

Посетители оказались нарушителями заповедного режима. Знаменитые камчатские гейзеры расположены на территории знаменитого Кроноцкого заповедника. Кому из камчатцев неизвестна многолетняя эпопея в защиту гейзеров! Сколько споров и дискуссий кипело вокруг них: открыть их для туризма или вовсе закрыть. Словесные баталии иной раз взрывались таким накалом страстей, что их вполне можно было принять за вновь явившиеся на свет гейзеры.

Да, многолюдные экскурсии наносили заповедной земле немалый вред: вытаптывались тропы там, где это не положено было, нарушался травяной покров, наносился урон кустарникам, деревьям. В основном это был вред неумышленный. Ведь туристские тропы в долину реки Гейзерной были или плохо оборудованы, или вовсе не приспособлены для прохождения по уникальной земле.

И вот большая человеческая неуспокоенность о сохранности родного края одержала первую победу. Доступ туристов к редчайшим термальным источникам был закрыт. Временно.

Но туристы здесь по-прежнему. Они проникают сюда. Устраиваются на липовые должности в экспедиции. Отклоняются от завизированных индивидуальных маршрутов. Да вот... — лесник В. Николаенко протягивает мне один из только что оставленных листков.

Из объяснительной записки туристки Нины Фоминичны я узнала такую историю. Да, она, жительница Магадана, нарушила заповедный режим, проникла к гейзерам. И счастлива! Много лет готовилась к этому путешествию. Читала книги, изучала маршруты, расспрашивала туристов, побывавших на Камчатке. Известие о закрытии гейзеров повергло все её планы в прах, но не сломило её. Зимой подходит пора пенсии, отъезда в тёплые южные края, а летом...

Она дошла до гейзеров, отклонившись от маршрута на две сотни километров.

Вот эта-то объяснительная и была моим первым сильным впечатлением от гейзеров. Я потом познакомилась с этой туристкой. Она оказалась, мягко говоря, женщиной младшего пожилого возраста. Сама она инструктор туризма, в тундре и тайге не новичок. Хрупка на вид, очень подвижна. Разговаривая с ней о треволнениях одиночного путешествия, я всё время думала о той скрытой в человеке силе, которая мечты и планы доводит до прекрасного их осуществления.

Увидеть своими глазами прекрасные уголки родного края и связанное с этим подвижничество — не в этом ли ещё один залог того, что редчайшие уголки природы будут сохранены?

В четырёх местах земного шара — в Йеллоустонском национальном парке в США, Новой Зеландии, Ирландии и на Камчатке — есть гейзеры, которые, как и вулканы, могут дать человеку возможность заглянуть в детство нашей планеты, в моменты рождения жизни.

Долина гейзеров, как сейчас привыкли говорить, неточное сокращение. Это — долина реки Гейзерной. Узкий глубокий каньон, на дне которого грохочет горная и своенравная река Гейзерная. Левый её берег — стена гейзеров. И гейзеры лучше увидеть впервые с противоположного берега, и лучше бы — в пасмурную погоду, когда на землю не проникает ни один солнечный луч. Тогда впечатление первозданности ярче, сильнее ощущение, что заглядываешь в тайну из тайн Земли.

С противоположного берега Гейзерной, который крут и высок, открывается редкое зрелище. Из щелей скалистой стены выются змейки дыма. То вдруг дым взвьётся в небо, то начнёт лизать мшистые камни. Кажется, что какое-то многолюдное воинственное племя разожгло костры и

кострища, и куют там, и жарят-парят. И вдруг — грохот, пар застилает округу, чуть подрагивает земля под ногами. Гейзер Великан заработал, одарил всех величавым, несравненным зрелищем.

Как страшно, наверное, было здесь тем, первым, подошедшим к этим взрывам воды и пара вплотную. Жутко им было, конечно, передвигаться по земле, где из-под ног бог знает что может вырваться, где и сама земля того и гляди разверзнется.

Ну, а как же они, наши камчатские гейзеры? Нетерпеливый читатель, наверное, ждёт, когда скажут о том, что же сделано на тех закрытых туристских тропках. Нн-че-го. Так-то.

Мы осаждали лесника В. Николаенко самыми разнообразными вопросами. И поняли одно: закрыть-то доступ к гейзерам массовых туристов закрыли, а вот кто и как будет вести оборудование троп, кто будет финансировать — ясности твёрдой в инстанциях нет. Но об этом разговор особый.

И сейчас, и это особенно заметно в нетуристский сезон, гейзеры — рабочая площадка науки. Кого около них не встретишь! Землеустроители из Минска, геофизики из МГУ, биологи и онкологи из Петропавловска, физики из института имени Курчатова, геологи, химики, охотоведы. А уж вулканологам — сам бог велел. Здесь у них и свой домик, рядом с одной из вертолётных площадок.

Цельными днями учёные ведут свои наблюдения за гейзерами. Иной раз видишь: утром стоял парень в оранжевой куртке у гейзера Сахарного, вечером возвращаешься со своего недалекого маршрута — опять стоит, и, кажется, в той же позе: чуть склонился над грифоном, ждёт какого-то ему одному нужного момента.

Вечером, за тесным столом в домике лесника, где у керосиновых ламп собираются жители палаточного городка науки, разговоры о том, о чём вдруг забьются интегралами, косинусами... Не остывают головы конкретно мыслящих.

Но вот выпит чай, притушены лампы. И кто-то замечает: на дворе-то луница! Двор, конечно не двор, просто мини-плато, втиснувшееся под скалистой грядой, под гейзерами.

И пошли теперь беседы при ясной луне. Всё, как днём: и верится и не верится, что всё видимое — действительно существует на свете. Где-то там, внизу, будто работают насосы, будто вертятся маховики... Даже ставший уже привычным шум гейзеров сбивает ненадолго с панталыку. И вдруг — злое шипение, и луна потонула в клубах пара. Опять Великан!

...Как я попала в нетуристский сезон к гейзерам? На крыльях журналистского энтузиазма. И пусть всё, что сказано здесь, послужит объяснительной запиской. Объяснением в любви красоте родной Камчатки.

А. Овчинникова.

За высокие уловы. — 1976. — № 119. — 10 октября.

НЕТ МЕСТА КРАСИВЕЕ УЗОНА

Говорят, что в той стороне, где клокочут гейзеры, шумят водопады и бьют нарзановые источники, нет места красивей Узона. Все камчатские красоты перед ним отступают на второй план.

Говорят, говорят... А лучше бы увидеть.

...Долгий путь. Впечатления меняются, как в короткометражном фильме «10 минут по СССР»: альпийские луга брызжут зеленью; горные ручейки исподтишка ворочают камешками, того и гляди из-за этой тайной работы рухнет на тебя полскалы; звериная тропка вьётся по узкому мрачному ущелью среди безжизненных камней; наконец, обдувают знаменитые ветры перевалов, и ручьи бегут в противоположную сторону с гор; пошла топь, опять яркие луга; привал в брусничных зарослях; потом тропа по-над берегом Шумной, рыба выплёскивается из синей-синей воды так, что вздрагиваешь от её пылкого нрава. Вершины скалистого Узона почти рядом. С каждым километром их громада подвигается без шума, и это неотступное приближение радует: вечер, хочется ставшей уже привычной каши с тушёнкой, чая с галетами, а ещё — поспать бы наконец в окружении четырёх стен, чтобы печка в ногах трещала.

Медленно-медленно, будто поднимается тяжёлый занавес, появляется перед нами, кальдера Узона. Бывают в жизни моменты, когда нет слов. Мы останавливаемся, сражённые редким, красивейшим зрелищем.

Многокилометровое плато тихо и покойно лежит под розовыми облаками. Серебрится вода огромного озера, голубеет озеро справа, слева и там, под мрачным срезом гор. Дымчато-голубые берега окружены облаками пара. Кажется, что само небо окунулось в кальдере Узона: всё призрачно, воздушно, бездонно. И куда ни глянь, вьются дымки. Кальдера Узона — сплошные фумарольные поля. Кальдера Узона — кратер огромного потухшего вулкана, разорванный кратер. Ну и размах был у древнего вулкана, ну и силища! Швырялся горами на сотни километров, не кратер, а огромное поле для игрищ себе устроил. И не сотня-другая лет прошла, время отсчитало аховские цифры, а здесь всё ещё

дышит горячей битвой за утверждение жизни. Нет-нет да и донесётся тяжёлое бульканье, деловитое кипение.

Хорошо! Даже опасное шествие по болоту (а ну эти таблички! хочется скорее проникнуть в царство Узона) никак не сбивает с нас то приятное оцепенение, в которое мы впали, едва увидев кальдеру Узона.

Наконец-то прорвались туда, куда так стремились. Вечер незаметно и властно выполз из-за гор. А мы, как из туннеля вырвались — голубая глина, голубая вода, изумруд травы, алмазы первой росы. Глаза слепит. И впрямь чувствуешь себя не на земле обетованной: мираж — не мираж и явь — не явь. Вроде видишь себя сидящей на берегу Банного озера, вроде чувствуешь под рукой скамейку — проведи ладонью, так и занозу засадишь, а всё не можешь понять, ты ли это, с тобой ли это? А тут ещё кисея тяжёлых газов начинает понемногу дурманить. Не зря эти места были выбраны для съёмок «Земли Санникова», прямо в точку попали.

Ночь надвинулась, напозла неумолимо. Но до полной темноты мы успели шагнуть за порог домика вулканологов. Брр! И здесь дымовая завеса.

— Печка, печка-чертовка... — слышится голос, но отчаянный кашель не даёт сказать ни слова нашей новой знакомой Нине Фоминичне. (В рассказе о гейзерах ей отводилась главная роль туристки, планы которой не останавливаются ни перед какими преградами.)

Теперь кашляем все, даже наши собаки, из солидарности заглянувшие в дом. Но что это за запахи? Сквозь мрак и чад доносится тонкий сладостный аромат. Каша! Приправленная дымом, обжигающая — цены ей нет.

...Утром, когда в восьмом часу в дом проник свет, можно как следует разглядеть наше пристанище. Это — временно покинутая лаборатория. Покинутая не в спешке, а на перерыв между циклами научной работы. В крохотной комнатухе, отгороженной от «спального» салона, пробирки, склянки, химикаты, стопки лакмусовых бумажек. На стенке прикреплен листочек. Апрель, май — полтора месяца зачёркнутых дней. А 13 мая не зачёркнуто. Не успели. Наверное прилетал вертолёт, не до того было.

А теперь — экскурсия по Узону. Но боже! Куда идти? Всё в тумане, всё в каком-то мареве газов. И куда подевалось за ночь вчерашнее очарование? Не сон ли наяву то был? С трудом отыскивая тропу, молча идём к fumarольным полям. Их найти можно по звукам неумолкающего клокотания. Но попробуй до них добраться! Тут в какую-то вязкую топь проваливаешься, там — чувствуешь через сапог кипяток подземного ключа.

Выбраться-то на fumarольные поля мы выбрались, а настроения никакого нет. Всё скрыто от нас под плотной завесой. Хотя стоп! Рука тянется к фотоаппарату. Представляю, какое впечатление произведёт на неискушённых этот снимок: с огромной высоты вид трёх действующих вулканов, лава потоком, всё вокруг бурлит. А вулканы эти — мне по колено. Три горушки из серо-голубой глины. Только-то.

А это что за сковорода? Круглая, плоская, будто масло, пузырится на ней небесного цвета глина. Вдруг зловещее шипение, резкий свист — отскакиваем в сторону. И вовремя. Из маленьких безобидных дырок в глиняном панцире вырывается кипяток. Любопытствуя, изумляясь, мы, кажется, забрели куда-то не туда. И всё же успеваем нацелиться фотоаппаратами туда, куда нас не пустил Узон.

Увлечение съёмками передаётся собакам — они носятся взад, вперёд, словно и сами хотят что-то новое, неизведанное открыть. Неожиданно глухой рык доносится со стороны их нового маршрута. Издалека заметно, что шерсть у собак дыбом. Какие следы! Они-то и напугали наших глупышей, которые только с виду бывалые звери. Не так давно, каких-то несколько часов тому назад здесь прошла медведица с медвежонком. Мама водила сына на экскурсию по Узону.

Это маленькое приключение развеселило всех. И тут мы замечаем, что небо над Узонем расчистилось, что там, вдали, опять изумруд, опять брызжущие, яркие краски.

Узон, Узон, а ты необыкновенный красавец! Великий красавец. Получились бы только слайды, а то и не поверят, что на Камчатке есть чудо из чудес.

Здесь, в Узоне, зимуют лебеди. Птицы-аристократы отыскали себе на «земле людей» достойное место. Здесь, в пурги и метели, у тёплых озёр, на тёплой земле, они чувствуют себя под верной защитой природы-матери.

А. Овчинникова.

За высокие уловы. — 1976. — № 122. — 17 октября.

КУРИЛЬСКОЕ ОЗЕРО

Если вы отправитесь из Озерновского рыбокомбината на восток в верховье реки Озерной рано утром, то к исходу дня доберётесь до красивейшего Курильского озера.

...Идёшь по озарённой солнцем цветущей долине, среди высоких трав и кустарников, овеваемых тёплым ветерком, вдыхаешь неповторимый аромат леса. Тутукает глухая кукушка, голубеет небо, цветёт шеломайник.

Курильское озеро — одно из глубочайших пресноводных озёр Евразии. Максимальная глубина 309 метров, площадь поверхности 76 квадратных километров.

В озеро впадают небольшие горные речки. Выченкия — на севере, Оладочная и Кирушту — на востоке, Хакыцин и Этамынк — на юге. Вытекает из него всего одна река — Озерная, соединяющая озеро с Охотским морем.

Богато представлена флора окрестностей озера: здесь обильно произрастают каменная берёза, рябинник, шиповник, кедровый стланник и шеломайник. Отцвели в конце мая — в июне синие ароматные хрупкие хохлатки и белые анемоны. На смену им распускаются ирисы. Особенно украшают начало лета удивительные белые лилии — кукушкины тамарки. На влажных лугах разбросаны жёлтые «глаза» купальниц. Набирают свою силу бутоны на кустах жимолости.

Курильское озеро славится своими уникальными нерестовыми угодьями. Здесь воспроизводится большое по численности стадо красной — нерки. Мало колеблющаяся температура воды в бассейне озера создаёт условия для развития зоопланктона — излюбленного корма молоди красной. Подобного водоёма нет больше ни на Камчатке, ни в других уголках нашей страны.

Помимо красной в бассейне реки Озерной нерестится горбуша, кета, кижуч. Иногда появляется громадина красавицы чавычи. Здесь же в множестве встречается молодь гольца проходного и жилого. Эти группы рыб не являются представителями тихоокеанских лососей, а близки по своему происхождению к атлантическим лососям, наиболее ценным видом из которых является сёмга. Впрочем, сёмга водится в небольших количествах и в камчатских реках. В реке Озерной её нет.

На берегу в период нереста лососей почти всегда можно встретить рыбачащего медведя или медведицу с семейством маленьких медвежат, не прочь полакомиться рыбой лисица и шустрые горностаи. На берегу, вблизи уреза воды зачастую можно встретить ходы выдриного жилья.

Здесь встречается до семи видов уток, много чаек, прилетают гагары. Осенью на оголённых прибрежных деревьях важно восседают насытившиеся орлы и белохвостые орланы. В октябре прилетают провести зиму на озере белоснежные лебеди.

С происхождением озера связаны легенды, созданные древними камчадалами и записанные С. П. Крашенинниковым в «Описании земли Камчатки». Одна из них гласит, что на месте, где сейчас находится озеро,

стояли две сопки Алаид и Саманг — они любили друг друга. Злой бог Вулкан разлучил их. Алаид ушёл в Охотское море. На месте, где они стояли, земля провалилась и образовалось озеро. От сопки Алаид остался островок. Саманг разрушилась, и образовался на севере озера небольшой архипелаг островов Саманг. Слёзы Саманг заполнили провал водой. Река Озерная — след, по которому ушёл Алаид. Чайки летят ежедневно с озера в сторону Курильских островов и обратно, они несут привет от Саманг Алаиду.

На реке Озерной и озере Курильском вот уже 36 лет ведутся стационарные рыбохозяйственные исследования. Они направлены на сохранение и увеличение численности крупнейшего азиатского стада красной, размножающейся здесь, а также на сохранение уникальной природы. По этим причинам Камчатский облисполком ещё в 1965 году объявил озеро с прилегающей к нему 10-километровой полосой полным заповедником, где запрещена всякая охота, хозяйственная деятельность и любые нарушения заповедного режима. Назревает вопрос о превращении всего юга Камчатки в национальный парк.

*Тамара Егорова, кандидат биологических наук (ТИНРО).
Камчатский комсомолец. — 1976. — № 142. — 27 ноября.*

ЖИЗНЬ У ВУЛКАНОВ

В последние годы район современного действующего вулканизма стал привлекать внимание учёных своими биологическими особенностями. Дело в том, что в Советском Союзе — на Камчатке и Курильских островах до настоящего времени существуют в относительно первозданном виде крупнейшие на земле термальные бигеоценозы (сообщества живой и неживой природы). Среди высокогорных ландшафтов с суровыми климатическими условиями они занимают особое или, как говорят учёные, интразональное положение. (Интразональное положение занимают, например, зелёные оазисы среди пустыни.) На Камчатке особые экологические условия окружающей среды. Действующие вулканы и сопутствующие им различные формы термопроявлений оказывают заметное влияние на живую природу.

В 1971 году были начаты и в 1973–76 годах продолжены наши наблюдения за биоритмами живой природы в Узон-Гейзерном термальном районе Камчатки. Об их результатах мне и предоставилась возможность поделиться с читателями «Камчатского комсомольца».

В Узон-Гейзерном районе в настоящее время идёт интенсивная разгрузка перегретых вод с гейзерным режимом излива, а также в виде постоянных пульсирующих источников, грязевых котлов, парящих площадок и т.д. По мощности и эффективности проявления гидротермальной активности этот район не имеет равных на Камчатке. Естественная тепловая мощность термопроявлений Узон-Гейзерной депрессии составляет не менее 140 тыс. килокалорий в секунду. По многообразию и густоте форм геотермальной деятельности этот вулканический район можно сравнивать с наиболее известными термоаномалиями в Исландии и Йеллоустоунском национальном парке в Калифорнии (США). По подсчётам вулканолога В. В. Аверьева, в Долине гейзеров на поверхность земли выносятся 2.000–2.500 килокалорий в секунду на км³. Это в сотни раз превышает средний тепловой поток Земли...

В кальдере вулкана Узон, в отличие от Долины гейзеров, современная гидротермальная деятельность проявляется выходами на поверхность перегретых вод в виде источников и их парогазовых образований, создавших зоны поверхностного прогрева грунта. Температура почвы в этих местах колеблется от 20 до 80° по Цельсию. Вышеописанные факторы, как оказалось, существенно влияют на микроклимат окружающей среды.

Полуостров Камчатка лежит в области так называемого холодного гумидного субарктического климата. На его территории, особенно в восточных районах, выпадает очень много снега. Во второй половине зимы глубина снежного покрова в районе Кронок — по оврагам и понижениям — достигает 10–15 метров, а ветры в зимнее время на долах достигают скорости 30–50 метров в секунду. У выходов термальных вод и аномального прогрева почвы эта суровость климата в значительной степени понижается. В Долине гейзеров зимой около трёх квадратных километров площади остаётся не покрытой снегом. На ней есть зелёная растительность, живут различные насекомые и пауки. Такую зимнюю флору и фауну можно найти в микроклиматических зонах любой из существующих 70 групп горячих источников Камчатки. В конце зимы термоплощадки переходят на летний режим работы: повышается температура источников и поверхности грунта. Уже в начале весны снежная граница очень быстро отодвигается, и непокрытая снегом площадь увеличивается до 10 км². В то время как над долами ещё чувствуется зима, на микроклиматических участках термальных полей по-весеннему кипит жизнь.

При рассмотрении влияния активного вулканизма на внешнюю среду необходимо выделять положительные и отрицательные стороны действия этого мощного экологического фактора областей современного вулканизма.

Положительная роль гидротерм в биоценозах. В Узон-Гейзерной термоаномалии в течение года встречаются до 90 видов птиц и 23 вида зверей. Все они прямо или косвенно связаны с термоплощадками. Особенно эта связь хорошо выражена в зимний период и ранней весной. В кальдере вулкана Узон на площади около 50 км² раскинулось много озёрец, некоторые из них являются термальными и зимой не замерзают. На них зимуют лебеди и утки. Это одна из уникальных зимовок кряквы и лебедя-кликуна в нашей стране на всём 55 градусе северной широты. В кальдере постоянно зимует около 100 крякв и больше 20 лебедей, а, по данным авиаучётов зимой 1965 года, полученных В.И. Марковым, в центральных районах восточной Камчатки с термами связано 69 процентов крякв, 98 — морской чернети, 92 — чирков-свистунков и 94 процента лебедей-кликунов. У активных площадок зимуют белые и тундряные куропатки, сибирские вьюрки и немного куличков. Но всё же зимой в большой степени термоплощадки осваиваются млекопитающими. Здесь постоянно живут или бывают время от времени зайцы-беляки, лисицы, горностаи, ласка, волк, россомаха и много мышевидных грызунов.

Новое своё значение термоплощадки обретают во время весеннего пробуждения природы и активизации гидротермальных процессов. В Узон-Гейзерном районе происходит ранний прилёт, совпадающий, а у некоторых видов и опережающий сроки прилёта птиц в прибрежной зоне. Парящие площадки оживают от множества пуночек, подорожников, трясогузок, которые кормятся появившимися во множестве насекомыми. Озёра заполняются прилетающими стаями уток и лебедей. Через этот район проходит один из пролётных путей птиц на восточной Камчатке. Сразу с прилётом у некоторых видов в мае начинается гнездование. В запоздалые майские пурги можно наблюдать, как снег густой пеленой ложится на уже поднявшуюся зелень. На кочках термоплощадок, прижавшись плотно к гнездышку и раскинув крылышки, укрывают от холода полные кладки яиц самочки трясогузок, бекасов, фифи, чирков-свистунков и куропатки. Весной в кальдере скапливаются необычно много белых куропаток. Их плотность достигает шесть пар на 1 км². По сравнению с другими районами в кальдере куропатки начинают

линять намного раньше, чем их сородичи, и раньше начинается массовое гнездование.

Камчатский комсомолец. — 1976. — № 145. — 2 декабря.

В июне и июле на долах ещё лежат снега, а кальдера вулкана Узон выглядит зелёным оазисом. У всех птиц начинается гнездовой период.

И в их экологии гнездования наблюдаются отклонения. У большинства видов «под опекой» было на два-три яйца больше, чем обычно. Птицы посещают гнёзда реже и в основном для переворачивания яиц. Инкубация идёт за счёт подземного тепла. В холодные дождливые годы выживаемость птенцов жёлтой трясогузки на термоплощадках была стопроцентной, а за её пределами — в среднем 50 процентов. Почти у всех птиц, гнездящихся в кальдере Узона, растянуты периоды гнездования. Если строить гнёзда птицы начинают в конце апреля — начале мая, то последних пуховичков чирка-свистунка мы наблюдали в середине сентября.

Вся озёрная система кальдеры Узона — крупнейший резерват водоплавающей дичи центральной Камчатки. Здесь гнездится больше десятка промысловых видов уток и редчайший вид водоплавающих, украшение камчатской природы — лебедь-кликун.

Положительную роль термоплощадки играют и в жизни млекопитающих. Зимой здесь хорошая кормовая база. Её с удовольствием используют зайцы, многочисленные грызуны, на которых охотятся горностаи, ласка, соболь, россомаха, лисица, волк.

Совершенно неожиданно в 1974 году в кальдере вулкана Узон нами был обнаружен сибирский лемминг. Этот вид мышевидных грызунов в области известен давно, но для центральных районов восточной Камчатки такая высокая плотность популяции в непосредственной близости от горячих источников — явление феноменальное и отмечено впервые.

В конце апреля из берлоги выходят медведи и через два-три дня тоже направляются на термоплощадки. Днём они отлёживаются на подсохшей траве, а утром и вечером ловят полёвок, откапывают корни и лакомятся свежей зеленью. В это время по площадкам Узонской термоаномалии бродят 4–5 медведей, а в Долине гейзеров — 8–14. К концу мая количество их уменьшается. Весной некоторые медведи принимают грязевые, по-видимому, лечебные, ванны на парящих полях кальдеры... Подобные случаи «купаний» отмечались и в Долине, но уже в тёплой воде гейзеров.

Весьма любопытны связи некоторых видов птиц с активными площадками в гнездовой период. В 1973 году из жерла гейзера Тройной

вытекала вода с температурой кипения и стекала несколько минут сплошным потоком по плащу гейзерита, в нише которого располагалось гнездо с птенцами. По окончании извержения взрослые птицы залетали в гнезда и начинали кормить птенцов. Повторно они загнездились и в 1974 году. Самочка не слетала с гнезда даже при извержении гейзера...

Появившиеся птенцы, к великому нашему удивлению, росли необычайно быстро и через неделю покинули гнездо. Есть предположения, что в организм птенцов вместе с кормом попадают вещества, присутствующие в термальных водах, и стимулируют их рост.

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ГИДРОТЕРМ В БИОГЕОЦЕНОЗЕ

Наряду с положительными факторами термоплощадки оказывают на фауну и отрицательное влияние. Мелкие млекопитающие, птицы, даже крупные звери, такие как медведь, становятся жертвами горячих источников и гейзеров, а иногда и удушливых сернистых газов.

В тихие зимние дни для кальдеры Узона характерны густые туманы, понижающие температуру в котловине до 40 градусов. В атмосфере кальдеры высокая концентрация сероводорода. В это время на термоплощадках активизируются процессы минерализации и рудообразования, повышается содержание мышьяка и ртути, что отравляет мышевидных грызунов и частично более крупных зверей.

В верховьях Долины гейзеров в отдельные годы обнаруживались мёртвые животные, а причина их гибели не была известна. И только летом 1975 года тайна была открыта.

У истоков реки Гейзерной была обнаружена область проявления мофет — выходов холодных газовых струй. К ним относятся в основном углекислый, сернистый газы, сероводород и другие. Газы скапливались на дне оврагов, куда и попадали животные... В Долине смерти в том году найдены трупы шести медведей, четырёх лис, россомахи, орлана-белохвоста, вороны и множества мышевидных грызунов. Сейчас этот район находится под особым наблюдением вулканологов.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ВУЛКАНЫ «ОМОЛАЖИВАЮТ» ЗЕМЛЮ

Сейчас на Камчатке около 30 действующих и более 100 потухших вулканов. И, конечно, чередующиеся годами извержения не могли не влиять на природу полуострова.

Район, к которому были приурочены наши исследования, относится к зоне наиболее интенсивных на Камчатке пеплопадов — не реже одного раза в 10–20 лет. Количество твёрдых осадков при этом составляет на один квадратный километр несколько десятков тысяч тонн. Толщина пепловых отложений в результате одного извержения достигает нескольких десятков сантиметров. За всю историю накопился мощный слой пепловых осадков в полтора-два метра толщиной. В итоге каждые 10–20 лет происходит «омолаживание» земли.

Непосредственно у подножия вулкана и его окрестностях после очередного извержения жизнь на долгие годы замирает. Только скудная травянистая растительность оживляет ландшафт лавовых потоков. С другой стороны, в районах с меньшей интенсивностью пеплопада каждое извержение сопровождается вспышкой урожайности как естественной, так и культурной растительности.

Для камчатской флоры характерен гигантизм. Особенно это относится к сложноцветным и зонтичным растениям, которые достигают двух-трёх метров высоты. По предположениям почвоведа И. Л. Соколова, высокие урожаи растительности в годы активности вулканов обусловлены тем, что на летающем в воздухе пепле сорбируется много подвижных фосфатов, а иногда и калия. Это и повышает плодородие камчатских почв. Кроме того, вспышки урожайности дикорастущих культур (трав, ягод, грибов, кедровых орехов и т.д.) образуют обильную кормовую базу для фауны, что повышает численность животных.

На земном шаре нет другого более мощного экологического фактора, как современный действующий вулканизм, который так ощутимо оказывал бы влияние на внешнюю среду.

ПОСЛЕ ИЗВЕРЖЕНИЯ ВУЛКАНА

Вот уже больше года продолжается извержение вулкана Плоский Толбачик. В первые месяцы его работы было выброшено два миллиарда кубических метров лавы и шлака. Лавовые потоки толщиной 10–27 метров разливались в радиусе до пяти километров. Пепловые тучи расползались над полуостровом. Шли шлаковые ливни. Резко уменьшилась солнечная радиация и укоротились дни солнечного сияния.

Животные, находившиеся в близлежащих районах, попали в тяжёлое положение. По рассказам местных охотников, до начала извержения наблюдались миграции медведей в более северные районы. Вулканологи,

работавшие у подножия Толбачика, находили погибших птиц и зверей. В окрестностях вулкана погибла вся растительность. Близлежащие водоёмы осушались или обретали высокую концентрацию кислотности. В критическое положение попали, лишившись корма, домашние и дикие животные. Тысячные стада оленей делали в неимоверно трудных условиях 400–500-километровые переходы на новые пастбища, при этом многие в дороге погибали.

Извержение вулкана Толбачик повлекло ряд климатических изменений. Всё лето было дождливое, а зима — многоснежной. Даже в апреле выдавалось мало тёплых солнечных дней и неоднократно шёл снег. На контрольных участках, где в прошлые годы в апреле глубина снега равнялась 15–20 сантиметрам, в 1976 году она достигала 170 сантиметров.

НОВАЯ НАУКА ИЛИ НАПРАВЛЕНИЕ В НАУКЕ?

Исследования показывают, что современный активный вулканизм играет весьма существенную роль в жизни не только растений и животных, но и человека. Камчатка — наиболее благоприятный объект для всестороннего изучения влияния вулканизма на внешнюю среду.

Сейчас ещё трудно сказать: что это — зарождение новой науки биовулканологии или крайняя степень обособления экологических исследований. Но так или иначе перед учёными уже сейчас открываются огромные перспективы, широкое поле деятельности.

При Институте вулканологии ДВНЦ АН СССР уже существует группа биовулканологии, которой руководит доктор геолого-минералогических наук Е. К. Мархинин. Эти исследования проводятся в основном на молекулярном уровне. В местах извержений учёные отбирают пробы вулканических продуктов и в лабораторных условиях проводят скрупулёзные исследования на присутствие в пеплах органических соединений.

К сожалению, других более детальных исследований макроорганизмов пока проводить нет возможности. Для этого нет ни базы, ни средств. Проблема усугубляется ещё и тем, что извержение Толбачика фактически уже кончилось, а до сих пор в этом районе ещё нет ни одного геоботанического профиля для многолетнего изучения развития растительных формаций и заселения их позвоночными и беспозвоночными животными. А такие исследования имеют очень большое теоретическое и практическое значение.

Поняв природу вулканизма и освоив колоссальные запасы тепловой энергии вулканов, человек будет строить сверхмощные электростанции и города — «теплограды», создавать искусственным путём природные резерваты ценных промысловых зверей и птиц, будет акклиматизировать редких и полезных животных, растения. Но чтобы этого достичь, нужно начинать уже сегодня.

*Александр Стенченко, зоолог.
Камчатский комсомолец. — 1976. — № 146. — 7 декабря.*

1977

Кроноцкому заповеднику — 10 лет ЖЕМЧУЖИНА КАМЧАТКИ

В СЕ, что делает Камчатку крайним своеобразным и неповторимым, можно встретить на территории Кроноцкого государственного заповедника. Действующие вулканы и гейзеры, горячие источники и ледники, многочисленные виды зверей и птиц, разнообразие растительного мира. Не случайно ученые называют заповедник эталоном камчатской природы. Заповедная земля протянулась более чем на 200 километров вдоль побережья Тихого океана. Ее территория почти миллион гектаров. Это самый крупный заповедник в СССР.

Из 28 действующих вулканов Камчатки девять находятся на территории заповедника. В центре царственно возвышается, отражаясь в озере, Кроноцкий вулкан. Преимущественно горный рельеф заповедника изрезан ущельями, каньонами, долинами, по дну которых текут многочисленные реки и ручьи. В них заходит на нерест лосось. Членистыми явлениями природы являются гейзеры. Примечательны и другие явления современного вул-

канизма — фумаролы (газовые струи), горячие источники.

Уникален и разнообразен растительный и животный мир заповедника. Здесь находится ботаническая загадка полуострова — роща лихты грациозной. Непроходимые заросли кедрового стланика чередуются с чащами каменной березы, тундровые пространства — с вулканическими долами.

Своим рождением заповедник обязан камчатскому соболю. Главной задачей заповедника стало восстановление численности этого ценнейшего пушного зверька, подорванной в конце прошлого и начале нынешнего веков чрезмерным промыслом. Эта задача была успешно выполнена. По оценкам научных сотрудников заповедника, численность соболя в Кроноках в 2—3 раза выше, чем в привлекающих к нему охотников угодьях. Заповедник стал резерватом, откуда соболей расселяется в промысловые угодья.

М. ЖИЛНИН.

*Камчатская правда. —
1977. — № 63. — 17 марта.*

ЭТАЛОН КАМЧАТСКОЙ ПРИРОДЫ Кроноцкому государственному заповеднику — 10 лет

Минуло десять лет с того дня, когда по ходатайству участников второго Всесоюзного совещания вулканологов в начале 1967 года был восстановлен один из крупнейших заповедников мира — Кроноцкий.

Десять лет... Срок в масштабах истории земли едва ли может быть сопоставим с песчинкой на фоне планеты. Но именно эти десять лет были так необходимы для становления заповедника, для его «мужания».

Стихийно возникший на заре заповедания и по праву относящийся к «пионерам заповедного дела России», он пережил трудную судьбу. Не обошли стороной его угодия ни казацьи походы за ясаком, ни безудержный промысел переселенцев, гонимых тяготами эксплуатации в неизведанные края, ни грабежи интервентов и белоэмигрантов.

В наш век — век научно-технической революции — мощные тягачи и вездеходы бороздили его земли, оставляя на долгие годы незаживающие рубцы.

Горьким упрёком незначительного хозяйствования в прошлом и предостережением на будущее хранит сейчас заповедник эти раны, а вокруг неугомонно кипит жизнь, управляемая самой природой. Человек здесь только страж и наблюдатель. Перед ним поставлены задачи сохранить в неизыблемости всё то, что создала природа на краю земли русской, как эталон саморазвития, и неустанно следить за её изменениями в наше время. Основная нагрузка по выполнению поставленной задачи падает на работников государственной лесной охраны. Им, неутомимым ходокам и внимательным наблюдателям, изо дня в день приходится отмерять километры маршрутов, фиксировать в дневниках каждую встречу с представителями животного мира, регистрировать изменения растительности по сезонам; наблюдать за поведением животных и учитывать урожай ягод, грибов, деревьев и кустарников. Трудно перечислить все обязанности, которые входят в функции работников лесоохраны заповедника. Пожалуй, это одна из немногих профессий, совместившая в себе и кулинара, и радиста, и водителя снегохода, и каюра, и строителя. Трудно бывает осесть на земле заповедной, многих она манит, но слабых не задерживает. А вот лесничий В. С. Каляев, лесники П. А. Киселёва, Н. П. Киселёв, В. В. Карбышев по праву заслуживают уважения как ветераны и лучшие работники лесного отдела. Им поручены самые ответственные участки, от них исходит самая богатая информация.

В первые же годы после организации заповедника пришли они в коллектив и успешно трудятся и поныне. По стопам родителей пошёл Саша Киселёв. Едва закончились занятия в 8-м классе, пришёл он в управление заповедника и попросился в лес. Второй год работает он в заповеднике и с нетерпением ждёт, когда и ему будет доверен «обход».

Совсем недавно пришли к нам горожане Е. А. Тарасов и В. Н. Куцко. Полгода оказалось достаточно, чтобы истинные природолюбцы прировнились к нелёгким походам.

Много сил и энергии отдаёт организации работы лесоохраны опытный, высококвалифицированный специалист, главный лесничий Николай Григорьевич Никифоров. Три года затратил он на то, чтобы укомплектовать лесной отдел хорошими кадрами, наладить работу на местах, организовать устройство лесов заповедника.

В тесном содружестве с работниками лесного отдела несут свою круглогодичную вахту сотрудники научного отдела. Никому из них не довелось прожить и проработать все десять лет вместе с юбиляром-заповедником. Формирование отдела началось только в 1972 году. Прошло всего пять лет плодотворной научной деятельности, но коллективу есть чем гордиться. В ежегодной «Летописи природы» ботаник и лесовод, фенолог, орнитолог и этнолог отражают ход естественного развития природных комплексов, вскрывают динамику развития организмов, анализируют закономерности во взаимоотношениях растительных и животных сообществ. Закончены в основном инвентаризационные работы. Мы узнали не только всех обитателей заповедника, но и их численность, места обитания, плотность и пути миграций. Научным коллективом ведётся поиск ключей к механизмам самоуправления процессами развития биологических сообществ, предпринимаются попытки проанализировать взаимосвязь экологии животных и растительных организмов с проявлением современного вулканизма. В коллективе выросли ведущие научные сотрудники отдела супруги Е. Г. и Л. Е. Лобковы, пришедшие к нам шесть лет назад с университетской скамьи. Сегодня Евгений Георгиевич Лобков — старший научный сотрудник, автор более двух десятков опубликованных работ. Им подготовлена к печати монография «Птицы Камчатки». Кандидат биологических наук Т. П. Хорт и молодой сотрудник отдела фенолог Л. И. Рассохина, младший научный сотрудник А. П. Никаноров и лаборант В. И. Храмцов — горячо преданные делу, высококвалифицированные специалисты.

Заповедная территория Кронок гостеприимно распахивает свои двери перед коллективами сторонних научных организаций. До 20 научных экспедиций ежегодно проходит по маршрутам первопроходцев. Геологи и вулканологи, археологи, гидрологи и гидробиологи, биохимики, биофизики — специалисты самых различных направлений науки исследуют заповедный край. Заповедник сотрудничает с крупнейшими институтами страны — Институтом вулканологии, ТИНРО, Институтом лесной генетики и селекции, с Биолого-почвенным институтом ДВНЦ АН СССР и многими другими.

Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, выступая на XXV съезде КПСС, призвал нас облагораживать природу, помогать природе полнее раскрывать её жизненные силы. Помня об этом, мы с особым вниманием следим за тем, сколь эффективно заповедание, как идёт накопление и расселение в хозяйственные угодья ценных пушных зверей и птиц, как сохраняются и восстанавливаются редкие растения, наконец, как обживается вновь зародившаяся земля в кальдерах вулканов.

Камчатская правда. — 1977. — № 65. — 19 марта.

Первоначальное призвание нашего заповедника — охрана соболя, и поэтому назывался он соболиным И сегодня камчатский соболь, мало чем уступающий баргузинскому — один из основных охранных объектов. С каждым годом растёт численность зверьков, а, достигая оптимальной плотности в наших угодьях, молодые соболюшки переселяются из заповедника, пополняя охотничьи угодья. Сейчас на всей площади заповедника учтено до 3.000 зверьков, а 10 лет назад их было в шесть раз меньше. Восстанавливается численность копытных — северного оленя и снежного барана-толсторога. Если в 1967 г. насчитывали 600–700 голов оленя, то теперь их количество уже достигло 1.000. Оптимальной на территории мы считаем численность хищников — волка, медведя, россомахи и других.

Всесоюзную известность приобрела наша лиса-огнёвка. Отобранная в изолированных угодьях заповедника и переселённая в экспериментальные клетки Кировского научно-исследовательского института звероводства, она оказалась высокоэффективной для клеточного разведения.

Растёт численность редких и ценных пернатых. Лебедь-кликун и каменный глухарь, алеутская крачка и белая куропатка, многочисленные водоплавающие находят приют и покой и обильный корм на заповедной земле. Белой пеленой покрывается глубокой осенью тундра в

междуречье Тихой и Комарова. Это тысячные стаи отлетающих лебедей останавливаются на отдых, прежде чем покинуть родные места. Трогательными трубными песнями провожают их сородичи, рискнувшие остаться на зимовку здесь, в суровом пуржливом краю. Их немедленно берут под свою опеку и надзор работники заповедника. До 300 белокрылых красавцев коротают зиму на многочисленных незамерзающих водоёмах, а в марте первые, да, пожалуй, и единственные вестники весны, они своей песней пробуждают уснувшую землю.

Только на территории заповедника в пределах Камчатской области нашёл себе убежище и защиту гордый красавец орёл — кречет. Занесённый в Красную книгу как исчезающий вид на территории СССР, он находится под особым надзором орнитологов и охраной лесных работников. Здесь, в затаённых уголках нашёл кречет условия для успешного гнездования. Немало бесценных сокровищ хранит заповедная земля Камчатки в растительных «джунглях». Всеобщей любимицей, известной всей стране, стала пихта камчатская — вид, находящийся под угрозой и подвергающийся опасности вымирания. Специалисты торопятся расселить это дерево-загадку, сохранить его для потомков. И вот растут уже в Москве и Петропавловске, а также на сопредельной с заповедником территории крохотные вечнозелёные деревца. Классическим образцом девственного лесного биогеоценоза считают этот уголок темнохвойной тайги учёные-лесоводы. И не случайно уделяют ему особое внимание. В роще пихты ведутся круглогодичные, повседневные наблюдения, тщательно изучаются все члены лесной семьи в этом уголке.

Заботой и охраной окружены у нас и такие редкие малоизвестные виды, как башмачок ятабе и остролодочник камчатский, общеизвестные, легко находимые и поэтому нередко безрассудно истребляемые родиола розовая, занесённые в Красную книгу растений.

Неприкосновенны в заповеднике легко ранимые растительные группировки шлаковых полей. Первопоселенцами «лунных грунтов» кальдер можно назвать остролодочник, камнеломку, крупку и кристолию парриевидную.

Кладовыми лесов Камчатки считаем мы кедровостланиковые заросли. В них лакомятся многие обитатели заповедника. Соболь и медведь, мышевидные грызуны и многие пернатые пользуются кедровостланиковой скатертью-самобранкой. Даже беляк косой и лиса-огнёвка не прочь отведать вкусных орешков, легко шелуша их из оттаявших в оттепель шишек.

Неоценимым даром природы является сама земля заповедная. Исключённая из хозяйственного пользования, она сторицею окупает себя, выращивая в своих водах серебристых лососей, регулируя водный режим края, благотворно влияя на климат полуострова, предоставляя возможность учёным разгадать тайны природы. Несомненным уникалом её являются гейзеры — одно из немногих в мире, своеобразных проявлений вулканизма.

Всемирно известная Долина гейзеров на Камчатке в последние годы привлекла к себе внимание туристов, и, воспользовавшись закрытием в 1961 г. заповедника, вездесущие искатели нехоженных троп застолбили маршрут, начали его интенсивную эксплуатацию. Большого труда стоило вновь организованному заповеднику сдерживать натиск всё возрастающей волны «любопытных». Наконец благодаря поистине рачительному отношению к охране природы Камчатским облисполкомом в 1975 году было принято решение, предусматривающее благоразумное использование для ознакомления уникальных объектов заповедника. Достаточно было бы совету по туризму и турбазе «Долина гейзеров» выполнить предусмотренные решением мероприятия по благоустройству и оборудованию маршрута, как вновь взорам туристов открылись бы неповторимые красоты земли камчатской. С сожалением приходится констатировать, что за истекшие два года на маршруте не сделано ничего. Более того, старые ветхие строения прошлых лет вовсе захирели, и их уже сейчас необходимо убирать, дабы не омрачать ландшафтов.

А реклама идёт... По заказу совета по туризму издательство «Турист» выпустило набор открыток «Долина гейзеров» с приглашением совершить поход по маршрутам 125–90–01, 125–90–00. И нас, работников заповедника, искренне беспокоит, что придёт час, когда совет по туризму станет изыскивать любые пути для открытия «Долины», хотя путь к ней один — благоустройство с единственной целью сохранить для показа и показать сохранённой.

...Вновь восстановленному заповеднику 10 лет. Сегодня земли его поистине заповедны, серьёзные нарушения режима ему уже неведомы, и в этом заслуга не только работников заповедника, но и жителей села Жупаново, которые ревностно относятся к сохранению природы, активно помогают работникам заповедника в сборе информации. И мы уверены — жить заповедным землям Кронок в веках.

Не случайно Родина наша начинается с заповедной земли Кронок и заканчивается заповедными землями Беловежской пуши. Это — символ заботы советских людей о планете и её обитателях.

*А. Науменко, заместитель директора заповедника по научной работе,
кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник.
Камчатская правда. — 1977. — № 67. — 22 марта.*

ГОСТЬ ИЗ ЗАПОЛЯРЬЯ

Маршрут был необычный. Впервые за многолетнюю историю Кроноцкого государственного заповедника совершён зимний сквозной проход от его северо-восточной окраины — устья реки Чажма до южной границы — Семьячикского лимана близ Жупанова. 250 километров лыжни.

День 20 марта — канун весеннего равноденствия — выдался необычайно солнечным. Безоблачное небо и искристый белоснежный покров Кроноцкого залива, скованного льдами от мыса Чажма до мыса Шипунского, сливались воедино, напоминая неповторимые пейзажи Заполярья, чарующие своей суровостью и безбрежием. В редкие годы выпадает на Камчатке такая зима. Оставив позади самый сложный участок перехода, после недолгих сборов мы вновь собрались в путь. Взгляд автоматически фиксировал участившиеся пробежки лис и росомах к океану, места их кормёжек, частые пролёты вдоль побережья воронов и орланов. На четвёртом километре от дома лесничего вблизи от берега стал вырисовываться силуэт своеобразного «айсберга» — довольно массивного нагромождения льдов. Щурясь от ослепительных лучей солнца, я невольно дал знак немедленной остановки и приложился к окулярам бинокля. Сомнений не было. У подножия «айсберга» на большой его терраске сидел... белый медведь — исконный обитатель полярного мира.

Я попросил своих спутников оставаться на месте, дабы не отвлек внимание зверя, а сам, пользуясь прибрежной ложбинкой, стал скрытно пробираться к медведю. Изредка я осторожно выглядывал из-за надува и всякий раз замечал, что пришелец отлично чувствует присутствие людей, искоса наблюдает за остановившимся вдали снегоходом и небрежно на всякий случай осматривает пустынное побережье. Наметив ориентир, против которого находился «айсберг», скрытно продолжаю приближаться к нему и выхожу на след, чётко отпечатанный на берегу.

Вот и ориентир, можно приступать к «знакомству». Не скрываясь больше, поднимаюсь во весь рост и быстро выхожу на взгорок.

Зверь легко и изящно оставил площадку, а взгляд неотрывно прикован ко мне, хотя щелчки моего фотоаппарата его мало беспокоили. Я попытался подойти ближе; тогда медведь, недовольно тряхнув загривком, плавно, хотя вес его был не менее полутонны, а длина — более двух метров, стал удаляться от побережья. Оставив его на несколько минут вне поля зрения, я с трудом преодолел по искрошенным прибрежным льдинам трёхметровый береговой промыв и подошёл к «айсбергу».

«Айсберг» был окружён узкой промоиной, и только в прибрежной его части промоина была расширена проломом льда и образовывала как бы «ванну». На свободной водной глади мирно подрёмывали на солнышке три самки-морянки, совершенно не реагируя на мое присутствие. Мне удалось подползти к самому краю льдины и сфотографировать птиц с расстояния полутора метров.

Около часа я наблюдал за поведением медведя в бинокль. Нырнув в большую промоину, медведь долго барахтался, кувыркался в воде, смешно поворачивал массивными задними лапами-ластами, плывал из конца в конец и по кругу, легко выскакивал на лёд, поднимался на задние лапы, ползал и катался. Всё это длилось довольно долго и походило на игру. В промоине медведь был не один, рядом беззаботно плавали десять морянок и пять турпанов.

В один из своих выходов из воды медведь показался с добычей в зубах. Турпан, крепко стиснутый медвежьими зубами, ещё трепыхал крыльями. Зверь вознёс его вверх, поднявшись во весь рост на задние лапы и вытянув и без того длинную шею, потрепал из стороны в сторону и резко швырнул на лёд, затем подошёл, взял за голову, отшвырнул далеко в сторону, вновь подошёл, взял уже мёртвую птицу, ловко бросил её в полынью, а сам нырнул следом.

Неизвестно, сколь долго продолжалась бы эта игра, если бы я не стал приближаться к полынье. С трудом преодолев две полутораметровые промоины, пробираясь на четвереньках по следу медведя, медленно сократил расстояние, но на сей раз не был удостоен столь близкого соседства. «Позу угрозы» вторично довелось наблюдать на расстоянии не менее 100 метров, причём выполнена она была как-то поспешно, скорее традиционно. Удалялся же зверь с прежним достоинством, предварительно сбросив утку в воду. Остановливаясь через каждые 100–200 метров, он так же катался по снегу, становился на задние лапы

и высоко поднимал мощную торпедовидную голову, поводя ею из стороны в сторону.

В следующей полынье оказалось два забитых турпана, а рядом на льду лежала полуживая морянка, которой также пришлось испытать игривую прыть полярного гостя. Одного из турпанов мне удалось выловить и доставить в качестве сувенирного экспоната для музея заповедника. Когда я поднялся со льда от края полыньи, медведь уже уходил к ледовым торосам, «укоρίζенно» покачивая головой.

Залёг он у края торосистого поля, а моя попытка последовать за ним дальше оказалась безуспешной. На пути встали истёртые мелкие подвижные льды, проход по которым был небезопасен. С сожалением после четырёхчасового свидания расставался я с белым медведем. Повторно осмотрев следы на берегу и сделав соответствующие обмеры ширины шага, длины и ширины передних и задних лап и проанализировав визуальную оценку зверя, нетрудно было сделать вывод, что это молодой, четырёх-пятiletний самец-кочевник, совершивший далёкое путешествие. Обилие пищи и сравнительно с полярной мягкая зима в наших краях пришлись ему по душе, он отлично упитан, резв, желтовато-белая шерсть его лоснится от обилия подкожного жира. О сытости свидетельствует и пренебрежительное отношение к утятине, хотя птицы и прочие обитатели моря — морские ежи, звёзды, рыба — нередко, особенно в летние месяцы, являются основным кормом. Предпочитают же белые медведи тюленей, подкарауливая последних на льду. Не исключено, что именно в поисках своей излюбленной добычи совершил далёкое путешествие на Камчатку наш гость.

Доведется ли ещё когда-нибудь видеть на нашей кроноцкой заповедной земле чрезвычайно редкого гостя? Три десятилетия назад один из первых исследователей заповедника Ю. В. Аверин высказал предположение о возможности захода к нам белых медведей, хотя самому ему не довелось наблюдать подобных случаев. Впрочем, в научной литературе описан из ряда вон выходящий случай захода белых медведей к берегам Японии. У берегов Кронок зарегистрированы ранее две встречи зверей с человеком, и обе встречи окончились для животных трагически. По сообщению Ю. В. Аверина, сильно израненный белый медведь, как рассказывали охотники, в 1919 году был убит в июне на побережье Кроноцкого полуострова, а второй зверь был застрелен в конце февраля 1931 года в пяти километрах от берега в районе реки Берёзовой, расположенной в двадцати километрах к югу от с. Жупаново.

И вот сейчас этот ценный зверь, одним из первых занесённый в «Красную книгу» Международного союза охраны природы и природных ресурсов, вновь объявился в наших краях. Мало надежды на то, что он задержится здесь надолго, но гостеприимная земля Камчатского полуострова и её рачительные хозяева гарантируют животному безопасное пребывание в гостях и желают счастливых дальних путешествий с надеждой на предстоящие волнующие встречи. Не ружьём, а фотоаппаратом встречен зверь, восхищёнными взглядами проводили его в дорогу странствий.

*А. Науменко, зам. директора по науке Кроноцкого государственного заповедника, кандидат сельскохозяйственных наук.
Камчатская правда. — 1977. — № 77. — 2 апреля.*

НА СТРЕМНИНЕ

К 75-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности доктора биологических наук, лауреата Государственной премии Ф. В. Крогиус

Историю эту рассказала Фаина Владимировна. Давно, ещё до войны в Москве в одном из издательств готовилась в печать книга учёных с Камчатки Ф. Крогиус и Е. Крохина. Когда рукопись прошла все стадии, связанные с изданием, в столицу приехала Фаина Владимировна и, конечно, заглянула к редактору. Тот вызвал к себе художника, который иллюстрировал монографию, и сказал:

— Познакомьтесь. Фаина Владимировна Крогиус — герой ваших рисунков.

Увидев перед собой миловидную женщину в цветастом платье, художник уронил карандаши и, побледнев, схватился за голову.

— Извините, пожалуйста, мне представлялось, что вы мужчина. Я думал, что в такой дальней дали, среди снегов и сопки женщина не может жить. Поэтому я вас изобразил совсем не такой, какая вы есть в действительности. — Сконфуженный художник протянул свои рисунки, подготовленные в печать. На них был изображён широкоплечий богатырь с заиндевелыми от мороза усами, в торбасах, меховых штанах и с ружьём на плече. Под ними подпись — камчатский ихтиолог Ф. В. Крогиус.

— Конечно, посмеялись тогда, ну а книгу пришлось выпустить без иллюстраций, — вспоминает Фаина Владимировна.

В наш век самые отдалённые уголки земли благодаря быстрому развитию транспортных связей утрачивают ореол труднодоступности. Подумаешь, Камчатка. Уже на Луне побывали люди! Жить и работать на высоких широтах становится нормой для многих десятков и сотен тысяч людей. Но со временем не потускнеет значение сделанного Ф. В. Крогиус. Её одержимость, преданность делу, подвижническое служение науке всегда будут восхищать людей и оставаться примером для тех, кто собирается вступить на тернистый путь науки.

Вместе с мужем Евгением Михайловичем Крохиным Фаина Владимировна добиралась на Камчатку более месяца. В августе 1932 года, через несколько дней после открытия отделения Тихоокеанского института рыбного хозяйства они прибыли в Петропавловск. В маленьком деревянном доме помещался весь институт. Молодым супругам выделили жильё — маленький чуланчик в селе Сероглазка. Это было далеко от работы, и им ежедневно приходилось пешком через сопку добираться в институт. Широкий простор для исследований, огромное желание внести свою лепту в строительство новой жизни, в развитие экономики отсталой окраины отодвинули на задний план все житейские неурядицы. Вскоре, не успев ещё осмотреться на новом месте, они отправились в свою первую на Камчатке научную командировку.

Небольшой группе исследователей через бурные реки и горные перевалы, через непролазные заросли кедрача и шеломайника по звериным тропам предстояло добраться до Курильского озера. Осенняя слякоть, жестокие штормы, отсутствие транспорта — ничто не могло остановить смельчаков. Они ночевали у костра, лодку с рюкзаками и научной аппаратурой на бечеве тянули вверх по течению, как бурлаки. Ровно через месяц и неделю они достигли полуразрушенной охотничьей юрты на берегу озера Курильского. Пока учёные утепляли юрту, переносили снаряжение и продовольствие, проводник приспособивал шлюпку для работы на озере. Он выковыривал ногтями щепки, приговаривая: «Гнило вата шлюпка-то, однако. Как бы дно не выпало».

Для её ремонта не было ни материалов, ни времени. Пришлось полностью положиться на счастливый случай, чтобы не откладывать исследования. На вёслах учёные выходили в беспокойное озеро и вели съёмку нерестилищ, измеряли температуру воды на различных глубинах, ставили контрольные сети, словом, делали свою будничную работу... Лишь в январе 1933 года на собачьих нартах они выехали из Озерной в Петропавловск.

Первое крупное путешествие молодых учёных продолжалось более четырёх месяцев. За это время они не совершили великих открытий, но именно тогда заложили основу своих комплексных исследований.

Чем больше узнавали учёные о жизни красной, тем больше возникало вопросов. Почему, например, часть молодежи живёт в пресной воде только один год, а часть два и больше? От чего зависит различный возраст нерестующей рыбы? Какова эффективность естественного размножения? А причины колебания численности лососей? Ещё множество вопросов, требующих объяснения, встало перед исследователями. Учёные пришли к выводу, что экспедиционный метод сбора научной информации имеет существенные недостатки — он даёт возможность изучать жизнь рыб только в определённые периоды года. Необходимо комплексно исследовать водоёмы, где нерестится красная и вырастает её потомство. [...]

А. Галимов.

Камчатская правда. — 1977. — № 81. — 7 апреля.

У ПЕЧЕК ЗЕМЛИ

Белые всплески воды, шипящие клубы пара. С гулом рванулись в небо мощные струи воды. Задрожала земля, воздух наполнился влагой. Кипящие фонтаны взлетали на высоту 10–20 метров и там рассыпались веером брызг. Таково извержение гейзеров — величественное, ни с чем не сравнимое зрелище

Гейзеры — одно из явлений вулканизма. В период между извержениями огнедышащих гор вулканические процессы проявляются в виде выходов на поверхность горячих источников, газовых и паровых струй, гейзеров. По мнению учёных, эффект их деятельности не меньше, чем при извержениях вулканов. Они производят огромные преобразования пород, вымывают и переносят минералы, формируют многие рудные месторождения.

На территории полуострова гидротермальная деятельность проявляется во многих местах. Среди них — Долина гейзеров, кальдера вулкана Узон, вулкан Бурлящий. Поражает разнообразие форм термальных проявлений. Горячие источники и озёра, грязевые котлы и миниатюрные вулканчики, пульсирующие источники, извергающиеся фонтаны воды. Термальные площадки дымят сотнями трубок пара. Кипящие озёра лопаются пузырями газа. Клокочет глина, местами земля от жары не

выдержала — растрескалась. По берегам и склонам сползают разноцветные ленты теплолюбивых термофильных водорослей. Минеральные отложения подземных вод создали необычные по форме и расцветкам гейзеритные постройки и панцири.

Велика роль гидротерм в жизни растительного и животного мира. Весной здесь раньше начинают зеленеть деревья и травы. Сюда после выхода из берлог приходят кормиться медведи. По берегам озёр, болот и рек гнездятся утки, кулики, лебеди. Многие водоплавающие остаются здесь на зимовку. В суровую пору зимы у термальных площадок и на незамерзающих водоемах находят корм и звери, и птицы.

М. Жилин.

Камчатская правда. — 1977. — № 148. — 25 июня.

ЛЕТО ПРИШЛО В ЗАПОВЕДНИК

В этом году лето пришло в заповедник дружно. Быстро прошёл весенний пролёт птиц. Особенно многочисленными на пролёте были утки. Тысячные стаи птиц пронеслись над озёрами, заливами и лиманами. Они торопились на север к местам гнездовий.

У сотрудников заповедника началась горячая пора полевых работ. Несмотря на то, что выезд на полевые немного задержался в связи с переводом управления заповедника из Жупанова в гор. Елизово, уже в середине июня все научные сотрудники во всеоружии вылетели к своим полигонам исследований. Лето выдалось тёплое, и полевой сезон обещает быть особенно удачным для всех специалистов заповедника.

Зоологи продолжают работу по основным темам в изучении зверей и птиц заповедника. А. П. Никаноров со студентами-практикантами будет заниматься мышевидными грызунами. Экология мышевидных грызунов — одна из важных тем заповедника. Кроме того, им предстоит уточнить опасные зоны поражения живых организмов в ставшей известной так называемой Долине Смерти. Когда будут определены зоны заражения, с полной уверенностью можно будет сказать, как оградить от проникновения в Долину Смерти и дальнейшей гибели обитателей заповедника. Дальнейшие маршруты этой группы зоологов лежат по территории Кроноцкого и Чажминского лесничеств заповедника.

До настоящего времени на территории Кроноцкого заповедника определено только несколько сот чешуекрылых насекомых, перепончатокрылых и двукрылых. Но это лишь частица начатой большой работы

по инвентаризации энтомофауны заповедника. Перед энтомологом заповедника сейчас стоит большая задача. В такое тёплое лето будет много насекомых даже редких видов. И поэтому необходимо как можно более полно собрать коллекционный материал, чтобы потом в лабораторных условиях определить максимум новых видов.

Зоолог Е. Г. Лобков в заповеднике уже много лет занимается птицами. Его тема связана с инвентаризацией птиц и фактически уже завершена. Осталось только внести дополнительные сведения о птицах из других районов Камчатской области. С этой целью Е. Лобков выехал в экспедицию в Пенжинский район. Там он проведёт кратковременные рекогносцировочные исследования по орнитофауне камчатского севера. Наряду с визуальными наблюдениями он будет производить сбор и коллекционного материала. Таким образом им будет завершена тема «Птицы Камчатской области».

В связи с проведением в целом ряде заповедников СССР комплексных исследований и сбора материалов по экологии бурого медведя на территории СССР в Кроноцком заповеднике была введена ещё одна должность зоолога. Ему предстоит изучение и других представителей фауны, например, соболя, россомахи, лисицы, зайца. В чём же заключается эта работа? В первую очередь — сбор материала по размножению бурого медведя, его питанию, поведению, синантропные связи и меры охраны. Важно провести наблюдения в период, когда не работает туристический маршрут турбазы «Долина гейзеров». Наконец, необходимо завершить инвентаризацию зверей заповедника, которых насчитывается уже около 35 видов. В качестве дополнения к исследованиям как фактический материал будет сниматься кинофильм по экологии бурого медведя.

Много работы и у ботаников заповедника. Фенолог Л. Рассохина вылетела в район Кроноцкого озера, где она будет проводить стационарные наблюдения за развитием растительности. Другие ботаники побывают в Семьячикском, Кроноцком и Чажминском лесничествах. Они будут проводить геоботанические, биоценологические и флористические исследования.

Таким образом вся территория заповедника охвачена исследованиями. Полевой сезон у научных сотрудников начался в июне и продлится до конца октября — начала ноября. Остаётся пожелать им удачного поля.

*А. Стенченко, зоолог Кроноцкого заповедника.
Камчатская правда. — 1977. — № 166. — 16 июля.*

В БЕЛОМ СИЯНИИ ГОР

Почти все действующие вулканы на территории Кроноцкого заповедника имеют разрушенные вершины, и лишь Кроноцкий вулкан выделяется правильным конусом. На 3.528 метров взметнул он ввысь белоснежную голову. Это самая высокая точка заповедника. Здесь лежат вечные снега.

Растительность гор и вулканов бедна. Небольшие островки стелющегося по земле кедрача на вулканических долах уступают место альпийской растительности — горным цветам, травам, мхам и лишайникам. Растения выбирают южные склоны, участки, защищённые от ветров. В горах обитают уникальные представители животного мира — снежные бараны. В нижнем поясе в россыпях камней живут камчатские сурки и пищухи.

Частые туманы, ветры, вечные снега не позволяют растениям подниматься выше 1.200 метров. За этой отметкой — царство камня и льда.

М. Жилин.

Камчатская правда. — 1977. — № 184. — 6 августа.

ТАЁЖНЫЙ ПОЯС

В отличие от высокоствольных хвойных деревьев сибирских лесов камчатская тайга состоит преимущественно из каменной берёзы. Эти невысокие деревья с раскидистыми кронами растут свободно, будто в парке. Поражают их изломанные кривые ветки — результат воздействия сильных ветров и глубоких снегов.

Под шатром берёз густо разрослись рябинник, высокотравье. На склонах сопок непроходимые заросли создаёт кедровый и ольховый стланик. Лишь в поймах рек протянулись ленты стройных ив, тополей.

Среди чащ каменной берёзы зелёной жемчужиной выглядит небольшой островок пихты грациозной. Это единственное место пихты на Камчатке — реликт древней растительности. Из других хвойных пород многочисленны лиственничник и ель аянская.

Видовой состав растительности заповедника обеднён из-за вулканических извержений и древних оледенений. Горный ландшафт обусловил поясной характер её распределения. От побережья до высоты примерно 600 метров растут лиственные породы. Затем они уступают место субальпийским кустарникам — ольховому и кедровому стланикам. А ещё выше их сменяют горные тундры с лишайниками и мхами.

С лесными зарослями порой соседствуют острова тундры, в устьях рек — низинные, с болотной растительностью. На террасах морских побережий и вулканических плато — сухие тундры с шикшей, голубикой, брусникой.

В зелёном поясе лесов и тундр обитают десятки видов зверей и птиц. Широко распространён соболь. От побережья до предгорий проходят тропы бурого медведя. Рядом с аборигенами хорошо прижились на территории заповедника новосёлы полуострова — рысь и белка. На реках и тундровых озёрах много водоплавающих птиц.

М. Жилин.

Камчатская правда. — 1977. — № 194. — 18 августа.

МИР ЗАПОВЕДНИКА

1. УТИНЫЙ УГОЛОК

Многочисленные озёра и болота в кальдере вулкана Узон — остатки большого кальдерного озера. Берега заросли густыми осоками и кустарниками. Поэтому здесь гнездится много водоплавающих птиц. Самые многочисленные — чирки-свистунки, морские чернети и турпаны. Но есть ещё и морянки, свиязи, широконоски, шилохвости. Всего в кальдере вулкана Узон на озёрах гнездится 11 видов уток, более ста пар.

Пока самки сидят на гнёздах и высидывают птенцов, самцы на Центральном озере собираются в стаи. Это озеро неглубокое и проточное, с обильной донной растительностью, ежегодно здесь линяет 200–300 уток.

Лето подходит к концу, и на самом большом озере кальдеры уже плавают десятки маленьких караванчиков. Иногда за одной уткой плывёт до 30 утят. Это соединились вместе несколько выводков!

Каждый день на озере появляются всё новые и новые караванчики. Приходят они, спускаясь по ручьям, через тундру и болота проделывают длинные многокилометровые переходы. На большом озере безопаснее, чем на малых. Звери сюда не доберутся, легче спрятаться в зарослях.

На открытой воде при появлении воздушного хищника взрослые утки взлетают, а маленькие, не умеющие летать, словно по команде сразу ныряют.

Птенцы быстро подрастают и начинают летать. В это время и холода подходят. С севера прилетают утки, мигрирующие на юг. К ним

присоединяются и наши, выросшие в кальдере, за исключением тех, что остаются на тёплых озёрах зимовать. В ноябре стая за стаей поднимаются в воздух, делают несколько прощальных кругов над кальдерой Узона и устремляются на юг. А в марте они снова спешат домой на гостеприимные озёра кальдеры, в тихий уголок заповедника.

2. Росомаха

Разбужен я был неистовым собачьим лаем. Выхожу из избушки и вижу, как моя Майга рвётся с цепи и кидается на тёмного зверя, стоящего метрах в десяти и с любопытством её рассматривающего. Это была росомаха — один из интереснейших и любопытнейших зверей заповедника. Встречается она здесь не часто, но иногда лесникам заповедника приходится видеть диковинные, удивительно редкие и потому очень интересные для науки скопления росомех в одном месте. На Кроноцком озере гидролог В. Пешков видел, как мимо него пробежало сразу восемнадцать росомех.

Росомаха — очень сильное, выносливое и смелое животное. При среднем весе в 10 килограммов она способна убивать таких крупных животных, как лось и олень. Росомаха нападает на жертву с дерева. Даже иногда затаскивает туда часть добычи. На высоте трёх метров находили её запасы — это были куски мяса весом в 20–25 килограммов.

Если же местность открытая, то росомаха догоняет отбившихся от стада больных или ослабевших животных, пользуясь своей способностью не проваливаться даже на рыхлом снегу.

Очень часто росомаха ходит по лыжне. Охотники об этом знают, остерегаются этого коварного зверя. Она вынимает из капканов зверьков, забирается в лабазы, избушки, погреба и наносит ощутимый ущерб продовольственным запасам. У росомех рождается от одного до четырёх щенят в конце зимы — начале весны. А к концу осени детёныши уже достигают размеров своих родителей, обретают полную самостоятельность.

По характеру питания росомех можно отнести к полезным видам, так как они поедают падаль, сокращают численность больных и ослабевших животных. Но всё же в экспедициях нужно быть предусмотрительными и надёжно прятать провизию, снаряжение от росомех. Набедокурить может. Такой у неё характер.

*Александр Стенченко, зоолог Кроноцкого заповедника.
Камчатский комсомолец. — 1977. — № 99. — 18 августа.*

ЭТОТ ГОРЯЧИЙ МИР

Многие жители Петропавловска уже заметили, что у достопримечательных мест города ведутся съёмочные работы. Это работают кинематографисты «Центрнаучфильма».

Группа в составе режиссёра А. Соколова, операторов М. Каменского, И. Бавыкина и директора фильма А. Осетровой снимает научно-популярный фильм. Пока условно он назван «Этот горячий мир» — о проблеме возникновения жизни в горячих источниках. Съёмки будут вестись в Долине гейзеров и в кальдере Узона, на Паужетке и в Эссо.

Сюжетами киноальманаха для «Клуба кинопутешествий» послужит Кроноцкий заповедник, а также Петропавловск.

Съёмочная группа работает совместно с сотрудниками научно-исследовательского института по биологическим испытаниям химических соединений (руководитель член-корреспондент Л. А. Пирузян).

Московские гости пробудут на Камчатке два месяца.

Ю. Шатилова.

Камчатская правда. — 1977. — № 199. — 24 августа.

ЭКСПЕРИМЕНТ В «ДОЛИНЕ СМЕРТИ»

К 1975 году на территории Кроноцкого государственного заповедника у подножия вулкана Кихпинич, где берёт своё начало река Гейзерная, в долинке одного из её притоков было обнаружено много мёртвых животных. Среди них были медведи, россомаха, лисицы, птицы, полёвки. Люди, увидевшие это кладбище животных, были необычайно удивлены. Спускаться в таинственную «долину смерти» никто не решался.

Внешне долина, особенно в солнечных лучах, удивительно красива. Всё её дно покрыто серными отложениями сизовато-зеленоватого цвета. Прозрачная вода от тающих снежников стремительными потоками проносится вниз и, скрывшись за поворотом, устремляется к реке Гейзерной. Любоваться этим видом можно до бесконечности, но все впечатления сникают, как только взгляд останавливается на останках зверей. Но вот камчатские учёные заинтересовались таинственной долиной. Кандидат биологических наук, директор Камчатского отделения ВНИИ-ОЗ А. А. Лазарев со своими спутниками несколько раз спускался в «долину смерти». Они обследовали погибших животных, взяли пробы газов для анализов. Было установлено, что животные погибают от удушья.

Дальнейшие исследования в «долине смерти» проводились учёными Кроноцкого заповедника. В 1976 году не наблюдалось гибели большого числа животных, хотя и встречались мёртвые звери и птицы. Наблюдения продолжались и в 1977 году. Снова появилось небольшое число мёртвых птиц и зверей. И зоологи заповедника решили провести ряд экспериментов. В качестве подопытных животных были взяты собака по кличке Аполлон, американские суслики (или евражки) и красные полёвки. Помогали нам студенты Томского университета, вулканологи и московские учёные из Института химии. С помощью химиков были отобраны газы в особые стеклянные колбы с резиновыми трубочками. Для фиксации всех опытов была установлена кинокамера. Основную группу животных разместили в террариумах на возвышенности, где нет ядовитых газов.

В тихую пасмурную погоду, когда воздух почти недвижим, мы надели противогазы и стали спускаться на дно коварной долины. Всех интересовало, как подействует газ на животных? В районе самого активного выделения газов помещались евражки, полёвки. Один из опытов решили провести на собаке. К одной ноздре подносилась резиновая трубочка, по которой поступал газ из колбы. В первые секунды животное пыталось вырваться из рук экспериментаторов, но вскоре оно потеряло равновесие и упало. Дыхание его стало прерывистым. Ещё через несколько секунд Аполлон перестал двигаться и замер. Но газ в лёгкие больше не поступает. И вдруг к великому нашему удивлению собака ожила, начала двигаться, а ещё через несколько секунд пошла, правда, не совсем уверенно.

Опыт повторяется и даёт те же результаты. Дальнейших экспериментов с Аполлоном мы решили не проводить. Аполлон жив и сейчас в полном здравии бегаёт по городу. Остальные опыты проводились с евражками и красными полёвками.

...Уже через час трудно удержаться от желания сорвать противогаз, дыхание туманит стёкла, ноют мышцы лица и головы. Но без маски находиться в «долине смерти» рискованно. Младший научный сотрудник заповедника А. Никаноров чуть не поплатился за неосторожность, когда, работая без противогаза, наклонился и попал в зону действия мфеты — холодной газовой струи нервно-паралитического действия. Даже в ветреную погоду продолжительное пребывание в «долине смерти» без предохранения дыхательных путей вызывает тошноту, головную боль и слабость.

Таким образом опыты показали, что газы оказывают на животных ментальное наркотическое действие. Можно предположить, что основной замор животных происходит ранней весной и в начале лета в тихие безветренные дни. В устье ручья образуется проталина, сюда приходят животные, а именно здесь самые сильные газовые выходы.

Нам предстояло определить границы заражённой зоны и интенсивность выделения газов в различных частях долины. Было выяснено, что мофеты распределяются почти по одной линии. Выпущенная из клетки красная полёвка в сильную ветреную погоду пробежала стремительно «линию смерти» — так мы назвали линию наиболее активных мофет, благополучно переплыла ручей и осталась при этом невредимой. Другая, задержавшись на мгновение, сразу была парализована. Мы выкопали неглубокую ямку в стороне от «линии смерти» и посадили в неё зверька. Через несколько секунд полёвка была мертва. Это говорит о том, что даже на небольшой глубине и по всей площади выделяются газы, хотя в меньшем количестве.

Зоологи Кроноцкого заповедника продолжают здесь наблюдения.

*А. Стенченко, зоолог Кроноцкого заповедника.
Камчатская правда. — 1977. — № 255. — 29 октября.*

ВОЛШЕБСТВО УНАНЫ

Этот вулкан мало кто знает. Недалеко от него расположенный Узон исхожен вдоль и поперек, о нём написаны учёные труды, сняты кинофильмы, туристы со всех концов страны увозят в свои города восторженные рассказы о нём. Громкая слава, неустанное внимание, постоянное паломничество... А вулкан Унана — что можно сказать об этом скромном соседе Узона? Не фумаролит, не извергается, не посещается...

Наш вертолёт перевалил Валагинский хребет и пошёл по ущелью, которое всё расширялось, раздвигало свои стены — и вот мы уже летим над громадным плато, рассечённым надвое узким каньоном. По дну каньона петляет река.

Вертолёт сделал два круга и пошёл на посадку. В иллюминатор видна большая поляна с редкими лиственницами. Прямо под нами на ягоднике пасётся медведица с двумя медвежатами. А вон ещё один — громадный, чёрный. Сел на задние лапы, задрал морду, недоумённо смотрит на незнакомую стрекочущую птицу. Мой сосед толкнул меня в бок: «Смотри, за рекой опять медведь, рыжий. Вот улепётывает, испугался».

Вертолёт сел. Прямо в кусты голубики. Больше садиться некуда — кругом ягодники. Лётчики смеются: «Хорошие у вас соседи. Надо же, сразу пять мишек увидели. Сколько же их здесь? Смотрите, как бы они не съели вас на завтрак».

Здесь, у северо-восточного подножия вулкана Унана мы и разбили свой лагерь. С плато открывалась величественная панорама. Слева за тундрой, за жёлтыми болотами блестела вдали узкая полоска Кроноцкого озера. Взгляд скользит вправо. За рекой поднимаются зелёные сопки, покрытые лесом. Сияет на солнце белоснежная вершина Кроноцкого вулкана. Рядом с ним — бесформенная глыба вулкана Крашенинникова. А вон Кихпиныч. Где-то там, невидимая отсюда, дымит, рокошет, выбрасывает в небо фонтаны воды знаменитая Долина гейзеров. Ещё правее — Узон, рядом с ним блестит снежниками вулкан Тауншиц. Замыкает панораму Унана. А за спиной — длинная череда вершин Валагинского хребта. И тишина вокруг — неправдоподобная, фантастическая тишина первозданного мира, где человек, если он и появляется иногда в этих местах, стужёвываается, умолкает, поражённый величием и спокойствием храма природы.

Мы прожили здесь месяц. Рядом с нами, за неширокой речкой жили медведи. Сколько их было тут? Кто знает? Скажу только, что в одном из маршрутов нам за три часа встретилось двенадцать медведей. Первые дни было как-то неуютно от их соседства. А потом мы попривыкли и уже не вздрагивали по ночам в палатках от каждого подозрительного шороха. Медведи снисходительно терпели нас рядом с собой. Или просто были сыты? Стоял август, и громадные ягодники, простиравшиеся вокруг на десятки километров, буквально ломались от голубики, жимолости, шикши. А в речках нерестились горный голец и форель «принцесса», поднявшаяся сюда из Кроноцкого озера. Так что еды медведям было вдоволь.

В районе Унаны богатый животный мир. Нам то и дело встречались стада диких оленей. Совершенно непуганые, они не боялись людей. Идешь к ним, а они поднимут свои рогатые красивые головы и смотрят, смотрят. Что, мол, за чудище такое топает на задних лапах?.. На вулкане Унана мы однажды наткнулись на стадо снежных баранов в шестнадцать голов. Это было великолепное зрелище. Редчайшее животное — и вдруг в таком изобилии! Они паслись на склоне вулкана, медленно приближаясь к нам. Так и прошли мимо метрах в тридцати.

И ещё на всю жизнь я запомнил, как собираются в стаи перед дальним перелётом кулики. Они паслись на ягодниках вокруг нашего лагеря,

и с каждым днём их становилось всё больше. Вечерами, репетируя групповые полёты, они тысячами летали над нами, строясь клином и что-то крича на своём языке. А однажды утром (было начало сентября) кулики словно по команде поднялись в воздух, разбились на уже привычные стаи и взяли курс на юг. Они уходили в сторону Унаны и становились всё меньше и меньше, пока не исчезли совсем.

Бесспорно, Узон это впечатляющее зрелище. Но ничто не может сравниться с волшебным миром Унаны.

Е. Сытников.

Камчатская правда. — 1977. — № 256. — 30 октября.

СОДЕРЖАНИЕ

Уважаемые читатели!.....	3
<i>1968</i>	
Жупановский умелец	4
Путь к вершинам	8
Что мы знаем о Чажме	9
Заповедник чудес.....	11
Люди первой тропы	13
Весна в лесу	14
Энергетика — основа промышленности.....	15
По машинам	18
Случайная встреча	18
Вулканологи — гидростроителям	20
В таинственной роще	21
Счастлирое чувство дороги.....	23
На заповедной кронацкой земле	25
Озеро загадок	29
Полезные знакомства	34
Чудо земли	35
Почём фунт пара?	37
Туристскими тропами Камчатки	39
Долина чудес.....	39

1969

Где зимуют лебеди	43
Визитная карточка заповедника	48
Водопад в Долине гейзеров	49
Туристское лето	50
О том, что нам дорого	52
Отшельники	57
Дешевле, чем берёзовые рощи	58
Только ли преувеличение	62
Заботы гейзеров	65
Буровик	67
Долина кипящих фонтанов	69
Симпозиум закончился	71
Камчатская орбита космонавта	73
Проблемы камчатской энергетики	75
Гость	76
Исчерпывается и неисчерпаемое	78
Я открываю Камчатку	84
Экспонаты Кроноцкого	87

1970

Идёт дозором лесничий	88
Пансионаты на туристских тропах	89
Радости и тревоги Долины гейзеров	89
Первый рабочий рейс Ми-8	92
Чуть-чуть робинзоны	93
Лыжня длиною в пол-Камчатки	97
Мост над «Бурлящей»	99
Медведица	99
Отклонения от нормы	100
Сбережём кроноцкое чудо!	101
Эта сказка — Долина гейзеров	103
На перепутье заповедных троп	114
Нефть и вулканы	116

И снова — о Долине гейзеров	117
Ещё один автомат.....	118
Проза Долины гейзеров.....	118

1971

Дом учёных заповедника	122
Любите свой край.....	122
Каскад ГЭС	124
По тропам дикого оленя	124
Почти всё — о туризме.....	127
Турист отправляется в путь.....	131
Оправданные надежды	134
Сохранить для будущих поколений	135
Сколько у нас водопадов?	139
Добрый Крутов.....	140
Сохранить, но не закрывать	142
«Там чудеса...».....	144
Люди и гейзеры	162
Электрические солнца советского Дальнего Востока.....	165

1972

Визит пятнистой кошки	167
Живое богатство заповедника.....	169
Самолётом — в Долину гейзеров.....	172
«Земля Санникова».....	173
Негостеприимная Долина.....	174
Самый обычный полёт	176
Кронокский «робинзон» из Швеции.....	179
Путешествие натошак.....	181
Птицы заселяют Камчатку	184

1973

Реликтовый памятник флоры.....	187
Кроноцкий государственный заповедник.....	188
Тихоокеанский орлан	196

Курильское озеро	198
На заповедной земле	199
Загадка Кроноцкого озера.....	202
Нужды турбазы	204
В стране чудес.....	207
Путешествие в Долину гейзеров	208
Зарождается индустрия туризма	210
Проблемы и суждения.....	214
В кальдере Узона — стране чудес.....	218

1974

Мишка на кордоне.....	228
Её охраняла легенда	229
Волшебная первозданность	232
Птичье царство	233
Заповедник и туризм.....	235
Загадки Кроноцкого озера	238
Узон — земля горячая	241
Острая нужда заповедника.....	244
Как растут камни	245
Право на маршрут	249
Сказки Узона.....	250
Заповедник и туризм.....	255
Красоты в рюкзаках	257
«Король» забавляется	260
Заповедные земли Кроноцкого.....	267
Долина тысячи дымов.....	273
Любить — значит беречь.....	283
Лебеди на Узоне.....	284

1975

Вулканологи в Долине гейзеров	286
Мелодия зимнего леса.....	286
Мои земляки.....	288
На страже заповедной тишины	291

Маршруты по земле заповедной.....	293
Священная роща.....	294
Чозения.....	296
Странные люди.....	299
Экспедиция в лесничество.....	309
Долина без сравнений.....	309
В Долине гейзеров.....	310
Заброшенная «жемчужина».....	317
Гейзеры... в садах и парках.....	321
Открытия в Долине гейзеров.....	321
Узонский дневник.....	324
Утро, разбуженное соловьями.....	328
На медвежьей тропе.....	329
Немного о будущем.....	330
«Дело» медведицы Машки.....	333
Вертолёт летит в Жупаново.....	336
Тропа к подножию вулкана.....	339
Хозяйка Узона.....	340
Заповедание или туризм?.....	343
Туристской тропой.....	344

1976

За временем, уходящим в песок.....	347
Живая вода.....	356
Автоматы в Долине гейзеров.....	358
Долина туманов.....	358
Загадка пихты грациозной.....	359
Наперекор пурге.....	361
Изучают Долину.....	362
Возродить стадо озерновской красной.....	363
Записки из птичьего царства.....	365
Объект исследования — заповедник.....	366
Туристская индустрия должна расти.....	368
Начало «зимних дождей».....	371
Гейзеры, гейзеры, гейзеры!.....	372

.....

Нет места красивее Узона	375
Курильское озеро	377
Жизнь у вулканов	379

1977

Жемчужина Камчатки.....	387
Эталон камчатской природы	388
Гость из Заполярья	393
На стремнине	396
У печек земли.....	398
Лето пришло в заповедник.....	399
В белом сиянии гор	401
Таёжный пояс	401
Мир заповедника	402
Этот горячий мир	404
Эксперимент в «Долине смерти»	404
Волшебство Унаны.....	406

Заповедная Камчатка в газетной строке

Книга вторая
1968–1977

Редактор-составитель А. Петров
Оригинал-макет А. Сухинин

Подписано в печать 27.05.13. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Myriad Pro». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,53.
Тираж 500 экз. Заказ № 2304434.

Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕКС ПРИНТ»
394007, г. Воронеж, Ленинский проспект, д. 94, корп. 5, к. 52